Фридрих
Ницше

12

полное
собрание
сочинений

РЕВОЛЮЦИЯ
КУЛЬТУРНАЯ

Институт философии
Российской академии наук

Фридрих Ницше

полное собрание сочинений в тринадцати томах

Издательство
«Культурная Революция»
Москва

Институт философии
Российской академии наук

Фридрих Ницше

полное собрание сочинений

Двенадцатый том

Черновики и наброски 1885–1887 гг.

Перевод с немецкого
В. М. Бакусева

Издательство
«Культурная Революция»
Москва 2005

ББК 87.3 Герм
Н70

Сверка, научное редактирование С. В. Казачков
Оформление И. Бернштейн

Ницше, Фридрих.
Н70 Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии.— М.: Культурная революция, 2005–
Т. 12: Черновики и наброски 1885–1887 гг. / Пер. с нем. В.М. Бакусева; Науч. ред. С.В. Казачков.— 2005.— 560 с.—
ISBN 5-902764-07-6.

Настоящим томом открывается издание полного собрания сочинений Ф. Ницше. Этот и следующий (13-й) тома в основном включают материалы незавершеного исследования, над которым философ работал в последние годы своей жизни. Попытка редакторской реконструкции этого замысла, глубоко повлиявшая на интеллектуальную и политическую историю XX в., знакома читателю под названием «Воля к власти».

Предлагаемый перевод воспроизводит все содержание ницшевских рабочих тетрадей названных лет, в частности, авторскую версию набросков к будущему трактату, которая оставалась неизвестной до 70-х гг. прошлого столетия. Выполнен по немецкому академическому изданию под редакцией Д. Колли и М. Монтинари.

На русском языке издается впервые.

Содержание

7 Черновики и наброски 1885–1887 гг.

1. Осень 1885—весна 1886 9

2. Осень 1885—осень 1886 61

3. Начало 1886—весна 1886 155

4. Начало 1886—весна 1886 161

5. Лето 1886—осень 1886 169

6. Лето 1886—весна 1887 211

7. Конец 1886—весна 1887 225

8. Лето 1887 297

9. Осень 1887 313

10. Осень 1887 411

521 Примечания

От переводчика 523

Примечания 527

Черновики и наброски
1885–1887 гг.

1. Осень 1885–весна 1886

1 [1]

Вообще говоря, хорошо бы, чтобы вокруг меня были глубоко и тонко чувствующие люди, которые хоть как-то защищали бы меня от меня самого, да еще и умели бы подбодрить: ведь тот, кто думает о таких вещах, о каких приходится думать мне, всегда ходит по самому краю бездны самоуничтожения.

1 [2]

Кто бы поверил, что в один прекрасный день внезапно и одним махом оказываешься в том бесшабашном душевном состоянии, свидетельством или иносказанием коего может служить только что пропетая плясовая. Прежде чем научиться плясать под такую песнь, надо научиться толком ходить и бегать, но даже стоять на своих двоих — это, сдается мне, во все времена искусство для очень и очень немногих. В пору, когда человек впервые отваживается выйти на собственных конечностях — без помочей и не держась за перила, в пору, когда в нем играют свежие, юные силы и рвутся на волю все порывы его весны, он пуще всего подвержен опасности; сплошь да рядом он бредет своей дорогой, всего пугаясь, оробевши, словно беглец, словно ссыльный, — совесть в нем трепещет, подозрительность необъяснима, — коли юная свобода духа что вино

1 [3]

Зеркало

Нехватка образа мыслей господ.
Лицедеи.
Gleba[1].

---

1 Кусок земли, надел (*лат.*).

Новоявленное бесстыдство (бесстыдство посредственности — напр., англичан, а также пишущих дам)

Любовь к предрассудку (наций, партий и т. д.

Латентный буддизм.

Нехватка одиночества (а значит, *хорошего* общества)

Алкоголь, книги и музыка и другие стимулирующие средства.

Философы будущего.

Каста господ и анархизм.

Курьезные проблемы новичка, которому мешает плебейская скромность.

Нехватка воспитания характера. Нехватка высших монастырей

Постепенное ограничение прав народа.

1 [4]

— *Учение о противоположностях* (добрый — злой и т. д.) ценно как *воспитательная* мера, ибо побуждает принять какую-то сторону.

– наиболее могущественные и опасные страсти, от коих человек гибнет скорее всего, объявлены вне закона с такою основательностью, что в итоге оказались одиозными или поневоле ощутили себя *злыми*, «пагубно влияющими и незаконными» даже самые могущественные люди. Это зло велико, однако до сих пор было необходимо: а теперь, когда появилась целая куча противников, благодаря временному подавлению таких страстей (каковы властолюбие, тяга к перевоплощению и обману) снова возможно их раскрепощение: они лишатся прежней своей дикости. Мы позволяем себе укрощенное варварство — достаточно только поглядеть на наших художников и политиков.

— Синтез противоположностей и противовлечений — показатель общего запаса силы у человека: *насколько* она в состоянии **обуздывать**?

— новое представление о святости: наивность Платона — нельзя было выдвигать противоположность этих поруганных влечений на передний план

— показать, насколько греческая религия выше иудео-христианской. Последняя взяла верх потому, что

греческая религия и сама уже выродилась (проделала **регресс**).

Цель: освящение наиболее могущественных, наиболее ужасных и самых опороченных сил или, выражаясь на старинный лад, обужение дьявола.

1 [5]

—я сужу по тому, насколько человек, народ в состоянии раскрепостить свои наиболее ужасные влечения и обернуть их себе во благо, избегая гибели от них—а наоборот, заставляя их плодотворно на себя трудиться

—толкование всех бедствий как результатов влияния незадобренных духов—это и есть то, что прежде влекло широкие массы к религиозным культам. И даже образ жизни, выстроенный по более высоким моральным требованиям, образ жизни святого, был изобретен лишь как *одно* из средств ублажения незадобренных духов.

—толкование *переживаемых нами событий* как провиденциальных знаков благого, пекущегося о нашем воспитании Божества, даже случающихся с нами несчастий: развитие представления о Боге как *отце*, сложившегося в патриархальной семье.

—абсолютная испорченность человека, неспособность на добро, а стало быть, толкование всех наших поступков, основанное на интерпретации нечистой совести: в итоге <представление о> благодати. Чудотворение. Внезапное обращение. Павел, Августин, Лютер

—варваризация христианства германцами: полубожественные существа, да и великое множество искупительных культов—короче говоря, возвращение к дохристианской позиции. То же самое в музыке.

—Лютер воспроизводит основную логику христианства: *невозможность морали* и, следовательно, удовлетворения собою; необходимость благодати и, следовательно, чудес, а равно и предестинации. В сущности, это признание поражения и прилив презрения к себе.

—«невозможно расплатиться за свою *вину*», приливы жажды спасения и культов и мистерий. «Невозможно избыть свою греховность» Прилив христианства <на манер>

Павла Августина и Лютера. Прежде на путь веры толкало внешнее несчастье: позже — внутреннее ощущение несчастья, обреченность, страх, неуверенность. Что, видимо, выделяет Христа и Будду из прочих: видимо, верующими их сделало внутреннее ощущение счастья

1 [6]

— ощущение сопринадлежности к высшей иерархии доминирует в нравственном чувстве: оно дает ощущение самотождества высшей касте, чьи действия и характерные особенности в свою очередь воспринимаются как признаки того образа мыслей, который обеспечивает или *должен* обеспечивать *принадлежность* к этой касте —

1 [7]

— поначалу развивается нравственное чувство в отношении человека (а особенно — сословий!), и только потом оно переносится на поступки и черты характера. *Пафос дистанции* заключен в самой основе этого чувства.

1 [8]

— невежество человеческое да бездумность — причиною тому, что индивидуальное вменение появляется лишь много позднее. Человек ощущает себя слишком несвободным, недуховным, увлекаемым внезапными порывами, чтобы думать о себе иначе, нежели о природе: *демоны* хозяйничают и в нас тоже.

1 [9]

— «Человеческое, слишком человеческое». Невозможно размышлять о морали, не наводя себя невольно на практические и теоретические занятия моралью. Так вот, тогда я работал над тою моральной тонкостью, что ощущает «награду» и «кару» уже как нечто «неморальное», а понятие «праведность» больше не умеет воспринимать как «любовное *понимание*», в сущности «*одобрение*». В этом, может быть, сказывается немощь, может быть, необузданность, а может быть, и — — —

1 [10]

—<феномен> «кары» развивается в очень узкой зоне —как реакция обладателя власти, главы семьи, как выражение его гнева на тех, что не выполняют его приказания, не слушаются запретов.—*До* нравственности нравов (чей кодекс велит: «Надо чтить все то, что от традиции») уже существует нравственность господствующей личности (чей кодекс велит, чтобы «чтим был лишь начальствующий»). В глубинной основе всякой морали заключен пафос дистанции, ощущение иерархических ступеней.

1 [11]

—наконец, «душа» как «понятие субъекта»

1 [12]

—Если неведомы вещи, *то таков же и человек.* Что уж тут хвалить или порицать!

1 [13]

—не понимаю я, как это можно быть теологом. Не хотелось бы мне плохо думать об этой породе людей, которые ведь все же не просто машины для познания

1 [14]

—Любой поступок, на который человек не способен, понимается им превратно. Коли чьи-то поступки всегда понимаются превратно, то это характерно. Тогда это даже неизбежно—и не служит поводом для враждебности.

1 [15]

—Если я предпочитаю размышлять о причинности, а не о том, как идут мои дела с издателем, то это отнюдь *не бескорыстие*, моя выгода, моя отрада—там, где я познаю: ведь именно там долее всего были в деле напряжение моих сил, моя тревога, моя страсть.

1 [16]

Мысли суть поступки

1 [17]

—сколь многому нам пришлось *учиться заново* в последние пятьдесят лет! Повержен весь романтизм с его верой в «народ»! Больше никакой гомеровской поэзии как поэзии народной! Больше никакого обожествления великих сил природы! Больше никакой связи между родством языковым и родством расовым! Больше никакого «интеллектуального созерцания» сверхчувственного! Больше никакой истины в одеждах религии!

1 [18]

Проблема правдивости совсем свежа. И мне это странно: мы считаем, что здесь рыльце в пуху у таких натур, как Бисмарк, —по безалаберности, у таких, как Рихард Вагнер, —по нехватке скромности, мы осудили бы Платона с его pia fraus[1], Канта—за то, что вывел категорический императив, хотя вера пришла к нему явно по иному пути

1 [19]

—В конце концов сомнение оборачивается даже против себя самого: сомнение в сомнении. И *тут же* встает *вопрос* о *правомочности* правдивости и об ее объеме—

1 [20]

—Все наши сознательные мотивы суть феномены поверхности: а за ними кроется борьба между нашими влечениями и <актуальными> состояниями, борьба за власть.

1 [21]

—Что такая-то мелодия ласкает слух—этого ребенку *не* внушить ни авторитетом, ни обучением, как не внушить ему и отрады лицезрения какого-нибудь почтенного мужа. *Способность ценить врождена*, вопреки Локку, и наследуема; разумеется, она крепнет и наливается соком, если совпадает с оценками людей, которые нас опекают и любят. Какая мука для ребенка, когда его только-только

---

1 Благочестивой ложью (*лат.*).

нарождающиеся представления о добре и зле неизменно расходятся с материнскими, когда его высмеивают и презирают за то, что для него — предмет восхищения!

1 [22]

— Сколь многосложно то, что мы ощущаем как «*нравственное чувство*»: в нем заключены почитание, страх, прикосновение словно бы к чему-то священному и таинственному, через него вещает что-то повелевающее, нечто мнящее о себе много больше, нежели мы сами; нечто способное воодушевить, воспламенить — или внушить апатию, уход в себя. Наше нравственное чувство — это некий синтез, некая симфония всех господствующих и подчиненных чувств, имевших место в прошлом, в жизни наших предков

1 [23]

— *В пользу современности.* Поощряется здоровье, все меньше серьезного отношения к аскетически враждебным жизни веяниям (с их тягой к болезни). Ценится, признается и уважается все возможное в этом смысле, влажный и теплый воздух, в котором произрастают все виды растительности. Это настоящий рай для буйного роста всего *малого*

1 [24]

— Душа и дыханье и *жизнь* равно предполагают esse[1]. То, что *живет*, и есть бытие: больше никакого бытия нет.

1 [25]

— «Все добрые люди слабы: они добры потому, что у них не хватает духу быть злыми», — сказал вождь латуков Коморро Бейкеру

1 [26]

джинн — слово арабское и значит оно spiritus[2] (= g'inn)

---

1 Бытие (*лат.*).

2 Дух (*лат.*).

1 [27]

«Живи тихо, не увидишь лиха», — говорят русские

1 [28]

— *все виды движения следует рассматривать как жесты*, как своего рода язык, благодаря которому силы понимают друг друга. В мире неорганическом они никогда не ошибаются, и сообщаемое содержание, скорее всего, не искажается. *Ошибка* начинается в мире органическом. «Вещи», «субстанции», свойства, деятель-«ности» — ничего этого нельзя привносить в неорганический мир! А организмы живут благодаря специфическим ошибкам. Проблема возможности «ошибки»? Противоположность составляют не «ложь» и «истина» — *«сокращенным выражениям знаков»* противостоят сами знаки. Главное: образование форм, *репрезентирующих* множество движений, изобретение знаков для целых категорий знаков.

— все движения суть *знаки* внутреннего процесса; любой внутренний процесс выражается в подобных изменениях форм. Мышление — это еще не сам внутренний процесс, а тоже лишь язык знаков, предназначенный для выражения динамического равновесия аффектов.

1 [29]

— очеловечение природы — толкование по-нашему.

1 [30]

А. Психологическая *исходная позиция*:

— наше мышление и способность ценить — лишь выражение действующих за их спиною желаний.

— эти желания все больше специализируются: их единство — это *воля к власти* (если воспользоваться названием сильнейшего из всех влечений, до сих пор направлявшего все органическое развитие)

— сведение всех основных органических видов деятельности к воле к власти

— спрашивается, не является ли она mobile[1] также и в мире неорганическом? Ведь в механистическом ми-

1 Движущим началом (*лат.*).

ротолковании всегда требуется какое-нибудь еще одно mobile.

—«закон природы»: формула, прилагаемая к безусловному строю отношений и степеней власти.

—механическое *движение*—лишь способ обозначения внутреннего процесса.

—«причина и следствие»

1 [31]

—борьба как средство <поддержания> равновесия

1 [32]

—гипотеза атомов—*лишь* логическое следствие понятия субъекта и субстанции: где-то должна-де быть «вещь», от которой исходит деятельность. Атом—последнее производное от понятия души.

1 [33]

—самую ужасную и коренную потребность человека, его влечение к власти—это влечение называют «свободой»,—дольше всего приходится удерживать в определенных рамках. Поэтому этика с ее бессознательными инстинктами воспитания и селекции добивалась удержания жажды власти в этих границах: она порочит индивидуума как тирана и, прославляя опеку общества над человеком и любовь к отечеству, выдвигает на передний план инстинкт власти стада.

1 [34]

—Способности человечества естественным образом должны развиваться последовательно: сперва развиваются способности *неопасные* (восхваляются, одобряются), а уж те способности, что посильнее, наоборот, как можно дольше подвергаются клевете и дискредитации.

1 [35]

Воля к власти

Опыт нового толкования всего происходящего

Сочинение

Фридриха Ницше

1 [36]

мир мышления — просто вторая ступень мира явлений —

1 [37]

— движения не *«вызываются»* какою-то *«причиной»*: в таком случае это было бы все то же старое понятие души! — они суть сама воля, но не целиком и полностью!

1 [38]

NB. Вера в причинность восходит к вере в то, что тот, кто действует, — это я, восходит к отделению «души» от ее *деятельности*. Вот оно, древнейшее суеверие!

1 [39]

Возведение следствия к причине — то же, что возведение к *субъекту*. Все изменения считаются исходящими от субъектов.

1 [40]

— *нынешняя* ступень нравственности требует:

а) никакого наказания! } никакого воздаяния!
2) никакой награды — }
3) никакого раболепия
4) никакой pia fraus!

1 [41]

— мы больше не выносим этого зрелища, *следовательно*, мы отменяем рабство

1 [42]

Излюбленное выражение всех слабаков и людей без совести — tout comprendre c'est tout pardonner[1] : ко всему прочему это еще и глупость. Ах, если б только люди всегда сначала дожидались бы этого «comprendre»: думаю, в таком случае дело почти никогда не доходило бы до прощения! Да и, в конце-то концов, почему это нужно, поняв, именно прощать? Скажем, я отлично понимаю, отчего это

1 Все понять — значит все простить (*фр.*).

предложение вышло у меня криво,—разве не нужно *вычеркнуть* его поэтому? Есть случаи, когда, поняв человека, вычеркиваешь его *по этой самой причине.*

1 [43]

—понятие «изменение» заранее предполагает субъекта, *душу как субстанцию*

1 [44]

—трудность, на которую наталкиваешься в учении о «несвободе воли», состоит в следующем: кажется, будто оно гласит: «Ты делаешь то, что делаешь, не добровольно, а подневольно, значит: по принуждению». А ведь любому известно, по нраву ли человеку делать что-то подневольно. Тогда это учение, по-видимому, учит вот чему: все, что ты делаешь, ты делаешь недобровольно, а значит, *неохотно,* «против воли»,—а с *этим* согласиться нельзя, потому что люди многое делают *охотно,* в том числе именно много «морального». Стало быть, «несвободную волю» понимают как «действующую по принуждению некоей *чуждой* воли»—так, будто это утверждение гласит: «Все, что ты делаешь, ты делаешь по принуждению некоей чуждой воли». Но следование собственной воле не называют принуждением: ведь оно-то как раз вызывает наслаждение. *Повелевание самим собой*—вот что значит «свобода воли».

1 [45]

Sapientia victrix[1]
Пролог к философии будущего

1 [46]

Самый длительный период в жизни религий—время, когда они никак не связаны с моралью: без примеси морали. Достаточно посмотреть, чего, в сущности, добивается любая религия—в этом-то можно убедиться еще и сегодня: человек видит в ней не просто средство спастись от беды, но, что важнее, средство спастись от *страха перед бедою.* Любую беду считают работой злых, враждеб-

1 Победоносная мудрость (*лат.*).

ных человеку духов: любая свалившаяся на него беда, хотя бы и «незаслуженно», наводит его на мысль о том, *чем* он мог прогневить какого-нибудь духа; он трепещет перед неведомыми, шныряющими кругом чудищами и старается вызвать их благосклонность. При этом он оглядывается на свое поведение, и если вообще существует способ расположить к себе некоторых известных ему духов, он задается вопросом, а *впрямь ли* сделал для этого все, что мог сделать. Как придворный вспоминает, уж не натворил ли чего в присутствии государя, заметив его нерасположение к себе, так и верующий старается обнаружить свои упущения и т. д. «Грех» в исходном его понимании—это то, чем можно очень сильно оскорбить какого-нибудь духа, какое-то упущение, какое-то———: тогда нужно как-то *загладить* его.—И лишь когда дух или божество недвусмысленно предъявляет—в качестве средств снискать *его* расположение и служить ему—еще и определенные моральные заповеди, тогда-то в понятие «грех» приходит и нравственное наделение ценностью, или, скорее, лишь тогда прегрешение против нравственной заповеди может ощущаться как «грех», как то, что отделяет от Бога, оскорбляет его, а уж следствие этого—угрозы и беды, причиняемые им.

1 [47]

Благоразумие, осторожность и предусмотрительность (в противовес беспечности и прожиганию жизни)—нынче думают, будто чуть ли не *унижают* поступок, если приводят эти вещи как мотивы. Но чего стоило привить эти качества народу! Считать *благоразумие добродетелью*—как это еще по-гречески!

И то же самое—трезвость и «рассудительность» в противовес поступкам, подчиненным буйным импульсам, в противовес «наивному» поведению.

1 [48]

Абсолютная покорность (в религии) как рефлекс покорности раба или женщины (—вечная женственность—идеализированный рабский образ мыслей)

1 [49]

Измерять моральную ценность поступка его целью: это предполагает, что цель и впрямь есть причина поступка, — а ведь это все равно что считать цель совершенным знанием, «вещью в себе». А она в конце концов — всего лишь осознанное содержание истолкования каких-либо состояний (страдания, страстного стремления и т. д.)

1 [50]

— состояния и стремления надо понимать как язык: стало быть, понятия — это знаки, предназначенные для расшифровки. Тут не имеется в виду логика; логическое мышление — это разложение на части. Но любая вещь, которую мы «понимаем», любое состояние — это некий синтез, подлежащий не «пониманию», а, скорее, обозначению: но даже и таковое возможно лишь путем распознания известного сходства с чем-то уже существовавшим. Любое внутреннее, духовное действие на деле «ненаучно», в том числе и *любое* мышление.

1 [51]

Мыслители скромного или низкого происхождения неправильно понимают властолюбие, даже хотя бы только стремление отличиться: они причисляют то и другое к тщеславию, как будто речь идет о том, чтобы заслужить уважение, страх или преклонение во *мнении* других людей.

1 [52]

Если судить по меркам науки, то ценность любого нравственного суждения одного человека о другом весьма низка: там *любое* слово — это нащупыванье и нашариванье, а также масса химер и неопределенности.

1 [53]

Вот совершенно отдельные задачи:

1) постичь и констатировать господствующий ныне (причем в одной определенной сфере культуры) род моральной оценки человека и его поступков

2) весь моральный кодекс какой-либо эпохи — это *симптом*, к примеру, в роли способа самопреклонения,

или недовольства, или ханжества: стало быть, помимо констатации нынешнего *характера морали*, необходимо дать еще и, во-вторых, *понимание и истолкование этого характера*. Ведь сам по себе он многозначен.

3) объяснить, как возник этот господствующий как раз нынче способ суждения,

4) дать его критику, задавая вопросы: какова его сила? какова сфера его влияния? что *выйдет* из человечества (или из Европы), подпавшего его чарам? Какие способности он поощряет, какие — подавляет? Сообщает ли он людям здоровье, болезнь, делает ли их более мужественными, более тонкими, внушает ли им большую любовь к искусству и т. д.?

Тут считается уже доказанным, что никакой вечной морали не бывает: это можно считать доказанным. Не более того вечными бывают воззрения на питание. А что ново — так это критика, вопрос о том, действительно ли «добро» — «доброе»? И насколько, быть может, полезно то, что нынче забраковано и поругано? Тут имеют значение временные расстояния.

1 [54]

Воля к власти имеет безусловный характер во всей сфере жизни. И если мы вправе отвергать сознание, то навряд ли мы вправе отвергать движущие силы аффектов, скажем, в жизни дремучего леса.

(Сознание всегда содержит удвоенное отражение <: внешнего и внутреннего> — <в нем> нет ничего непосредственного.)

1 [55]

Главный вопрос: сколь глубока сфера нравственного? Относится ли оно лишь к усвоенному? Представляет ли собою способ выражаться?

Все натуры проницательные сходятся в том (это ясно Лютеру, Августину, Павлу), что наша нравственность и связанный с нею ход вещей не совпадают с нашей *сознательной волей*, — короче говоря, что объяснения при помощи целеполагающих мотивов *недостаточно*.

1 [56]

Сохранять объективность, жесткость, настойчивость, требовательность, проводя в жизнь какую-нибудь идею,— это превосходно удается даже художникам; но если кому-то для этого необходимы другие (скажем, учителя, политики и т. д.), то от ясности, холодности и жесткости очень скоро не остается и следа. В таких натурах, как Цезарь и Наполеон, можно усматривать некую способность к «бесстрастной» обработке своего материала – они могли при этом жертвовать людьми без счета. Таков и будет когда-нибудь путь людей высшего типа: нести величайшую ответственность, *не давая ей сломить себя*. До сих пор почти всегда требовалось обманывать себя вдохновенными свыше внушениями, дабы не утратить хотя бы *веры в свое право* и в свои *поступки*.

1 [57]

Трансформации воли к власти, ее новые формы, ее особые виды – провести параллель с морфологическим развитием!

1 [58]

Есть различные перспективные оценки всего, что происходит и испытывается, производимые с позиций любого из наших основных влечений. Каждое из этих влечений чувствует себя в отношении каждого другого стесненным или поощряемым, польщенным, у каждого есть свой собственный закон развития (свои подъемы и падения, свой темп и т. д.) – и если одно из них на подъеме, другое начинает увядать.

Человек как множественность «воль к власти»: и каждая из них обладает множеством средств выражения и форм. Отдельные, *как думают*, страсти (скажем, данный человек жесток) – это лишь *мнимые единства*, поскольку элементы, попадающие в сознание от различных основных влечений в качестве *однородных*, синтетически сплачиваются в единую «сущность» или «способность», в одну страсть. Точно, стало быть, так же, как и сама «душа» – *выражение* всех феноменов сознания: мы же толкуем такое выражение как *причину всех этих феноменов* («самосознание» – фикция!)

1 [59]

Все материальное — это своего рода движение, служащее симптомом какого-то неизвестного процесса: все сознательное и чувствуемое — это опять-таки симптом неизвестного — — — Мир, что дается нашему постижению с обеих этих сторон, мог бы обладать и многими иными симптомами. Не существует никакой необходимой корреспонденции между духом и материей — так, будто они каким-то образом исчерпывают собою <все> формы выражения и одни только и представляют их.

Движения — это симптомы, мысли — тоже симптомы: за тем и другим мы в состоянии распознать страсти, а главная из них — воля к власти. «Дух сам по себе» — просто ничто, как ничто и «движение само по себе»

1 [60]

Наши философы требуют, чтобы философия начиналась с критики познавательной способности, и это чуть ли не смешно: разве не маловероятно в весьма высокой степени то, что орган познания в состоянии «критиковать» себя самого, раз в отношении достигнутых результатов познания возникло недоверие? *Сведение* философии к «стремлению построить теорию познания» выглядит комично. Как будто таким путем можно обеспечить себе *достоверность*!

1 [61]

Все, что доходит до сознания, — последнее звено цепи, завершение. Это только кажется, будто какая-нибудь мысль может быть прямою причиной какой-нибудь другой мысли. Подлинный связный процесс разыгрывается под нашим сознанием: а появляющиеся на сцене серии и последовательности чувств, мыслей и т. д. — симптомы этого подлинного процесса! — Под всякою мыслью кроется какой-нибудь аффект. *Никакая мысль*, никакое чувство, никакая воля *не* порождается одним определенным влечением; всякая мысль — некое *совокупное состояние*, вся поверхность всего сознания, и складывается она из синхронного итога власти *всех* конституирующих нас влечений, то есть из данного господствующего влечения

и из тех, что ему покорствуют либо противятся. Следующая за этим мысль – показатель того, насколько изменился тем временем общий расклад власти.

1 [62]

«Воля» – <результат> ложного превращения в вещь.

1 [63]

– Каким неуверенным, каким растерянным будет выглядеть когда-нибудь в будущем Гёте! А его «Фауст» – какою случайной и мимолетной, не слишком-то нужной и не вековечной проблемой станет он! Вырождением человека познающего, больным – не более того! Но никак не трагедией самого познающего! Даже не трагедией «свободного ума».

1 [64]

Человеколюбие.
Праведность.
Жестокость
Награда и кара.
Самодостаточность.
Рассудительность
Иерархия.
Рабство (покорность)

} у всего этого уже были свои За и Против

всякую хвалу и хулу рассматривать в перспективе той или иной воли к власти.

«врожденные идеи»

душа, вещь – ошибка. «Дух» тоже»

1 [65]

Глава об *истолковании*
превращении в вещь
посмертном существовании погибших уже идеалов (к примеру, рабский образ мыслей у Августина)

1 [66]

Человеколюбие христиан, не делающее различий между людьми, возможно лишь при неотрывном созерцании Бога, в сравнении с коим иерархическая разница между

людьми становится исчезающе малой, а *данный* человек в принципе столь незначительным, что различия в масштабах уже не вызывают никакого интереса: точно так же, если смотреть с высокой горы, и большой и малый кажутся муравьями, ничем друг от друга *не отличными.* Негоже упускать из виду это *пренебрежение* к человеку вообще, заложенное в христианском чувстве альтруизма: «Ты мой брат, и я-то уж знаю, что у тебя на душе, кем бы ты ни был,—на душе-то у тебя скверна!» и т. д. На деле такой христианин бывает типом чрезвычайно назойливым и нескромным.

И наоборот: если отказаться от Бога, то у нас не будет образца существа, высшего, нежели человек,—тогда зрение начнет *изощряться,* находя в *этом* «высшем существе» разные градации.

1 [67]

—Не доверяю я всем этим самодостаточным и блаженным соцерцателям среди философов: нету в них зиждительной силы и изысканной честности, сознающейся себе в том, что нехватка—это сила

1 [68]

Превращение нравственно отверженного в нравственно почтенное—и наоборот.

1 [69]

—одни выискивают безусловную обязательность внутри себя, а иногда выдумывают ее, другие же стремятся ее обосновывать и, обосновывая, в то же время насаждать—

1 [70]

—каким нескромным выглядит человек со своими религиями, даже когда валится на землю перед Богом, подобно святому Августину! Какая назойливость! И этот отцовский или дедовский принцип, маячащий позади!

1 [71]

—Мораль по сию пору считалась среди смертных самой серьезной вещью, какая только бывает: это было на

руку моралистам, коим не приходится рассчитывать и на подобие улыбки среди богов—а может, даже и среди людей: негоже безнаказанно облачаться в достоинство наставника на долгий срок. «Поучать» людей, «улучшать» людей—самонадеянная дерзость такого притязания <———>

1 [72]

Что эта кошка—человек,—упав, всегда приземляется на свои четыре конечности, то есть, лучше сказать, на одну свою конечность, «я»,—лишь симптом его *физиологического* «единства», точнее, «объединенности»: но это еще не дает повода верить в какое-то «психическое единство».

1 [73]

Мораль—это часть учения об аффектах: сколь далеко в средоточие сущего заходят аффекты?

1 [74]

Если бы существовало что-нибудь «само по себе» вообще, чем была бы тогда *мысль* <как «вещь> сама по себе»?

1 [75]

Мысли—это *знаки* игры и борьбы аффектов: они всегда связаны с их сокрытыми корнями

1 [76]

Кто измеряет ценность поступка намерением, с которым он совершен, имеет в виду *намерение сознательное*: но во всяком действовании бывает много бессознательной преднамеренности; а то, что выступает на передний план в качестве «воли» и «цели», имеет *множество* возможностей толкования и само по себе—лишь симптом. «Ясно выраженное, поддающееся выражению намерение»—это толкование, интерпретация, способная оказаться *ложной*; а сверх того, еще и произвольное упрощение и фальсификация и т.д.

1 [77]

Расчет на наслаждение как возможный результат поступка и связанное с самой деятельностью наслаждение,

то есть освобождение скованной и запертой силы: сколько же предпринималось усилий, чтобы различить эти два вида удовольствия! Да это попросту смехотворно! Точно так же смешиваются удовольствие от жизни — и *блаженство* как моральное опьянение и самопреклонение.

1 [78]

По мере того как шло вперед знание людей, становилась более изощренною и мораль

a) вместо греха как проступка перед Богом — «прегрешение перед самим собой»

b) вместо мольбы и жажды чудотворной помощи —

c) вместо интерпретации событий жизни как награды и кары —

d) вместо непримиримости ко всякого рода бедствиям, смутам и распрям —

e) вместо назойливой христианской, всех и вся уравнивающей любви к людям —

1 [79]

Величайшая искренность и убежденность в ценности своего *дела* ничего не дает: равным образом к этой ценности не имеет никакого отношения и скептическая его недооценка. *Так дело обстоит со всеми поступками:* сколь бы нравственным ни казался я себе со своею целью, само по себе это ничего не значит в отношении ценности моей цели, а еще того менее — ценности самого поступка. Надо, чтобы была известна *вся подоплека* поступка, а не только та его частица, что принадлежит к сознанию (так называемая цель). Но это потребовало бы прямо-таки абсолютного познания —

1 [80]

В какой мере возможно преодоление человека морального:

мы уже не измеряем ценность поступка его результатами

мы уже не измеряем ее и целью поступка

1 [81]

Мы уже почти прекратили бить челом и простирать руки к небу—столь же мало в один прекрасный день нам нужны будут очернение и хула, чтобы считать определенные наши влечения *враждебными* нам; и точно так же наша сила, принуждающая нас разрушать людей и установления, сможет однажды сделать это так, что мы сами не впадем при этом в аффекты негодования и отвращения: мы сможем уничтожать с божественно-невозмутимым взором и с полным спокойствием! В первую голову уничтожать людей, *сознающих себя добрыми*! experimentum crucis[1].

1 [82]

По ту сторону добра и зла

Опыт
преодоления морали

Сочинение
Фридриха Ницше

1 [83]

Религиозное *истолкование* <морали> преодолено.

Мораль относится к учению об аффектах (<она> лишь одно средство их обуздания, а вот другие нужно культивировать.

1 [84]

Преодоление морали

Доныне человек с трудом обеспечивал самосохранение, злобно обращаясь с наиболее губительными своими влечениями, очерняя их и в то же время раболепно подольщаясь к тем, что обеспечивали ему выживание.

Приобретение новых сфер влияния и территорий

a) стремление вводить в заблуждение
b) тяга к жестокости
c) тяга к наслаждению
d) воля к власти

---

1 Решающая проверка; букв.: «испытание крестом» (*лат.*).

1 [85]

разум и чувственные восприятия, настроенные на *понимание внешнего мира* и на высказывание о нем, неизбежно *скользят по поверхности.*

Совершеннейшая пустота логики —

1 [86]

Разделение труда, память, упражнение, привычка, инстинкт, наследственность, способность, сила — все это слова, которыми мы ничего не объясняем, а, скорее, обозначаем и ссылаемся.

1 [87]

«Я» (а оно *вовсе не* то же самое, что централизованное управление человеческим существом) — это ведь всего-навсего синтез в плоскости понятий: стало быть, не бывает никаких поступков, совершаемых из «эгоистических» побуждений

1 [88]

— что некий сознательный или бессознательный *расчет на наслаждение*, которое можно получить в результате действия (все равно, *во время* самого действия или после), это подлинная *причина* действия,— <всего лишь> гипотеза!!!

1 [89]

Мы принадлежим к неотъемлемым свойствам мира, в этом нет никакого сомнения! У нас нет доступа к нему, кроме как через нас самих: и все, что есть в нас высокого и низменного, надо понимать как неотъемлемую часть его природы!

1 [90]

NB. Надо честно признаться в наших симпатиях и антипатиях, не позволяя себе приукрашивать их красками из палитры морали. Тогда мы наверняка прекратим объяснять наш кризис как «борьбу с Богом и дьяволом»! Так будем верны природе и признаем равное право на существование в том числе и за тем, с чем нам приходится бороться, в нас или вне нас!

1 [91]

Чувственные восприятия почти отделились от мышления и способности суждения в результате взаимного разделения труда: а прежде мысль была неотделимо включена *в* них. Еще раньше страсти и чувства составляли, должно быть, *одно* целое.

1 [92]

Для всякой борьбы – а все происходящее и есть борьба – *необходим* какой-то **срок**. То, что мы зовем «причиной» и «следствием», не «ухватывают» борьбу и, стало быть, не соответствуют происходящему. Логично <поэтому> отрицать время в причине и следствии.

1 [93]

Избавимся-ка мы от кое-какого суеверия относительно философов, что прежде было в ходу

1 [94]

Новое Просвещение

Пролог к философии будущего

Сочинение
Фридриха Ницше

1 [95]

Свободные умы и прочие философы.
По ту сторону добра и зла.

1 [96]

Мораль моралистов

1 [97]

О подмене причины симптомом

Наслаждение и страдание – древнейшие симптомы всякого *ценностного суждения*: но они – *не* причины ценностных суждений!

Значит, наслаждение и страдание как суждения нравственные и эстетические относятся к *одной категории*.

1 [98]

Слова не преходят: а люди-то думают, что и обозначаемые словами понятия — тоже!

1 [99]

У нас нет множества понятий, способных выражать отношения: уж слишком скоро управились мы с <отношениями> «хозяин и слуга», «отец и дитя» и т. д.!

1 [100]

Главная ошибка: человек судит о других по себе; отсюда ошибочное истолкование множества добродетелей и аффектов, присущих людям более высокого склада <, нежели тот, кто о них судит>. Даже самого себя человек понимает ошибочно, когда, будучи на спаде, оглядывается на высоты праздников своей жизни. «Самоуничижение», «смирение»

1 [101]

Ах, знакома ли вам та смутная нежность, с какою злобный и внушающий отвращение человек предается воспоминаниям о временах, когда был — или пока оставался «другим»! Ни для кого другого не соблазнительна до такой степени добродетель, а тем паче тихий домашний очаг.

1 [102]

В кристально чистом роднике довольно капли нечистот —

1 [103]

Рука, готовая протянуться в молитве, уста, что вот-вот испустят вздох, — для свободного ума это вызов, но и не преодоленный пока затор. В один прекрасный день плотину прорывают разбушевавшиеся воды —

1 [104]

Многие из натур утонченных стремятся к *покою*, к миру со своими *аффектами* — им потребна *объективность*, нейтральность, им хорошо, когда они остаются зрителя-

ми, и зрителями критическими, взирающими с позиций любознательного и задиристого превосходства.

Другие желают покоя *вокруг себя*, жизни в условиях безопасности—эти не любят вызывать зависть и нападки и предпочитают «воздавать должное» каждому; у них это называется «справедливостью» и любовью к людям и т.д.

Это—для главы «Добродетели как маскарад».

1 [105]

При всякого рода специализации что-то утрачивается: натура синтетическая стоит *выше*. Но уже любая органическая жизнь—это та или иная специализация; стоящий за нею *мир неорганический—высший синтез всех сил*, а потому выше и почтеннее всего. В нем нет заблуждения, нет ограниченности перспективою.

1 [106]

Художники: энтузиазм, чувственность, ребячество, то чрезмерная недоверчивость, то чрезмерная доверчивость

1 [107]

—Тот ли ты, кто, *будучи мыслителем*, остается верен своей идее, не как крючкотвор, а как солдат—приказу? Ведь изменять можно не только людям.

1 [108]

—Сочувствовать тому, кому хватает везения и отваги, чтобы научиться спокойно стоять в стороне и *наблюдать* со стороны, подобно какому-нибудь эпикурейскому богу.

1 [109]

Зеркало

Философия запретного знания

Сочинение
Фридриха Ницше

1 [110]

Бог опровергнут, сатана—нет. Для проницательного и скептического взора, умеющего проникать в подоплеку вещей достаточно глубоко, происходящее на сцене явлений не говорит ни о правдивости, ни об отеческом попечении, ни о высшей разумности; не говорит оно ни о благородстве, ни о чистоте и прямодушии.

1 [111]

Уж эта *северная неестественность*: все затянуто серебряными туманами, чтобы почувствовать себя хорошо, нужны искусственные приемы, а искусство там—способ избегать себя самого. Ох уж эта тусклая радость, этот отсвет октября, ложащийся на всякую радость!

Северная искусственность

1 [112]

Искуситель

Сочинение
Фридриха Ницше

1 [113]

Как простоваты наши философы критицизма: они не замечают, что скепсис———: они полагают, что если подвергнуть проверке инструмент, прежде чем пустить его в ход, а именно познавательную способность———. Это будет почище желания опробовать спички, прежде чем их зажечь. Это <все равно что> спичка, желающая проверить, будет ли она гореть

1 [114]

В безусловной необходимости всякого процесса нет никакого принуждения: высокое положение в познании занимает тот, кто глубоко это осознал и прочувствовал. Его вера не толкает ни к прощению, ни к оправданию—я вычеркиваю неудачную фразу, в то же время понимая ту необходимость, которая привела к оплошности: <скажем,> меня сбил с толку грохот проехавшей мимо телеги; так мы перечеркиваем поступки, а порою и людей, потому

что они оказались неудачными. «Все понять» — все равно что махнуть рукой на любые будущие возможности, все равно что не понять ничего, не распознать сущности познающего.

1 [115]

Интерпретативный характер всякого процесса.

Не бывает никакого события самого по себе. Происходящее — это группа явлений, *отобранных* и объединенных тем или иным интерпретатором.

1 [116]

Страх со временем перешел в следующую форму — *чувство чести, зависть* — в *справедливость* («каждому свое», а то и «равные права»), привязчивость одиночек и беззащитных — в верность, — — —

1 [117]

Тяжеловесность ума, застревающего там, куда однажды забрел, довольство, не желающее переучиваться, добродушное подчинение силе и радость исполнения службы, банный дух высиживания мыслей, желаний — и все это по-немецки — вот откуда берут начало *верность* и *легковерие*.

1 [118]

Деление протоплазмы надвое наступает, когда уже не хватает силы управляться с присвоенным добром: зачатие — следствие бессилия.

Когда самцы, гонимые голодом, отыскивают самок и оплодотворяют их, зачатие бывает следствием голода.

1 [119]

Совершенно тот же самый процесс, но толкование этого процесса с более высокой точки зрения!! Механистическое единообразие силы, но повышение ощущения власти! «Повторение» — но не бывает никакого повторения.

Абсолютная *недейственность* внутреннего ощущения власти как причинности, — — —

1 [120]

Один и тот же текст допускает неисчислимое множество интерпретаций: не бывает никакой «истинной» интерпретации.

1 [121]

Gai saber[1]
Пролог к философии будущего

1. *Свободные умы и прочие философы.*
2. *Толкование мира, а не объяснение мира.*
3. *По ту сторону добра и зла.*
4. *Зеркало.* Случай европейцам заглянуть в зеркало.
5. *Философы будущего.*

1 [122]

Победа над аффектами? Нет, если она означает их ослабление и искоренение. *Напротив, заставлять их служить себе:* в том числе, вероятно, долго тиранизировать их (не только лично, но всей общиною, расой и т. д.). В конце концов их можно будет с чистым сердцем отпустить на волю: они полюбят нас, как порядочные слуги, и сами пойдут туда, куда укажет им наш интерес.

1 [123]

Счастье и удовлетворенность оборванца, «блаженство» «прекрасных душ» или чахоточная любовь у пиетистов гернгутерского толка еще ничего не значат в рассуждении человеческой *иерархии.* Великий воспитатель нещадно загнал бы эту породу «блаженных» в бедственное положение – и тут же выяснилось бы, что они вот-вот растеряются и опустят руки: <это> *против* спинозистского или эпикурейского блаженства и против всякой пассивности созерцательных состояний. А уж если способ достижения такого рода блаженства – это добродетель, *ну, тогда надлежит стать еще и господином над добродетелью*

1 Веселая наука (*провансальск.*).

1 [124]

Как возникает сфера перспективы и заблуждение? По той причине, что из-за <существования> органического существа *стремится сохраняться, расти и осознавать себя* не существо, *а сама борьба.*

То, что мы называем «сознанием» и «духом»,—это всего лишь средство и орудие, с помощью коего *стремится сохранить себя* не субъект, а *борьба.*

Человек—свидетельство в пользу того, сколь чудовищные силы могут прийти в движение благодаря мелкому существу с многообразным содержанием (или благодаря никогда не прекращающейся борьбе, сосредоточенной на множестве мелких существ).

Существа, играющие светилами

1 [125]

—Веру в то, что «дела обстоят так-то», превратить в волю *«дела должны обстоять так-то».*

1 [126]

—*Пути к святости.* Заключение «Воли к власти».

1 [127]

—должны быть те, кто освящал бы все установления, а не только еду и питье: и этот мир надо преображать не только в память о них или ради приобщения к ним, *но всякий раз заново и по-новому.*

1 [128]

—главное в органическом существе—новое *истолкование происходящего,* внутреннее многообразие перспектив, каковое и само есть что-то происходящее.

1 [129]

—святые как *самые сильные из людей* (благодаря победе над собою и свободе, верности и т. д.

1 [130]

—*отвергать* заслуженное, но делать то, что выше всякой хвалы, даже всякого уразумения

1 [131]

Воля к власти

1 [132]

—великий человек, ощущающий, что он вправе жертвовать людьми, как жертвует людьми полководец; и не потому, что он служит какой-нибудь «идее», а потому, что стремится властвовать.

1 [133]

—сила физическая потребна все менее: сообразительный заставляет работать машины, человек становится все *могущественней и духовнее.*

1 [134]

—почему нынче на время становятся необходимы грубые речи и грубые дела. Тонкости и недомолвки теперь будут уже непонятны, даже тем, кто подобен нам. О чем не заявляют *во всеуслышание*, о чем не вопят, *то и не существует*: боль, нужда, проблема, многолетняя обязанность и великое усилие—ничего этого люди не видят, не чуют. Непомраченность считают признаком души неглубокой: а кто поймет, что она может быть блаженным отдыхом после чрезмерного напряжения сил? Вступают в общение с лицедеями, изо всех сил принуждая себя уважать и их. Но никому не понять, насколько трудно и мучительно мне общаться с лицедеями. Или с каким-нибудь флегматичным сибаритом, которому хватает ума, чтобы—

1 [135]

—я относил это на счет немцев как мещанство и леность: однако эта *распущенность*—европейская и «теперешняя», и не только в морали да искусстве.

1 [136]

—не позволять себе превращать в добродетель любопытство и исследовательский раж, в этакую «волю к истине». Об этом знали и относились к этому серьезней ученые из Пор-Рояля. Мы же дали буйно разрастись всем нашим пристрастиям, а после возжелали вдобавок окрес-

тить их звучными именами добродетелей. *Но добродетель принадлежит к продуктам эпох более сильных и злых:* она составляет привилегию аристократов.

1 [137]

Мне чудно2 все общепризнанное в морали—а других философов, скажем Шопенгауэра, озадачивали в ней только «чудеса».

1 [138]

Раздоры и разборы

1 [139]

Художники начинают ценить и переоценивать свои произведения, когда перестают высоко ценить себя. И часто их бешеная жажда славы скрывает какую-нибудь печальную тайну.

Произведение для них—не правило, они ощущают его как нечто для себя исключительное.—

Они, быть может, хотят еще, чтобы их произведения были ходатаями за них, может быть, чтобы другие говорили им неправду о них же самих. И напоследок: они, может быть, хотят оглушить себя *внутренним* шумом, чтобы больше себя не «слышать».

1 [140]

«Бог, послав мне страдание, хочет моего же блага». Это поможет *тебе* истолковать свое положение в свою пользу: но *большего* это не означает даже у глубоко верующего.

1 [141]

По ту сторону Да и Нет

Сомнения и вопросительные знаки
к вещам сомнительным

1 [142]

Мы отлично знаем, хотя и не признаемся себе в этом, что Вагнер беден, что мысли редко посещают его, что он и сам-то чаще всего напуган, восхищен, сбит с ног их явле-

нием и еще долго, очень долго не устанет ласкать и разряжать в пух и прах это чудо разума. Он чересчур благодарен и не ведает холодной приветливости натур богатых, а еще того меньше — их тихого отвращения, усталости тех, что только расточают свои сокровища, а больше ничего не делают,— подобно Моцарту, подобно Россини: ибо лишь самые щедрые родники бьют струей и пляшут в воздухе.

1 [143]

«Мы, ящерицы счастья»
Размышления благодарного

1 [144]

Последняя добродетель.
Мораль для моралистов

1 [145]

— эта последняя добродетель, *наша* добродетель, зовется честностью. Во всем остальном мы — только наследники и, наверное, расточители добродетелей, не нами собранных и скопленных

1 [146]

Моралист: под таковым я понимаю наше сомнение и возражение — да был ли когда-нибудь уже на свете такой вот истинный и правильный моралист? Может, нет, а может, и да; во всяком случае, отныне смеют существовать лишь такие моралисты.

1 [147]

Бежим, друзья мои, от всего, что навевает скуку,— от затянутого тучами неба, от гусиной походки, от почтенной матроны, от старых дев, которые пишут и «кладут» книги, словно яйца,— не слишком ли кратка жизнь, чтобы еще и скучать?

1 [148]

«Мир как воля и представление» — в обратном, шопенгауэровском, в сферу узкого и личного, переводе: «Мир как половое влечение и созерцательность».

1 [149]

Германская империя меня не трогает, и у меня нет оснований испытывать приязненные или враждебные чувства к тому, что меня нисколько не трогает.

1 [150]

До сей поры мы вели себя с дамами весьма обходительно. Увы, наступает время, когда, чтобы общаться с дамою, сперва придется затыкать ей рот.

1 [151]

Пути к святости.
Кто такие сильные духом?
О стадной морали.

1 [152]

Новые угрозы
и новые гарантии
Книга для сильных духом

1 [153]

NB. Против арийского и семитского.

Где расы перемешаны, там источник великой культуры.

1 [154]

Что значит быть благородным?
Размышления
об иерархии

1 [155]

Так чего же мы ждем? Не громогласных ли герольдов и труб? Какое блаженство услышать громкие звуки! Бывает, тишина душит: а мы прислушивались так долго.

1 [156]

Кто хочет раздавать величайшие сокровища, ищет тех, что сумеют их принять,—но, может, напрасно он ищет? И в конце концов швырнет свои сокровища прочь? Нечто подобное творится в незримой для глаз истории

самых богатых душ, в ее отчаянных положениях: это, может статься, наиболее запутанная и горькая из всех бед на земле.

1 [157]

<О том,> что моральное суждение в виде понятий выглядит ограниченным, грубым, убогим, почти смешным в сравнении с тонкостью того же суждения, но только в виде поступков, предпочтений, неприятий, дрожи отвращения, любви, в виде колебаний, сомнений, любого соприкосновения человека с человеком.

1 [158]

как хорошо, верней, по-свойски чувствует себя нынешняя немецкая честная посредственность, слушая музыку своего Брамса,—как нынче с томною лестью шныряют, точно вынюхивающие что-то борзые, вокруг своего Ренана изысканные и нерешительные ветреники парижского духа—

1 [159]

Монархи растут в цене!

1 [160]

Как предательски ведут себя все партии! Они открывают о своих вождях такие вещи, которые те, надо думать, с величайшим тщанием старались зарыть как можно глубже

1 [161]

У каждого, видимо, своя мерка для того, что считать «верхоглядством»: ну так и у меня есть своя—грубая, простодушная мерка для домашнего пользования, какая мне по руке,—а другим вольно рассчитывать на более чувствительные, тонкие орудия!

Для кого страдание—довод против жизни, того я и считаю верхоглядом, стало быть и наших пессимистов тоже; а равно и того, кто видит свою цель в благополучии.

1 [162]

Душа оргиастическая.—

я видел его, по крайней мере его глаза,—они то полны глубокой тишины, то зелены и неуловимы, эти медовой сладости глаза

его непомраченно-светлую улыбку,

небо глядело свирепо и жестоко

оргиастическая душа женщины

я видела его, его непомраченно-светлую улыбку, его медовой сладости глаза, то глубокие и загадочные, то зеленые и неуловимые, дрожащую мелкой рябью поверхность,

скользкий, сонный, томный трепет
волн морских в его глазницах

1 [163]

1. Цезарь среди пиратов
2. На мосту
3. Свадьба.—и внезапно, в то время как небо
рушило тьму на землю
4. Ариадна.

1 [164]

Эта музыка—все же дионисийская?
танец?
веселье? искуситель?
религиозный экстаз?
под подушкою у Платона—Ар<истофан>?

1 [165]

наши музыканты и те, что похоронены не на погосте,—они свои среди ведьм, у них свои шабаши

1 [166]

мистическая натура, исходящая пеной и замаранная пороком

1 [167]

милый и чистый источник, которому не справиться с попавшею в него каплей помоев, и вот уж он становится мутным и ядовитым до дна: загубленные ангелы

1 [168]

«Мы, имморалисты»

1 [169]

«Благо тебе, если ты ведаешь, что творишь; а если не ведаешь, то подлежишь закону и проклятью закона»

Иисус Назарянин

1 [170]

Трудолюбие как признак *неблагородной* породы людей (которая, само собой разумеется, поэтому тем более достойна похвалы и незаменима—примечание для ослов) в нашу эпоху могло бы———

1 [171]

в сравнении с Рабле и с тою бьющей через край силой чувств, признаком коих является———

1 [172]

безрукий Рафаэль

Монастыри и скиты культуры

Эта музыка—неискренняя

«Как можно меньше государства»—антинациональные силы

Тому, для кого «объективность», «созерцательность»—это уже высшее состояние, как для Шопенгауэра, который плохо понимал

встретить человека с девственным наивным эгоизмом—удача

уж это мне немецкое ханжество! изображать старую женщину как итог свойственного ей чувства долга—я слышал это собственными ушами.

Громкие стенания и долгие писания молодых дурнушек—убывающая сила женского начала.

Новая Мелюзина

Неимоверное количество солдат, раненые короли — бивачные лишения, наглухо захлопнутые двери и окна, заряженный револьвер

«причина всякого поступка — акт сознания», *знание!* Стало быть, дурные поступки — всего лишь заблуждения и т. д.

Это пресловутое выражение «прости им», <извлеченное из него> обобщение «tout comprendre <c'est tout pardonner>» — болтовня верхоглядов

«великий двоедушник и искуситель»

1 [173]

холодное, угрюмо насупившееся озеро, на глади которого нет ни волны восторга

1 [174]

еще не настал час <оказаться> среди равных мне, чем бы ни занимался, <чувствую> тайно гложущего червя <, нашептывающего> «займись другим», терзаемый детьми, гусями и карликами, ночной кошмар

— окруженный лишь теми, кому он <не в состоянии> ни воздать должное, ни подать совет — — —

1 [175]

изнеженная совесть

1 [176]

небольшое мучение

1 [177]

О человеке великом.

Потомки говорят о нем: «И с той поры он круто пошел в гору». Но им и невдомек, какая это пытка — подъем в гору: что-то гонит великого человека, толкает, напирает на него сзади, пыткою загоняя на *его* вершину.

1 [178]

Вот в чем состоит проблема расы, как я ее понимаю: ибо в тупой болтовне об арийском — — —

1 [179]

Иезуитское коварство посредственности, старающееся сломить и ослабить еще необвыкшего и туго натянутого человека, словно он—угрожающий ей лук, пользуясь для этого сочувствием и помощью, как раз когда она ему нужна, но с таким же успехом еще и отравляют столь необходимое ему одиночество и тайно оскверняют его веру. Оно торжествует, когда может, наконец, сказать: «Ну слава Богу, *этот* теперь стал как один из нас», это властолюбивое иезуитство, движущая сила всей демократической тенденции, <хотя> повсюду оно куда как далеко от политики и от вопросов питания———

1 [180]

Моцарт, цвет немецкого барокко—

1 [181]

Вдохновение.—

1 [182]

Тяжко, когда тебя понимают. Надо от всей души сказать спасибо уже только за одну добрую волю к хоть какойто интерпретаторской *проницательности*: когда ты в ударе, никакая интерпретация уже не нужна. За друзьями надо признавать большие возможности понимать тебя превратно. Сдается мне, уж лучше, чтобы тебя поняли превратно, чем вообще не поняли: быть понимаемым—есть в этом что-то оскорбительное. Быть понимаемым? А известно ли вам, что это значит? Comprendre c'est égaler[1].

Превратное понимание льстит гораздо больше, чем непонимание: люди остаются холодны к непонятному, а холодность оскорбительна.

1 [183]

Ах, вот оно, море: и этой птице—вить себе здесь гнездо?

В те дни, когда море стихает и———

1 Понять — значит уравнять (*фр.*).

1 [184]

Об алчности ума: когда, точно у скряги, средство становится целью. Ненасытность

Нынче любят все фатально чудовищное: в том числе и ум.

1 [185]

Дисциплина духа

*Размышления
об интеллектуальной совести*

Алчность и ненасытность ума: есть в этом что-то чудовищное, фатальное, лунатическое, безжалостное, хищное и хитрое.

1 [186]

Ученый.
Что есть истина.
О расхлябанности духа.
Демагогия в нашем искусстве.
Мораль господ и рабов.
Мораль и физиология.
Благочестие.
К истории свободомыслия.
Мы, имморалисты.
Душа благородная.
Маска.

1 [187]

1. Что есть истина?
2. К естественной истории ученого.
3. Маска.
4. О благородной душе.
5. Мы, имморалисты.
6. Стадная мораль.
7. О демагогии искусства.
8. Благочестие.
9. Добрые европейцы.
10. Философы будущего. Скептики. Свободные умы. Сильные духом. Искусители. Дионис.

1 [188]

Отдел первый:
наше мужество

Отдел второй:
наше сострадание

Отдел третий:
наша проницательность

Отдел четвертый:
наше одиночество

1 [189]

1. *Мораль и познание.*
2. *Мораль и религия.*
3. *Мораль и искусство.*
4. *«Мы, европейцы».*
5. *Что значит быть благородным?*

Вдохновение

1 [190]

Среди тех, кто отошел от религии, я вижу людей различных пород и рангов. Вот люди невоздержанные, что поддались на уговоры собственных чувств (ибо их чувствам стали нестерпимы диктат и требовательные укоры религиозных идеалов),—они имели обыкновение пользоваться разумом и вкусом в качестве своих заступников, словно все неразумное, все безвкусное в религии стало для них невыносимо: этой породе людей присущи антирелигиозная ненависть, озлобленность и сардонический смех, но в то же время—в тщательно скрываемые мгновения жизни—и тоскующий стыд, какая-то внутренняя покорность ценностям отвергнутого идеала. Отвергшие церковь путем чувственности, они, если уж возвращаются в ее лоно, почитают искоренение чувственности за идеал, и притом *как таковой*: религиозный «идеал сам по себе»: тут источник многих и тяжких заблуждений.

Вот люди более духовного склада, более холодные, сухие, а также более добросовестные,—эти по природе

своей вообще не способны верить ни в какой идеал, а в изощренном отрицании и критическом разложении умеют даже полностью развернуть свои силы и обрести самоуважение: они отошли, потому что в них нет ничего, что способно прочно привязывать; они отходят, потому что———

Фазы—

чувство утраты, опустошенности, в том числе такие качества, как неверность, неблагодарность, отторженность <от корней>—над всем навсегда возобладала горькая уверенность

чувство почтительной снисходительности и серьезного внимания (проникнутое величайшим мягкосердечием в отношении homines religiosi[1])

чувство добродушной снисходительности ко всем религиям, смешанное с легким пренебрежением к неряшливой интеллектуальной совести, все еще разрешающей многим верить, или с почти нескрываемым удивлением, как это можно «верить»

1 [191]

NB. Греческий полис *как целое* был, в конце концов, как-никак много более *ценным*, нежели отдельный гражданин! И все же это целое не сохранилось! Точно так же, разумеется, все тело много важнее любого своего органа. Научиться повиновению телу, <хоть за> 1000 попыток,—значит достичь высшей точки!

1 [192]

чище вымытыми и опрятнее одетыми, истовыми гимнастами, набравшими в болтливый рот воды, приучающими себя помалкивать, а также сдерживаться in venere[2] (а не погрязшими в разврате и испорченными уже с малых лет, как это часто бывает): поскорей бы нам увидеть их «европеизированными» на такой лад

---

1 Верующих (*лат.*).

2 В делах любовных (*лат.*).

1 [193]

люблю это великолепное озорство молодого хищника, что изящно играет и, играючи, раздирает добычу

1 [194]

Нынешний пессимизм — признак никчемности *современного* мира, но не мира и жизни вообще.

1 [195]

Мне все больше кажется, что мы недостаточно пошлы и добродушны, чтобы соучаствовать в этом прусском юнкерском квасном патриотизме и подпевать его одуряющему, дышащему ненавистью паролю «Германия, Германия превыше всего».

1 [196]

— надо опуститься уж совсем низко — до уровня Вагнера и его «Байрейтских листков», чтобы оказаться в чем-то наподобие грязной смеси из надменности, тумана в понятиях и истового немечества, каковы эти речи к немецкой нации.

1 [197]

Как-то раз старые романтики, бог весть зачем, пали ниц перед крестом да так и остались лежать: эту картину застал еще Вагнер. Зрелище вырождения подобных людей — одно из самых мучительных моих переживаний: и то, что в Германии это не ощущалось как мучение, стало для меня веским поводом еще больше не доверять тому духу, что нынче царит в Германии.

1 [198]

Буачели бачели
бим бим бим
Буачели бачели
бим!

1 [199]

Ухватить счастье за хвост и сжимать, давить, душить <его> своими объятьями: меланхолия подобных переживаний — а то ведь оно убежит, ускользнет?

1 [200]

Много ли истины вынесет один человек?

Много ли ответственности он в состоянии взять на себя?

Насколько сильным может быть у человека желание заботиться, защищать <другого>?

Простодушие – и что выдает пестрый вкус художников?

1 [201]

Мораль среднего сословия

1 [202]

Есть что-то неисправимое в принципе: какая-то гранитная скала рока, предрешенного приговора относительно установленной нам меры и пропорции, но равным образом и право на решение определенных проблем, их клеймо, выжженное на различных именах нашего образа мысли.

Попытка приноровиться, мука одиночества, жажда общения: все это может обнаруживаться в мыслителе до такой степени, что в своем частном случае он изымает как раз наиболее личное и ценное и, обобщая, в то же время *опошляет*. Вот почему бывает, что вся оригинальная философия замечательного человека – на самом деле не его философия, а философия окружающих его людей, от коих он как человек *отличается*, – она паратипична. В этом смысле личная скромность, нехватка отважного «я есмь» становятся для мыслителя роковыми. «Тип интересней частных случаев и исключений»: в этом смысле научная вымуштрованность вкуса может довести человека до того, что он перестанет проявлять к себе столь необходимое внимание и предупредительность. И, наконец: стиль, литература, взлет и падение слов – как же все это извращает и губит самое личностное, что есть в человеке! Недоверчивая оглядка во время писания, тираническое тщеславие *хорошего* слога: они в любом случае представляют собою выходной костюм, а нас к тому же укрывают. Вкус враждебен всему оригинальному! Старая история.

Стиль для передачи сведений — и стиль как всего лишь значок, «in memoriam»[1]. Мертвый стиль — маскарад; в других случаях живой стиль. Обезличивание.

1 [203]

Нет лучшего способа защититься от врага, чем другой враг: ибо первый враг———

1 [204]

Слишком много всего на мою голову — с каких пор? — чуть ли не с малых лет. Моя филология была всего только страстной выходкой энтузиаста: это для меня несомненно — слишком откровенно говорят об этом мои лейпцигские дневники. И ни одного товарища! Был ли я беспечно доверчив? Но всякий отшельник всегда скапливал чрезмерно большие его запасы, а равным образом, конечно же, и запасы недоверчивости.

1 [205]

Глубочайшее недоразумение со стороны религии — «злые люди в Бога не верят».

1 [206]

Русская музыка: как это получается, что———

1 [207]

Эта необыкновенная чистота атмосферы, в которую я его поместил и <которая> позволяет мне <рассматривать> вещи———

1 [208]

я утратил способность сопротивляться физической боли: и когда нынче бывают дни с такими же приступами, что и прежде, то боль тотчас превращается в какую-то душевную пытку, подобной которой я не знаю ничего

1 [209]

Вкладываешь в работу и все, что есть в тебе высокого и доброго: а после — пустыня или болото. —

---

1 Для памяти (*лат.*).

1 [210]

Как спокойная совесть и хорошее самочувствие отрешают от глубоких проблем!

1 [211]

По ту сторону добра и зла: такого рода вещь заставляет попотеть. Я словно перевожу *на* другой язык, я отнюдь не всегда уверен, что уловил смысл. И все это как-то слишком приблизительно, чтобы я оставался доволен.

1 [212]

На коричневой, желтой, зеленой мантии ковров проступает

1 [213]

Мы, встающие чем свет, мы, что на———

1 [214]

И наоборот, бывают тошнотворные истины, materia peccans[1], которые хочется просто выбросить вон: от них избавляешься, сообщая их другим.

1 [215]

На отчаянное положение масс мы взираем с иронической меланхолией: они хотят того, что *мы* можем—увы и ах!

1 [216]

я не осквернил священное имя любви.

1 [217]

вставшие свежими силы

1 [218]

искренний в своем объективизме, в своем умении непомраченно смотреть на все с точки зрения целого, он двуличен и принужден в своих аффектах, неестествен и изощрен в восприятии конкретного, даже в чувствах

---

1 Повод впасть в прегрешение (*лат.*).

1 [219]

NB. Как по мере убывания жизненной силы человек *опускается* до созерцательности и объективности: это улавливают поэты (Сент-Бёв).

1 [220]

Чудовищная страсть к наслаждениям, свойственная человеку и обществу эпохи Людовика XIV, причиною тому, что люди скучали на природе — им было там нечем заняться. А туже всего им приходилось в пустынной местности, в высокогорье.

Этим *напыщенным кривлякам* хотелось привнести в любовь ум — или хотя бы esprit[1]. Симптом чудовищной тяги к наслаждению *умом* (блестящим и изысканным, как во времена персидских войн)

Самые неестественные формы (Ронсар, даже скандинавы) доставляют наибольшее удовольствие у натур ядреных и крепких, чувственных: это был их способ победы над собой. К тому же — самая неестественная мораль.

Люди нашего времени стремятся быть суровыми, стремятся полюбить судьбу, разрушать иллюзии — делать все то, что так нужно людям немощным и изнеженным, смакующим все бесформенное, варварское, разрушительное для формы (скажем, эту самую «бесконечную» мелодию — ухищрение немецких композиторов). Пессимизм и грубость <стиля> — возбуждающие средства для наших кривляк.

1 [221]

Катилина — романтик в сравнении с Цезарем, modo celer modo lentius ingressus[2]

1 [222]

Свобода совести полезна и возможна лишь при крайнем деспотизме — она симптом *атомизации*

---

1 Остроумие (*фр.*).

2 С походкой то быстрой, то медленной (*лат.*).

1 [223]

NB. Последняя добродетель.

Мы—расточители добродетелей, накопленных нашими предками и, спасибо им за их долгую придирчивость и бережливость—пройдет еще, надо думать, немало времени, прежде чем мы проявим себя щедрыми и задорными наследниками

1 [224]

<все равно,> угрюмый или веселый, дух, который в любых своих затеях мстит за то, что сделал (или за то, что чего-то *не делал*),—такой не мыслит себе счастья без жестокости

1 [225]

Здесь, где этот полуостров вдается в море

1 [226]

Тому, кто не получает удовольствия, наблюдая, как пляшут болваны, не стоит читать немецких книг. Я-то как раз теперь и вижу одного такого отплясывающего немецкого болвана: Евгения Дюринга, под гимн анархистов «ni dieu ni maître»[1].

1 [227]

Благоразумие для *большинства* людей все еще остается доподлинным их достоянием: и лишь те одиночки, что знают, что чувствуют, сколь сумеречна атмосфера стареющей культуры, в которой они выросли———

1 [228]

В толк не возьму, что2 профаны находят в Рихарде Вагнере: может, он пробуждает их романтические чувства и весь трепет и зуд романтической мистики бесконечного,—нас, музыкантов, это приводит в восторг и подкупает

---

1 Ни бога ни власти (*фр.*).

1 [229]

Непомраченные речи.   Цезарь среди пиратов.
Час, когда солнце село—
Любить людей Бога ради—
Для тех, чей смех золотой.
Спасибо за лжепонимание—
У золотой решетки.
Мы, ящерицы счастья—
Среди младенцев и карликов.
На мосту.
На стене старой крепости.
Купанье.
Величайшее событие—
Всегда под маской
otium[1]
Нищета, болезнь—и человек благородный
пытливо-медлительное око
«Себе-подобные»—против доверчивости
Уменье молчать
<человек, которого> трудно успокоить, трудно раздразнить
Сражаться за все, что связано с формой.
Женщины. Танец, безумство, маленькие образцы совершенства
Искуситель.
О крови.
Маска.

1 [230]

Непомраченные песни

1 [231]

Ариадна

---

1 Праздность, покой (*лат.*).

1 [232]

Проблема иерархии

Предварительные размышления
и знаки размышления

Сочинение
Фридриха Ницше

1 [233]

NB. Попал впросак—другой раз *умнее* будешь, говорит чернь.—Так вот, насколько будешь умнее, настолько же будешь и дурнее. А как часто, попав впросак, люди глупеют!

1 [234]

Занятия ремеслом——насколько деформируют они человека телесно и душевно: но то же самое делает и занятие наукой как таковой, то же самое—зарабатыванье денег, то же самое—любое искусство: *специалист* необходим, но относится к *классу инструментов.*

1 [235]

Интересно посмотреть как-нибудь на людей, сорвавшихся с цепи: почти все люди высшего типа (скажем, художники) вновь впадают в тот или другой вид рабства, будь то христианское или ура-патриотическое.

1 [236]

Если нынешняя эпоха—не эпоха упадка и иссякания жизненной силы, эпоха весьма унылая, тогда она, по крайней мере, один из опрометчивых и самочинных экспериментов: должно быть, как раз из всей уймы ее *неудачных* опытов и складывается общее ощущение упадка—а может, и он *сам,* упадок.

1 [237]

Проблема иерархии.

Проблема дисциплины и выведения породы.

NB. { Дисциплина воли.
Дисциплина умения повиноваться.
Дисциплина умения приказывать.
Тонкая разборчивость.
Образование, исключающее специализацию.

1 [238]

Глубоко коренящаяся необходимость задачи, вершащей все возможные повороты судьбы любого, в ком воплощается и «появляется на свет» какая-нибудь задача,— прожив половину жизни, я понимаю, какие подготовительные перипетии нужно было пройти *проблеме иерархии*, чтобы наконец взойти во мне: как мне пришлось испытать разнообразные удачи и бедствия души и тела, ничего не упуская, все пробуя на вкус и испытывая до самого дна, все очищая от случайного и просеивая.

1 [239]

Любая мораль, которая хоть как-то господствовала, всегда была дисциплиною и выведением определенного типа людей, при условии, что все зависит преимущественно, даже исключительно, от этого типа людей: короче говоря, только при условии, что имеется некий тип. Любая мораль считает, что при помощи *планирования* и принуждения человека можно во многом изменить («улучшить»): уподобление авторитетному типу она неизменно принимает как «улучшение» (иначе мыслить улучшение она просто не может—).

1 [240]

О наивности. Даже рефлексия может оставаться признаком наивности.

«Наивный эгоизм».

1 [241]

благо «ближнего», в сущности, даже желательно 1) если желательно благо вообще 2) если установлено, какого рода это благо, ибо есть такие, что в качестве целей противоречат друг другу и друг другу мешают, 3) если уже установлена ценность личностей, и ясно, что цен-

ность «ближнего» выше, чем моя. Такие приятные и окрыляющие sentiments[1], как самоотвержение и т. д., должны подвергаться немилосердной критике; сами по себе, благодаря содержащейся в них капле приятности и окрыленности, они еще не предоставляют аргумента *за*, а только *совращают* к тому.

1 [242]

Знание людей: важно, что2 человек уже улавливает, ощущает в качестве «пережитого»; большинству требуется неуклюже-обстоятельное прохождение события и стократное повторение, а кое-кто нуждается в хорошем ударе дубиной, чтобы догадаться о подоплеке пережитого и навострить уши

1 [243]

Варваризация христианства немцами

1 [244]

Наука как средство воспитания. Занятия ею как таковой только усиливают варварство, это какое-то варваризирующее ремесло

1 [245]

Iti vuttakam
(Так говорил (святой)

1 [246]

не лгать

не идти на компромиссы

презирать такую *невразумительность*, как Бисмарк и Вагнер.

1 [247]

Как люди заболели Богом и охладели к *каждому* человеку.

---

1 Ощущения (*фр.*).

2. Осень 1885 — осень 1886

2 [1]

Есть такой род благородной и опасной небрежности, глядя на которую ухватываешь связи и понимаешь, что почем: небрежность несметно богатой души, никогда не *заботившейся* о друзьях, ведавшей лишь радушие, неизменно проявлявшей радушие и умевшей его проявлять, — сердце и дом открыты для всякого, кто пожелает войти, все равно, будут ли то нищие, юродивые или властители. Это и есть подлинная приветливость: кто обладает ею, у того уйма лжедрузей, но, всего скорее, ни одного друга.

2 [2]

Этот великолепный ум, уже хорошо и достаточно защитивший и замкнувший себя перед любою угрозой: вас сердит вид его крепости и сознание его сокровенности, и все же вы с любопытством заглядываете за золотую решетку, которой он оградил свои владенья? — вам интересно, вы обольщены, ибо какой-то незнакомый, неясный аромат коварно обвевает вас, рассказывая что-то об утаенных от вас садах и усладах.

2 [3]

Мы оказались в самой гуще опасного карнавала националистического безумия, где мало-мальски проницательный разум вынужден жаться к стенам, а тщеславие самых дремучих народов вопит о праве на отделение и самостийность, — как можно ставить сегодня в вину полякам, благороднейшей поросли славянства, что они питают надежды и — — —

мне говорят, что в этом деле решающее слово будет за Германией.

2 [4]

Непомраченные отступления

для отдыха от книги «Так говорил Заратустра», посвященные своим друзьям

Фридрихом Ницше

2 [5]

Исключительный интерес, уделяемый нынче в Германии вопросам власти, злобе дня и — в довершение всего прочего — «благосостоянию», все большее развитие парламентского идиотизма, чтения газет и публицистических разглагольствований встречного и поперечного о чем угодно, преклонение перед неким государственным мужем, имеющим о философии не больше представления, чем какой-нибудь мужик или студент-корпорант, и точно так же к ней относящимся, мнящим свою смелую и беззастенчивую политику-однодневку сделать «приемлемой» для немецкого вкуса (или совести —) посредством допотопной оторочки из роялизма и христианства: все это берет свое начало в жутком и отчаянно интересном 1815 годе. Тогда-то внезапная ночь пала на немецкий ум, до той поры долго живший в веселых солнечных лучах: отчизна, граница, родная земля, предки — о своих правах вдруг заявили все эти виды тупости. Тогда наверху *зашевелилась* реакция и беспокойство, страх перед немецким духом, а внизу соответственно — либерализм, революционные поползновения и всяческая политическая лихорадка; должно быть ясно, что я имею в виду под этим «соответственно». Германия, политизировавшись, с той поры утратила положение духовного лидера Европы: и вот посредственным англичанам удается немцев — — —

2 [6]

Предпоследние столетия. –

Лишь в XVII и XVIII столетиях Германия довела до высот самое самобытное свое искусство — музыку: да простят наблюдателю, иной раз впадающему в меланхолию, если он распознает в немецкой музыке девятнадцатого

столетия всего лишь блистательную, многоликую и ученую форму упадка. В том же самом охаянном столетии какое-то расточительство наслаждения и силы проявило себя и в изобразительных искусствах: стиль немецкого барокко в церковном и дворцовом зодчестве самым тесным и родственным образом примыкает к нашей музыке — в царстве зрения он образует тот же род чар и соблазнов, каковым выступает наша музыка для некоего другого чувства. В промежутке между Лейбницем и Шопенгауэром (родившимся в 1788-м) Германия сочинила целый сонм оригинальных мыслей, стало быть, они приходятся все на то же столетие: но и эта философия с ее косицею и паутиной понятий, с ее растяжимостью, с ее унынием, с ее тайною бесконечностью и мистикой тоже примыкает к нашей музыке, являя собою своего рода барокко в сфере философии.

2 [7]

Мы не *равны* тому уму, который нам понятен, — мы превосходим его!

2 [8]

Что еще молодо и еле держится на ногах, всегда вопит громче всех: ведь ему слишком часто доводится падать. К примеру, «патриотизм» в нынешней Европе, «любовь к отчизне», еще совсем младенческая: как можно относиться серьезно к этому маленькому горлодеру!

2 [9]

К моим друзьям

Эта книга, сумевшая найти своих читателей в обширном круге стран и народов и, как видно, усвоившая некое искусство, коим соблазняют даже чопорный и упрямый слух, — как раз она-то и осталась самой недоступной пониманию моих близких друзей: она, как выяснилось после публикации, вызвала у них испуг и сомнение, положив начало длительному периоду отчужденности между ними и мною. В породившем ее душевном состоянии и впрямь было много запутанного и противоречивого: я в ту пору испытывал и *крайнее* блаженство, и *крайнюю* муку — спаси-

бо великой *победе*, одержанной мною над собой, одной из тех опасных побед, которые обыкновенно губят человека. В один прекрасный день—было это летом 1876—на меня внезапно нашло презрение и прозрение: и отныне я стал немилосердно игнорировать все те прекрасные мечтания, на которые растратила всю свою душу моя юность

2 [10]

Националистическое безумие и тупость патриотизма не имеют для меня никакого очарования: «Германия, Германия превыше всего» режет мне уши—в сущности, оттого, что я большего от немцев требую и ожидаю, чем—. Первый ее государственный муж, в чьей голове молодецкая основа из роялизма и христианства уживается с беззастенчивостью политики-однодневки, затронутый философией не более, чем мужик или студент-корпорант, возбуждает мое ироническое любопытство. Мне кажется даже полезным, что кое-кто в Германии остался равнодушным к <идее> Германской империи: не столько в качестве зрителя, сколько в качестве глядящего мимо. А *куда* ж они глядят? Есть вещи более важные, в сравнении с которыми эти вопросы остаются всего лишь вопросами переднего плана: скажем, все большее выдвижение человека демократического и вызванное этим отупение Европы и *умаление* европейцев.

2 [11]

Интеллектуальная совесть
Опыт критики людей наиболее духовных

Философ. Свободный ум. Художник. Верующий. Ученый. Человек благородный. Дионис.

2 [12]

Inter pares[1]: вот слова, от которых пьянеешь, столько счастья и боли содержат они для того, кто всю свою жизнь провел в одиночестве; кто так и не повстречал никого подобного себе, хотя искал на разных дорогах; для человека,

---

1 Среди равных (*лат.*).

которому в обществе всегда приходилось надевать маску благожелательства и веселости, искать и часто находить способы мимикрии и которому из долгого, очень долгого опыта известно, что хорошая мина при плохой игре называется «приветливостью»,—но которому порою, конечно, случается испытывать и те пагубные, душераздирающие приливы всей потаенной неприкаянности, всех не подавленных страстей, всех запруженных и взъярившихся потоков любви,—внезапное сумасшествие той минуты, когда одинокий бросается с раскрытыми объятьями к первому встречному, веря в то, что это—друг, подкидыш с небес и драгоценный дар, чтобы часом позже с отвращением оттолкнуть его,—с отвращением теперь уже к себе самому, словно бы оскверненному, словно бы унизившемуся, словно бы опротивевшему самому себе, словно бы больному от собственного своего общества—

2 [13]

Вот в чем моя никогда не покидающая меня недоверчивость, моя забота, никогда не смыкающая во мне очей, мое вопрошание, которого никто не слышит или не желает расслышать, мой сфинкс, перед которым разверзлась не одна бездна: я думаю, мы нынче обманываем себя относительно тех вещей, что любимы нами, европейцами, превыше всего, а какой-то жестокий (или пусть даже не жестокий, а только равнодушный и легкомысленный) кобольд играет нашим сердцем и его восторгом, как он, вероятно, играл уже со всем на свете, что жило и любило; я думаю, всё, что мы в Европе нынче привыкли почитать как «гуманность», «нравственность», «человечность», «сочувствие», справедливость, хотя и может быть ценным в плоскости переднего плана, будучи ослаблением и смягчением некоторых опасных и могучих глубинных влечений, но, несмотря на это, в перспективе истории представляет собою не что иное, как измельчание человеческой породы—ее полное превращение в *заурядность*, если мне простительно употребить отчаянное слово в отчаянном положении; я думаю, эта commedia umana[1] для какого-

---

1 Человеческая комедия (*ит.*).

нибудь эпикурейского бога-наблюдателя заключается, должно быть, в том, что люди в силу своей растущей моральности с полною невинностью и тщеславием мнят, будто возвысились от уровня животного до ранга «богов» и до задач космического размаха, в то время как в действительности они *опустились*, то есть—благодаря развитию всех тех добродетелей, в силу коих процветает стадо, и благодаря оттеснению иных и противоположных, дающих начало новому, высшему и более сильному, *господскому* виду, развивают в человеке именно только стадное животное, а, может быть, тем самым и *окончательно определяют* человека как животное,—ибо до сей поры человек был «животным, не определенным окончательно»—; я думаю, великое и неудержимо несущееся вперед *демократическое* движение Европы—то, что называет себя «прогрессом»,—а равным образом и его подготовление и моральное предзнаменование, христианство,—означает, в сущности, лишь чудовищный инстинктивный всеобщий заговор стада против всех пастырей, хищников, отшельников и цезарей и в пользу сохранения и продвижения всего немощного, угнетенного, обойденного жизнью, посредственного, наполовину неудавшегося; это затянувшееся, сперва инстинктивное, а после все более сознательное восстание рабов против любого рода господ, а в конце концов даже против самого понятия «господин», это война не на жизнь, а на смерть против всякой морали, порождаемой душевными глубинами и сознанием высшей, более сильной и, как сказано, господской породы людей—такой, которая нуждается в рабстве, в какой бы форме и под каким бы именем оно ни выступало, как в своей почве и условии своего существования; я думаю, наконец, что прежде всякое возвышение человеческого типа было делом аристократического общества, полагавшего свой идеал в длинной иерархической лестнице и в неравной ценности людей и нуждавшегося в рабстве: я думаю даже, что без *пафоса дистанции*, складывающегося из вошедших в плоть и кровь сословных различий, из постоянной оглядки господствующих каст на подчиненных и на имеющиеся в распоряжении средства, а также из их столь же постоянных упражнений в командовании, подавлении

и оттеснении вообще не может возникнуть тот другой, более сокровенный пафос, то стремление ко все новому увеличению дистанций в самой душе, выработка все более высоких, необычных, отстраненных, шире простирающихся, емких состояний, короче говоря, «преодоление человеком самого себя», если дозволено будет воспользоваться моральною формулой в смысле надморальном. На ум мне все вновь приходит один вопрос, вопрос, быть может, искусительный и скверный — да услышат его те, кто имеет право на подобные сомнительные вопросы, люди наиболее сильные душою из нынешних, наилучшим образом властвующие и над собою: не пришла ли пора — теперь, по мере все большего развития в Европе типа стадного животного, — попытать удачи в принципиальном, намеренном и сознательном *выведении* противоположного типа и его добродетелей? И разве не было ли бы это даже своего рода целью, спасением и оправданием демократического движения, если появится кто-то, кто им *воспользуется*, — дополнив, наконец, его новое и утонченное оформление в качестве рабства — а таковым некогда и предстанет венец европейской демократии, — тем высшим типом людей-господ, людей-цезарей, которые ведь тоже *нуждаются* в этом новом рабстве? Для новых, доселе несбыточных, для *своих* дальних замыслов? Для *своих* задач?

2 [14]

Наши четыре кардинальные добродетели: мужество, сострадание, проницательность и одиночество — были бы несносны самим себе, если б раньше не побратались с одним веселым и плутовским пороком, имя коему — учтивость. —

2 [15]

Жестокость может быть облегчением для напряженных и гордых душ, для таких, что привыкли всегда быть суровыми к самим себе; у них бывал праздник, когда они могли, наконец, причинять боль, видеть чужие страдания, — все воинственные расы жестоки; жестокость может быть, напротив, и своего рода сатурналиями для созданий угнетенных и безвольных, рабов, гаремных жен-

щин — в виде маленькой, но лестной иллюзии власти, — <итак>, есть жестокость злых, но также и жестокость испорченных и мелких душ.

2 [16]

Что значит быть благороднымъ?

Вера в иерархию.

Труд (о художниках, ученых и т. д.)

Непомраченность (симптом хорошо уродившейся натуры).

Мораль господ и стадная мораль.

2 [17]

Названные сочинения, если допытываться у них долго и тщательно, можно использовать как возможный способ получить доступ к пониманию более высокого и сложного типа, нежели даже тип человека свободно мыслящего: нет иного пути к пониманию — — —

* * *

Ранние сочинения того же автора.

Рождение трагедии. 1 издание 1872. 2 изд. — — —

Несвоевременные мысли 1873–76.

2 [18]

Бог любви мог бы в один прекрасный день сказать, наскучивши своей добродетелью: «А почему не попробовать низость!» — и вот вам, пожалуйста: дьявол теперь берет начало в скуке и добродетели! — — —

2 [19]

«Рай — под сенью мечей» — тоже символ и пароль, по которому открываются и узнают друг друга души благородного и воинственного происхождения. —

2 [20]

«Орлы бьют добычу с лету». Благородство души никак невозможно распознать по той роскошной и гордой глупости, с какою оно *атакует*, — «с лету».

2 [21]

Есть еще один вид расточения—наших страстей и желаний, и притом на тот скромный и мелкобуржуазный лад, на какой мы их удовлетворяем: это губит вкус, но еще больше губит наши почтение и страх перед самими собой. Временная аскеза—способ их *сдержать*, то есть сделать их опасными и придать им большой размах——

2 [22]

Относительно того, что нужно творческим натурам сверху и снизу, чтобы не страдать от угрызений совести,—«нести яйца, кудахтать, высиживать птенцов» и тому подобное, с грацией или без нее,—пусть они с полным на то основанием пропишут себе в виде диеты целомудрие, как это сделали Стендаль и Бальзак. И тогда можно по меньшей мере не сомневаться, что именно для «гения» супружеское ложе может оказаться еще более роковым, нежели concubinage и libertinage[1]. Да и во многих других отношениях—скажем, что касается «потомства»,—надо своевременно все как следует обдумать и решить: «aut liberi aut libri»[2].

2 [23]

В долгих раздумьях об очаге распространения религиозной гениальности, а стало быть, и «метафизической потребности»,—о «религиозном неврозе»; с досадой вспоминая то ходовое и даже вошедшее в поговорку во Франции выражение, что столь красноречиво говорит о «здоровье» французского ума: «le génie est une neurose»[3].—

2 [24]

—Еще раз будь сказано: хищник в нас хочет быть обманутым,—мораль есть ложь во спасение.

2 [25]

«Ты, сдается, замышляешь недоброе,—сказал я както раз богу Дионису,—никак решил погубить людей?»—

---

1 Внебрачная связь *и* вольное поведение (*фр.*).

2 Или дети, или книги (*лат.*).

3 Гениальность—это невроз (*фр.*).

«Может быть,—отвечал бог,—но я сделаю так, что и сам внакладе не останусь».—«Что ж это будет?»—спросил я с любопытством. «*Кто* ж это будет?—вот как надо спрашивать». Дионис сказал это и замолчал на свой, особенный лад—искусительно. Видели бы вы его в этот момент! Была весна, и деревья дружно зацветали.

2 [26]

По ту сторону добра и зла

Пролог
к философии будущего

Сочинение
Фридриха Ницше

2 [27]

По ту сторону добра и зла

Всевозможные поводы задуматься
для неомраченных умов

Сочинение
Фридриха Ницше

2 [28]

Мое в меру радикальное сомнение относительно всего новейшего уголовного законодательства таково: предположим, наказания должны причинять боль соразмерно тяжести преступления—а ведь именно этого вы все, в сущности, и хотите!—ну так тогда их надо назначать каждому преступнику соразмерно его личной восприимчивости к боли: а это значит, что *прежняя* мера наказания за проступок, что уголовный кодекс *вообще не могли существовать*! Но если сообразить, что установить порог чувствительности к наслаждению и боли для преступника очень нелегко, то разве in praxi[1] не следовало бы отказаться от наказаний вообще? Какая потеря, не правда ли? Следовательно——

1 На деле (*лат.*).

2 [29]

Музыка — *не* откровение сущности мира и его «воли», как это утверждал Шопенгауэр (обманувшийся относительно музыки, равно как и сострадания, по одной и той же причине — то и другое было слишком мало известно ему из собственного опыта —): музыка — откровение только господ композиторов! А им-то это и невдомек! Да, может быть, и слава Богу, что это им невдомек! —

2 [30]

Наши добродетели

Всевозможные вопросы и сомнения
для более чуткой совести

Сочинение
Фридриха Ницше

2 [31]

Наши добродетели

Наметки для морали будущего

Сочинение
Фридриха Ницше

О душевной твердости.
О честности.
О непомраченности.
О тяге к одиночеству.
«Что значит быть благородным?»

2 [32]

Философы будущего
Речь

1

Возможен ли сегодня такой размах? —

2

Пусть завтра, может быть, послезавтра. Я вижу — новые философы уже близко и т. д.

2 [33]

Есть такое превратное понимание непомраченности, с которым ничего не поделаешь: а кто его разделяет, тому в конце концов приходится только им и довольствоваться. Мы, *находящие прибежище* в счастии, мы, нуждающиеся в любом виде юга и в необузданном изобилии света, бросающиеся на улице туда, где жизнь катится мимо пьяным карнавалом, где она сводит с ума, мы, требующие от счастья именно этого — *чтобы* оно «сводило с ума», — не кажется ли <нам>, что мы обладаем знанием, которого *страшимся?* С которым нам страшно быть наедине? Знанием, от гнета которого мы трепещем, от нашептываний которого — бледнеем? Этот упрямый отказ от печальных зрелищ, эти уши, замкнутые и черствые ко всему страдальческому, это бравое и глумливое верхоглядство, это прихотливое эпикурейство сердца, не выносящее ничего серьезного и поклоняющееся *маске* как высшему божеству и избавителю: это глумление над людьми с меланхолическим вкусом, у коих мы неизменно чуем недостаток глубины, — разве все это не страсть? Мы, кажется, знаем, что слишком ранимы, а может быть, уже ранены и неисцелимы; мы, кажется, страшимся, что эта рука жизни неизбежно нас добьет, и ищем себе прибежища в ее видимости, в ее неподлинности, ее поверхности и пестрой лжи; мы, сдается, не омрачены, поскольку безмерно печальны. Мы не улыбаемся, нам знакома бездна: *поэтому-то* нам и претит все неулыбчивое.

— — — про себя мы смеемся над людьми с меланхолическим вкусом — но мы же, увы, и завидуем им, когда глумимся над ними! — ведь мы не достаточно счастливы, чтобы позволить себе их мягкую печаль. Нам приходится бежать даже тени печали: уж слишком близко от нас зияет тьма нашей преисподней. У нас есть знание, которого мы страшимся, оставаться наедине с которым нам не по душе; у нас есть вера, от гнета которой мы трепещем, от на-

шептываний которой бледнеем,—нам и неверующие кажутся блаженными. Мы отвергаем печальные зрелища, мы затыкаем уши, чтобы не слышать воплей страждущих; сострадание тотчас раздавило бы нас, если б мы не умели черстветь. Да поможет нам бравое, да поможет глумливое безрассудство: ветер, нас остуди, ты, что летал надо льдами: не станем больше ничего принимать близко к сердцу, молиться же будем—*маске.*

Есть в нас что-то с легкостью бьющееся: и вот мы боимся детских рук, что могут разбить нас? Мы сторонимся случайного, мы спасаемся———

2 [34]

Я больше чем кого другого любил и чтил Рихарда Вагнера; и если бы он напоследок не впал в безвкусицу—или не последовал прискорбному внутреннему зову—и не впрягся бы в одну телегу с «умами» невыносимого для меня качества—со своими приверженцами, вагнерьянцами,—то у меня и не было бы причины распроститься с ним еще при его жизни: с ним, глубочайшим и отважнейшим, но и самым непонятым из всех нынешних умов, превышающих общее понимание, встреча с которым продвинула меня по пути познания дальше, нежели любая другая. Сперва оговорюсь—о том, что важнее всего: что мое дело и его дело смешиваться не желали и что мне понадобилась добрая порция самопреодоления, прежде чем я научился таким образом отсекать «его» от «моего» в нужном месте. Для того, чтобы я занялся осмыслением экстраординарной проблемы комедианта—проблемы, по одной неудобосказуемой причине, может быть, более мне безразличной, чем любая другая,—чтобы в глубине души всякого художника я обнаружил и расшифровал комедианта как типически-художническое начало, понадобилось соприкосновение с вышеназванным—и мне кажется, я ставлю то и другое выше, но думаю о них хуже, чем прежние философы. Реформа театра трогает меня мало, а его «оцерквление» и того меньше; сама же Вагнерова музыка не слишком-то меня касается—я спокойно обошелся бы без нее, причем счастья и здоровья мне

только прибавилось бы (quod erat demonstrandum et demonstratum[1]). Что мне было в нем всего несносней, немечество и полуцерковность последних его лет———

2 [35]

Новая манера мыслить—а это непременно и новая манера оценивать, предполагающая наличие нового мерила, новой шкалы ощущений,—перечит всем иным манерам, твердя им в пику свое «неправильно». Если присмотреться внимательней, это «неправильно» значит, в сущности, «тут нет ничего знакомого», «мне это нипочем» и «не пойму, отчего вы не смотрите на вещи, как я».

2 [36]

Об отрыве от корней.
Об очерствении.
О маске.
Об иерархии.
Европейское и над-европейское.

2 [37]

Всегда найдется что-то более необходимое, чем женитьба: господи, да у меня всегда так и было!

2 [38]

По ту сторону добра и зла
Наметки для морали сильнейших

2 [39]

Маска и сообщительность

2 [40]

Философы будущего.
К естественной истории свободомыслия.
Наши добродетели.
Народы и отечества.
Дефеминизация.
homo religiosus[2].

---

1 Что требовалось доказать и было доказано (*лат.*).
2 Верующий (*лат.*).

2 [41]

К естественной истории человека высшего типа

Размышления воспитателя

1. Философы прошлого.
2. Художник и поэт.
3. Религиозная гениальность.
4. Мы, добродетельные.
5. Женщина.
6. Ученые.
7. «Искусители».
8. Народы и отечества.
9. Мудрость маски.
10. Психология морали.

Изречения и знаки размышления.

Что значит быть благородным?

Приложение. Песни князя Вольнолёта.

2 [42]

По ту сторону добра и зла

Пролог
к философии будущего

С приложением: Песни и стрелы князя Вольнолёта

Сочинение
Фридриха Ницше

2 [43]

К естественной истории человека высшего типа

Знаки размышления, поставленные психологом

1. Философ.
2. Свободный ум.
3. Религиозная гениальность.
4. К психологии морали.
5. Что значит быть благородным?

6. Народы и отечества.
7. Женщина как она есть.
8. Ученые.
9. Мы, добродетельные.
10. Мудрость и маска.
11. Грядущие.
12. Изречения молчаливого.

Приложение. Песни и стрелы князя Вольнолёта.

2 [44]

Предисловие.

1. Кто такие были философы?
2. К естественной истории свободомыслия.
3. Психолог говорит с самим собой.
4. Женщина как она есть.
5. Религиозная гениальность.
6. Мы, ученые.
7. Мы, добродетельные.
8. Что значит быть благородным?
9. Народы и отечества.
10. Маски.
11. Искусители. Дионис.

Приложение:———

Оглавление.

2 [45]

В нем нет ничего от адвоката: он беспристрастен и не доверяет всему, что зовется «убеждением»; не верит в неверие;———

2 [46]

К естественной истории человека высшего типа

Размышления праздного

Сочинение
Фридриха Ницше

2 [47]

По ту сторону добра и зла

Психолог говорит
с самим собой

С приложением: Песни и стрелы князя Вольнолёта

Сочинение
Фридриха Ницше

Приложение:
Песни и стрелы
князя Вольнолёта

1. К мистралю.
2. К Гёте.
3. К одному панегиристу.
4. Зильс-Мариа.
5. Полдень отшельника.
6. К новым морям.
7. «Голуби Сан-Марко».
8. Над входной дверью.
9. Настоящий немец.
10. Музыка Парсифаля.
11. К Спинозе.
12. Rimus remedium[1]
13. Дурак в отчаянии.
14. Напоследок.

2 [48]

Женщина так мало довольствуется собою, что предпочтет получить побои, чем —

2 [49]

В любви по большей части один играет, а другой позволяет играть собою: Амур в первую голову — маленький театральный режиссер.

---

1 Целительная рифма (*лат.*).

2 [50]

Содержание:

Предисловие.
1. О предрассудках философов.
2. Свободный ум.
3. Религиозная гениальность. Религиозная натура.
4. Женщина как она есть. Изречения и интермедии.
5. К естественной истории морали.
6. Мы, ученые.
7. Наши добродетели.
8. Народы и отечества.
9. Маски.
10. Что значит быть благородным?
Приложение: Песни и стрелы князя Вольнолёта.

«Carcasse, tu trembles? Tu tremblerais bien davantage, si tu savais, où je te mène.»
Turenne.[1]

2 [51]

Психолог говорит
с самим собой

Сочинение
Фридриха Ницше

К естественной истории человека высшего типа.
Что значит быть благородным?

2 [52]

Изречения и разговоры с собой

С приложением в стихах

Сочинение
Фридриха Ницше

2 [53]

По ту сторону добра и зла
Пролог
к философии будущего

---

1 «Трепещешь, костяк? Ты трепетал бы гораздо сильнее, если б только знал, куда я тебя веду.» Тюренн (*фр.*).

Введение.

Книга первая: о предрассудках философов.

Книга вторая: наметки для психологии морали.

Книга третья: мы, европейцы. Случай заглянуть в зеркало.

2 [54]

По ту сторону добра и зла

Сочинение
Фридриха Ницше

2 [55]

Предпоследняя глава

Алкуин Англосакс, давший такое определение царственному призванию философа:

prava corrigere, et recta corroborare, et sancta sublimare[1].

2 [56]

Разложение выросших на природе, крепких людей под напором городской цивилизации (—там они попадают в пораженные проказою части и узнают, что такое нечистая совесть).

2 [57]

Отныне для возникновения структур господства широкого масштаба, равных коим мир еще не видывал, будут благоприятные условия. А это еще и не самое главное; стало возможным возникновение международных родовых союзов, ставящих своей целью выведение расы господ, будущих «хозяев земли»,—новой, неслыханной, зиждущейся на жесточайшей самодисциплине аристократии, в ней воля властвующих философов и художников-тиранов получит долговечность тысячелетий: высший тип людей, каковые благодаря своему превосходству в твердости, знании, богатстве и влиятельности воспользу-

1 Исправлять порочное, укреплять справедливое и возвышать священное (*лат.*).

ются демократическою Европой как своим очень послушным и гибким орудием, чтобы взять в руки судьбы мира, чтобы, словно художник, лепить сам вид «человек».

Короче говоря, приходит пора переучиваться в делах политических.

2 [58]

думаю, нам не хватает политической пристрастности: мы достохвально вынесли бы жизнь под небом демократии, так же как и под небом абсолютизма.

2 [59]

К I

В конце-то концов: надо ли так громогласно и с таким ожесточением говорить о том, что только *придет*! Будем смотреть на вещи более холодно, отстраненно, рассудительно, с большей высоты, будем говорить о них так, как можно говорить в нашем кругу,—настолько секретно, что публика их пропустит мимо ушей, что публика пропустит мимо ушей *нас*... Отныне пусть так и будет.

2 [60]

Что? Драматическое действие—цель, а музыка—всегда только средство? Должно быть, так и было у Вагнера в теории: а на практике-то: *поза* (драматическая)—это цель, музыка же—лишь способ стать в позу (чтобы эту позу разъяснить, усилить, сделать ее проникновенною—)

2 [61]

Механико-атомистический образ мышления в своем развитии нынче все еще не понял, в чем состоит его подлинная цель,—такое впечатление у меня сложилось после того, как я довольно долго многое спускал его приверженцам. Он придет к ней, создав систему знаков: откажется от объяснений, упразднит понятие «причины и следствия».

2 [62]

Не стремиться обманывать — и не хотеть быть обманутым: эти два настроения и желания в корне различны, но и там и там обыкновенно проявляется склонность пользоваться словом «философия», будь то для прикрасы, для маскировки или же по недоразумению.

2 [63]

Физиологам надо было крепко подумать, прежде чем объявить инстинкт самосохранения кардинальным инстинктом органических существ: ведь все живое в первую очередь стремится *дать волю* своим силам, а уж «самосохранение» — всего лишь одно из следствий этого. Осторожно с *излишними* телеологическими принципами! А к ним относится все это понятие «инстинкта самосохранения».

2 [64]

Всякому Филоктету известно, что без его лука и стрел Троя взята не будет.

2 [65]

In media vita.[1]
Психолог говорит с самим собой

Сочинение
Фридриха Ницше

2 [66]

— *К предисловию.* Возможное продолжение: *художник*-философ (пока сказано о научности, об отношении к религии и политике): высшее понятие *искусства.* Способен ли человек поставить себя на таком расстоянии от других людей, чтобы *работать над их лепкой?* (Подготовительные упражнения: 1) человек, лепящий самого себя, отшельник, 2) *прежний и нынешний* художник как малый завершитель <работает> над материалом — нет! — <над людьми>)

1 В середине жизни (*лат.*).

—сюда же—иерархия высших людей, которую надлежит изобразить.

—*Глава: Музыка.* К учению об «опьянении» (<составить> перечень, к примеру, преклонение перед petits faits[1])
—немецкая, французская и итальянская музыка.
(Наши, в политическом смысле, самые подлые времена—и самые *плодотворные*:)
Славяне?
—культурно-исторический балет:—преодолел оперу.
—заблуждение, будто то, что создал Вагнер,—некая форма,—это некая бесформенность. Возможность *драматической* конструкции все еще не найдена. Музыка для комедиантов и музыка для музыкантов.
—о ритме. Выразительность любой ценой.
—к чести «Кармен».
—к чести Г. Шютца (и «Листовского общества»—)
—блудливая инструментовка
—к чести *Мендельсона*: есть в нем одна из гётевских стихий, и больше ни в ком! Так же как другая гётевская стихия проявилась в Рашели! Третье—Г. Гейне.

К главе *«Свободный ум»*—1) я не хочу его «возвеличивать»: сказать кое-что в пользу умов несвободных.
2) порочность интеллекта: доказательство от *наслаждения* («это дарит меня блаженством; следовательно, это истинно»). И тщеславное выпячивание при этом «меня».

К главе *«Наши добродетели»*: 3) новая форма моральности: *клятвенные заверения* в собраниях о том, как человек собирается жить, совершенно *определенный* отказ от множества вещей. Испытания *зрелости* для этого.—

К главе *«Религиозная гениальность»*. 1) таинство, прообразовательная история души. (Что означает «драма»?)
2) возможность истолковывать происходящее; вера в «смысл» закрепляется благодаря религии—
3) в какой мере душа более высокого полета удачно растет за счет душ более низких?
4) что опровергнуто, так это *мораль* христианства, ее важность для жизненных судеб души: это, однако,

---

1 Мелочами жизни (*фр.*).

еще не упраздняет стремления впутывать мораль во все и вручать ей господство. Последнее-то, правда, на худой конец можно понять как некое донкихотство — но *это* еще не причина недооценивать ее!
5) в какой мере религиозная гениальность — некое **видоизменение** художнической: *формообразующая* способность.
6) в какой мере лишь одна совесть *художника* дает свободу от «истинного» и «ложного». Преобразовать безусловную веру в безусловную *волю* — —
7) религиозная литература, понятие «священной книги».

К *«Нашим добродетелям»*. То, на что мы можем спустить собак своей научности, для нас уже не серьезно: своего рода имморальность.

К *главе «Естественная история морали»*? *Разложение*, что это такое? К примеру, живущий одною жизнью с природой, полный сил человек переезжает в город. К примеру, французский аристократ дореволюционной эпохи.

К главе *«Мужчина и женщина»*.
Победа мужчины над женщиной везде, где пробуждается культура.
NB. magister liberalium artium et hilaritatum[1].
NB. я взял кого-то за рога — да только сомневаюсь, точно ли это бык.

2 [67]

«я», «субъект» как линия горизонта. Обращение перспективы.

2 [68]

По учебнику тела. Делящаяся протоплазма S + S = *не* 1, а = 2. Тем самым теряет силу вера в души-монады.

Самосохранение как лишь одно из последствий самоэкспансии. А «самость»?

---

1 Магистр свободных искусств и увеселений (*лат.*).

2 [69]

Сила механическая известна нам лишь в качестве *ощущения сопротивления*: а таковое можно лишь наглядно и очевидно истолковать, но не объяснить *давлением* и *ударом*.

Какого рода то принуждение, которое более сильная душа оказывает на более слабую? А может ли быть, чтобы мнимое «непослушание» высшей душе состояло в непонимании ее воли,—скажем, скала команд не выполняет. Нужна же как раз плавно растущая иерархия уровней: понимать друг друга способны *лишь* непосредственно близкие уровни—а стало быть, послушание здесь возможно.

Можно ли понимать все движения в качестве знаков душевного процесса? Естествознание как симптоматология—

Может быть, неверно—из-за того, что живые формы (клетки, скажем) столь малы—искать единицы еще более мелкие, «силовые точки» и т. д.?

Предварительная ступень структур господства.

Покорность **личности** (отцу, предку, князю, жрецу, Богу) как *средство облегчить* <бремя> морали.

2 [70]

По ту сторону добра и зла

—проблема законодателя.
По учебнику тела. Механизм и жизнь.
Воля к власти.
—истолкование, не познание. К методологии.
Вечное возвращение.
—Художник. Культура и ее фундамент.
—Мы, безбожники.
—Музыка и культура.
—О политике великой и мелкой.
«Таинство».
—Добрые и праведные.
Дающие обет.
—К истории пессимизма.
—Воспитание.

2 [71]
К «Заратустре».

Calina: красно-бурая <дымка, окутывающая горизонт>, все вещи вблизи видны слишком четко. Солнце в зените. Все призрачно.

Зипо матадор.

А кто сказал, что мы этого не хотим? Что за музыка, что за обольщение! Тут нет ничего, что не отравляло бы, не соблазняло бы, не подтачивало бы, с ног не валило бы, не переоценивало бы!

I *Решающий* момент:

Иерархия. 1) Долой добрых и праведных!
2)

Вечное возвращение.

Полдень и вечность
Книга Пророка

2 [72]

Полдень и вечность
Сочинение
Ф. Н.

I Поминовение усопших. Заратустра попадает на чудовищное празднество:

II Новая иерархия.

III О владыках земли.

IV О кольце возвращения.

2 [73]
Заглавия 10 новых книг: (весна 1886)

Размышления о древних греках
Сочинение
Фридриха Ницше

В какой мере все *вырождается* и *утрачивает естественность* в ходе своего становления. Вырождение Ренессанса — филологии

Пример *неморальных* предпосылок более высокой культуры, возвышения человека.

Воля к власти
Опыт
нового миротолкования

Художники.
Тайный умысел психолога
Сочинение
Фридриха Ницше

Мы, безбожники
Сочинение
Фридриха Ницше

Полдень и вечность
Сочинение
Фридриха Ницше

По ту сторону добра и зла
Пролог к философии будущего
Сочинение
Фридриха Ницше

Gai saber
Песни князя Вольнолёта
Сочинение
Фридриха Ницше

Музыка
Сочинение
Фридриха Ницше

Впечатления книжника
Сочинение
Фридриха Ницше

К истории современного помрачения
Сочинение
Фридриха Ницше

2 [74]

Воля к власти

1. Физиология иерархии.
2. Великий полдень.
3. Дисциплина и выведение породы.
4. Вечное возвращение.

2 [75]

Вечное возвращение. Книга новых праздников и пророчеств.

Вечное возвращение.
Священные пляски и обеты.

Полдень и вечность.
Священные пляски Вечно возвращающегося.

2 [76]

(28)

Об иерархии:

К I. *К физиологии власти*

Аристократия в организме, множество господствующих (борьба между тканями?

Рабство и разделение труда: высший тип возможен лишь благодаря *придавливанию* низшего к какой-то функции

Наслаждение и страдание – не противоположности. Ощущение власти.

Питание – лишь следствие ненасытного присвоения, воли к власти.

Зачатие, распад, наступающий при бессилии господствующих клеток организовать присвоенное.

Формообразующая сила — это она стремится запасать все больше «веществ» (все больше «силы»). Шедевр роста организма из яйца.

«Механистический подход»: он знает только количества — но сила кроется в качестве: механицизм, стало быть, умеет лишь описывать процессы, но не объяснять их.

«Целесообразность». Исходный пункт — «дальновидность» растений.

Понятие «усовершенствования»: прирост *не* только сложности, но и *власти* (— потребность не только в увеличении массы —).

Вывод в применении к развитию человечества: усовершенствование состоит в появлении индивидов с наибольшим объемом власти, а уж их орудием становятся широчайшие массы (и притом орудием наиболее разумным и послушным)

Художники как малые творцы. Педантизм «воспитателей» в сравнении с этим

Наказание: сохранение высшего типа.

Изоляция.

Лжеучения прошлого. *Если* нечто высшее оказалось неудачным либо использовалось во зло (как аристократия), это еще не улика против него!

2 [77]

Видимый характер пустого и полного, плотного и разреженного, покоящегося и движущегося, тождественного и различного.

(абсолютное пространство	древнейшая
(субстанция)	иллюзия,
	превращенная
	в *метафизику*.

— в этом есть человечески-животные мерки уровня безопасности.

Наши понятия инспирированы нашей *нуждою.*

Составление пар противоположностей соответствует косности (различение, обеспечивающее питание, безопасность и т. д., считается *«истинным»*)

simplex veritas![1] — на такую мысль способна лишь косность.

Наши ценности вложены в вещи *интерпретацией*.

Разве есть какой-нибудь *смысл* в чем-то «самом по себе»?

Разве смысл с необходимостью не является именно смыслом соотношений, перспективы?

Всякий смысл — воля к власти (все соотносительные смыслы можно растворить в ней).

Вещь = своим свойствам: а эти в свой черед равны всему, что в этой вещи *касается нас*: <вещь —> некая единица, в коей мы сводим воедино *важные* для нас отношения. В сущности, <это> *воспринятые* нами в нас самих изменения (— исключая те, что мы не воспринимаем, скажем, ее электрические качества). In summa[2]: объект есть сумма испытанных нами *препятствий*, которые мы *осознали*. Качество, значит, всегда выявляет что-то «полезное» или «вредное» для нас. Скажем цвета — всякий соответствует какой-нибудь степени удовольствия или страдания, а всякая степень удовольствия или страдания — это результат оценочных суждений о том, что «полезно», а что «бесполезно». Отвращение.

2 [78]

Темы

Истолкование, *не* объяснение.

Сведение логических ценностных суждений к моральным и политическим (ценность безопасности, покоя, лености («минимальной затраты сил») и т. д.

Проблема художника, его моральности (ложь, бесстыдство, находчивая изворотливость там, где не хватает таланта).

Клевета на влечения неморальные: логически рассуждая, это *отрицание* жизни.

Безусловное — и откуда берутся идеальные черты, которые ему приписывают.

---

1 Истина проста (*лат.*).

2 В общем (*лат.*).

Наказание как способ выведения породы.

Гравитацию можно толковать по-разному: как и все мнимо «фактическое».

Предикат выражает действие, которое на нас оказано (или могло бы быть оказано), а *не* действование само по себе; сумма предикатов сводится воедино в одном слове. Заблуждение, будто субъект — causa[1]. Мифология понятия субъекта. («молния» озаряет — удвоение — действие, *превращенное в вещь.*

Мифология понятия причинности. Отрыв «действия» от «действующего» *в корне ошибочно.* Иллюзия неизменности, все еще — —

Наша европейская культура — в <какую проблему> она *уперлась*, в противоположность буддийскому *разрешению* в Азии?

Религия, по существу, учение об *иерархии*, даже попытка построения *космической* иерархии и субординации степеней власти.

Немощь
Ложь, притворство
Глупость
Властолюбие
Любопытство
Алчность
Жестокость

} *в какой мере они идеализируют?*

2 [79]

У моих книг отменная защита: кто за них хватается, да промахивается, потому что не имеет никакого права на такие книги, тотчас выставляет себя на смех — малейший прилив ярости заставляет его раскрыть самое сокровенное и притом самое смехотворное: ведь решительно всем известно, что в таких случаях из этого выходит! Бабенки от литературы, какими они обыкновенно бывают: нездоровье детородных органов да пальцы в чернилах —

Неспособность замечать новое и оригинальное: неповоротливость пальцев, не умеющих ухватить нюансы, чопорная серьезность, спотыкающаяся на слове и тут же

---

1 Причина (*лат.*).

падающая: близорукость, что, оказавшись лицом к лицу с неимоверным богатством широкой дали, перерастает в слепоту

Сетовал ли я когда на мою судьбу за то, что меня так мало читают и так плохо понимают? Но для многих ли надо вообще творить нечто из ряду вон выходящее! Вы что же, думаете, Бог сотворил землю ради человека?

2 [80]

К введению

Сумрачная пустошь и глушь campagna Romana[1], терпение в неопределенности.

Каждая книга—словно завоевание, захват—tempo *lento*[2]——драматическая завязка тянется до самого конца, а напоследок *катастрофа* и внезапное спасенье.

2 [81]

(15)

Только вопрос силы: обладать всеми патологическими чертами эпохи, но возмещать их мощною пластической, обновляющей силой. *Сильный человек:* изобразить <его>

2 [82]

По ту сторону добра и зла

Часть вторая и последняя

Предисловие.

Истолкование, а *не* объяснение. Не бывает никакого фактического положения дел, все текуче, неуловимо, не дается; даже наши мнения в сравнении с этим—сама долговечность. Наделение смыслом—по большей части это новое истолкование поверх старого, ставшего невразумительным истолкования, которое сейчас—всего только знак.

К физиологии власти. Исследование, при котором человек ощущает тождество своих сильнейших влечений и своих идеалов (и чистой совести).

---

1 Окрестностей Рима (*ит.*).

2 В *медленном* темпе (*ит.*).

Мы, безбожники.
Кто такие художники?
Право и законодательство
К истории современного помрачения.
Комедиантство.
О добрых и праведных.
Ранг и иерархия.
К мистралю. Плясовая.
По ту сторону добра и зла — прояснение для немногих, помраченье неба для большинства.

К истории современного помрачения.
Психология художника.
О комедиантстве.
Проблема законодателя.
Опасность <, заключенная> в музыке.
Истолкование, *не* познание.
Добрые и праведные.
О политике большой и малой —
Мы, безбожники.
К мистралю. Плясовая.

На 30 страниц.
2 листа.

(Предисловие: что объединяет мои сочинения)
Истолкование, *не* объяснение.
К физиологии власти.
О комедиантстве.
К истории современного помрачения.
Мы, безбожники.
Добрые и праведные.
Об иерархии.
Право и законодательство.
Художники.

2 [83]

(7)

Человек думает, будто он — причина, деятель —
все, что происходит, относится к какому-нибудь субъекту как предикат

За любым суждением кроется всецелая глубина веры в субъект и предикат или в причину и следствие; а эта последняя вера (в виде утверждения, что любое следствие – это деятельность и что любая деятельность предполагает деятеля) представляет собою даже особый случай первой, так что эта вера оказывается фундаментальной: бывают субъекты

Я что-то заметил – и вот ищу *причину* этого: а это, в исконном виде, значит, что я ищу в нем какую-нибудь *цель*, и прежде всего кого-то, кто ее имеет, – субъекта, деятеля: прежде во *всем* происходящем усматривали намерения, всякий процесс был деянием. Такова наша древнейшая привычка. Делит ли ее с нами животное? Не вынуждено ли оно, будучи живым созданием, как и мы, ограничиться интерпретацией, соответствующей *ему самому*? – Вопрос *«почему?»* – это всегда и вопрос о causa finalis[1], вопрос «для чего?». Мы не представляем себе «смысл causa efficiens[2]»: тут *Юм* прав, это привычка (но *не* просто личная привычка!) заставляет нас ожидать, что такой-то часто наблюдавшийся нами процесс последует за другим, только и всего! Что дает нам чрезвычайную прочность веры в причинность, так это *не* великая привычка замечать последовательность процессов, а наша *неспособность* интерпретировать происходящее иначе, чем в виде намеренного процесса. Это *вера* в живое и мыслящее как единственно *действующее* – в волю, в цель, – а то, что всякий процесс – это деяние, что всякое деяние предполагает действователя, – составляет веру в «субъект». И разве эта вера в понятия субъекта и предиката – не одна большая глупость?

Вопрос: является ли цель причиною процесса? Или это – тоже иллюзия? Разве она – не сам *этот* процесс?

«Притяжение» и «отталкивание» в чисто механическом смысле – совершеннейшая фикция, всего лишь слово. Мы не можем представить себе притяжение без цели. Волю, овладевающую какою-нибудь вещью или обороняющуюся от ее силы, отражающую ее, – *это* мы

---

1 Целевой причине (*лат.*).

2 Действующей причины (*лат.*).

«понимаем»: это интерпретация, которою мы могли бы пользоваться.

Короче: психологическая вынужденность верить в причинность заключается в *невозможности представить себе процесс без цели:* что, разумеется, еще ничего не говорит об истинности или неистинности (<то есть> об оправданности таковой веры). Вера в causae[1] — то же, что и вера в τέλη[2] (против Спинозы и его каузализма).

2 [84]

(30)

Суждение — наша древнейшая вера, наша самая укорененная привычка считать что-то истинным или ложным.

Суждение представляет нашу древнейшую веру, всякое суждение — способ считать что-либо истинным или ложным, утверждение или отрицание, уверенность в том, что предмет — такой, а не другой, вера в то, что здесь и впрямь что-то было «познано», — так во *что* же все суждения верят как в истину?

Что такое *предикаты?* Мы поняли происходящие в нас изменения *не* как таковые, а как нечто происходящее «само по себе», нам самим чуждое, такое, которое мы лишь «воспринимаем»: и мы постулировали их *не* как процесс, а как бытие, как «свойство», — и мысленно добавили некое существо, коему они принадлежат, **т. е.** мы установили *действие как действующее*, а *действующее — как сущее.* Но даже в такой формулировке понятие «действия» произвольно: ведь из тех изменений, которые происходят в нас и о которых мы определенно мыслим, что они *не* суть сами причины, мы делаем лишь тот вывод, что они, должно быть, следствия, — согласно выводу «у всякого изменения есть автор». Но этот вывод — уже мифология: он *отрывает* действующее *от* действия. Когда я говорю: «Молния блистает», то блеск я один раз беру как деятельность, а второй раз — как субъект: стало быть, приписываю процессу бытие, которое отнюдь не совпадает с этим процессом, а, скорее, *сохраняется, существует,* но не *«становится». По-*

---

1 Причины (*лат.*).

2 Цель (*греч.*).

лагать процесс как действие, а *действие–как бытие:* это двойное *заблуждение*, или *интерпретация*, в коей мы повинны. Стало быть, к примеру <, в предложении> «Молния блистает» — «блистать» есть претерпеваемое нами состояние; мы, однако, понимаем его не как оказанное на нас действие и говорим «нечто блистающее» так, словно это — что-то сущее «само по себе», и ищем его автора, «молнию».

2 [85]

(35)

Свойства вещи суть действия, оказываемые ею на другие «вещи»: мысленно устраните другие «вещи», и окажется, что у вещи нет никаких свойств, т.е. *не бывает одной вещи без других вещей*, т.е. не бывает «вещи самой по себе».

2 [86]

(30)

Чем одним только и может быть познание? «Истолкованием», *не* «объяснением».

2 [87]

(32)

Всякое единство есть единство *лишь* в качестве *организации и взаимодействия*: и именно таков случай, когда единство — человеческая общность: стало быть, оно — *противоположность* атомистической *анархии*; следовательно, <единство> — *структура господства*, которая *означает* единое, но не *есть* единое.

Надлежало бы *знать*, что2 *есть* бытие, чтобы решать, реально или нет то или это (к примеру, «факты сознания»); а равным образом — что2 есть *достоверность*, что2 — *познание* и тому подобное. Но поскольку мы этого *не* знаем, то критика познавательной способности становится бессмысленной: как инструмент может критиковать сам себя, если для критики он в состоянии пользоваться как раз лишь *самим собою*? Он не может даже определить себя самого!

если всякое единство есть единство лишь в качестве организации? но «вещь», в которую мы верим, *добавлена*

мысленно лишь как фермент для различных предикатов. Если вещь «действует», то это значит: *все остальные* свойства, тоже присутствующие тут, но пока латентные, мы понимаем как причину того, что сейчас на первый план выходит одно-единственное свойство, то есть *мы принимаем сумму его свойств, «х»*, за **причину** *свойства «х»*: но ведь это *совершеннейшая* глупость, полный бред!

«Субъект», или «вещь»

2 [88]

(33)

Сила, которую мы не можем себе представить (скажем, так называемая чисто механическая сила притяжения и отталкивания),—пустое слово, не имеющее права на гражданство в *науке*, каковая стремится сделать мир *представимым для нас*, и не более того!

Все, что происходит в соответствии с целью, можно свести к *цели приумножения власти.*

2 [89]

Что если у нас есть математическая формула для процесса, то что-то *познано*,—это иллюзия: он просто *охарактеризован*, *описан*, и больше ничего!

2 [90]

(31)

Тождество и подобие. 1) несовершенный орган зрения улавливает множество мнимых тождеств

2) ум *стремится* к тождеству, то есть—подвести чувственное впечатление под <норму> уже существующего ряда, точно так же, как тело *ассимилирует* <попавшее в него> неорганическое вещество.

К уразумению того, что такое *логика::: воля к тождеству есть воля к власти.*

—вера в то, что вещь—такая-то и такая-то, а эта вера—самая суть *суждения*, есть следствие желания, чтобы *непременно* было как можно больше тождественного.

2 [91]

(30)

Если наше «я» — единственное для нас *бытие*, по коему мы заставляем *быть* все остальное или понимаем его <как бытие> — допустим, что это так! — тогда весьма уместно сомнение, не сталкиваемся ли мы тут с перспективистской *иллюзией* — мнимым единством, которым, словно линией горизонта, объемлется все вокруг. В учебнике, какой представляет собою плоть, мы видим какую-то чудовищную *множественность*; с точки зрения методической дозволяется в качестве руководства для понимания более бедного феномена использовать *более богатый*, который легче усвоить. Короче говоря, если все есть становление, то *познание возможно лишь на основе веры в бытие.*

2 [92]

Проекция чувственных восприятий вовне: «внутри» и «вовне» — тут распоряжается *плоть* — ?

— та же уравнивающая и организующая сила, что действует в идиоплазме, действует и при усвоении элементов внешнего мира: наши чувственные восприятия — это уже *результат* такого *уподобления* и *уравнивания* в отношении *всего* прошлого в нас; они отнюдь не следуют тотчас за «впечатлением» —

2 [93]

(34)

В какой мере диалектика и вера в разум еще зиждутся на моральных предрассудках. Как бывшие обитатели интеллигибельного мира Блага, мы еще владеем заветом той эпохи в виде учения Платона: божественная диалектика, ведущая свой род от самого Блага, ведет ко всему благому (то есть как бы «назад» —). Декарт тоже понимал, что в христианско-моральной идейной схеме с ее верой в *доброго* Бога — творца всех вещей, только правдивость Бога служит *залогом* достоверности суждений на основе наших чувственных восприятий. А без санкции религии и без ручательства, данного нашим чувствам и разуму, — откуда ж нам взять право на доверие к существованию! Что мышление и вовсе мерило реального, то есть если нечто

нельзя мыслить, то его и не *существует*, — это неуклюжее non plus ultra[1] впавших в блаженное доверие морализаторов (доверие к кардинальному принципу правдивости, лежащему в основе сущего), а в сущности, бредовое положение, на каждом шагу противоречащее нашему опыту. Мы вообще не в состоянии мыслить ни о чем как раз постольку, поскольку оно *есть*...

2 [94]

Нам довольно трудно проследить, как складывается качественное суждение

Сведение качеств к ценностным суждениям.

2 [95]

Наши восприятия, как мы их понимаем, то есть сумма всех *тех* восприятий, *осознание* которых было важным и полезным делом для нас и всего органического процесса до нас: стало быть, не все восприятия вообще (скажем, не электрические). Это значит: наши *чувства* открыты лишь для избранных восприятий — таких, что должны быть важны для нашего выживания. *Сознание существует в тех пределах, в каких оно полезно.* Все чувственные восприятия, без сомнения, насквозь пронизаны *оценочными суждениями* (полезно — вредно, следовательно, приятно либо неприятно). В то же время отдельный цвет выражает для нас некую ценность (хотя мы признаемся себе в этом редко или только после того, как один лишь этот цвет долго воздействовал на нас (скажем, на узника в темнице или на помешанного)). Поэтому насекомые по-разному реагируют на различные цвета: некоторые они предпочитают, как делают, к примеру, муравьи.

2 [96]

Ироническое отношение к тем, кто считает христианство *побежденным* современным естествознанием. Христианские ценностные суждения этим никоим образом *не* побеждены. «Христос распятый» — все еще самый возвышенный символ. —

1 *Здесь*: шедевр (*лат.*).

2 [97]

Здоровье и патология: нужна осторожность! Мерилом остается цветущее тело, резвость, мужество и веселость духа — хотя, конечно, еще и то, *сколько болезни тело может взять на себя, а потом одолеть ее — вылечить*. То самое, от чего люди хрупкого склада погибли бы, входит в число стимулирующих средств *великого* здоровья.

2 [98]

(35)

Бедность, смирение и *целомудрие* — опасные и клеветнические идеалы, но, как и яды, в некоторых случаях они помогают уврачевать болезнь; к примеру, так было в Риме времен кесарей.

Опасны все идеалы — ведь они унижают и позорят конкретное, все они — яды, но незаменимы как лекарства, дающие временное облегчение

2 [99]

Как вел себя органический процесс в целом *в отношении* всей остальной природы? Тут-то и открывается его *основная воля.*

2 [100]

Воля к власти

Опыт переоценки всех ценностей

В четырех книгах

Книга первая: величайшая из опасностей (изображение нигилизма) (*как неизбежного следствия прежнего способа ценить*)

Книга вторая: критика ценностей (логики и т. д.

Книга третья: проблема законодателя (и там же история одиночества). *Чем* должны отличаться люди, которые ценят все противоположным образом? Люди со всеми душевными качествами нашего времени, но достаточно сильные, чтобы преобразить их в несокрушимое здоровье.

Книга четвертая: молот
их способ решать свою задачу

Зильс-Мариа, лето 1886

Раскованы чудовищные силы; но во взаимном противоречии эти *раскованные* силы друг друга *уничтожают*
вновь связать раскованные силы, чтобы они не уничтожили друг друга, и
внимательно смотреть, где реально *приумножается* сила!

Повсюду выявлять дисгармонию между идеалом и конкретными обстоятельствами, в которых он выражается (к примеру, честность у христиан, которых постепенно приучили лгать)

К книге 2

В демократическом обществе, где всякий — специалист, недостает «для чего», «для кого», недостает состояния, в котором получает смысл все это многогранное захирение каждого (его превращение в функцию).

Развитие чувственности
жестокости
мстительности
дурости
жадности
властолюбия
и т. д.
} до итога всей *культуры*

Об
Опасность, скрытая во всех прежних идеалах
Критика индийской и китайской манеры мыслить, равно как и христианской (как подготовительных ступеней *нигилистической* —)
Самая большая опасность: все бессмысленно.

(2)

Молот: учение, способствующее — посредством *раскрепощения* влекущегося к смерти пессимизма — *отбору наиболее жизнеспособных*

2 [101]

Обратный вывод — от творения к творцу: ужасный вопрос, преизбыток или нехватка, бред, вызванный нехваткой, заставляет творить: внезапно осенило, что всякий романтический идеал равнозначен бегству от себя, презрению к себе, приговору, вынесенному себе тем, кто этот идеал выдумал.

В конечном счете это вопрос силы: какой-нибудь щедро изобильный и покоряюще волевой художник мог бы полностью свести все искусство романтиков с его дороги в область антиромантического, или, как я обыкновенно выражаюсь, *дионисийского*, так же как и любой вид пессимизма и нигилизма в руках наиболее сильного скорее становится просто молотом и орудием, коим можно добыть себе новую пару крыльев.

Мне как-то разом сделалось понятно: хотя Вагнер и достигает своей цели, но на тот же лад, что и у Наполеона, который достиг своей Москвы, — на каждом этапе утрачивалось столь многое, столь невозместимо многое, что в самый тот миг, когда поход был кончен и будто бы достигнута победа, участь его была уже решена. Роковое пророчество — слова Брюнхильды. Так Наполеон дошел до Москвы (Р. Вагнер до Байрейта —).

Никогда не вступать в союз с больными и заранее обреченными силами —

Если б только я больше себе доверял: но это Вагнерово неуменье *ходить* (тем более — *танцевать*, а без танца я не мыслю ни отдыха, ни счастья) всегда ставило меня в тупик.

Жажда полной поглощенности страстью предает человека: кто на нее способен, тот жаждет быть очарованным ее противоположностью — *скепсисом*. Для людей искренне верующих скепсис бывает подчас и благом, и передышкою.

Вагнер, вещающий о восторге, который он умел-де извлекать из христианского причастия: после этого я и решился считать его *побежденным*. А тут еще во мне заговорило подозрение, не позволил ли он себе, в целях новой натурализации в Германии, отчасти разыгрывать

из себя христианина и новообращенного: это подозрение повредило ему в моих глазах куда больше, чем досада от того, что приходилось возлагать надежды на стареющего романтика, чьи колени уже успели устать от частых челобитий в адрес креста.

2 [102]

Вера в *тело*—фундаментальней, чем вера в душу: последняя возникла из затруднений, с какими сталкивался ненаучный взгляд на тело (<душу приняли за> то, что способно его покидать. Вера в *правдивость сна*—)

2 [103]

Не доверять самонаблюдению. Что одна мысль—причина другой, установить невозможно. По столу нашего сознания проходит череда мыслей, и мы думаем, будто одна мысль—причина следующей за ней. А на самом деле мы просто не видим борьбы, разыгрывающейся под столом——

2 [104]

У Платона, человека с чрезмерною чувственной возбудимостью, фанатика, зачарованность понятием была столь велика, что он безотчетно почитал и обожествлял понятие как форму идеала. *Хмель диалектики* как сознание того, что с ее помощью можно достигать господства над собою,——как орудие воли к власти.

2 [105]

Давление и толчок—нечто сугубо позднее, производное, вторичное. Ведь они уже заранее предполагают, что имеется нечто *удерживающее вместе*, *способное* давить и толкать! Но исходя из чего оно удерживало вместе?

2 [106]

Роль немецкой философии (Гегель): додумать до конца *пантеизм*, в коем зло, заблуждение и страдание *перестают ощущаться* как аргументы против божественного <характера мироздания>. Власти предержащие (государство и т.д.) злоупотребили этой *грандиозной инициативой*,

словно она санкционировала разумность существующих властей.

Шопенгауэр зато выступает несгибаемым моралистом, который, ради правоты своего морального подхода, становится в конце концов *мироотрицателем*. А в конце концов «мистиком».

Сам-то я попытался провести эстетическое оправдание: как возможна безобразность мира? — Я понял стремление к красоте и стремление к сохранению *тех же* форм как временные меры для поддержания и исцеления: но на более глубоком уровне начало вечно созидающее как *поневоле вечно разрушающее* казалось мне связанным с болью. Безобразное — это форма понимания вещей, подчиненная стремлению вложить смысл, *новый* смысл в то, что смысл утратило: это скопившаяся сила, принуждающая творящего пережить все прежнее как негодное, неудачное, отвергаемое как безобразное? —

Обман, внушаемый *Аполлоном*: *вечность* прекрасной формы; аристократический кодекс *«так да пребудет всегда!»*

Дионис: чувственность и жестокость. Бренность можно толковать как наслаждение зачинающей и разрушающей силой, как беспрестанное творение.

2 [107]

NB. Религии гибнут из-за веры в мораль: христиански-морального Бога отстоять нельзя; следствие — «атеизм», как будто других богов быть не может.

Культура тоже гибнет из-за веры в мораль: ведь как только обнаруживаются необходимые условия, только и дающие ей расти, *желание* культуры пропадает: буддизм.

2 [108]

Что *ценность мира* состоит в нашей интерпретации (— что, вероятно, где-то могут быть и другие интерпретации, нежели чисто человеческие —), что прежние интерпретации — это перспективистские оценки, благодаря которым мы поддерживаем свое существование, то есть

волю к власти, к росту власти, что всякое *возвышение человека* несет с собою преодоление ограниченных интерпретаций, что всякое достигнутое усиление и расширение власти открывает новые перспективы и призывает верить в новые горизонты,—всем этим живут мои сочинения. Мир, до которого *нам есть дело,*—неправилен, то есть представляет собой не действительность, но вымысел и округление какой-то скудной суммы наблюдений; он «течет», он—нечто становящееся, некая постоянно ускользающая неправильность, никогда не приближающаяся к истине: поскольку никакой «истины» нет.

2 [109]

«Бессмысленность происходящего»: вера в это—следствие уразумения неправильности прежних интерпретаций, обобщение уныния и немощи—не *необходимая* вера.

Как неучтив человек: где не видит смысла, давай его *отрицать!*

2 [110]

К «Рождению трагедии»

«Бытие» как выдумка страдающих от становления.

Книга, построенная из одного опыта эстетических состояний наслаждения и страдания, задний план коей образует метафизика для художников. В то же время она—кредо романтика, а в конечном счете—юношеское сочинение, полное юношеского задора и меланхолии. Тот, кто больше других страдает, сильнее тоскует по красоте—он ее *порождает.*

Опыт основных переживаний: словом «аполлоновское» обозначается восхищенное оцепенение перед выдуманным, найденным в мечте миром, перед миром *прекрасной видимости* как избавлением от потока *становления:* именем же Диониса я окрестил, с другой стороны, активное постижение и субъективное сопереживание становления—как бешеное наслаждение творца, знакомого и с яростью разрушения. Антагонизм этих двух переживаний и лежащих в их основе *страстей:* первое стремится *увековечить* явление, перед лицом которого человек стихает, утрачивает желания, в нем воцаряется штиль, он

исцеляется, оказывается в ладу с собою и со всем сущим; вторая страсть влечет к становлению, к наслаждению от вовлечения вещей в поток становления, то есть от созидания и уничтожения. Становление, пережитое и истолкованное изнутри, будет тогда беспрестанным творчеством кого-то неудовлетворенного, преизобильного, бесконечно напряженного и сжатого,—какого-то бога, побеждающего муку бытия лишь непрерывным изменением и чередованием: видимость будет для него—временным, дающимся только каждый данный миг избавлением; мир—вереницей божественных видений и избавлений в этой видимости.—Эта метафизика для художников противопоставлена одностороннему подходу Шопенгауэра, который умеет отдавать должное искусству не со стороны художника, а исключительно со стороны зрителя, поскольку оно несет с собою освобождение и избавление в наслаждении недействительным в противовес действительному (переживание человека, отчаявшегося в себе и страдающего в своей действительности),—избавление в *форме* и в ее вечности (так это переживал, скорее всего, и Платон: разница только в том, что этот последний вкушал победу над своею чрезмерно возбудимой и страстной чувственностью еще и в понятии). Этому противопоставляется второй факт—искусство как переживание, ведомое художнику, прежде всего музыканту: *мука* необходимости творить как *влечение дионисийское.*

Трагическое искусство, насыщенное тем и другим опытом, названо примирением Аполлона и Диониса: явление наделяется глубочайшим смыслом—благодаря Дионису; и все-таки это явление отвергается, и отвергается *с наслаждением.* Это направлено против Шопенгауэрова учения о *безропотности* как миропонимания трагического.

Против теории Вагнера, что музыка—средство, а цель—драма.

Тоска по трагическому мифу (по «религии», и притом религии пессимистической) (как по стеклянному колпаку, под которым хорошо себя чувствует то, что растет)

Недоверие к науке—несмотря на то, что ее ненадолго утоляющий боль оптимизм весьма ощутим. Непомраченность теоретического человека.

Глубокое отвращение к христианству: почему? На него перекладывают ответственность за вырождение немецкого начала.

Мир может быть оправдан лишь с эстетической точки зрения. Принципиальное подозрение касательно морали (она — из мира явлений).

Наслаждение сущим возможно лишь как наслаждение *видимостью.*

Наслаждение становлением возможно лишь в *уничтожении* действительности «сущего», этой прекрасной видимости, в пессимистическом разрушении иллюзии.

Дионисийское блаженство достигает своей вершины в уничтожении даже самой прекрасной видимости.

2 [111]

Проблема смысла искусства: *для чего* нужно искусство?

Как наиболее жизнеспособные и хорошо удавшиеся люди — *греки* — относились к искусству?

Факт: трагедия расцвела во времена, когда их сила была в зените, — почему?

Второй факт: потребность в красоте, а равно и логизирование мира, возникает у них во время их декаданса.

Толкование обоих фактов: — — —

Ошибочное применение к современности: я истолковал пессимизм как *следствие* избытка силы и жизнеспособности, каковой может позволить себе такую роскошь, как трагедия. Равным образом я истолковал немецкую музыку как выражение дионисийского избытка и первозданности, то есть

1) я переоценил немецкое начало
2) я не понял, в чем источник современного помрачения
3) мне не хватило культурно-исторического чутья на истоки современной музыки и определяющего ее суть *романтизма.*

Невзирая на такое ошибочное применение, проблема остается проблемой: *какой была бы музыка,* проистекшая *не* из романтического, а из *дионисийского* источника?

2 [112]

романтик—это художник, получающий творческую силу из великого недовольства самим собою,—он смотрит мимо себя и окружающего, он оглядывается на <сделанное>

2 [113]

Я начал с некоей метафизической гипотезы о смысле музыки: но в ее основе лежало одно *психологическое наблюдение*, под которое я еще не умел подвести никакого удовлетворительного *исторического* объяснения. Перенесение музыки в метафизическую сферу было актом почитания и благодарности; в сущности, до сей поры так поступали со своими переживаниями все верующие. Тут я изведал изнанку: бесспорно *вредоносное* и губительное воздействие на меня той самой музыки, которую я так почитал,—а вместе с тем пришел конец и ее религиозному почитанию. Тем самым у меня открылись глаза и на современную потребность *в* музыке (потребность, исторически появляющуюся одновременно с ростом потребности в наркотике). Само «произведение искусства будущего» предстало передо мною в качестве изощренно замаскированной потребности в возбуждении и хмеле, причем своей выгоды тут ищут все помыслы, включая всякую идеалистическую, религиозную, сгущенно-моральную нелепицу,—в качестве общего подхлестывания всего нервного механизма. Мне открылась вся суть романтизма: ее обличило *отсутствие* созидающего типа людей. К сему добавляются скоморошество средств, поддельность и заимствованность всех отдельных элементов, отсутствие добротности артистического образования, бездонное *лицемерие* этого самого современного из искусств, каковому следовало бы быть главным образом искусством театральным. Психологическая несостоятельность этих мнимых героев и богов, в одно и то же время нервных, грубых и рафинированных, подобно новейшим парижским живописцам и лирикам. Короче, я причисляю всех их скопом к современному «варварству». Но сказанное не затрагивает *дионисийского*. Трагедия является во времена избытка сил и здоровья, но также и во времена нервного истощения и

перевозбужденности. Диаметрально противоположное толкование. Для Вагнера показательно, что уже в «Кольце нибелунгов» он дал нигилистическую (алчущую покоя и смерти) развязку.

2 [114]

Произведение искусства *за вычетом* художника выглядит, скажем, телом или организацией (прусский офицерский корпус, иезуитский орден). В какой мере художник — лишь предварительная стадия. Что означает «субъект» — ?

Мир как порождающее само себя произведение искусства — —

Искусство — следствие *недовольства* действительностью? Или выражение *благодарности за изведанное счастье?* В первом случае — *романтизм*, во втором — нимб и дифирамб (короче, *искусство апофеоза*): сюда относится даже Рафаэль, который, правда, лицемерил, обожествляя *видимость* христианского миротолкования. Он был преисполнен благодарности за жизнь, когда она представала ему *не* в специфически-христианском виде.

Мир в *моральной* интерпретации невыносим. Христианство было попыткой с ее помощью победить, то есть отвергнуть, мир. In praxi это безумное посягательство — посягательство безумного высокомерия человека перед лицом мира — свелось к помрачению, измельчанию, оскудению человека: и при этом сбывались ожидания одной породы — породы наиболее посредственного и безвредного, стадного человека — она бралась под *покровительство*, если уж на то пошло...

Гомер как певец апофеоза; также и Рубенс. В музыке таких еще не бывало.

Идеализация *великого осквернителя* (признание его *величия*) — дело греков; свести на нет достоинство грешника, очернить, ошельмовать его — дело иудео-христиан.

2 [115]

«Бог умер». Опасность в богопочитании по иудео-христианскому пошибу.

2 [116]

Тот вид самопознания, что представляет собой скромность,—мы ведь не сами себя создали,—но не меньше того и благодарность—мы ведь «хорошо удались»—

2 [117]

Психология потребности заниматься наукой.

Искусство из благодарности или из недовольства.

Итог морального истолкования мира—мироотрицание (критика христианства).

Антагонизм между «улучшением» и укреплением человека как типа.

Бесконечная толкуемость мира: любое истолкование—симптом роста или упадка.

Прежние попытки оставить *морального* Бога в прошлом (пантеизм, Гегель и т. д.)

Единство (монизм)—потребность в inertia[1]; вариабельность толкования—признак силы. *Нельзя отказывать* миру в его зловещем и энигматичном качестве!

2 [118]

1. { I. Нигилизм, по всем признакам, при дверях.
II. <Его пришествие> неизбежно, раз люди не понимают его предпосылок. Таковые состоят в наделении ценностью (а *не* являются социальными фактами, которые всегда внушают то пессимизм, то оптимизм благодаря определенному *истолкованию*)

2. III. Происхождение наделения ценностью—в виде критики его разновидностей.

3. IV. Встречномыслящие. Их психология.

4. V. Молот: учение, подводящее к *вердикту*.

1. Наибольшая опасность.
2. Критика морали.
3. Мы, встречномыслящие.
4. Молот.

---

1 Лени (*лат.*).

2 [119]

«Сколь далеко искусство проникает в глубины мира? И существуют ли, помимо “художника”, какие-нибудь иные художнические творческие силы?» Этот вопрос, как известно, был моей *отправною точкой*: и на второй вопрос я отвечал «да»; а на первый — что «мир и сам — не что другое, как искусство». Безудержное стремление к знанию, истине и мудрости в этом мире видимости казалось мне осквернением основного метафизического стремления, извращеньем естества: и только справедливо <, думал я>, что мудрость своею острой вершиной оборачивается *против* мудреца. Мудрость обнаруживает свою противоестественность, враждебно выступая против искусства: желание познавать там, где спасительна как раз видимость, — да ведь это извращение, да ведь это влечение к небытию!

2 [120]

Все культы фиксируют какое-нибудь *однократное* переживание, встречу с каким-нибудь богом, спасение в каком-то одном смысле — и постоянно его демонстрируют. Локальный миф как исток драмы: тут поэзия берет на себя роль бога.

2 [121]

(38)

Комедиантство

Хамелеонство современного человека и его возбудимость. Главное — желание спрятаться и пресыщенность.

Литератор.

Политик (в «Национальном надувательстве»)

Комедиантство в искусствах

- Нехватка добротности начального образования и выучки (Фромантен)
- Романтики (нехватка философии и науки и избыток литературы)
- Романисты (Вальтер Скотт, но и безобразно раздутые «Нибелунги» с их бьющею по нервам музыкой)
- Лирики

«Научность»
Виртуозы (евреи)
Популярные идеалы низвергнуты, но покамест не в *глазах народа*:
святой, мудрец, пророк

2 [122]

(37)

К истории современного помрачения

Номады на службе государства (чиновники и т. д.): лишенные «родины» —
Упадок семьи
«Добрый человек» как симптом усталости.
Справедливость как воля к власти (выведение породы)
Похотливость и невроз.
Чернокнижная музыка: куда девалась музыка отрадная?
Анархист.
Презрение к человеку<,> отвращение.
Глубочайшее различие: чему дано *творить* — голоду или преизбытку? Первый из них порождает *идеалы романтизма.*
северная противоестественность.
потребность в алкоголе и «бедственное положение» рабочих
философский нигилизм.

2 [123]

Христиане обязаны верить в *правдивость* Бога: но тут же им, увы, приходится мириться с верою в Библию и в ее «естествознание»; они отнюдь *не смеют* признать какую-нибудь относительную истину (или, выражаясь яснее, ———). Христианство губит *безусловный* характер его морали. Наука разбудила сомнение в правдивости христианского Бога: от этого *сомнения христианство умирает* (Паскалев deus absconditus[1]).

---

1 Незримый, сокровенный Бог (*лат.*).

2 [124]

1. Рождение трагедии.	Метафизика для художников.
2. Несвоевременные мысли.	Мещанин от образования. Отвращение. Жизнь и историческая наука — Основная проблема. Философ-отшельник. «Воспитание» Художник-отшельник. *Чему* стоит учиться на примере Вагнера.
3. Человеческое, слишком человеческое	Свободный ум.
4. Разные мысли и изречения	Интеллектуальный пессимист.

(7)

Каузальность. Почему *я* именно таков? Нелепое представление — считать, будто свободно определяешь свое бытие и даже каков ты именно есть. Подоплека: требование — что *должно* быть такое существо, которое *воспрепятствовало* бы появлению столь презирающей себя самое твари, каковой я являюсь. *Чувствовать* себя контраргументом против Бога —

5. Странник и его тень.	Одиночество как проблема.
6. Утренняя заря.	Мораль как сумма предрассудков
7. Веселая наука.	Сарказм в адрес европейской моралистики. Шансы на преодоление морали. Каким должен был быть человек, живший за гранью? Заратустра — — —

Семь предисловий

Дополнение

к семи публикациям

2 [125]

К истории пессимизма.

Современное помрачение.

Комедиантство.

2 [126]

К 2) критике высших ценностей

К истории *очернения*.

Как делаются *идеалы*.

Культура (и «очеловечивание»: противоположны)

Мораль как инстинкт стыда, как маскарад, как личина, принципиально доброжелательная интерпретация <мира>

(37)

Добавить суждения о *пессимистах*!

Индусы

Пессимизм (как инстинкт) и тяга *к* пессимизму: основной контраст

Пессимист интеллекта Пессимист чувственности	один руководствуется нелогичностью, другой—болезненностью в ощущениях

—*все* эти мерила таковы лишь с позиций *морали*

—или, подобно Платону, даже из страха перед ἡδονή[1] как переоценщиком ценностей и совратителем

A. Что есть истина?

B. Справедливость.

C. К истории сопереживаний

D. «Добрый человек»

E. «Человек высшего типа»

F. Художник.

(36)

Что есть истина? (inertia, гипотеза, создающая комфорт, минимальная трата душевной энергии и т.д.)

1 Наслаждением (*греч.*).

2 [127]

(2)

Нигилизм уже при дверях: откуда пожаловал к нам этот самый зловещий из всех гостей? —

I. 1. Отправной пункт: *заблуждение* считать, будто *причина* этого нигилизма кроется в «социальных бедах», или в «физиологическом вырождении», или, еще того пуще, в коррупции. Они, конечно, допускают совершенно различные толкования. Но нигилизм кроется в *одном-единственном, определенном толковании* — в христианско-моральном. Время-то — самое <для него> подходящее, самое <к нему> сочувственное. Нужды, душевной, телесной, интеллектуальной нужды, самой по себе еще далеко не достаточно, чтобы породить нигилизм, то есть радикальное отрицание ценности, смысла, идеалов.

2. Закат христианства — из-за его собственной морали (каковая неотделима <от него> —), обращающейся против христианского Бога (сознание правдивости, обостренное благодаря христианству, питает *отвращение* к лицемерию и лживости всего христианского толкования мира и истории. Из крайности «Бог есть истина» переход в другую — к фанатичной вере в то, что «все лживо». Буддизм *дела*...

3. Скепсис в отношении морали — вот главное. Закат *морального* миротолкования, которое более ничем не *санкционировано*, после того как попробовало сбежать в потустороннее: заканчивает нигилизмом — «все лишено смысла» (недоказуемость миротолкования, в которое были вложены неимоверные силы, — пробуждает сомнение: а что, если лживо *любое* миротолкование —), черта буддийская, тоска по небытию. (Индийский буддизм *не* проделал никакого фундаментального морального развития, поэтому в его нигилизме содержится лишь мораль преодоленная: существование как наказание, существование как стечение заблуждений и, стало быть, заблуждение как наказание —

это моральная оценка.) Попытки преодолеть «морального Бога» со стороны философии (Гегель, пантеизм). Преодоление популярных идеалов: мудрец. Святой. Поэт. Антагонизм «истинного», «прекрасного», «доброго» — —

4. Против «бессмысленности», с одной стороны, и против моральных ценностных суждений — с другой: в какой мере все науки и философия прежде подчинялись моральным суждениям? И не придется ли примириться с враждою к науке? Или <даже> с антинаучностью? Критика спинозизма. Остатки христианских ценностных суждений повсюду в социалистических и позитивистских системах. Отсутствует *критика христианской морали.*
5. Нигилистические последствия нынешнего естествознания (наряду с его попытками ускользнуть в потустороннее). Из ее работы в конце концов *последует* саморазложение, она обернется против *себя самой*, станет антинаучной. Со времен Коперника человечество скатывается из центра в «х».
6. Нигилистические последствия политического и экономического образа мыслей, где все «принципы» мало-помалу доходят до комедиантства: оттуда несет посредственностью, убожеством, ханжеством и т. д. Национализм, анархизм и т. д. Наказание. Не хватает сословия и человека, которые могли бы *спасти*, — оправдателей —
7. Нигилистические последствия исторической науки и «историков *на практике*», то есть романтиков. Позиция искусства: абсолютная *не*оригинальность его позиции в современном мире. Его помрачение. Мнимое олимпийство Гёте.
8. Искусство и подготовка нигилизма. Романтизм (финал Вагнеровых «Нибелунгов»).

2 [128]

I. Основное противоречие — между цивилизацией и возвышением человека. Настало время *великого полудня, плодотворнейшего* **просветления**: вот *пессимизм на* **мой** *лад* — великий исходный пункт.

II. Формы наделения моральной ценностью в виде истории лжи и очернительского искусства на службе некоей воли к власти (воли *стада*), восстающей против более сильных.

III. Условия всякого возвышения культуры (<то есть создания возможности> *отбора лучших* за счет толпы) — это условия роста вообще.

IV. *Многозначность* мира как вопрос *силы*, рассматривающей все вещи *в перспективе своего роста. Моральные христианские* ценностные суждения как рабское восстание и рабская лживость (в сравнении с аристократическими ценностями *античного* мира).

Сколь глубоко проникает искусство в сущность *силы*?

2 [129]

Вечное возвращение

Заратустровские пляски
и шествия

Часть первая: праздник смерти Божией

Сочинение
Фридриха Ницше

1. Праздник смерти Божией.
2. В великий полдень.
3. «Этот молот — для чьей он руки?»
4. Мы, дающие обет.

I

Зачумленный город. Его предупреждали; он не боится и входит, не раскрывая себя. Мимо проходят все виды пессимизма. Пророк *толкует* каждую процессию. Чередою проходят мимо тяга к иному, тяга к отрицанию, тяга к небытию.

Напоследок Заратустра дает <свое> *разъяснение*: Бог умер, и в этом *причина* величайшей опасности: разве? ведь она же могла бы быть и причиною величайшего мужества!

II

Появление друзей.

Те, что обречены на гибель, наслаждаются *совершенным*: удаляющиеся.

Отчет друзей.

Праздничные шествия. Поворотный пункт, великий полдень.

Великое поминальное и благодарственное жертвоприношение мертвому Богу.

III

Новая задача.
Способ решить задачу.
Друзья оставляют его.

Смерть Бога, для пророка событие ужаснейшее, для Заратустры – блаженство и величайшая надежда.

Заратустра умирает.

IV. Мы, дающие обет

2 [130]

Феномен «художник» еще совершенно *прозрачен*: отсюда можно проникнуть взглядом в *фундаментальные инстинкты власти*, природы и т. д.! Даже религии и морали!

«игра», бесполезное как идеал избытка сил, как нечто «детски легкое». «Детская легкость» бога, παις παίζων[1]

2 [131]

План книги первой

Смутно вырисовывается противоположность мира, который мы почитаем, и мира, которым мы живем, который – мы сами. Остается только отменить либо наши челобития, либо нас самих. Последнее и есть нигилизм.

1. Надвигающийся нигилизм, теоретически и практически. Его ошибочное объяснение.
   (Пессимизм, его виды: прелюдии нигилизма, хотя и без неизбежности.)
   Перевес Севера над Югом.

---

1 Дитя играющее (*греч.*).

2. Христианство, гибнущее от собственной морали. «Бог есть истина», «Бог есть любовь», «справедливый Бог» — Величайшее событие — «Бог умер» —, <что> смутно ощущается. Попытка немцев превратить христианство в гносис, вылившаяся в глубочайшее недоверие: при этом явственней всего ощутимо «неправдоподобие» (это — против Шеллинга, к примеру).
3. Мораль, отныне лишенная санкции, не сможет удержаться на плаву. В конце концов моральное толкование будет *отброшено* — (чувство еще повсюду отдает христианским ценностным суждением —)
4. Но на моральных суждениях прежде покоилась *ценность*, и в первую очередь ценность философии! («воли к правде» —)
популярные идеалы «мудреца», «пророка», «святого» пали
5. *Нигилистическая черта* естествознания. («Бессмысленность» —). Каузализм, механицизм. «Закономерность» — антракт, пережиток.
6. То же самое в политике: нет уверенности в *своей* правоте, нет невинности, царит лживость, все делается на потребу сиюминутному
7. То же самое в экономике: отмена рабства: отсутствие сословия, которое могло бы спасти и *оправдать*, — наступает анархия. «Воспитание»?
8. То же самое в истории: фатализм, дарвинизм, крах последних попыток внести в толкование <истории> разум и божественное начало. Сентиментальное отношение к прошлому; любое <подлинное> жизнеописание кажется несносным! — (и тут феноменализм: характер как маска, никаких фактов)
9. То же самое в искусстве: романтизм и вызванная им *ответная реакция* (неприятие романтических идеалов и лжи), чистые художники (<то есть> безразличные к содержанию). Последнее, с моральной стороны, <рассмотреть> как ощущение большей правдивости, — но <ощущение> пессимистичное.
Психология исповедников и психология пуритан — две формы психологического романтизма: но даже

и в ответной реакции на него — попытке отнестись к «человеку» чисто художнически, — даже и здесь все еще *не отважились* на *обратное* понимание ценного!).

10. Вся европейская система человеческих устремлений *ощущает* отчасти свою бессмысленность, отчасти уже свою «неморальность». Вероятно появление какого-то нового буддизма. Величайшая опасность. «Как правдивость, любовь, справедливость соотносятся с *подлинным* миром?» Да никак! —
Признаки.
Европейский нигилизм.
Его причина: обесценение прежних ценностей.

Нечеткое слово «пессимизм»: те, что чувствуют себя плохо, и те, что чувствуют себя слишком хорошо, — те и другие были пессимистами.

Соотношение между нигилизмом, романтизмом и позитивизмом (последний — ответная реакция на романтизм, творение разочарованных романтиков).

«Возвращение к природе». 1. Его этапы: фон образует блаженная доверчивость христианства (видимо, уже у Спинозы — «deus sive natura»[1]!)
Руссо, наука по образцу романтического идеализма

Спинозизм чрезвычайно влиятелен: 1) попытка занять позицию довольства миром, *как он есть*
2) наивно полагать блаженство и познание в *зависимости* (выражение тяги *к* оптимизму, выдающей глубокое страдание —)
3) попытка *избавиться* от морального миропорядка, с тем, чтобы в остатке оказался «Бог» как некий *существующий до всякого* **разума** *мир*...

«Если человек больше не считает себя злым, он и перестает им быть —». Доброе и злое — лишь интерпретации, а вовсе не положение дел, как оно есть само по себе. Можно догадаться о происхождении такого рода интерпретации; можно пробовать постепенно таким путем добиваться освобождения от закоренелой принудительности моральной интерпретации.

---

1 Бог, или природа (*лат.*).

К книге второй

Возникновение и *критика* моральных способов ценить. Это *не* одно и то же, как верят не склонные задумываться люди (такая вера—уже сама по себе *результат* моральной оценки: «такая-то вещь, возникшая так-то и так-то, менее ценна в силу неморального происхождения»)

Мерило, *которым* измеряется ценность моральных способов ценить: критика слов «улучшение, совершенствование, возвышение».

Фундаментальный факт, *оставшийся в тени*: противоречие между «большею моральностью» и возвышением и усилением человека как типа.

Homo natura[1]. «Воля к власти».

К книге третьей

Воля к власти.

Какими должны быть люди, производящие такую переоценку себя.

Иерархия как иерархия власти: война и опасность служат предпосылкой того, что тот или иной ранг сохранит условия своего существования. Грандиозный образец: первобытный человек, слабейшее и хитрейшее существо, становится хозяином, подчиняя себе более глупые силы.

К книге четвертой

Величайшая битва: для нее надо владеть каким-то новым *оружием*.

Молот: спровоцировать ужасный выбор, поставив Европу перед необходимостью *решать*, «желает» ли ее воля гибели.

Предотвратить обмещанивание. Уж лучше гибель!

2 [132]

(36)

Та предпосылка, что в основе всего лежат настолько моральные процессы, что человеческий разум оказывает-

---

1 Первобытный человек (*лат.*).

ся правым,—это доверчивость и исходный пункт порядочного мещанства, следствие веры в Божью правдивость—причем Бог мыслится как творец всего. Понятия унаследованы человеком из какого-то его потустороннего предсуществования——

Орудие не может *критически судить* о своей собственной пригодности: интеллект не может сам определять свои границы, ни даже удачность или неудачность своих действий.—

«Познавать»—значит *соотносить с предшествующим, уже известным*: по сути дела, некий regressus in infinitum[1]. А то, что его останавливает (на мнимой causa prima[2], на абсолюте и т. д.),—это *леность*, усталость——

А если все-таки кто-то страстно желает понять условия, в каких *возникает* вещь, то как раз *поэтому* он не поймет ее саму: к сведению господ историков.

2 [133]

Против компромиссов и миролюбия. К ним относится и любая попытка провести монизм.

2 [134]

(39)

Воздействие художников на народ и на массы: Бальзак, В. Гюго, Р. Вагнер

2 [135]

—Error veritate simplicior—[3]

2 [136]

—Один из тех *разительных* аргументов, который разит того, кто им пользуется—

---

1 Движение назад в бесконечность (*лат.*).

2 Первопричине (*лат.*).

3 Заблуждение проще истины; ошибиться проще, чем попасть в точку (*лат.*).

2 [137]

Путеводитель по идеям
Пособие
для серьезного изучения
моих сочинений

Основы. К учению о чувстве власти.
О психологической оптике
О критике религий.
О disciplina intellectus[1].
Подозрительные стороны добродетелей.
К чести зла.
Проблема художника.
Politika[2]

К логикам.
Против идеалистов.
Против верующих в действительность.
О музыке.
Разъяснение насчет гениальности.
Из таинств одиночества.
Как понимать греческое.

Об искусстве жить. Современное помрачение. Женщина и любовь. Книги и люди. Народы и «народ».

2 [138]

По ту сторону добра и зла

Пролог
к философии будущего

Сочинение
Фридриха Ницше

1 О воспитании ума (*лат.*).
2 Дела общественные(*греч.*).

Новое, более вразумительное издание
Том второй
С приложением: *Путеводитель по идеям*
Пособие для серьезного изучения моих сочинений

2 [139]

(7)

О «каузализме»

Очевидно, что во взаимном отношении причины и следствия не могут находиться *ни* вещи сами по себе, *ни* явления: отсюда следует, что понятие «причина и следствие» *неприменимо* в рамках философии, верящей в вещи сами по себе <, с одной стороны,> и явления <—с другой>. Ошибка Канта—... На самом деле понятие «причина и следствие», если поверить его психологией, рождается исключительно из того образа мыслей, что везде и всюду видит воздействие одной воли на другую,—что верует лишь в живое, то есть, в сущности, лишь в «души» (а *не* в вещи). В рамках механистического миропонимания (каковое является логикой и ее приложением к пространству и времени) это понятие сводится к математической формуле—с помощью которой, и это необходимо подчеркивать все снова, достигается отнюдь не понимание происходящего, а его обозначение, *записывание.*

Неизменное чередование известных явлений доказывает вовсе не «закон», а соотношение степени власти между 2 или более силами. Сказать: «Но как раз это соотношение и остается неизменным!»—это все равно что сказать: «Одна и та же сила не может в то же время быть и другою силой». Речь идет не о *последовательности*, а о *слитности*, о процессе, в котором отдельные чередующиеся моменты обусловливают друг друга *не* как причины и следствия...

Отрыв «действия» от «действователя», происходящего от того, *благодаря чему* что-то происходит, процесса от того, что является не процессом, а длительностью, субстанцией, вещью, телом, душой и т. д.,—попытка понимать процесс как своего рода сдвиг и перемену места чем-то «сущим», неизменным,—вся эта древняя мифология закрепила веру в «причину и следствие», после того как эта вера обрела твердую форму в грамматических связях языка.—

2 [140]

(30)

Против обоих положений — «подобное познается только подобным» и «подобное познается только неподобным», — вокруг которых уже в античности столетиями велась война, нынче можно возразить исходя из строгого и осмотрительного понятия познания: *познавать вообще невозможно* — и притом именно потому, что подобное не в состоянии познать подобное, и потому, что столь же мало и подобное может быть познано неподобным. —

2 [141]

Этот отрыв действия от действователя, действия от претерпевания, бытия от становления, причины от следствия

уже вера в изменения предполагает веру в *нечто* такое, *что* «изменяется».

разум — это философия *очевидного*

2 [142]

(30)

эта «регулярность» смены <явлений> — всего лишь фигуральное выражение, *словно* тут соблюдается какое-то правило: но этого на самом деле не происходит. То же самое и с «закономерностью». Мы находим какую-нибудь формулу, чтобы выразить в ней некий постоянно возвращающийся ряд событий: но этою формулой мы *не обнаружили никакого «закона»*, а еще того менее — силу, служащую причиной возвращения рядов. И если что-то происходит *всегда* таким-то образом, то интерпретируют это так, словно всегда таким-то образом действовало — проявляя покорность какому-нибудь закону или законодателю — некое существо, причем, не будь «закона», оно было бы вольно действовать иначе. Но как раз эта-то определенность образа действия может идти от самого существа, которое *не* соотносит свои определенные действия сначала с законом, а просто само по себе таково. Остается только сказать: вещь не может быть одновременно такой и другой, не может действовать то так, то эдак, она ни свободна, ни несвободна, а просто всегда такая-то. *Ошибка состоит в присочинении субъекта.*

2 [143]

Положим, в распоряжении мира имеется некий квантум силы,—очевидно, что любое перемещение <границы> власти на какое-нибудь другое место отражается на всей системе: стало быть, наряду с каузальностью <как следованием> друг *за* другом должна быть зависимость *рядоположенного и совместного.*

2 [144]

Положим даже, опровержение христианской веры провести было бы невозможно,—Паскаль же, ввиду *ужасающей* возможности того, что эта вера все же права, считает в высшей степени разумным быть христианином. Нынче—как признак того, сколь сильно христианство утратило способность ужасать,—можно видеть другую попытку его оправдания, состоящую в том, что, даже если бы оно было заблуждением, человек все равно всю жизнь извлекал бы из этого заблуждения великую пользу и наслаждение: таким образом оказывается, что эту веру надлежит поддерживать как раз ради ее умиротворяющего действия,—стало быть, не из страха перед некоей грозной возможностью, а, скорее, из страха перед жизнью, лишенной всякого стимула. Этот гедонистический уклон—доказательство от *наслаждения*—симптом упадка: он подменяет собою доказательство от *силы*, от того, благодаря чему христианская идея потрясает,—от *страха.* На деле же в таком перетолкованном виде христианство все больше истощается: люди довольствуются каким-то *опиумическим* христианством, потому что у них нет уже сил ни на поиск, борьбу, риск, желание обособленности, ни на паскалианство, это мечтательское самоуничижение, веру в человеческое ничтожество, страх перед «возможностью осуждения». Но христианству, которое обязано в первую очередь успокоить расшатанные нервы, вообще больше *нет нужды* в столь ужасающем решении вопроса, как «Бог на кресте»: потому-то повсюду в Европе буддизм втихомолку делает успехи.

2 [145]

Толкование процесса в качестве *либо* действия, *либо* претерпевания – причем любое действие есть <в то же время уже и> претерпевание – гласит: любое изменение, любой переход в иное предполагает автора и того, *с чем* происходит «изменение».

2 [146]

Можно провести полную аналогию между упрощением и сокращением бесчисленных переживаний до общих принципов *и* развитием сперматозоида, в сжатом виде несущего в себе все прошлое: такую же аналогию можно провести между художественной разработкой от порождающей основной идеи до «системы» *и* развитием организма как разворачиванием и продолжением идеи, как *воскрешением в памяти* всей предшествующей жизни, воскрешающим ясным представлением, воплощением.

Короче говоря: *зримая* органическая жизнь и *незримо* свершающиеся в душе творческие порывы и мысли содержат некий параллелизм: яснее всего параллелизм этих двух сторон можно выявить на примере «художественного произведения». В какой мере мышление, умозаключение и все, что связано с логикой, можно считать *лицевою стороной* – симптомом много более глубокого и фундаментального процесса?

2 [147]

(30)

«Цель и средство»	как истолкование	(*не* как положение дел)
«Причина и следствие»	как истолкование	всё в смысле воли
«Субъект и объект»	как истолкование	к власти

«Действие и претерпевание»
(«Вещь сама по себе и явление») как истолкование
а в какой мере, может быть, даже *необходимые* истолкования? (в качестве «сохраняющих»)

2 [148]

Воля к власти занимается *интерпретацией*: когда формируется какой-нибудь орган, речь идет об интерпретации; она <воля к власти> проводит границы, определяет степени, градации власти. Чистые градации власти еще не могут ощутить себя таковыми: нужно, чтобы было нечто растущеволящее, интерпретирующее любое другое растуще-волящее нечто, ориентируясь на собственную ценность. *Здесь* все равно — — На самом деле *интерпретация – это прямо-таки способ получить господство над чем-нибудь. (Органический процесс предполагает непрерывно длящуюся* **интерпретацию**.

2 [149]

«Вещь сама по себе» искажает суть дела точно так же, как и «смысл сам по себе», «значение само по себе». Не бывает никакого «положения дел самого по себе»,— *всегда сначала должен быть вложен какой-нибудь смысл, чтобы могло иметься положение дел.*

Вопрос «что это такое?» — *смыслополагание*, предпринятое с точки зрения чего-то иного. *«Эссенция»*, *«суть»* есть нечто перспективообразующее и уже предполагает какую-то множественность. В основе всегда лежит вопрос «что это такое для *меня*?» (для нас, для всего живого и т. д.).

Вещь будет обозначена, только если все существа спросят о ней «что это такое?» и получат ответ. Положим, не хватает одного-единственного существа, со всеми присущими ему отношениями и перспективами, связующими его со всеми остальными вещами: тогда эта вещь все-таки еще не «определена».

2 [150]

Короче говоря, сущность вещи — всего-навсего *мнение* об этой «вещи». Или даже так: *«считается, что...»* — это и есть подлинное *«это есть...»*, единственное «это есть...».

2 [151]

Негоже спрашивать: «А *кто* же интерпретирует?» — в качестве некоей формы воли к власти (но не в качестве «бытия», а в качестве *процесса, становления*) существует — в виде аффекта — само интерпретирование.

2 [152]

возникновение «вещей» — целиком и полностью дело представляющих, мыслящих, волящих, изобретающих. Само понятие «вещь» — так же, как и все свойства.— Даже «субъект» — такое же творение, «вещь», как и все прочее: некое упрощение, призванное назвать ту *силу*, что полагает, изобретает, мыслит, как таковую, в отличие от самих отдельных актов полагания, изобретения, мышления. Стало быть, она называет *способность* в отличие от всего единичного: в сущности, действие, обобщенное в соотнесении со всем только ожидаемым действием (действием и вероятностью подобных действий).

2 [153]

NB. Бога-человеколюбца никак *не установить* исходя из известного нам мира: вот на какое признание можно нынче вас принудить, вот до чего довести,— а какой вывод извлекаете отсюда вы? Раз *нам* его не установить, значит, будем скептиками в познании. Но все вы *трепещете* перед выводом: «Из известного нам мира можно *вывести* совсем другого Бога — такого, который по крайней мере *не* человеколюбив» — — а говоря прямо, это значит, что вы цепляетесь за своего Бога, выдумывая для него мир, *нам не известный.*

2 [154]

(36)

Против предрассудков в науке. Самая неправдоподобная басня — это басня о познании. Хотелось бы знать, каковы *вещи сами по себе*: а никаких вещей самих по себе — хвать — и нету! Но допустим даже, что нечто само-по-себе, нечто безусловное существует,— ведь тогда-то именно поэтому его и *нельзя будет познать!* Невозможно познать безусловное: иначе оно уже и *не будет* безусловным! Ведь познавать — это значит всегда «ставить себя в отношение к чему-то» — —; а тот «познающий» хочет, чтобы то, что он стремится познать, никак его не затрагивало; и чтобы оно никак не затрагивало вообще никого: при этом, во-первых, возникает противоречие между *желанием* познать и требованием, чтобы ничто не затрагивало познающего

(а зачем же тогда познавать?), и, во-вторых, то, что никого ни в чем не затрагивает, вообще *не существует*, а стало быть, не может быть и познано. Познавать—значит «ставить себя в отношение к чему-то»: ощущать свою обусловленность чем-то и нашу взаимную <обусловленность> ——это при любых обстоятельствах означает *констатацию, обозначение, осознание условий* (а **не** *исследование* сущностей, вещей, всяких «в-себе»).

2 [155]

Сильнейшее нежелание раз и навсегда останавливаться на каком-нибудь одном обобщенном миропонимании; волшебное очарование противоположного образа мыслей; не отказывать себе в стимулах энигматического порядка.

2 [156]

К главе *«Художники»* (которые придают форму, устанавливают ценности, овладевают)

Наши языки как отголоски *древнейшего способа овладения вещами*, хозяйского и мыслительного одновременно——: за каждым свежеотчеканенным словом тут же следовал приказ—«отныне эта вещь *будет* называться так!»

2 [157]

Разве не должны все *качества* быть признаками *количества*? Более высокая ступень власти соответствует иному сознанию, ощущению, притязанию, иному перспективному восприятию; сам рост—это стремление *больше быть*; из *quale*[1] растет стремление к росту количества; в мире чисто квантитативном все было бы мертвым, оцепенелым, неподвижным.—Сведение всех качеств к количествам—нелепость: все, что из него следует,—одно и другое стоят в одном ряду, аналогия—

2 [158]

Психологическая история понятия «субъект». Тело, вещь, сконструированная зрением «общая картина» по-

1 «Как» (*лат.*).

рождает различение между действием и действователем; от действователя как причины действия, понимаемого все более тонко, остался в конце концов «субъект».

2 [159]

Разве прежде хоть раз констатировали силу? Нет же, констатировали <ее> эффекты, переведенные на какой-то абсолютно чуждый ей язык. Регулярность же последовательной смены событий настолько нас избаловала, что мы *перестали дивиться тому, что 2 в ней действительно дивного.*

2 [160]

Нынче, когда для этой книги, которая вышла в свет, но все-таки нуждается в ключах, необходимо вдобавок еще и какое-то введение, предисловие,—первым делом надо сказать, почему тогда я *боялся* писать предисловие.

2 [161]

(41)

К *предисловию*

Испытывая глубокое недоверие к теоретико-познавательным догмам, я любил выглядывать то из того, то из другого окна, остерегаясь, однако, прочно обосноваться в каком-нибудь из них; я считал эти догмы вредными—да и, в конце-то концов, разве можно допустить, что орудие *способно* критически оценивать степень собственной пригодности? На что я обратил внимание, это, скорее, то, что теоретико-познавательный скепсис или догматика никогда не возникали без задней мысли, что их ценность оказывается ценностью второго ранга, если только рассудить, *что* на самом деле *принудило* занять такую позицию: уже одно только стремление к достоверности, если оно не равнозначно желанию «сперва я хочу жить»——— основная интуиция: как Кант, так и Гегель, так и Шопенгауэр—как скептико-эпохистская, так и историзирующая, так и пессимистическая позиции,—все они *морального* происхождения. Я не видел еще никого, кто отважился бы на *критику моральных ценностных чувств*: а скупым попыткам набросать историю возникновения таких чувств

(предпринятым английскими и немецкими дарвинистами) я скоро показал спину. Чем объяснить позицию Спинозы, его отказ и отклонение моральных ценностных суждений? (Было ли это *одним* из выводов какой-нибудь теодицеи?)

2 [162]

В моих прежних сочинениях читатель приметит честное стремление не замыкать свой кругозор, проявлять некую умную осторожность перед лицом различных убеждений, не доверять чарам и попыткам перехитрить собственную совесть, какими чревата любая сильная вера; в них можно увидеть отчасти осмотрительность обжегшегося однажды ребенка, <а отчасти—> разочарованного идеалиста,—но более важным мне кажется эпикурейское чутье любителя загадок, который никак не может за здорово живешь отказаться от энигматичной природы вещей, а напоследок самыми важными—некое эстетическое отвращение к громким, добродетельным и не допускающим возражений словам и вкус, дающий отпор при виде всевозможных четырехугольных противоположностей, *желающий* от вещей доброй доли зыбкости и стирающий противоположности, потому что предпочитает оттенки, тени, послеполуденные блики и безбрежные моря.

2 [163]

Обычные ошибки историков морали:

1. они говорят, что у разных народов—различные моральные суждения, выводя отсюда необязательность таковых вообще. Или утверждают, будто в определенных пунктах морали между народами, по крайней мере христианскими, сложился некий консенсус, а отсюда делают вывод об обязательности этих пунктов для нас: то и другое в равной степени наивно.
2. они критикуют мнение народа о собственной морали (о ее происхождении, о ее священном достоинстве, целесообразности и т.д.) и полагают, что это и есть критика самой морали, заросшей этим сорняком неразумия.

3. они и сами, не ведая об этом, находятся под властью морали и, в сущности, заняты именно тем, что помогают своей вере в нее одержать победу: их резоны показывают лишь их собственное желание, чтобы была обеспечена вера в то или другое, чтобы то или другое было вполне верным.

Ничего хорошего у прежних историков морали не найти: они обыкновенно и сами подчинены какой-нибудь морали и, в сущности, не заняты ничем другим, кроме как агитацией в ее пользу. Их обычная ошибка состоит в том, что они критикуют глупые мнения какого-нибудь народа о своей морали (то есть о ее происхождении, о ее священном достоинстве, целесообразности) и полагают, что это и есть критика самой морали, заросшей этим сорняком неразумия. Но ценность предписания долга не зависит от того, что о нем думают, так же как ценность лекарства не зависит от того, сужу ли я о медицине как ученый или как старая баба.

Или же утверждают, будто в определенных пунктах морали между народами, по крайней мере прирученными, сложился некий консенсус, а отсюда делают вывод о безусловной обязательности этих пунктов, в том числе для тебя и для меня, причем то и другое в равной степени страшно наивно—

2 [164]

Закаленный сражениями и победами дух, для которого завоевание, приключение, опасность, боль превратились прямо-таки в страсть; привычка к резкому воздуху высот, к зимним дорогам, к льдам и скалам в любом из смыслов; своего рода утонченная злость и крайне озорная мстительность—ведь это же настоящая месть, месть в адрес самой жизни, когда страдалец берет ее под свою защиту. Эта книга, которая нуждается, может, не в одном предисловии, трудна для понимания по многим причинам, а не только из-за неумелости автора и уж тем более не из-за его злонамеренности, а, скорее, из-за крайнего озорства страдальца, неизменно находящего для себя забаву в идеале, в который верует народ и которого сам он, наверное, достиг в названных состояниях.

—И, быть может, у меня есть право участвовать в обсуждении этих последних—ведь я не ограничивался их наблюдением.

Не сомневаюсь: состояние, которое я изжил в себе тогда, с помощью иронии поднявшись над собою, было присуще мудрецу, каким его представляет себе народ: вялое бесплодие и самодовольство мудреца, каким его представляет себе народ, отстраненность и потусторонность человека, предающегося «чистому познанию», весь этот утонченный онанизм ума, утратившего охоту к действию, к порождению, к созиданию в любом из смыслов. Разве кому-нибудь дано пережить вслед за мною чудесное блаженство того времени, в какое родилась эта книга! Утонченная злость души, что———

Нынче мне по вкусу кое-что другое: человек великой любви и великого презрения, своею избыточной силой гонимый из всяких «отстраненностей» и «потусторонностей» в самую гущу мира, принуждаемый одиночеством творить для себя существ, подобных ему самому,— человек, добровольно принимающий на себя ужасную ответственность, прикованный к своей задаче

Что, вероятно, всего труднее понять в этой трудной для понимания книге, которая нуждается не в одном предисловии, так это ирония, заключенная в противоречии между ее темой—разрушением и распусканием моральных ценностей—и тоном, в каком она написана, тоном высочайшей, снисходительнейшей, мудрейшей невозмутимости, коим забавлялся тяжелобольной человек, отвернувшийся от жизни, равно как и своим крайним озорством.

2 [165]

(41)

К предисловию для «Утренней зари»

Попытка мыслить о морали, не подпадая ее чарам, не доверяя коварству ее красивых жестов и взоров.

Мир, перед которым можно преклоняться, который приходится впору нашему позыву боготворить, который

беспрестанно *свидетельствует* о себе—руководя и частным, и общим,—это воззрение христианское, и из него все мы вышли.

По мере роста проницательности, недоверчивости, научности (а также инстинктивного поднятия планки правдивости, а стало быть, все под тем же христианским влиянием) *эта* интерпретация все больше становилась для нас *непозволительной.*

Самый хитрый выход—кантовский критицизм. Интеллект отрицает за собою право как на интерпретацию в том духе, так и на *отказ* от интерпретации в том духе. Довольствуются, заполнив брешь избытком доверчивости и веры, отказом от всякого подтверждения своей веры, невнятным и заносчивым «идеалом» (Богом).

Выход Гегеля, следовавшего тут за Платоном, заключает в себе изрядную долю романтизма и реакции, а заодно являет собою симптом появления чувства истории, некоей новой *силы:* сам «дух»—раскрывающий и реализующий себя идеал, в «процессе», в «становлении» открываются все новые черты этого идеала, в который мы верим,—итак, идеал воплощается, а вера обращается в *будущее,* в котором и сможет отдаться своей благородной потребности—поклоняться. Короче говоря,

1) Бог для *нас* непознаваем и неподтверждаем—тайный умысел теоретико-познавательного направления;
2) Бог подтверждается на опыте, но лишь в качестве некоторого становления, и мы входим в его состав именно в силу нашего стремления к идеалу—тайный умысел историзирующего направления

Но то же самое чувство истории, переходя в природу,———

Очевидно, что такая критика *никогда* не была направлена на сам идеал, а только на проблему—откуда берется антагонизм с ним, почему он еще не достигнут или почему его нельзя подтвердить ни в частностях, ни в главном.

Идеал *мудреца*—в какой мере он прежде был моральным до мозга костей? ———

Огромная разница—ощущается ли это бедственное положение как бедственное с позиций страстного желания или, благодаря остроте ума и определенному усилию исторического воображения, только устанавливается как проблема...

Тот же самый феномен мы находим и вне религиозно-философского анализа: утилитаризм (социализм, демократизм) критикует происхождение видов морального почитания, *но тем не менее верит в них*—точно так же, как христианин. (Наивно полагать, будто мораль уцелеет, если не будет санкционирующего ее *Бога.* Если вере в мораль суждено сохраниться, «потустороннее» абсолютно необходимо.)

Основная проблема: откуда это всемогущество *веры? Веры в мораль?*

(—веры, которая проявляется и в том, что в пользу морали превратно интерпретируются даже основные условия сохранения жизни——вопреки тому, что2 известно о мире животных и растений.

«самосохранение»: дарвинистская перспектива, направленная на примирение альтруистских и эгоистических принципов.

(Критика эгоизма—к примеру, у Ларошфуко)

Моя попытка понять моральные суждения как симптомы и язык знаков, в которых проявляются процессы физиологически задавшейся или не задавшейся жизни, равно как и осознание условий сохранения и роста: способ интерпретации, равноценный астрологическому. Предрассудки, пользующиеся подсказками инстинктов (предрассудки о расах, общностях, о разных стадиях жизни, скажем о юности или увядании, и т.д.).

В применении к специфической христианско-европейской морали: наши моральные суждения—признаки упадка, неверия в *жизнь*, приуготовление пессимизма.

В чем смысл того, что, интерпретируя, мы внесли в существование *противоречие*?—Вот что решающе важно: за спиною всех иных видов почитания стоят и распоряжаются все те же моральные виды почитания. Положим, они отпадут: чем мы тогда станем мерить? И какой ценностью будут тогда обладать познание и т.д. и т.д.???

Мой главный тезис: не существует никаких моральных феноменов – есть только моральная интерпретация этих феноменов. Сама же эта интерпретация имеет внеморальное происхождение.

2 [166]

Предисловие к «Веселой науке»

Увеселение перед великим предприятием, силы для которого, чувствуешь это, теперь наконец вернулись: так Будда десять дней предавался мирским наслаждениям, найдя свое главное положение.

Общий сарказм касательно всякого нынешнего нравоучительства. Подготовка *наивно-иронического отношения Заратустры ко всему священному* (наивная форма превосходства: **игра** со *священным*).

(42)

О превратном понимании «непомраченности». Временное избавление от длительного напряжения, задор духа, копящего силы и готовящего себя к страшным и незыблемым решениям. *«Шут» под маскою «науки»*.

Эта книга нуждается, вероятно, не в одном предисловии: никто так ничего и не понял из ее «веселой науки». Даже о заглавии – – –

Никто так ничего и не понял из этой «веселой науки»: даже заглавие, о провансальском смысле которого многие ученые позабыли – – –

То победоносное состояние духа, которым порождена эта книга, понять трудно – но сам-то я порожден <как раз этим> состоянием духа.

сознательное отвращение ко всему, что превратилось для меня в былое, в сочетании с каким-то утонченным желанием благодарить даже за него, за это «былое», не слишком далеким от ощущения, что я вправе на долгую месть,

осколок седого, ледяного старчества, врезавшийся в жизнь в самом неподходящем ее месте, тирания боли, превзойденная тиранией гордости, отвергающей *следствия* боли в душе, уединение как вынужденная защита от

болезненного ясновидческого презрения к людям—я полюбил уединение, я наслаждался им поэтому еще и как избавлением, а с другой стороны, жажда всего самого горького, сурового, жгуче терзающего, что только ни есть в познании

Одно из тех переживаний, которые мне никогда не забыть, связано с тем, что ни одна из моих книг не удостоилась столь искренних поздравлений, как эта,—в них мне дали понять, насколько здрав несомый ею образ мыслей

Глубже всего люди бывают уязвлены, когда ты даешь им заметить высоту и строгость требований, которые предъявляешь к себе самому.

Глубже всего люди бывают уязвлены, решительней всего отворачиваются от тебя, когда даешь им заметить, с какою строгостью относишься к себе самому: но как приветливо, как любезно принимает нас свет, стоит нам только начать поступать, как все, «давать себе волю», как все!

Одно из тех переживаний, которые мне никогда не забыть, связано с тем, что эта книга «gai saber» принесла мне больше поздравлений, чем все остальные вместе: со мною вдруг примирились, ко мне вновь проявили дружелюбие и любезность, и все увидели в книге признак того, что я выздоравливаю, образумливаюсь, прихожу в себя, возвращаюсь назад—и притом назад ко «всем».

За вычетом нескольких ученых, тщеславие которых покоробило слово «наука» (—они давали мне понять, что это, может быть, и «веселая», но уж никак не «наука»—), все остальные восприняли эту книгу как возвращение ко «всем остальным» и ради нее проявили ко мне дружелюбие и любезность: а я-то лишь *задним числом* догадался, что ничто не язвит глубже и <не настраивает> против нас более решительно———

NB Быть может, напоследок читатель склонит свой слух и к нескольким задорным песням, в коих поэт потешается над поэтом и его красивыми лирическими чувствами.

NB!! Заратустра, на некий священный лад противопоставляющий всему священному мужество и насмешку и не кривя душою идущий своей дорогой ко всему наиболее запретному, злому — — —

2 [167]

Отрицание причинности. Чтобы не сваливать ответственность за все отдельное на все вместе и не *укорачивать* нить, на которой что-то висит. «Случай» действительно существует.

2 [168]

Тенденция развития морали. Всякому хочется, чтобы в выгодном освещении не представало ни одно другое учение, ни один другой способ оценивать вещи, кроме того, которое дает возможность счастливо отделаться ему самому. *Следовательно, основная тенденция слабаков и посредственностей всех времен – ослаблять более сильных, тянуть их вниз: главный способ –* **моральное суждение**. Обыкновения более сильных в отношении более слабых клеймятся позором; высшие качества более сильных снабжаются хулительными прозвищами.

Война множества против немногих, обыкновенных против исключительных, слабых против сильных

— один из их самых ловких способов приостановить ее состоит в том, что избранные, ловкие, более взыскательные представляют себя немощными, а более грубые методы удержать власть отвергают —

2 [169]

(34)

Может быть, кому-то покажется, будто я уклонился от решения вопроса о достоверности. Но верно обратное: задаваясь вопросом о критерии достоверности, я проверял, какими разновесами пользовались при взвешивании до сих пор вообще, — и не был ли уже самый вопрос о достоверности вопросом *производным*, вопросом *второго* порядка.

2 [170]

(44)

Никто не знает и не подозревает, как выворачивалось наизнанку моральное суждение, сколь много раз, и самым основательным образом, «зло» перекрещивалось в «добро». На одну из таких махинаций я <указал>, введя противоположности «нравственность нравов» и – – –

Даже совесть переменила свое обиталище: было угрызение стадной совести

В какой мере даже наша совесть с ее мнимой личной ответственностью – это тем не менее все еще стадная совесть.

2 [171]

(43)

При великом избытке сил никаких угрызений совести, как и никаких *ressentiments*[1], не бывает (Мирабо, Б. Челлини, Кардано).

2 [172]

«Бытие» – у нас нет о нем никакого другого представления, кроме <выраженного словом> «жить». Как же в таком случае может «быть» нечто мертвое?

2 [173]

О sart pour sart см. Doudan pensées p. 10[2], равно как и о выродившемся культе красок

Шерер VIII p. 292.

2 [174]

В вещах находят только то, что сами же в них и засунули: и эта-то забава, о которой я не хочу сказать ничего дурного, зовется наукою? Напротив: если мы будем продолжать то и другое, то для того и другого понадобится бодрая решимость: одним – чтобы находить, другим – а именно *нам*, – чтобы засовывать!

---

1 Злопамятности *(фр.)*.

2 Искусстве ради искусства *см.* Дудан, «Мысли», с. 10 *(фр.)*.

—человек находит в вещах в конце концов только то, что сам же в них и засунул: то, что находит, называется наукою, а то, что засовывает,—искусством, религией, любовью, гордостью. В том и другом, пусть даже это забавы,———

2 [175]

(45)

NB. *Против* учения о влиянии среды и внешних причин: внутренняя сила бесконечно *превосходит* их; многое из того, что кажется влиянием извне,—это всего лишь приспособление к нему изнутри. Точно те же <воздействия> среды можно истолковать и использовать противоположным образом: <в этой области> нет никаких данностей. Гениальность *невозможно* объяснить условиями, в которых она возникла—

2 [176]

Что будет присуще *сильному* человеку XX столетия:—

2 [177]

(46)

Популярные идеалы, скажем Франциск Ассизский с его отрицанием иерархии душ: перед Богом все равны.

2 [178]

Полезно понимать «право», «нарушение закона» и т. д. в определенном узкогражданском смысле, к примеру «соблюдай закон—и можешь ничего не бояться»: то есть исполняй свой долг, следуя определенной грубой схеме, в рамках которой существует общество.

2 [179]

Предисловие

Исходя из представления о жизни (а она—стремление не к самосохранению, но к *росту*), я нарисовал картину основных инстинктов того направления, какое приняли у нас в Европе политика, дух и общество.

Что же я, очевидно, разъяснил?

1) за самыми резкими различиями философских толков скрывается известное тождество того, что2 у них за душою: они бессознательно руководствуются *моральными скрытыми умыслами*, а говоря яснее, *популярными идеалами*; следовательно, моральная проблема <для них> важнее теоретико-познавательной

2) когда-нибудь придется обернуть перспективу, чтобы пролить свет на такие *предрассудки, как мораль* и все популярные идеалы: для этого можно будет воспользоваться всевозможными видами «свободных умов», то есть умов, мыслящих неморально.

3) христианство как идеал плебейский со всей своею моралью сводится к тому, чтобы вредить типу людей более сильных, высокоразвитых, благородных, и благоприятствует типу стадного человека: это подготовка демократического образа мыслей

4) наука продвигается вперед в союзе с движением за равенство, а то, что все добродетели ученых отвергают *иерархию*,—это демократия

5) демократическая Европа сводится всего-навсего к утонченному выведению породы рабов, распоряжаться которыми должна будет какая-то сильная раса, чтобы рабы не стали тошнотворны самим себе

6) аристократия возникает только в условиях сурового и длительного гнета (господство над всей землею)

2 [180]

В Европе, в том числе и в Германии, есть, надо думать, несколько человек, доросших до проблемы этой книги, и не только любопытством своим, не только щупальцами избалованного ума, вещей силы воображения и усвоения, а в особенности «чувства истории», но и всею страстностью нужды: их душам хватает высоты, чтобы понять мою концепцию «свободного ума» как стилистиче-

ский прием, как хитрость, если угодно, как скромность: эти не станут сетовать на мою невразумительность.

Есть множество вещей, выступать против которых я не счел нужным: само собой понятно, что фигура «литератора» мне отвратительна, что все нынешние политические партии мне отвратительны, что к социалисту я отношусь отнюдь не только с соболезнованием. Два благороднейших человеческих типа, которые мне довелось знать лично,—законченный христианин (и я почитаю для себя за честь принадлежать к роду, где ни в каком смысле не шутили со своим христианством) и законченный художник романтического идеала, которого я застал глубоко погрязшим в христианстве: очевидно, что повернись только спиною к *этим* двум типам, потому что они тебе не по нраву, и трудно будет найти среди нынешних людей человека себе по нраву,—в той мере, в какой это верно, я обречен на одиночество, хотя я прекрасно могу представить себе тот человеческий тип, что был бы мне по нраву. Мое терпеливое и снисходительное отвращение к самодовольству наших щеголяющих образованностью жителей больших городов, наших ученых———

2 [181]

(42)

Ирония Платона, которою умеет защищаться—или по меньшей мере прятаться—чрезмерная изнеженность души и чувств, ранимость сердца, та олимпийская суть Гёте, что писала стихи о своих страданиях, чтобы от них избавиться, подобным же образом и Стендаль, Мериме—

2 [182]

(10)

Чтобы существовало нечто более долговечное, чем отдельный человек, чтобы, стало быть, продолжало существовать *дело*, вышедшее, быть может, из рук отдельного человека,—для этого на творящего должны налагаться всяческие ограничения—специализации и т. д. Какими ж способами? Положение облегчают уже любовь, почтение, благодарность к особе, начавшей дело: или надо, чтобы его заложили наши предки, или чтобы мои потомки мог-

ли жить с уверенностью, только если за это *дело* (пусть это будет, скажем, рьлйт) я ручаюсь. *Мораль*—это и есть преимущественное средство придать вещам долговечность невзирая на отдельных личностей, или, скорее, благодаря *порабощению* отдельных личностей. Понятно, что перспектива снизу вверх будет выражаться в совершенно иных формах, чем перспектива сверху вниз.

Комплекс власти: как он будет *сохраняться*? Так, что ему будут жертвовать собою многие поколения, то есть———

2 [183]

К введению

Всякому, сожившему с великим сомнением, словно со своей судьбою, всякому, чьи дни и ночи расточались в сугубо одиноких беседах и решениях, чужие суждения о той же проблеме, какой занимается он сам, покажутся не более чем шумом, для защиты от коего он заткнет себе уши: мало того, они покажутся ему как бы чем-то назойливым, непозволительным и бесстыдным со стороны тех, кто, как он полагает, не имеют никакого права на прикосновение к этой проблеме—потому, что не они ее отыскали. Бывают такие часы неверия в себя, неверия в свое право и привилегию, когда влюбленный отшельник—он ведь философ—жаждет услышать все то, что говорится или умалчивается о его проблеме; при этом до него, может быть, дойдет, что в мире полно таких ревниво влюбленных, каков он сам, и что все громогласное, шумящее, публичное, вся авансцена политики, будней, базара, «эпохи» кажется изобретенным лишь для того, чтобы нынешние наши отшельники и философы могли за ним укрыться, словно обволокнувшись *своим* самым глубоким одиночеством; все занимаются одним и тем же, влюблены в одно и то же, ревнуют об одном и том же—и как раз о *его* проблеме. «Ни о чем ином нынче и не мыслят, когда вообще о чем-то мыслят»,—бормочет он наконец себе под нос; «все вертится как раз вокруг этого сомнения; и что мне казалось делом, завещанным только мне одному, о том хлопочет вся эпоха: в сущности, ничего другого вообще не происходит; даже я—но что толку во мне!»

2 [184]

(47)

Наконец-то я близок к пониманию того, сколь далеко зашел скепсис в отношении морали: где же вижу я подтверждение моей позиции?

детерминизм: мы не несем ответственности за свою природу

феноменализм: мы ничего не знаем о «вещи в себе»

Моя проблема: каков ущерб, нанесенный до сего дня человечеству моралью, равно как и своей собственной моральностью? Ущерб в сфере умственной и т. д.

мое отвращение к мудрецу как зрителю

мое более высокое понятие «художник»

2 [185]

(47)

«Мы, имморалисты»

настоящая критика морального идеала

- доброго, святого, мудрого
- очернения так называемых *злых* черт характера
- каков смысл различных моральных интерпретаций?
- какая угроза исходит от господствующей нынче в Европе интерпретации?
- какою мерой можно пользоваться? («воля к власти»)

2 [186]

Не думайте, будто я толкаю вас на такой же риск! Или хотя бы на такое же одиночество! Ибо тот, кто идет собственным путем, не встретит на нем никого: вот как бывает на «собственных путях». Никто не придет ему на «помощь», и со всем, что выпадет ему на долю от опасных мест, случайностей, людской злобы и скверной погоды, он обязан справляться сам. Его путь—только *для него самого*, в том числе и возможные неприятности, какие несет с собою это суровое, неумолимое «для себя самого»: чего стоит, скажем, одно то, что даже лучшие друзья не всегда

видят и знают, до какого он места уже добрался и куда он, собственно говоря, идет,—и нет-нет да спрашивают себя: а идет ли он вообще? есть ли у него *путь* вообще?

—Если я здесь делаю попытку хотя бы жестом подсказать направление пути, которым шел,—для тех, кто до сего дня, несмотря ни на что, сохранял ко мне благосклонность, то сперва надо бы сказать о том, на каких путях думали меня порою искать, а то и находили. Обыкновенно меня принимают за кого-то другого: это я признаю, как и то, что кто-нибудь сослужил бы мне добрую службу, если б защитил и заслонил меня от таких подмен. Но, как сказано, я обязан помочь себе сам: для чего ж тогда и ходить «собственными путями»?

антиметафизически, антиромантически, артистически, пессимистически, скептически, исторически

Артистическое миропонимание, антиметафизическое—да, но и

артистическое—
пессимистически-
буддийское—
скептическое—
научное—
не позитивистское

2 [187]

—*placatumque nitet diffuso lumine coelum*—[1]

2 [188]

что историю всех феноменов моральности можно упростить настолько, как об этом думал Шопенгауэр,— а именно, что корнем любой прежней моральной предрасположенности следует признать сострадание,—до такой степени нелепицы и наивности способен дойти лишь мыслитель, напрочь лишенный исторического чутья и страннейшим образом ускользнувший даже от той исторической выучки, коей подверглись немцы в период от Гердера до Гегеля.

---

1 И сквозь просветы обширные небо безбурно сияет (*лат.*).

2 [189]

Вопрос о происхождении наших способов высоко ценить и скрижалей достоинств вовсе не тождествен их критике, как часто думают: совершенно так же и ознакомление, скажем, с pudenda origo[1] позволяет ощутить преуменьшение ценности возникших таким образом вещей и подготавливает критическое к ним отношение и сдержанность.

2 [190]

(47) какова цена самим нашим способам высоко ценить и моральным скрижалям достоинств? *Что несет с собою их господство?* Для кого? В каком отношении? Ответ: для жизни. Но *что такое жизнь*? Стало быть, тут надобна новая, более точная версия понимания «жизни»: моя формулировка гласит — жизнь есть воля к власти.

что означает само высокопочитание? Указывает ли оно назад или вглубь на какой-то иной метафизический мир? Как думал еще Кант (стоявший вне великого историзирующего течения). Короче говоря: *как оно «возникло»*? Или оно не «возникало»? Ответ: моральное высокопочитание — это некое *истолкование*, некий способ интерпретировать. Само же истолкование — это *симптом* определенных физиологических состояний, равно как и определенного умственного уровня господствующих суждений. *Кто истолковывает?* — наши аффекты.

2 [191]

Мой тезис: что сами моральные акты высокопочитания должны подвергнуться критике. Что эмоциональное моральное побуждение надо прекратить вопросом *почему.* Что это стремление вопрошать «почему?», критиковать мораль — это как раз и есть наша *нынешняя форма самой моральности*: разборчивое чувство честности. Что наша честность, наше нежелание дурачить самих себя должны показать себя: «почему *нет*?». Перед каким судом? Стремление не давать себя дурачить порождено чем-то другим: это нежелание оказаться побежденным, использованным, это инстинктивная вынужденная самооборона жизни.

---

1 Постыдным происхождением (*лат.*).

Вот что гласят мои требования к вам – пусть даже они с трудом дойдут до ваших ушей: что сами моральные акты высокопочитания вы должны подвергнуть критике. Что вы должны прекратить эмоциональное моральное побуждение, жаждущее подчиняться, а *не* критиковать, вопросом «почему я обязан подчиняться?». Что это стремление вопрошать «почему?», критиковать мораль вы должны считать как раз вашей *нынешней* формою самой моральности: самым разборчивым видом порядочности, которая сделает честь вам и вашей эпохе.

2 [192]

ощущение того, что *ты должен*, волнение, сопровождающее неповиновение, – вопрос «кто тут командует? Перед чьей немилостью мы тут трепещем?»

2 [193]

(7)

Наша дурная привычка принимать стенограмму, сокращенную запись за самую вещь, а в конце концов за *причину*, – скажем, говорить о молнии «она сверкает». Или, еще того пуще, словечко «я». Считать некую зрительную перспективу *причиною самого зрения* – вот в чем был весь фокус, когда изобрели «субъект», «я»!

2 [194]

(23)

Стендаль: «Combien de lieues ne ferai-je pas a pied, et a combien de jours de prison ne me soumettrais-je pas pour entendre *Don Juan* ou Matrimonio segreto; et je ne sais pour quelle autre chose je ferais cet effort».[1] Тогда ему было 56 лет.

2 [195]

(41)

Гегель: популярная сторона его системы – учение о войне и о великих людях. Право – на стороне победителя: он и представляет прогресс человечества.

---

1 Сколько лье прошагал бы я пешком, сколько выдержал бы дней в тюрьме, только бы послушать *Дон Жуана* или Тайный брак; не знаю, ради чего еще я стал бы так выбиваться из сил *(фр.)*.

Попытка доказать господство морали на материале истории

Кант: царство моральных ценностей, недоступное нам, незримое, реально существующее

Гегель: удостоверяемое опытом развитие, зримое выявление царства морали

Мы не хотим, чтобы нас дурачили ни на кантовский, ни на гегелевский манер: мы больше не *верим*, подобно им, в мораль и, стало быть, не обязаны заводить философию, *цель* которой—дать морали выиграть дело. Как критицизм, так и историцизм утратили для нас свою *притягательность в этом смысле*: а какую притягательность они тогда не утратили?—

2 [196]

Мы *бесприютные—да*! Но мы хотим использовать преимущества нашего положения и не только не погибнуть в нем, а даже обратить себе во благо и вольный простор, и огромную бездну света.

2 [197]

Неверующие и безбожники, да!—но зато свободные от той горькой обиды и боли скитальцев, тех, что размалевывают свое неверие под веру, цель, а часто и мученичество: и мы кипели, но остыли, прозрев, что в мире все идет совершенно не по-божески, мало того—даже не по меркам разума, милосердия, человечности; мы знаем: мир, в котором мы живем,—мир не моральный, не божеский, не человеческий—мы чересчур долго интерпретировали его в духе почтения. Этому миру не та цена, что мы думали: а последнюю паутинку утешения, сотканную Шопенгауэром, мы оборвали: смысл всей истории в том и заключается, что она разоблачает свою бессмысленность и тогда пресыщается собою. Эту пресыщенность существованием, эту тягу больше ничего не желать, разнос вдребезги своеволия, своекорыстия, субъекта (как выражения этой обращенной против <естества> воли)—вот что, и больше ничего, предносилось Шопенгауэру как предмет наивысшего почитания: это он называл моралью, заявляя, что всякий бескорыстный поступок———он

даже думал гарантировать искусству его ценность, когда в тех состояниях безучастности, которые оно создает, хотел видеть приуготовление к этому окончательному освобождению, к пресыщению отвращением.

—но неужто мы и впрямь *пессимисты*, потому что мир в наших глазах неморален? Нет, ибо мы не верим в мораль——мы думаем, что оценка милосердия, права, сострадания, законопослушности сильно *завышена*, что их противоположность очернена, что в том и другом, преувеличении и очернении, во всем проекте *морального идеала* и мерила скрывалась чудовищная угроза для человека. Не забудем и о добром урожае: изощренность *толкования*, моральная вивисекция, угрызения совести неимоверно усилили человеческую *лживость*, сделав людей изворотливыми.

Сама по себе религия не имеет с моралью ничего общего: но оба отпрыска иудейской религии—это главным образом религии *моральные*, такие, которые дают предписания о том, как *надлежит* жить, и заставляют выполнять свои требования, <прибегая к> награде и каре.

2 [198]

aera[1] Бисмарка (aera немецкого отупения)

на такой болотной почве пышно цветут, как водится, и настоящие болотные растения, скажем, антисемиты

2 [199]

—разделять национальные чувства, в том смысле и в той степени, каких нынче требует общественное мнение, было бы для нас, людей более духовного порядка, не только безвкусицей,—это было бы нечестностью, самовольным притуплением нашего высшего знания и совести.

2 [200]

Равным образом мы больше не христиане: мы вышли из христианства—не потому, что жили слишком от него далеко, а потому, что жили слишком близко к нему, более того, потому, что мы *из* него выросли,—а то, что

---

1 Атмосфера (*лат.*).

нам нынче *запрещает* оставаться христианами,—это как раз наше более строгое и тонкое благочестие—

2 [201]

Если когда-то я написал на своих книгах слово «несвоевременный», то сколько же юношеского, неискушенного, провинциального выразило это слово! Теперь-то мне ясно, что, жалуясь, восхищаясь и выражая недовольство на такой лад, я именно поэтому входил в число современнейших из современных.

2 [202]

Кант: всего лишь идея возможной науки, подойти к которой пытаются многими путями—и будут пытаться до тех пор, пока вконец заросшая чувственностью брусчатка не исчезнет вовсе»—

2 [203]

Даже и сегодня еще попадаются философы, не ведающие, в чем оно, ярчайшее свидетельство того, сколь далеко простирается этот самый авторитет морали. Во что превратятся они, со всем их стремлением к независимости, с их привычным или возведенным в принцип сомнением, тем более с их пороком—противоречить, вводить новшества любой ценою, задирать нос перед всем высоким; во что превратятся они, стоит им начать раздумывать над «ты должен» и «ты не должен»? Тотчас окажется, что нет на земле ничего более жалкого: это Цирцея-мораль, дунув, зачаровала их! Всех этих идущих одиноким путем гордецов!—И вот все это одним махом превратилось в ягнят, и вот уж они хотят быть стадом. Для начала все они как один хотят делить свои «ты должен» и «ты не должен» решительно с любым—первый признак того, что с независимостью покончено. А каков их критерий, по которому они определяют, что2 может предписывать мораль? Тут все они заодно: это общезначимость такого предписания, игнорирующего личность. Это у меня и зовется «стадом». Здесь они, разумеется, расходятся друг с другом: ведь каждому хочется изо всех сил *самому* служить морали. Большинству из них пришло в голову,

как говорится, «обосновать мораль», то есть породнить и совместить ее с разумом — по мере сил вплоть до неразличимого единства; натуры же разборчивые, наоборот, видят в необосновываемости морали признак и привилегию ее положения, ее более высокого, чем у разума, положения; иным хочется вывести ее исторически (вместе, скажем, с дарвинистами, которые изобрели палочку-выручалочку для плохих историков: «сперва нужда под давлением обстоятельств, потом привычка, наконец, инстинкт и даже удовольствие»), еще иные опровергают такие результаты вывода и вообще отвергают какую бы то ни было выводимость морали из истории, однако, опять-таки, делают это к чести ее положения, ее высшей натуры и назначения: но все они заодно в главном — «мораль есть, мораль нам дана!», и все они честно, бессознательно, безусловно верят в ценность того, что они называют моралью, а это значит — они подчинены ее авторитету. Как же! *Ценность* морали! Да разве можно дать высказаться тут человеку, который именно в этой ценности и сомневается? И которого лишь в этом отношении заботят ее вывод, выводимость, психологическая возможность или невозможность?

2 [204]

Книга пятая: мы, встречномыслящие

Наша новая «свобода»
Против людей, превратившихся в популярные идеалы
Насколько искусство и подлог проникают в самую природу бытия?
Почему мы больше не христиане.
Почему мы против идеи национального.
Пессимизм и дионисийство.
Наше неверие в логику
L'art pour l'art
Ограниченность всякой телеологии.
Против фатализма причинности.
Против учения о среде: маска и характер. К понятию «феноменализм»
Против романтизма.

Понятие рабства, то есть превращения в орудие
Превратное понимание непомраченности.
Какова роль иерархии.
Критика новейшей философии: неверная отправная точка, будто бы существуют «факты сознания», — и никакого феноменализма в самонаблюдении

2 [205]

Не бывает эгоизма, который держался бы в своих рамках, никогда из них не выходя, — не бывает, следовательно, никакого «дозволенного», «морально нейтрального» эгоизма, о коем вы говорите.

«Человек всегда потакает своему "я" за счет других»; «одна жизнь всегда живет за счет другой жизни». Кто этого не понимает, тот не сделал еще и первого шага к честности.

2 [206]

(48)

Какое чувство свободы заключено в ощущении, дарованном нам, освобожденным умам, — что мы *не* впряжены в систему целей! И еще — что понятия «награды» и «кары» не лежат в природе сущего! И еще — что имя злого и доброго поступка можно присваивать не поступкам самим по себе, а только в перспективе тенденций самосохранения, свойственных некоторым видам человеческих общностей! И еще — что балансы, подведенные нами под наслаждением и болью, не имеют никакого космического, не говорю уже метафизического, смысла! Тот пессимизм, что берется взвешивать на чашах весов наслаждение и боль самого сущего, с его добровольным заключением в до-коперниканскую темницу и умственный горизонт, представляет собою отсталость и рецидив прошлого, если только он не просто скверная шутка одного берлинца (пессимизм Эдуарда фон Гартмана

2 [207]

Начало

Заключение

В какой мере это самоистребление морали—часть ее собственной силы. У нас, у европейцев, течет в жилах кровь тех, что умирали за свою веру; мы трепетали перед моралью, потому что относились к ней серьезно, и нет ничего, чем бы мы ей так или иначе не жертвовали. С другой стороны, мы приобрели духовную изощренность главным образом за счет вивисекции совести. Нам, уже оторвавшимся таким образом от своей старой почвы, еще неведомо, «куда?» нас несет. Но сама эта почва влила в нас силу, что гонит нас нынче вдаль, к приключениям, которые зашвырнут нас в безбрежное, неизведанное, неоткрытое,—а выбора у нас нет, мы обязаны быть завоевателями, потому что у нас больше нет земли, для нас родной, земли, где мы хотели бы «получать». Нет, друзья мои, вы знаете это еще лучше! Ваше сокровенное Да сильнее всяких там Нет и Может Быть, коими вы больны и одержимы вместе со своею эпохой; и если вас, переселенцев, тянет к морскому простору, то делает это ваша *вера*...

2 [208]

с христианством все еще не управились

2 [209]

Дело чести моих друзей—поратовать за мое имя, репутацию и твердое положение и построить мне замок, где я мог бы укрыться от вульгарного непонимания: сам я ради этого ни пальцем больше не двину

2 [210]

совершенная надежность работы регулирующих инстинктов

3. Начало 1886 — весна 1886

3 [1]

Естественная история
свободного ума

3 [2]

К естественной истории
свободного ума
Размышления и знаки размышления
Фридриха Ницше

3 [3]

Посвящение и заключительные строки

«Тому, кто гонит тьму с небес
и зыбь морскую подымает — »

3 [4]

Воля к власти
Предвестия
философии будущего
Сочинение
Фридриха Ницше

3 [5]

Превратное понимание властолюбия.
Непомраченность как спасение.
Пляска.
Сарказм в отношении «Божественного» — симптом выздоровления.
Стремление к «твердо установленным фактам» — теория познания; сколько же тут пессимизма!
Сделать Заратустру его *врагом*

3 [6]

Любовь к отчизне в Европе — нечто еще незрелое, она еще еле держится на ногах: то и дело валится! И пусть не сбивает с толку исходящий от нее шум: громче всех вопят малые дети.

3 [7]

«Глуп до святости», — говорят в России.

3 [8]

К новым морям

Всякая всячина вопросов и сомнительностей
для добрых европейцев

Сочинение
Фридриха Ницше

3 [9]

По ту сторону добра и зла
Пролог
к философии будущего

Книга первая: мораль и познание.
Книга вторая: мораль и религия.
Книга третья: мораль и искусство.
Книга четвертая: наши добродетели.
Книга пятая: об иерархии.

3 [10]

Наши добродетели

Всякая всячина вопросов и сомнительностей

Сочинение
Фридриха Ницше

3 [11]

Человеческое, слишком человеческое

Книга для свободных умов
Продолжение

А если эта книга — зеркало и, стало быть, удобный случай поглядеть на себя в зеркало: что вы будете думать тогда, добрые европейцы, о нашем тщеславии? По нраву ли вам будет увидеть себя — «в зеркале»? —

3 [12]

Из естественной истории свободного ума.
Философия будущего.
Ученые как рабочие.
Художники.
О философии высшего человека.
О помрачении Европы.

3 [13]

Это одиночество — его мы *бережем*, когда заступаемся за религиозную организацию человечества, — и, может статься, ничто столь решительно не отличает нас от неудачно названных «свободомыслящими» стадных животных и апостолов равенства, которые все как один не *умели* вынести одиночества. Религия, мыслимая как продолжение и углубление основополагающего политического учения, а оно бывает исключительно учением о неравенстве прав, о необходимости строения общества с четким различием верха и низа, с повелевающими и покорными: так вот, религия для нас — это учение об иерархическом неравенстве душ, о пестовании душ более высокого полета, о предоставлении им шансов за счет душ более низких.

3 [14]

Этому миру не *та* цена, что мы думали: тут нет больше загадки. Пессимист даже дает нам понять: остаток этой ценности, который сберег для нас мир, в том-то и состоит, *что* мы можем его разгадать — а миру-то как раз и не *та* цена, что мы думали. Таким образом мир оказался бы спо-

собом отбить у себя всякую охоту к нему, «отречься» от мира насколько возможно; нелепицей, наконец-то начинающей догадываться об этом после злополучных блужданий впотьмах, чересчур затянувшейся комедией ошибок, с конфузом опускающей занавес

3 [15]

Остается возразить против долгой хвори еще многое; мне хотелось бы самое малое добавить для христианских моралистов, что она меняет человека к лучшему, особенно когда его поражают затяжные боли, за которыми он наблюдает с холодной рассудительностью,—ни с тем немым и глухим самоугашением, покорностью на восточный лад, ни с тем чрезмерным возбуждением силы воли и отваги, каким <встречают> такого врага, как боль, гордостью, насмешкою, ———

В разгар долгой пытки, сжигаемый словно на медленном огне, но лишенный той благодати, какую <несут с собою> горячка, обмороки ———

3 [16]

Мандзони
Штифтер
(Г. Келлер)

3 [17]

«Maledetto colui—
che contrista un spirto immortal!»[1]
Мандзони (2 акт «Графа ди Карманьола»)

3 [18]

gangasrotogati «струящийся подобно Гангу» = presto
kurmagati «ползущий, как черепаха» = lento
mandeikagati «прыгающий, как лягушка» = staccato

1 Он, проклятый,—как, глядя на него, бессмертный дух мрачнеет! (*ит.*)

3 [19]

Мы, философствующие о том, что за гранью,—за гранью, с позволения сказать, добра и зла, мы, в действительности—ловкие интерпретаторы и толкователи символов,—мы, кому прибережена участь лицезреть, наблюдая ход вещей в Европе, некий таинственный, *никогда доселе не читанный* текст, шаг за шагом раскрывающий перед нами свой смысл,—каких мучительных усилий стоит нам молчать, смыкая уста, когда в нас теснятся и громоздятся все новые и все более странные вещи, стремясь обрести свет, воздух, свободу, *слово*!

Но слово———

4. Начало 1886—весна 1886

4 [1]

Философ: что это за скромное созданье, покамест он и впрямь хранит верность своему *имени*! Такого надо называть не «любителем мудрости» —уж простите старого филолога! —а лишь «любителем мудрых мужей». Если вы, стало быть, непременно желаете, чтобы были философы, как их понимали и называли греки, то для начала давайте сюда своих «мудрых мужей»! Но, друзья мои, сдается мне, *мы* в конце концов мужей немудрящих любим больше, чем мудрых, даже если б они и впрямь были, эти мудрые—? Да, может, в этом, именно в этом и больше мудрости? Как! Неужто даже мудрецы, если подойти к ним поближе, окажутся вовсе не «философами»? А «филасофами»? Любителями подурачиться, подходящим обществом для музыкантов и скоморохов? Но не для—себя самих?—

4 [2]

К проблеме маски. «Une croyance presque instinctive chez moi, c'est que tout homme puissant ment, quand il parle, et à plus forte raison, quand il écrit» Стендаль, vie de Napoléon, préface p. XV.[1]

4 [3]

«Je sais, quel est le pouvoir des hommes,—говаривал Наполеон на острове св. Елены,—les plus grands ne peuvent exiger ïêtre aimés.»[2]—Сразу же добавим предположение, имеющее весьма надежные основания: они не смеют требовать этого даже от себя,—да они себя и не любят!

---

1 «Я полон чуть ли не инстинктивной веры в то, что все люди, обладающие властью, лгут, когда говорят, и тем более лгут, когда пишут» *Стендаль*, Жизнь Наполеона, предисловие, с. XV *(фр.)*.

2 «Я знаю пределы человеческих возможностей ... даже самые сильные не смеют требовать, чтобы их любили» *(фр.)*.

4 [4]

«Ты, сдается, замышляешь недоброе: можно подумать, ты решил погубить людей?» — сказал я как-то раз богу Дионису. «Может быть, — отвечал бог, — но я сделаю так, что и они внакладе не останутся». — «Что ж это будет?» — спросил я с любопытством. «*Кто* ж это будет? — вот как надо спрашивать». Дионис сказал это и замолчал на свой, особенный лад — искусительно. Видели бы вы его в этот момент! Была весна, и деревья дружно зацветали.

4 [5]

Есть в ночи час, о котором отшельник скажет: «Прислушайся! Остановилось время!» Бодрствуя ночью, а особенно если едешь или бредешь куда-то в ночные часы, как не привык, — впадаешь в странное, изумленное настроение, переживая эту часть ночи (я имею в виду от первого до третьего часа): что-то вроде «проходит слишком быстро!» или «тащится слишком медленно!», — короче говоря, получаешь впечатление какой-то ненормальности в течении времени. Не приходилось ли нам, бодрствующим отшельникам, искупать в эти часы свою вину за то, что об эту пору мы, как правило, живем в хаотическом времени мира сновидений? В общем, по ночам, от часу до трех, мы «часов не наблюдаем». Сдается мне, как раз это хотели сказать и древние своими выражениями «intempestiva nocte» и «ἐν ἀωρονυκτί» (Эсхил), то есть «ночью, когда время исчезает»; а темное выражение Гомера, обозначающее самый тихий и глухой час ночи, я этимологически возвожу к тому же самому смыслу, и пускай себе переводчики думают, будто речь тут идет о «ночной дойке коров»: да разве бывали где-нибудь на свете такие дурни, чтобы доить коров вот именно между часом и тремя ночи? — Но кому ты даешь подслушать свои ночные раздумья? —

4 [6]

В браках в *гражданском* смысле этого слова — разумеется, в самом почтенном смысле слова «брак», речь определенно идет не о любви, и столь же мало она идет тут о деньгах — из любви не создашь никакого института, — а о дозволении, выдаваемом обществом двоим для взаимного

полового удовлетворения, само собой понятно, на некоторых условиях, но таких, которые учитывали бы *интересы общества*. Очевидно, что в число условий такого договора будут входить взаимная расположенность участников и очень много доброй воли—терпения, уживчивости, взаимной заботы; но вот бросаться словом «любовь» тут не надо! Для двух любящих в полном и подлинном смысле слова половое удовлетворение—как раз не главное; оно, в сущности, только символ—отчасти, как сказано, символ совершенной самоотдачи, а отчасти—символ согласия принять самоотдачу другого, знак вступления во владение.—В браке на аристократический, нет, на староаристократический лад речь идет о *выведении* расы (а существует ли нынче аристократия? Quaeritur[1]), а стало быть, об обеспечении существования неизменного и определенного типа людей-господ: мужское и женское в человеке было принесено в жертву этой цели. Само собой понятно, что на первом месте тут была далеко *не* любовь,— она занимала, скорее, прямо противоположное место— и даже не то мерило взаимной доброй воли, что служит условием доброго мещанского брака. Все определялось прежде всего интересами рода и еще более высокой инстанции—сословия. При виде холодной суровости, расчетливой рассудочности подобного благородного понятия о браке, царившего в умах любой здоровой аристократии—в древних Афинах, даже еще в Европе восемнадцатого столетия, у нас, теплокровных и чрезмерно чувствительных животных, у нас, «современных людей», мурашки пошли бы по коже! Именно поэтому любовь как страсть, в самом высоком понимании этого слова, была *изобретена* для аристократического общества и в нем—как раз там, где нужда в этом, где потребность в этом сказывались всего сильнее...

4 [7]

—«Болезнь делает человека лучше»: это пресловутое изречение, раздающееся во все века, и притом как из уст мудрецов, так и из уст и глоток простонародья, заставля-

1 Сомневаюсь (*лат.*).

ет задуматься. Касательно его справедливости можно позволить себе задать вопрос: а бывают ли вообще какие-нибудь причинные узы между моралью и болезнью? «Улучшение человека» в самом широком понимании, скажем, тот несомненный факт, что за последнюю тысячу лет нравы европейцев смягчились, люди стали гуманнее, добродушнее,—что это, следствие ли потаенно-кошмарной боли и ощущения собственной неполноценности, лишенности, захирения? Сделала ли европейцев эта «болезнь» «лучше»? Поставлю вопрос иначе: не является ли наша моральность—наша современная чувствительная европейская моральность, с которою можно сопоставить моральность китайцев,—выражением физиологического *регресса*?... Ведь невозможно, видимо, отрицать, что любой уголок истории, где «человек» предстал во всем великолепии и мощи своего типа, тотчас становится чем-то непредсказуемым, опасным, бурлящим, а человечности при этом приходится туго; и, может быть, в тех случаях, когда дело, *казалось бы, обстоит иначе*, не хватало как раз мужества или хитрости, чтобы послать психологию к черту и сформулировать общий закон даже на этом материале: «Чем более здоровым, сильным, обильным, плодовитым, предприимчивым чувствует себя человек, тем более он "неморален"». До чего ж мучительна эта мысль! Не годится, никак не годится предаваться таким раздумьям! Но, положим, они на какой-нибудь крошечный миг овладели нами: с каким изумлением мы заглянем тогда в будущее! Насколько дороже придется тогда, наверное, расплачиваться на земле именно за то, что мы теперь изо всех сил поощряем,—за гуманизацию, за «улучшение», за растущую «цивилизованность» человека? Не будет ничего более разорительного, чем добродетель: потому что в конце концов она превратит землю в лазарет—а последним словом мудрости станет изречение «всякий всякому сиделка». Ну да: тогда-то уж настанет и вожделенный «во человецех мир»! Но зато и почти не останется «благоволения» друг к другу! Почти исчезнут красота, задор, риск, опасность! Почти исчезнут «труды», ради которых еще стоит жить на земле! Увы! И уж точно—никаких «деяний»! Все эти *великие* труды и деяния, что стоят нерушимо, не поддаваясь

гложущим волнам времени,—разве не были они в самом подлинном смысле слова великими неморальностями?...

4 [8]

Что сила слепой веры еще никоим образом не гарантирует истинности этой последней и даже в состоянии мало-помалу выудить страшнейшие глупости из самых разумных вещей—это и есть наша доподлинная европейская премудрость: уж в чем-чем, а в ней мы поднаторели, здесь мы стали стреляными воробьями, доками, здесь мы *помудрели*—и, кажется, на множестве ошибок... «Блаженны верующие»: ладно! По крайней мере так бывает время от времени! Но в любых обстоятельствах вера превращает человека в *тупицу*, даже в тех редчайших случаях, когда сама она *не такова*, когда она изначально—вера умная. Всякая вера с долгой историей рано или поздно *становится* тупой, а это значит, выражаясь с прямотою, свойственной нашим современным психологам, что ее основания погружаются в бессознательное, становясь в нем неразличимыми,—и впредь опирается уже не на основания, а на аффекты (иными словами, когда ей нужна помощь, она посылает в бой за себя уже не основания, а аффекты). Положим, удастся докопаться, какая вера—самая распространенная, самая старая, самая авторитетная, самая почтенная из всех ходивших когда-либо среди людей,—тогда с высокой степенью вероятности можно было бы предположить, что она к тому же—самая низкая, самая тупая, самая «бессознательная», наилучшим образом защищенная от оснований и раньше других с основаниями расставшаяся.—

Допустим; ну и что ж это за вера? Ах вы, пытливые! Как-то раз я уже пускался в загадывание загадок—но теперь я поступлю по-людски и быстренько выложу ответ и решенье—не так-то просто будет вам обогнать меня с ответом.

Человек в первую голову—*животное, способное на суждение*; но за суждением скрывается наша древнейшая и прочнейшая вера, в основании всякого суждения лежит признание в качестве истины и выдвижение утверждения, уверенность в том, что вещь—такая, а не другая, что

человек и впрямь тут что-то «познал»: но *что* это такое — то, что во всяком суждении бессознательно принимается на веру в качестве истинного? Что у нас есть право *различать* субъект и предикат, причину и следствие — вот она, наша самая крепкая вера; в сущности, ведь даже уже вера в причину и следствие, в conditio и conditionatum[1] — это всего лишь частный случай первичной и всеобщей веры, нашей исконной веры в субъект и предикат (и притом принимающей вид утверждения, будто всякое следствие — это некая деятельность и будто все обусловленное предполагает обусловливающее, всякая деятельность — какого-то деятеля, короче говоря, субъекта). Так разве не должна эта вера в понятие субъекта и предиката оказаться великой глупостью?

4 [9]

Постлюдия

— Но на этом месте вы перебьете меня, свободные умы. «Хватит! Хватит! — услышу я ваши крики и смех, — мы больше не можем! Долой этого зловещего искусителя и возмутителя совести! Да никак ты собрался осрамить нас на весь свет? Очернить наше доброе имя? Нацепить на нас ярлыки, несмываемые не с одной только кожи? И к чему в такой ясный день эти мрачные призраки, это моральное карканье, вся эта трагическая музыка, черная как вороново крыло! Если ты вещаешь истины, то под такие истины ноги отказываются *плясать*, стало быть, эти истины еще долго будут *не для нас*! Ecce nostrum veritatis sigillum![2] А тут у тебя лужайка с мягкою землей: чего ж для тебя лучше, чем быстренько прогнать прочь хандру и превратить для нас твою ночь в светлый день? Пора уж, в конце-то концов, и радуге вновь раскинуться над этой страною, и чтобы кто-нибудь спел нам умеренно безумные песни и напоил нас молоком: у нас у всех что-то снова открылась жажда по благочестивому, душевно глупому и млечному стилю мышления». Друзья мои, да вы, как я погляжу, истощаете мое терпение — кто это вам сказал,

---

1 Условие *и* обусловленное (*лат.*).

2 Вот он, признак истины для нас! (*лат.*)

что я и сам давно уж не жду именно *этого*? Впрочем, я к вашим услугам, к тому же у меня есть то, чего вы так желаете. Неужто не замечаете—во-о-он там резвятся мои стада, все мои нежные, светлые, безбурные мысли-ягнята и мысли-козлища? А вот тут уж наготове для вас целое ведро молока; но давайте-ка сперва напейтесь—я ведь вижу, как вы все жаждете *добродетели*,—и уж в песнях, каких вы желаете, недостатка не будет! Начнем с плясовой для самых резвых ног и сердец: и поистине, запевший первым почтит ею того, кто заслуживает почтения, одного из самых свободных среди свободных умов, того, кто снова гонит тьму с небес и зыбь морскую подымает.

5. Лето 1886—осень 1886

5 [1]

Книги: Т. Циглер

История этики

5 [2]

Утренняя заря
и
веселая наука

5 [3]

Мы хватаемся за слово там, где начинается наше неведение, где не можем различить больше ничего; к примеру, слово «я», слово «делать», слово «претерпевать»: это всё, вероятно, линии, замыкающие горизонт нашего познания,—но вовсе не «истины».

5 [4]

Порок кантовского критицизма мало-помалу становится заметным и для грубого зрения: Кант потерял всякое право различать «явление» и «вещь в себе»—он сам лишил себя права и впредь проводить различия на этот старый, привычный лад, отклонив как недозволенное заключение от явления к причине явления—в соответствии со своей версией понятия причинности и его чисто интрафеноменальной значимости, каковая версия, с другой стороны, уже предвосхищает это самое различение, как будто «вещь в себе» не просто выведена <разумом>, но и *дана* <ему>.

5 [5]

На какой почве возникли «Моральные чувства» д-ра Пауля Ре: умная, непоспешная книжица без болезненных фантазий и добродетельных поз—ей, вообще-то, на ка-

кой-то приятственный лад недостает атмосферы *юности*. Слова, коими по этому поводу я пытался подтолкнуть ее юного, стоящего на обочине жизни автора к сфере наук,— суровые слова, за которые я даже удостоился упреков,— может, и впрямь были с моей стороны глупостью; по крайней мере, тогда они прозвучали втуне... (я с понятною досадой вспоминаю некую обманутую надежду—из числа тех надежд, что не раз пробуждал во мне именно талант евреев,—того сорта людей, которым в нынешней Европе досталась в наследство львиная доля духовности первого разряда, а заодно и скорость роста, пагубно быстро приводящая к *зрелости* (но, увы, заодно и дальше, за ее пределы...)).

5 [6]

А если вам всерьез захочется избавиться от «*этого* потустороннего», то, боюсь, нет другого способа, и вам придется сделать лишь один выбор: *мое* «По ту сторону».

5 [7]

Блаженство, которого ждут скромники,—на земле его настоящее имя «Ах вот оно как!»

Тот, кто хрупок, боится детских рук и всего, что не умеет любить, не разрушая.

Кто хватается за тернии, меньше бережет пальцы, чем тот, у кого в руках кинжал.

рогатые вагнерианцы

5 [8]

С точки зрения психологической уловкою этих лет было—пройти над страшной пропастью не глядя *вниз*, а весело шагая, будто идешь по цветущему лугу, в конце которого поджидает, может быть, какая-то большая опасность: одним словом, не придавая значения опасности, с верой в себя идти ей навстречу.

5 [9]

Экзотерически – эзотерически

1. — все есть воля <, направленная> против воли

2 Никакой воли нет вообще

1 каузализм

2 Нет ничего похожего на причину — следствие.

1.

Всякая причинность психологически восходит к вере в *цели*:

<но> как раз действие *какой-либо* цели *нельзя* подтвердить.

(Causa efficiens — это тавтология finalis[1]) с точки зрения психологической —

5 [10]

Что значит «познавать»? Умозаключать от чего-то неизвестного к чему-то известному, близко *зна*комому. Первое основоположение: то, к чему мы уже *привыкли*, мы перестаем считать загадкою, проблемой. Притупление ощущения новизны, странности: все, что происходит *регулярно*, уже не кажется сомнительным. Поэтому *поиск правила* — первый инстинкт познающего: а на самом деле, конечно же, тот, кто констатировал правило, еще вообще ничего не «познал»! Отсюда — суеверие физиков: как только они могут что-то зафиксировать, то есть как только регулярность явлений допускает применение сокращающих формул, так они сразу начинают считать, будто это что-то *познано*. Они ощущают «уверенность»: но за спиною этой интеллектуальной уверенности стоит желание унять свой страх: *они желают иметь правило*, потому что правило лишает мир его ужасающих свойств. *Ужас перед непредсказуемостью* как *потайной инстинкт* науки.

Регулярность усыпляет вопрошающий (то есть страшащийся) инстинкт: «объяснить» — значит показать регулярность процесса. Вера в «закон» — это вера в рискованность произвола. Готовность, *желание* верить в законы и помогало науке побеждать (особенно в демократические эпохи).

---

1 Причина действующая ... (причины) целевой (*лат.*).

5 [11]

Разум не в состоянии критиковать себя именно потому, что его невозможно сопоставить с разумами другого склада, и потому, что его познавательная способность могла бы выявиться лишь перед лицом «истинной действительности», то есть потому, что для критики разума нам необходимо быть существами более высокого ранга, наделенными «абсолютным познанием». А уж это предполагает, что *существует нечто*, какое-то «само по себе», непричастное ни к каким перспективистским способам видения и чувственно-духовного усвоения. Но психологический вывод веры в *вещи* запрещает нам говорить о «вещах в себе».

5 [12]

Главный вопрос: имеет ли отношение к **сущности** то, что порождается *перспективой*? Или, может, оно — только форма видения, отношение между двумя различными сущностями? Находятся ли различные силы в отношении между собою, так что это отношение оказывается связанным с оптикой восприятия? Таковая была бы возможной, *если бы все бытие* **эссенциально** *было чем-то воспринимающим*.

5 [13]

Что сходство форм указывает на родство, на происхождение от одной общей формы, <к примеру,> что сходство звуковой формы слов указывает на их <смысловое> родство, — это такая манера умозаключать, при которой inertia играет роль суфлера: как будто однократное возникновение какой-нибудь формы *вероятнее* ее возникновения многократного...

Последовательная смена явлений, пусть даже описанная с дотошною точностью, еще не в состоянии выявить *сущность* процесса — а что тут как тут, так это *неизменное присутствие* искажающего посредника (нашего «я» —). Так бывает, когда при переводе стихотворения с одного языка на другой пропадают рифмы: зато при этом возникает *вера* в то, *что* в том, первом языке, рифмы в стихотворении были. Так же и серийность, последовательная смена пробуждает веру в своего рода «взаимосвязь», име-

ющую место *по ту сторону* наблюденной нами череды перемен.

5 [14]

Наука, развиваясь, все больше растворяет «известное» в неизвестном: но *хочет*-то она как раз *обратного*, руководясь инстинктом возведения неизвестного к известному.

In summa[1] наука мостит дорогу *самодержавному неведению*, ощущению того, что «познавания» вообще не бывает, что и мечтать об этом было некоей заносчивостью, более того, что в итоге мы не получили ни малейшего понятия о том, как допустить хотя бы только *возможность* «познания», что уже само «познание» — представление насквозь противоречивое. Мы *переводим* некую древнейшую мифологию и человечье самомнение в суровый факт: ни вещи самой по себе, ни «познания самого по себе» уже *нельзя допустить* в качестве понятия. Мы сбиты с толку «числом и логикой»

— — «законами»

«Мудрость» как попытка *преодолеть* перспективистские оценки (а значит, «волю к власти»), враждебный жизни и разрушительный принцип, симптом, как у индусов и т. д. *Ослабление* способности к усвоению.

5 [15]

Уж если можно попытаться перевести все на язык мертвого, лишенного жизни в сфере наших чувственных восприятий (а стало быть, разрешить в движения и т. д.), то позволено и все, что мы видели, слышали, что предоставили нам чувства, разрешить в наши *витальные* функции, то есть в стремления, восприятия, эмоции и т. д.

5 [16]

Научной точности можно добиться в первую очередь <в наблюдении> наиболее поверхностных явлений, то есть везде, где можно пересчитать, вычислить, ощупать, увидеть, — где можно *устанавливать* количества. По-

1 В сущности (*лат.*).

этому первыми оказались возделанными самые жалкие сферы бытия. Требовать, чтобы все на свете получало механистическое объяснение,—это инстинкт: как будто именно при таком условии в *первую* очередь можно будет познать что-то наиболее ценное и фундаментальное. Какая наивность! На самом деле все, что можно сосчитать и схватить, обладает наименьшею для нас ценностью, а то, в чем ничего *не* удается «уловить»,—ценностью более «высокою». Логика и механика применимы только к вещам *наиболее поверхностным*, будучи, в сущности, всего лишь искусством схематизации и сокращения, одолением множественности, искусством представлять в каком-нибудь виде,—не «пониманием», а обозначением в целях *согласования*. Мыслить мир, сводя его к поверхности, значит прежде всего—делать его «уловимым».

Логика с механикой даже и *не прикасаются* к причинной обусловленности——

5 [17]

Эпохи скептические, *страдающие* неуверенностью, переходят к косной вере: а с другой стороны, приходится долго и с большим трудом *добиваться*, чтобы люди, питающие отвращение к поспешно принятым догмам и стеснениям, верили, как все (поскольку они не *страдают* от неуверенности, а наслаждаются ею). Эта последняя разновидность навязанной всеобщей веры и генерализации имеет решающую *ценность*: она возникла вопреки антипатии. О **происхождении** *систематических по характеру концепций*: a) от умов схематически мыслящих b) по причине страдания от неуверенности c) случай более редкостный—от умов, не любящих схематизировать: эти—incerti amici[1].

5 [18]

«Что можно доказать, то и истинно». Это произвольное введение понятия «истинный», и *доказать* его *невозможно!* Оно—попросту требование: «Это *должно* считаться истинным, должно называться "истинным"»! На заднем

---

1 Неверные друзья <sc. догм> (*лат.*).

плане маячит польза от принятия такого понимания «истинности»: ведь доказуемость взывает к самому общему во всех умах (к логике), отчего она, разумеется, оказывается не более чем мерилом пользы в интересах большинства. «Доказанная», то есть выведенная путем умозаключений, «истинность» предполагает, что суждения, использованные в умозаключении, уже «истинны» (значит, *общепризнанны*). Стало быть, «истинное» — это то, что, в соответствии с общепринятой манерой делать выводы, возводится <путем умозаключений> к общепринятым истинам. *Все это означает*: «Что можно доказать, то и истинно» *уже заранее* предполагает, что *истины существуют* — — —

5 [19]

Мир, который нас как-то касается, — мир мнимый, недействительный. Но для начала мы вывели понятие «действительного, реально данного» из понятия «касаться нас»; чем более мы затронуты в нашем интересе, тем сильней мы верим в «реальность» вещи или сущности. «Существует» — значит: я ощущаю, что существую, благодаря ей. Антиномия.

В какой мере жизненно это чувство, в такой же мере мы вкладываем *смысл* в то, что, как мы верим, служит причиною такого ощущения. Таким образом, «сущее» мы воспринимаем как то, что на *нас* воздействует и *проявляет себя своим воздействием*. — «Нереальным», «мнимым» было бы то, что не в состоянии оказать воздействие, но кажется их оказывающим. —

Но, предположим, мы вкладываем в вещи определенные ценности — тогда эти ценности воздействуют на нас *отраженным образом*, а мы уж и забыли, что сами вложили их туда.

Положим, я считаю кого-то своим отцом: отсюда последует множество всяких вещей для каждого из его совершенных по отношению ко мне поступков — они будут *интерпретироваться* иначе. Стало быть, если наши способы понимания и истолкования вещей, наша интерпретация вещей сложились, значит, в силу этого все «реальные» воздействия вещей на нас предстают иными, интерпретируются по-новому, короче, *воздействуют иначе*.

Но тогда, если все способы понимания вещей были ложными, то отсюда следует, что и все воздействия вещей на нас воспринимались и интерпретировались в соответствии с *какою-то ложной причинной обусловленностью*: короче, что ценность и негодность, пользу и вред мы измеряем по заблуждениям, что мир, *который нас как-то касается*,—это ложный мир.

5 [20]

Ветер прохладен и чист—
хотел бы я

день смотрит исподлобья

Вечером, когда твое храброе сердце сомневается и глядит утомленно.

Пламень с мутно-белым чревом—его шея алчно тянется и вкручивается в чистоту высоты

5 [21]

Проблемы, перед которыми я поставлен, кажутся мне столь решающе важными, что я чуть ли не всякий год несколько раз заношусь мечтою, воображая себе, будто люди духовно развитые, коих я с этими проблемами познакомил, должны теперь ради них отложить в сторону собственную работу, чтобы до поры до времени полностью посвятить себя *моим* делам. То, что всякий раз *происходило* вместо этого, оказывалось прямой противоположностью моим ожиданиям на столь комический и жуткий лад, что я, старый знаток человеческой природы, брал уроки стыда перед самим собою, сызнова переучивая азы, гласящие: то, к чему люди привыкли, для них в сто тысяч раз важнее, нежели даже их собственная выгода...

5 [22]

Радикальное решение:

мы верим в разум: но таковой представляет собою философию беспросветных *понятий*, язык, опирающийся на самые наивные из всех предрассудков

и вот мы вписываем в вещи <собственные> нестроения и проблемы, поскольку *мыслим исключительно* в языковой форме,—потому-то и верим в «вечную правоту» «разума» (скажем, субъект—предикат и т. д.)

мы прекращаем мыслить, как только отказываемся делать это в русле языка, мы даже начинаем сомневаться, проходит ли тут какая-то настоящая граница.

Разумное мышление—это интерпретирование по схеме, которую мы не в состоянии свергнуть.

5 [23]

добровольно отойти в сторону, держаться невозмутимо, снисходительно принимая вещи и обстоятельства, с благодарностью за самые мимолетные просветы здоровья, относясь к боли как к правилу, как к условию, как к чему-то добровольно взятому на себя и с хитрой настойчивостью используя в наших целях, выспрашивая <ее>—

5 [24]

Люди, в натуре которых всегда хрюкает и урчит внутренняя скотина

5 [25]

изживать не только мораль как предрассудок, но и <отношение> к высокочтимейшим образцам прежней нравственности

с каким-то ироническим всеведением повиснуть над всею прежней vita contemplativa[1]

С большим нежеланием застрять в одном из прежних миросозерцательных закоулков, сколь бы глубоко в каждый из них ни загоняло меня некогда любопытство, и с тем более твердым желанием самолично испытать как-нибудь то состояние, из коего родилась каждая отдельная из этих мирозакоулочных перспектив, носящих имя какой-нибудь философии или «религии»

---

1 Жизнь в созерцании (*лат.*).

5 [26]

ощущение тени чего-то бесконечного, овладевать которым нам не заповедано

5 [27]

Чтобы понять эту книгу, надо признать за мною право на некоторые аксиомы

5 [28]

Если кто-то в состоянии понять как предрассудок саму мораль, а потом в этой победе скепсиса еще и наслаждаться блаженством утренней зари—

5 [29]

Надо стремиться *переживать* великие проблемы и телом и душою

5 [30]

Народ по праву имеет самое превратное представление о состоянии, которое ему наиболее чуждо,—о мудрости

5 [31]

Всякая великая проблема—это симптом: человек выгнал его из себя некоторым количеством силы, догадливости, искушенности, ощущением <исходящей от него> угрозы, его предчувствием

5 [32]

Народу нужны люди, прокладывающие ему путь добрым примером: а с другой стороны, из себя и всего того, что он должен в себе преодолеть, из всего того, что он понял как идеал победоносного свершителя, он извлек своего рода критерий для своего типа *высшего человека.* Тут скрыта великая опасность. Хватит хитрить—признаемся же себе в том, почему, скажем, Христос—не более чем идеал «простолюдина».

5 [33]

Народ обыкновенно со всем простодушием спрашивает, *прожил* ли философ свою жизнь так же, как и *учил*: по себе он судит, что читать мораль — легко и маловажно, но вот зато не так-то просто *жить* ради той или иной морали. Наивно это — ибо как же можно узнать что-нибудь о стране, сообщить о которой ты должен, если не пожить в ней какое-то время самому!

Положим, некий философ — — —

Народ требует от философа, чтобы тот говорил правду: он ведь верит, будто истину познают лишь люди правдивые. И еще — чтобы тот жил целомудренно, отрекаясь

5 [34]

Люди наиболее духовные переживают очарование и волшебство чувственных вещей так, как другим и не снилось, как даже и не смеют себе представить эти другие — те, что с «плотяными сердцами»: они — сенсуалисты из лучших побуждений, потому что признают за чувствами более фундаментальную ценность, нежели за тем тонким ситом, тем истончающим и измельчающим аппаратом или как его там, что в просторечии зовут «духом». Сила и власть чувств — вот что самое важное в человеке, хорошо удавшемся и цельном: сначала должно быть великолепное «животное» — а иначе что толку во всяком там «очеловечивании»!

5 [35]

NB В основе всей европейской морали лежит то, что идет на пользу стаду: и беда всех людей более высокого, редкого типа состоит в том, что все свои отличия от остальных они понимают тогда, когда ощущают себя умаленными и осрамленными. Они-то, *сильные* из числа нынешних людей, и порождают пессимистическое помрачение: а посредственность неомраченна, как стадо, не особенно задающееся вопросами и не мучимое совестью. К вопросу о помраченности сильных: Шопенгауэр, Паскаль

NB. *Чем более опасным представляется то или иное качество стаду, тем более основательно оно объявляется вне закона.*

5 [36]

Наше «познание» ограничивается констатацией количеств, то есть

но ничто не мешает нам воспринимать эти количественные различия как качества. *Качество*—это *перспективистская* истина для *нас*, а вовсе не что-то «само по себе».

Какое-то определенное количество образует центр наших чувств, в котором они и функционируют, то есть мы ощущаем нечто большим или маленьким в соотношении с условиями нашего существования. Если бы мы обострили или притупили свои чувства в десять раз, мы погибли бы. Это значит, что и *соотношения величин* мы ощущаем как *качества* относительно условий, делающих возможным наше существование.

5 [37]

Описать, как отражается на нас мышление, занятое теорией познания, с физиологической стороны. А у *дикарей*—как?

5 [38]

Все то, в чем я, как философ радикально мыслящий, *нуждаюсь* radicaliter[1],—свобода от службы, от женщины, от детей, от друзей, от общества, от отечества, от родного угла, от веры, даже чуть ли не свобода от любви и ненависти,—все это для меня лишения в такой же мере, в какой я, к счастью,—живое существо, а не просто аппарат для изготовления абстракций: вот в чем заключается антиномичность моего существования. Должен добавить, что в любом случае у меня нет *надежного здоровья*—и что бремя названных лишений *давит на меня не столь сурово* лишь в те мгновения, когда я здоров. Да и не научился я еще разом соблюдать все пять условий, на коих могло бы зиждиться терпимое среднее из них—мое шаткое здоровье. И все-таки с моей стороны было бы роковою ошибкой лишить себя тех 8 свобод, чтобы создать себе эти 5 условий: вот *объективная* картина, изображающая мое положение.—

---

1 Настоятельно (*лат.*).

Дело осложняется еще тем, что помимо прочего я в какой-то мере и поэт—с обычными потребностями всех поэтов: в число этих потребностей входят потребность в сочувствии, в отменном домашнем хозяйстве, в славе и тому подобных вещах (в отношении каковых потребностей я не могу назвать свою жизнь иначе как жизнью собачьей). А вдвойне дело осложняется тем, что в какой-то мере я еще и музыкант, так что, в сущности, ничто в жизни мне———

5 [39]

—что я говорю на языке моралистов для народа и «святых мужей», и притом непринужденно, оригинально, и вдохновенно, и весело, а в то же время извлекаю из этого некое артистическое наслаждение, весьма недалекое от иронии,—наслаждение как раз от того, что изощреннейшая форма, свойственная современному мышлению, постоянно переводится тут обратно на язык наивности, и, стало быть, с каким-то тайным торжеством над преодоленной трудностью и мнимой несбыточностью таковой затеи

5 [40]

К генеалогии морали

Разыскание первое,
сочиненное
Фридрихом Ницше

2. аскетический идеал
3. ответственность.
4. «я» и «он».

5 [41]

Увертюра «Парсифаля»—величайшее благодеяние, оказанное мне когда-либо. Мощь и суровость чувства неописуемы—я не знаю другого <произведения>, которое столь глубоко впитало бы в себя христианство и вызывало бы столь пронзительное сопереживание. Тут испыты-

ваешь одну только возвышенную взволнованность — ни один живописец не написал столь неописуемо грустного и любящего *выражения глаз*, как Вагнер

величие в постижении какой-то ужасающей уверенности, которая излучает что-то вроде сострадания:

величайший из известных мне шедевр возвышенной души, мощь и суровость в постижении какой-то ужасающей уверенности, неописуемая печать величия *во* внушаемом <этой уверенностью> сострадании; ни один живописец не создал столь сумрачного, столь грустного выражения глаз, как Вагнер в последней части этой увертюры. Даже Данте, даже Леонардо.

Словно кто-то наконец, по прошествии многих лет, заговорил со мною о проблемах, которые меня заботят, — хотя решения предлагает не те, что наготове у меня, а христианские — каковые были в конечном счете решением более сильных душ, нежели души, порожденные нашими последними двумя столетиями. И ведь, слушая эту музыку, отмахиваешься от того, что он был протестант, как от недоразумения: музыка Вагнера в Монте-Карло и, чего я не стану отрицать, другая *очень хорошая* слышанная мною музыка (Гайдн, Берлиоз, Брамс, увертюра «Сигурда» Рейе) — равно подвели меня к тому, чтобы отмахнуться и от музыки как недоразумения. Странно! Мальчишкою я внушил себе, будто моя миссия — воплотить на сцене эту <же> мистерию; — — —

5 [42]

Критика *христианского идеала*
бедности,
целомудрия,
смирения.
Европейские поползновения на *факирство.*

5 [43]

«ce jeune Juif, à la fois doux et terrible, fin et impérieux, naïf et profond, rempli du zèle désintéressé d'une moralité sublime et de l'ardeur d'une personnalité exaltée»[1]

(«les évangiles»)[2] Ренан.

C'est du régime féodal et non de sa chute, que sont nés l'égoïsme, l'avidité, les violences et la cruauté, qui conduisirrent aux terreurs des massacres de septembre[3]

v.[4] Зибель!!

5 [44]

Станем же чтить таким образом слепых, доверчивых, простых, незлобивых, ослов, станем же спасать и сохранять их от нас самих, все эти бесхитростные, легковерные, парные теплые млечные сердца, не получившие от жизни ничего, кроме своего наидвусмысленнейшего отличия — *не знать о нас*... припасем же их с помощью этого искусства внезапно неметь себе на черный день: ведь и нам бывают необходимы оазисы, люди-оазисы, где обо всем забываешь, всему доверяешь, засыпаешь, вновь начинаешь мечтать и любить, вновь становишься «как все люди»...

5 [45]

Меж тем со мною снесся по почте один весьма странный господин, Теодор Фрич по имени, из Лейпцига: и когда он сделался несносен, я не преминул отвесить ему несколько дружеских пинков. Эти нынешние «немцы» внушают мне все больше отвращения.

---

1 Этот молодой еврей, зараз кроткий и внушающий ужас, хитрый и властный, наивный и глубокий, преисполненный бескорыстного рвения, диктуемого возвышенной нравственностью, и пыла, свойственного восторженной личности (*фр.*).

2 «Евангелия» (*фр.*).

3 Именно феодальный режим, а не его падение, породил эгоизм, зависть, насилие и жестокость, которые привели к ужасам сентябрьской бойни (*фр.*).

4 См. (*лат.*).

5 [46]

Мы, гиперборейцы.

Но ни вплавь, ни впешь никто
не вымерил дивного пути
к сходу гипербореев...
Пиндар
<*Пер. М. Л. Гаспарова*>

За гранью Севера, льда, оцепенения, смерти—там *наша жизнь*! *Наше* блаженство!

5 [47]

Неужто из них могла бы выйти подходящая для нас аудитория, из этих моралистов, с каким-то омерзительно назойливым интересом вслушивающихся из всего сказанного лишь в то, что *им* на руку, а также—на руку ли оно им вообще? К предисловию.

«Что *я* от этого получу?
Как я буду при этом выглядеть?
Что я из этого извлеку для себя?»

—невозможные <для нас> умы.

5 [48]

NB «Немецкие юноши» и прочий восторженно грезящий рогатый скот—парные теплые млечные сердца

5 [49]

Мораль как *величайшая угроза* для человека

Добродетель—скажем, в качестве правдивости, в качестве *нашей* благородной и опасной роскоши; и не должно нам не принимать издержек, которыми эта роскошь чревата.

5 [50]

1) Та типичная метаморфоза, ярчайшие примеры которой среди французов—Г. Флобер, среди немцев—

Р. Вагнер: между 1830 и 1850-м романтическая вера в любовь и будущее переходит в жажду небытия.

2) эта *трагическая* для Европы *эпоха*, отмеченная борьбою с нигилизмом.

Возможное *заглавие* для № *10*.

3) Что означает чувство *цвета* у французов, звука (а особенно *«гармонии»*) у немцев? Способ стимулировать у себя возбуждение отчасти у *грубой*, отчасти—у *пресыщенной* породы людей.

4) Пессимизм и эстетическая теория

5) греческая философия начиная с Сократа как симптом болезни и, следовательно, подготовка почвы для христианства.

6) Анархизм

7) Против каузализма. Условия <, вызвавшие к жизни понятие> причины.

8) ложь в воспитательных целях. Платон. Сюда же и все «идеалы». Но *что* надо воспитывать? Надо создавать *долго*вечные институты, в которых могло бы вырасти нечто приличного возраста.

9) Как возникает *репутация* какого-нибудь морального качества?

10) Мораль нацелена на обмещанивание, на снижение уровня. В какой мере тут говорит инстинкт *сохранения* <рода>.

10) В *великом человеке* наиболее сильны и специфические проявления жизни <—такие, как> несправедливость, ложь, эксплуатация. Но в той мере, в какой они *возобладали* в нем, их природа оказалась понята наиболее превратно: она была перетолкована в сторону добра. Образец такого интерпретаторства—Карлейль.

11) Антагонизм между усилением и улучшением.

12) Против атомистики.

13) Вера в «я».

14) выдумать новый вид совершенства, при котором не поднимали бы мятежа все наше человеческое бедственное положение и неуверенность <в своем положении вообще>.

15) Как появляется *сильный человек*? v.[1] – – –
16) <Каковы> виды опьянения?
17) Что *значит* наше пристрастие к высокогорью, пустыне, campagna Romana, национализму?
18) Измельчание человека со времен Коперника.
19) Способы высоко ценить как причина и как следствие
20) Последовательная обусловленность – тоже только *описание.*
21) Агностики
22) О расхлябанности ума –
в чем заключается интеллектуальная порочность?
23) Что *означает* господство музыки?
24) Подчинение личности как способ морального облегчения. (отец, предок, князь, жрец, Бог)
25) Мистерии («драма»).
26) Кара: сохранение высшего типа.
27) Научный «мираж». О лицедействе
28) О физиологии власти
29) наша европейская культура – в <какую проблему> она уперлась, в противоположность буддийскому разрешению в Азии?
30) Истолкование, а *не* объяснение.
31) К логике: стремление установить тождество как воля к власти.
32) «вещь сама по себе»
33) против механицизма
34) Моральный предрассудок – вера в диалектику
35) Клеветничество <на жизнь, заключенное> в идеалах.
36) Психология потребности в научных занятиях.
37) современное помрачение
38) лицедейство
39) демагогическое начало в искусстве
40) гедонизм в нынешнем христианстве.
41) как Кант, так и Гегель, так и Шопенгауэр – все заранее подчинены коренному *моральному* суждению. То же – Платон, Спиноза.
42) превратное понимание непомраченности, иронии.
43) «угрызения совести»

---

1 См. (*лат.*).

44) переворачивания морального суждения
45) учение о среде
46) популярные идеалы, Фр. Ассизский.
47) «Мы, имморалисты»
48) чувство освобождения
49) Что значит быть благородным? (*в книге с обложкой под красный мрамор*)
50) все великие люди—злые
51) ханжество учености
52) тем же способом, каким Декарт выводил истинность чувственного восприятия из природы *Бога*, можно было бы опровергнуть Кантово учение о разуме, создающем иллюзии. Тогда сама теория познания оказалась бы зависимой от вынесенного *раньше* суждения о моральном характере бытия.
Англичане полагают, что нужно слушаться только некоего морального Бога. Атеисты же наиболее пристрастны как раз в вопросах морали.
53) хорошее самочувствие как возникающее от столкновения с небольшим сопротивлением ощущение *власти*: ведь в организме как целом имеет место неизменное преодоление бесчисленных препятствий—это ощущение *победы* осознается как *общее ощущение*, как радость, «свобода»
и наоборот: если встречаются труднопреодолимые препятствия, то не возникает и ощущения власти.

NB. Стало быть, ощущение страдания в корне отлично от ощущения наслаждения—последнее есть ощущение власти, необходимою предпосылкой возбуждения какового выступают малые торможения и ощущения страдания.

5 [51]

Иерархия.
Воздаяние.
Истина и правдивость.
Право, кара и т. д.
Сострадание

5 [52]

Максима: не водиться ни с кем, причастным к насквозь лживому расовому надувательству.

(Сколько же нужно лживости и грязи, чтобы в нынешней европейской мешанине еще и раздувать расовые вопросы!)

5 [53]

Это столетие как наследник *прошлого*

1) сенсуалистично, гедонистично
   (или пессимистично)
2) мечтательно—<значит> морально
   свобода, познание, счастье
   в связке
3) ———

5 [54]

Закон сохранения энергии требует *вечного возвращения*.

5 [55]

Главное заблуждение психологов: они расценивают смутное представление как *ступень* низшую в сравнении с представлением отчетливым—но то, что ускользает от нашего сознания и потому *темнеет*, само по себе *может* быть таким образом совершенно ясным. *Это затемнение—дело перспективы сознания.*

Эта «затемненность»—следствие оптики сознания, а вовсе *не обязательно* нечто «темное» само по себе.

5 [56]

Все то, что осознается в качестве «единства», уже чудовищно сложно: у нас всегда есть лишь *видимость единства*.

Феномен *тела*—феномен более богатый, отчетливо вырисовывающийся, ясно ощутимый: методологически ставить его на первое место, не предрешая его окончательного смысла.

NB. Если даже *центр «сознания»* и не совпадает с *физиологическим центром*, то все равно возможно, что **физиологический** *центр*—это вместе с тем и центр **психический**.

Разумность ощущения (наслаждения и страдания) — это значит, что оно *управляется* из того центра.

5 [57]

Проблема нигилизма (против пессимизма и т. д.)
Борьба с ним <только> укрепляет его.
Кажется, все *позитивные* силы столетия только готовят его появление
к примеру, естествознание
Объяснение: *гибнет оценка вещей*, создающая впечатление, будто никакая иная оценка невозможна.

5 [58]

Мораль как *иллюзия рода*, побуждающая индивидов жертвовать собою ради будущего: при этом она ложно приписывает им какую-то бесконечную ценность—а с таким *самомнением* индивид тиранит и подавляет прочие стороны своей природы, отчего с трудом ладит с собою.

Глубочайшая благодарность за то, чего достигла мораль к сему дню: но *нынче она – лишь гнет*, способный превратиться в злой рок! *Она сама*—будучи честностью—*вынуждает* отрицать мораль.

5 [59]

Предпосылка *научной работы*: вера в единую цепь и в то, что твоя работа не умрет,—поэтому человек может работать на любом, даже самом последнем месте, будучи уверен, что работает *не напрасно*. Эта———

Есть лишь один **великий тормоз**: сознавать, что *напрасно работаешь*, *напрасно* бьешься.——

Эпохи *накопления*, когда изыскиваются силы, средства установления власти, которыми некогда воспользуется будущее: *наука* как *промежуточная остановка*, где существа посредственные, еще лишенные внутренней цельности, полные внутренних противоречий, естественнейшим образом находят для себя отдохновение и отраду: *это все те, кому не дается* **дело**.

5 [60]

Дух догматизма у Канта

5 [61]

Момент, когда в распоряжении человека избыток *силы*: наука стремится добиться этого *закрепощения природы*.

Тогда у человека появляется *досуг*—он может теперь *делать из себя* что-то новое, более высокое. **Новая аристократия**

Тогда будет **изжито** множество *добродетелей*, которые до сих пор были *необходимы для жизни*.

Больше не нуждаться в <моральных> качествах, *стало быть*, можно их утратить.

Мы больше **не нуждаемся** *в добродетелях*: *стало быть*, мы их утрачиваем, равно как и мораль, основанную на «одно только нужно», на душеспасении и бессмертии души,—<то есть> способ *добиться* чудовищного *покорения* человеком *себя самого* (с помощью аффекта некоего чудовищного страха:::

различные виды *бедствий*, дисциплинирующим воздействием которых и сформирован человек: беда учит работать, мыслить, обуздывать себя

Физиологическое очищение и укрепление

новой аристократии нужен антагонист, нужна борьба с ним: у нее должна быть какая-нибудь насущнейшая необходимость поддерживать свое существование.

два варианта будущего для человечества:

1) будет последовательно продолжаться его превращение в заурядность

2) осознанный подъем, самоформирование

учение, создающее *пропасть*: оно сохраняет *высший* и *низший* типы (оно уничтожает средний тип)

прежние виды аристократии, духовный и светский, *никак* не опровергают необходимости в какой-то новой аристократии.

Теория **структур господства**—вместо **социологии**

5 [62]

Можно позволить себе настолько истины, насколько ты уже *возвысился* для того, чтобы не нуждаться в *принудительной школе заблуждения.*

Когда о бытии судят с точки зрения морали, оно *внушает отвращение.*

5 [63]

Не нужно изобретать мнимых личностей, говоря, скажем: «Природа жестока». Было бы как раз **облегчением** понять, *что никакой такой центральной инстанции ответственности* не бывает!

Развитие человечества. А. Добиться власти над природой, а **кроме того** — известной степени власти над собою. Мораль была нужна, *чтобы* утвердить человека путем борьбы с природой и с «диким животным».

В. *Если* власть над природою достигнута, можно эту власть использовать, чтобы свободно формировать дальше *себя самого*: воля к власти как самовозвышение и усиление.

5 [64]

Что значит «быть пассивным»?	сопротивляться и реагировать. Быть *заторможенным* в поступательном движении: значит, действие будет действием сопротивления и реакции.
Что значит «быть активным»?	быть нацеленным на власть
«Питание»	— только следствие, первично стремление вобрать все в себя.
«Размножение»	— только следствие, первичен — если не хватает одной воли организовать все присвоенное, то вступает в силу *противоволя*, производящая <его> отторжение, — новый центр организации, <возникающий> в результате борьбы с изначальною волей

Наслаждение как ощущение власти (предполагает наличие страдания)

5 [65]

Предпосылкою всякого мышления, суждения, восприятия как способностей *сравнивающих* служит «*отождествление* **в уме**», а еще до этого — «*уравнивание* **на деле**». Уравнивание на деле — это то самое, что являет собою включение в состав амебы усвоенной ею материи.

Позже имеет место воспоминание — в той мере, в какой уравнивающий инстинкт уже *обуздан*: <тогда> различие сохраняется. Процесс вспоминания как рубрицирование и расставление по полкам, кто <в таком случае> — активный <деятель>?

5 [66]

Ценность *безрассудных склонностей*

напр., материнская любовь, любовь к <своим> «творениям» и т. д.

нет тут *никакого* «альтруизма»!

5 [67]

Необходимо вовсе не «моральное воспитание» человеческого рода, а принудительная школа заблуждений, потому что «истина» внушает отвращение и отравляет жизнь, если только, конечно, человек уже не втянут в ее *орбиту* необратимо, — <тогда он> с трагическою гордостью берет на себя задачу ее честного *понимания*.

5 [68]

Физиологи, как и философы, думают, будто *ценность сознания* растет по мере того, как оно *становится* все более ясным: сознание самое ясное, мышление самое логичное и холодное — вещи *первого* ранга. В соответствии с чем, однако, определяется эта ценность? В смысле *запуска воли* мышление наиболее поверхностное, *упрощенное* полезнее всего (потому что у него меньше мотивов) — почему оно на это и способно и т. д. NB.

Точная определенность поступка находится в противоречии с *дальновидной предусмотрительностью*, нередко неспособной на четкие суждения: ею руководит инстинкт *более глубокий*.

NB. *Измерять ценность объемом* полезности.

5 [69]

Наши страсти и склонности стремятся к *своему* удовлетворению, а *для этого*—добиться господства и над разумом.

5 [70]

1. Философия истории.
2. Психология.
3. Культура греков.
4. Философия морали.
5. История греческой философии.

Нигилизм: гибель всеобщей тяги к почитанию (то есть моральному) нет новых интерпретирующих сил.
К истории ценностей.
Воля к власти и ее метаморфозы.
(чем была прежняя тяга к морали: школою)
Вечное возвращение как молот.

5 [71]

Европейский нигилизм

Ленцер-Хайде 10 июня 1887

1

Какие *выгоды* предложила христианская гипотеза о морали?

1) она наделила человека абсолютной *ценностью*——наперекор его ничтожности и случайности в потоке становления и исчезновения
2) она послужила адвокатам Бога, оставив миру атрибут *совершенства*—в том числе и «свободы»,—невзирая на боль и беды: беды предстали исполненными *смысла.*
3) она приписывает человеку *знание* об абсолютных ценностях—снабдив его тем самым *адекватным пониманием* как раз наиважнейших вещей.

она удержала человека от презрения к себе как человеку, от борьбы против жизни, от разочарования в познании: она была *способом самосохранения*; in summa: мораль была великим *противоядием* от практического и теоретического *нигилизма.*

2

Но среди способностей, взращенных моралью, была *правдивость: эта последняя* в конце концов обращается против самой морали, обнаруживая ее *телеологию*, ее *корыстную* точку зрения,—и вот *понимание* этой-то давней, закоренелой лживости, от которой уже, кажется, почти невозможно отделаться, действует прямо-таки как стимулирующее средство. Стимулирующее нигилизм. Нынче мы констатируем в себе потребности, укоренившиеся в результате долгой моральной интерпретации <мира>, выступающие для нас сегодня потребностями во лжи—но, с другой стороны, на них будто держится всякая ценность, ради которой-то мы и терпим жизнь. Этот антагонизм—*не* ценить того, что мы познаём, и не *сметь* больше ценить столь желанный самообман—и ведет к процессу разрушения.

3

По сути дела, нам уже не так и нужно противоядие против *первоначального* нигилизма: жизнь в нашей Европе уже теперь не столь ненадежна, случайна, нелепа. Теперь не так уж и нужно столь чудовищное *потенцирование ценности* человека, ценности бед и т. д.,—мы способны перенести значительное *снижение* этой ценности, мы готовы допустить немало бессмысленного и случайного: достигнутая человеком *власть* уже позволяет ему *смягчить* дисциплинарные меры, сильнейшей из коих была моральная интерпретация. «Бог»—гипотеза слишком радикальная.

4

Но место радикальных установок занимают не более умеренные, а опять-таки крайние, только *обращенные*. И раз веру в Бога и моральный по характеру миропорядок уже не отстоять, то вера в абсолютную имморальность природы, в отсутствие цели и смысла становится психологически необходимым *аффектом*. Теперь нигилизм является на сцене *не потому*, что жизнь стала бо2льшим страданием, чем прежде, а потому, что нет уже никакой веры «смыслу» напастей, даже и «смыслу» самого бытия. *Одна* интерпретация погибла; но поскольку она была интер-

претацией как таковой, дело выглядит так, словно в бытии нет совсем никакого смысла, словно все — *суета.*

5

Надо еще показать, что это «суета!» — суть нашего нынешнего нигилизма. Недоверие к нашим прежним способам ценить усиливается вплоть до вопроса: «Не служат ли все “ценности” приманками, просто затягивающими эту комедию, развязки которой не видно?» *Нескончаемость,* да еще «суета сует», без цели, без предназначенья, — мысль, *парализующая* более всего, особенно если понимаешь, что тебе морочат голову, а сил помешать этому нет.

6

Представим себе эту мысль в ее самой ужасной форме: бытие как оно есть, без смысла и цели, но неуклонно приходящее вновь, без концовки — превращения в ничто: «вечное возвращение».

Вот она, наиболее радикальная форма нигилизма: ничто («бессмыслица») на веки вечные!

Европейская форма буддизма: *принуждает* к подобной вере энергия знания и силы. Это *самая научная* из всех возможных гипотез. Мы отвергаем конечные цели: будь у мира цель, она уже была бы достигнута.

7

Тогда становится ясно, что искомое тут — противовес пантеизму: ведь <жизнеощущение> «все совершенно, божественно, вечно» *тоже с неизбежностью приводит к вере в «вечное возвращение».* Вопрос: делает ли невозможность морали невозможным и это пантеистическое приятие всех вещей? Ведь, в сущности, победа одержана лишь над моральным Богом. Имеет ли смысл представлять себе какого-то Бога «по ту сторону добра и зла»? Возможен ли пантеизм в *этом* духе? Сможем ли мы устранить из процесса представление о цели, но, *несмотря на это,* не отвергнуть самый процесс? Это можно бы сделать, если в самом процессе в каждый из его моментов *достигается* нечто — и притом всегда то же самое.

Спиноза занял подобную позицию приятия в том смысле, что каждый момент *логически* необходим: и своим врожденным логическим инстинктом он восторжествовал над *таким* характером мира.

8

Но его случай остается лишь отдельным случаем. *Всякая определяющая черта*, лежащая в основе *всего*, что совершается, выражающаяся в любом процессе, должна — если индивид чувствует в ней *свою* определяющую черту — внушать этому индивиду торжествующее одобрение каждого мига всеобщего бытия. Все зависит как раз от того, чтобы с наслаждением ощущать в себе эту определяющую черту как нечто хорошее, ценное.

9

И вот *мораль* оградила жизнь от отчаяния и прыжка в ничто у таких людей и сословий, которых тиранили и угнетали *другие*: ибо бессилие перед людьми, *не* бессилие перед стихией природы, внушает самое отчаянное ожесточение ко всему бытию. Властителей, насильников, вообще «господ» мораль выставляла врагами, от которых простолюдина надо защитить, *прежде всего ободрить, укрепить дух*. Вот почему мораль учила от души *ненавидеть* и *презирать* все то, что было определяющей чертой господствующих,— *их волю к власти*. Отменить, отвергнуть, подорвать эту мораль — значило бы придать этому ненавистному влечению *обратное* ощущение и ценность. Если страждущий и угнетенный *утратит веру* в то, что имеет *право* презирать волю к власти, то окажется в состоянии безнадежного отчаяния. Так и было бы, если бы эта черта была главной в жизни, если бы выяснилось, что даже под маскою «воли к морали» прячется все та же «воля к власти», что даже ненависть и презрение — это все еще воля к власти. Тогда угнетенный понял бы, что угнетатель и он — *одного поля ягода* и что у него нет перед тем *преимущества*, нет *высшего ранга*.

10

Скорее, *наоборот!* В жизни нет никакой другой ценности, кроме степени власти,—конечно, если допустить, что сама жизнь—это воля к власти. Мораль защищала *обойденных жизнью* от нигилизма, наделяя *каждого* бесконечной ценностью, метафизической ценностью и включая его в порядок, не согласный с порядком мирской власти и иерархической лестницей: она учила покорности, смирению и т. д. *Положим, вера в эту мораль погибнет,*—тогда обойденные жизнью лишатся всякого утешения—*они тоже погибнут.*

11

Эта *гибель* выдает себя за *обречение себя на гибель*—как инстинктивный отбор того, что *должно разрушать. Симптомы* такого саморазрушения обойденных жизнью: самовивисекция, отравление <ума>, опьянение, романтизм, но прежде всего инстинктивная склонность к действиям, превращающим людей могущественных в *смертельных врагов* (—это все равно что растить собственных палачей); *тяга к разрушению* как проявление еще более глубокого инстинкта—инстинкта саморазрушения, *тяги к небытию.*

12

Нигилизм—симптом, говорящий о том, что обойденные жизнью уже не находят себе утешения ни в чем: что они разрушают, чтобы разрушиться, что, расставшись с моралью, они больше не имеют оснований «смиряться»; что они ставят себя на почву противоположного принципа и со своей стороны *домогаются власти,*—*заставляя* могущественных быть своими палачами. Вот европейская форма буддизма, то *отрицание делом*—после того как все сущее утратило свой «смысл».

13

И не то чтобы «бедственное положение» усугубилось: напротив! «Бог, мораль, смирение» были спасительным средством—при ужасающей обездоленности, на дне: *активный* же *нигилизм* появляется в сравнительно много более благоприятных условиях. Одно то, что мораль кажется устаревшей, предполагает довольно высокую сту-

пень культуры; а эта последняя опять-таки — относительное благополучие. Да и некоторая духовная усталость от длительной борьбы философских мнений — включая безнадежный скепсис *в отношении* самой философии, тоже изобличает отнюдь не *отсталость* тогдашних нигилистов. Достаточно вспомнить об условиях, в которых появился Будда. У доктрины вечного возвращения были бы *ученые* предпосылки (как они были у доктрины Будды — скажем, понятие причинности и т. д.).

14

Что нынче значит «быть обойденным жизнью»? Прежде всего — *физиологически*, а отнюдь не политически, как раньше. Почва для этого <вида> нигилизма — *самая нездоровая* порода людей в Европе (во всех сословиях): веру в вечное возвращение она воспримет как *проклятие* — пораженных им уже не отпугнет никакой поступок: они не будут пассивно угасать, а станут *угашать* все, что до такой степени лишено смысла и цели — хотя это всего лишь судорога, слепая ярость, вызванная догадкою о том, что все уже было веки вечные — даже этот самый момент с его нигилизмом и страстью к разрушению. — **Ценность** *подобного кризиса* состоит в его *очистительном действии*, в столкновении родственных элементов, заставляющем их губить друг друга, в постановке общих задач перед людьми розно мыслящими — выявление и среди них слабейших, колеблющихся дает толчок формированию *иерархии сил* сообразно здоровью: признавая повелевающего — повелителем, а послушного — исполнителем. Разумеется, помимо любого существующего общественного порядка.

15

Кто же из них покажет себя *самым сильным*? Самые заурядные — те, кому нет *нужды* в крайних догматах, те, кто не просто принимает, но даже и любит хорошую порцию случая и бессмыслицы, те, кто способен представлять себе человека значительно менее ценным, но не падать от этого духом: наделенные крепчайшим здоровьем, кому нипочем большинство неудач, и потому им не страшны неудачи, — люди, *уверенные в своей власти* и воплощающие

собой уровень силы, *достигнутый* человеческим родом, в гордом сознании своей ценности.

16

Что же такой человек будет думать о вечном возвращении?—

5 [72]

Самоустранение морали
честность
справедливость, кара, сострадание и т.д.

5 [73]

По ту сторону добра и зла
17 листов—**вторая половина**

5 [74]

К генеалогии
морали
Полемическое сочинение

Фридриха Ницше

Беспечальными, надо всем смеющимися, действующими насилием—вот какими хочет видеть *нас* мудрость: она—женщина, она всегда любит только воина.

Так говорил Заратустра

Лейпциг,
издательство К.Г. Наумана

5 [75]

Воля к власти
Опыт переоценки всех ценностей

1
О ценности истины

2
Что отсюда следует

3
К истории европейского нигилизма

4
Вечное возвращение

5 [76]
Мораль как воля

5 [77]
Изречения и стрелы

Сочинение
Фридриха Ницше

Сведено воедино и выведено на свет
из его писаний г-ном Э. Ф. В.

5 [78]
Изречения
имморалиста

5 [79]
Вообще-то, не имеет никакого смысла предъявлять образец психологии *большого размаха* этому убогому столетию, коим я вынужден кое-как довольствоваться,—кто откликнется хотя бы тысячной долей страстности и страсти, чтобы суметь понять, *каким* бывает путь к знанию о столь неизвестных и решающе важных вещах?...

И какое море пережитого пришлось вместить в себя человеку, чтобы в 25 лет написать «Рождение трагедии»!

Я никогда не жаловался на неизмеримые мои лишения: не слышать ниоткуда ни звука, родственного моему слуху, ничего—о таком же страдании, о таком же стремлении.

Сам я не знаю ни одной книги в литературах мира, которая заключала бы в себе такую бездну душевных ис-

пытаний,—от самого крупного до самого мелкого и изощренного. А если помимо меня никто этого не видит и не знает, причиною тому—тот факт, что я осужден жить в эпоху, когда процветают болваны, да к тому ж еще жить среди народа, у которого вообще не было даже начальной подготовки в сфере психологии (народа, всерьез воспринявшего Шиллера и Фихте!!). Как подумаешь, что такие люди, как Роде, вели себя со мною как ослы,—что, собственно, должно———

5 [80]

8

Наконец, пусть даже совсем кратко, укажу на некое чудовищное и еще совершенно не вскрытое положение дел, которое выяснялось очень, очень постепенно: до сих пор не было более кардинальных проблем, чем моральные,—это *их* движущею силой порождены все великие концепции в царстве прежних ценностей (к примеру, все то, что попросту называют «философией»—и притом вплоть до основополагающих теоретико-познавательных предпосылок). *Но существуют проблемы гораздо более кардинальные, нежели проблемы моральные:* они попадают в поле зрения лишь после того, как человек оставил предрассудок морали *за спиною...*

5 [81]

a) *Широкий размах*
   Обнаженное: психологическая чистка вкуса.
b) синтетических людей *нельзя* вырастить в «муравейнике».
   Наше общество только *выставляет напоказ* образование, «образованного человека» нет.
c) самоубийство—харакири <у> японцев
d) вернуть право на *аффекты познающему*

5 [82]

Право возникает лишь там, где есть договоры; но чтобы могли существовать договоры, должно сложиться определенное *равновесие власти.* Если такого равновесия нет, два слишком различных квантума власти сталкивают-

ся друг с другом, и более сильный пережимает более слабого, все больше его ослабляя, покамест, в конце концов, не подчиняет его себе, заставляет его приноравливаться, подстраиваться, включает его в себя: с тем, стало быть, результатом, что двое становятся одним. Чтобы двое двумя и остались, нужно, как сказано, равновесие: а потому всякое право опирается на предварительное *взвешивание*. Поэтому неправильно — ибо это вводит в заблуждение — изображать Юстицию с весами в руке: правильной аллегорией было бы изображать ее стоящей на весах и *удерживающей в равновесии* обе чаши. Юстицию же представляют себе неверно: в ее уста вкладывают еще и ложь. Юстиция не говорит: «Каждому свое», а только: «Как ты со мной, так и я с тобой». Когда две власти в своих взаимных отношениях обуздывают беззастенчивую волю к власти и не только предоставляют друг другу *равенство*, но и *желают* его, то это и есть корень всякой «доброй воли» на земле. Ведь договор содержит не только простое утверждение *существующего* квантума власти, но в то же время и желание утвердить этот квантум за обеими сторонами *на долгий срок*, а тем самым до определенной степени даже законсервировать: это, как сказано, и есть *зародыш* всякой «доброй воли».

5 [83]

В этом месте, где мы пока что вглядываемся в проблему эстетического состояния еще не со стороны художника, а в перспективе зрителя, надлежит прежде всего заявить, что это — *не* та проблема, которая гласит: «Что такое созерцательное состояние и как оно возможно?» До сей поры философы простодушно *путали* созерцательное состояние с эстетическим и считали их одним и тем же: но первое из них — лишь предпосылка второго, а не оно само; его условие, но, и это нужно добавить сразу же, и условие не в том смысле, что оно — нечто вроде его подлинной causa[1] и причины его появления. Совершенно ошибочным было бы утверждение: одна «потребность», из которой человек становится «эстетическим», в корне отлич-

1 Причины (*лат.*).

на от другой «потребности», следствие коей — созерцательное состояние, хотя последнее, как сказано, — предпосылка первого и должно быть достигнуто, чтобы эстетическое состояние могло наступить. Но с таким же успехом, если уж почва расчищена, может — — —

5 [84]

Как можно больше *интернациональных* держав — чтобы **упражняться** в *мировой перспективе.*

5 [85]

Всякий год — 5 глав

5 [86]

А бедуин говорит: «Даже дым на что-нибудь сгодится» — ведь по нему путник может угадать близость гостеприимного очага.

5 [87]

Pour qu'un homme soit au-dessus de l'humanité, il en coûte trop cher à tous les autres[1].

Монтескьё

5 [88]

История евреев — типичный пример появления «идеалистов». «Бог и Израиль» заключают между собою завет. Первое ухищрение: праведный Бог — в завете только с праведным Израилем. 2) но в конечном счете он любит Израиль, даже страдающий, даже страдающий за свою вину, *и т. д.*

Древние израильтяне тождественны германцам у Тацита — а равным образом арабам-бедуинам и корсиканцам. Генуэзцы тех времен, когда их посетил президент де Брос, и нынешние.

1 За то, чтобы кто-нибудь поднялся над общим уровнем, остальным приходится дорого расплачиваться (*фр.*).

5 [89]

Против *большого заблуждения*, будто бы наше время (Европа) репрезентирует *высший тип человека*. Скорее, люди Ренессанса были выше, да и греки тоже; мы, может быть, стоим даже *весьма низко*: «понимание» — признак вовсе не высокоразвитой способности, а *изрядной утомленности*; уже само *морализирование* — некий *«декаданс»*.

5 [90]

Слова Наполеона (сказанные 2 февраля 1809 года Рёдереру):

«J'aime le pouvoir, moi; mais c'est *en artiste* que je l'aime... Je l'aime *comme un musicien aime son violon*; je l'aime pour en tirer des sons, des accords, des harmonies»[1].

5 [91]

(Ревю де де монд, 15 февр. 1887. *Тэн.*)

«Внезапно раскрывается faculté maîtresse[2]: *этот художник*, заключенный в политике, выходит de sa gaine[3]; он творит dans l'idéal et l'impossible[4]. Мы вновь видим в нем того, кто он и есть, — посмертного брата Данте и Микеланджело: да и впрямь, в смысле точности контуров своих замыслов, интенсивности, связности и внутренней логики своей мечты, глубины своих раздумий, сверхчеловеческого величия своих планов он им равен et leur égal: son génie a la même taille et la même structure; il est un de trois esprits souverains de la renaissance italienne.[5]»

Nota bene — — —

Данте, Микеланджело, Наполеон — —

---

1 Что до меня, я люблю власть; но я люблю ее как артист... я люблю ее, *как музыкант любит свою скрипку*; я люблю ее за то, что из нее можно извлекать звуки, аккорды, гармонии (*фр.*).

2 Главная способность (*фр.*).

3 Из своей оболочки (*фр.*).

4 В идеальном, в невозможном (*фр.*).

5 И он им равен: его гений — той же величины и строения; он — один из трех высших умов итальянского Возрождения (*фр.*).

5 [92]

О высшем человеке

Или:
Искушение Заратустры

Сочинение
Фридриха Ницше

5 [93]

Dionysos philosophos[1]

Satura Menippea

Сочинение
Фридриха Ницше

5 [94]

Антагонизмы, проблемы, решение которых зависит в конечном счете от воли (от силы—)

1. между *силою* человека и *долговечностью расы*
2. между *созидательной способностью* и *«человечностью»*
3. ———

5 [95]

Не услыхать ни звука в ответ на такой призыв, идущий из глубины души,—это *страшное* переживание, от которого может сгинуть и самый стойкий: вот что изъяло меня из всех отношений с ныне живущими.

5 [96]

Размышления о греках

С предисловием,
адресованным
Якобу Буркхардту

Сочинение
Фридриха Ницше

---

1 Дионис-философ (*греч.*).

5 [97]

1. Европейский нигилизм.
2. Прежняя мораль враждебна жизни.
3. Прежняя мораль даже «аморальна»

5 [98]

1

Кто поразмыслит о том, каким образом человек как тип может подняться до величайшего расцвета и могущества, тот первым делом поймет, что ему для этого придется выйти за рамки морали: ведь мораль была главным образом нацелена на противоположное — подавить или уничтожить это цветущее развитие там, где оно набирало силу. Ибо в действительности подобное развитие пожирает для собственных нужд такое неимоверное количество людей, что *обратное* движение только естественно: более слабые, хрупкие, посредственные жизни вынуждены объединяться *против* цвета жизни и силы, а для этого у них в руках должен оказаться какой-то новый способ оценивать вещи, пользуясь которым они осуждают, а где можно — и губят жизнь, входящую в этот высочайший расцвет сил. Поэтому некая враждебная жизни тенденция свойственна морали в той мере, в какой она стремится подавить наиболее сильные типы, порожденные жизнью.

5 [99]
NB

1) попытка с помощью устранения «я» сблизить *эстетику* с *неэгоистической этикой* (в качестве ее начальной стадии)

2) попытка сблизить ее с *познанием* (чистый субъект, «чистое зеркало объекта»)

— и напротив: при эстетическом исследовании объект сплошь *подделка*

«чистый, лишенный воли, лишенный боли, лишенный времени субъект познания»

— отнюдь *не* «познания»!

— воля, *подчеркивающая* все (а все остальное устраняющая), что нужно ей в объекте, чтобы *достичь довольства и гармонии с собою*

выдумывание и приукрашивание мира, в котором мы могли бы *принимать себя самих* с нашими глубочайшими потребностями

цвета, звуки, формы, движения — действие *бессознательной памяти*, в которой сохраняются полезные стороны этих качеств (или ассоциаций)

в высшей степени заинтересованное, и заинтересованное беззастенчиво, *приукрашивание* вещей

подделывание главного, *исключение* как раз чисто констатирующего, познающего, *объективного* смысла

упрощение, выдвижение типического — наслаждение от *триумфального привнесения какого-нибудь смысла*

игнорирование всех губительных и враждебных факторов в предмете созерцания (скажем, в ландшафте, во время грозы)

эстетически настроенный зритель *санкционирует триумф* — и делает при этом нечто противоположное тому, что он делает с внешними впечатлениями в иных случаях: он отменяет свое недоверие, не уходит в оборону — это состояние *исключения, доверчивое, почтительное, любовное приятие*

воля

? Заинтересованность в *причинах* и в *типическом* (доминирующем)

5 [100]

К *критике идеалов*: начать ее отменою слова *«идеал»*: критика **желаемого**.

5 [101]

благосклонно выслушивать какого-нибудь крикуна-анархиста, который, орошая всю историю ядом своей ненависти, хотел бы убедить нас в том, что в силу такого орошения он — историк.

5 [102]

Жизнь среди болванов!

5 [103]

Что надо было пережить, чтобы в 26 лет суметь написать Рождение трагедии!

5 [104]

ma non si deve fischiar in presenza dun professore: ciò pecca contro la buona creanza[1]

5 [105]

Хорош тот поступок, который совесть одобрила! тогда и произведение прекрасно только потому, что с ног до головы нравится самому художнику! **«Ценность»** зависит от сопутствующих *ощущений наслаждения*, переживаемых деятелем! (—кто станет разбирать, сколько тут тщеславия, а сколько—подчинения традиции!)

С другой стороны, все *важные* и ценные поступки делались *без* уверенности в этом...

Надо стараться судить по *объективным* ценностям. Является ли таковой общественная «польза»? Да; но только ее обыкновенно опять-таки *не отличают* от «ощущений наслаждения», которые получает общество. Поэтому «дурной поступок», действующий на общество как стимулирующее средство и поначалу возбуждающий весьма неприятные ощущения, будет *ценным* поступком.

5 [106]

Против стадной морали. Объявление войны.

5 [107]

Критика «справедливости» и «равенства перед законом»: что они, в сущности, призваны *устранить*? Напряжение, вражду, ненависть,—но ошибочно полагать, будто таким путем *приумножается* **«счастье»**: корсиканцы вкушают большее счастье, нежели жители континента.

---

1 Да нельзя же свистеть в присутствии учителя: это значит показывать свою невоспитанность (*итал.*).

5 [108]

Главная ошибка: искать цели в стаде, а *не* в отдельных личностях! Стадо – средство, не более! А нынче пытаются понять *стадо в качестве индивидуума* и присвоить ему более высокий ранг, нежели личности, – какое превратное понимание!!! Равным образом превратно характеризовать то, что приобщает к стаду, *со*чувствие, как *наиболее ценную* сторону нашей природы!

5 [109]

Эти нынешние парижские поэты и romanciers[1], изысканные любопытствующие псы, возбужденными взглядами пронизывающие «женщину» вплоть до ее самых зловонных тайн

5 [110]

Гюри, Compendium theologiae Moralis[2], Ratisbonae 1862

Штайн, Изыскания об исихастах 1874

Брейд, Гипнотизм, немецкий перевод Прайера 1882

Кремер, История культуры Востока

„ История основных идей ислама 1868

„ Исторические экскурсы в сферу ислама 1873

1 Романисты (*фр.*).

2 Свод моральной теологии (*лат.*).

6. Лето 1886—весна 1887

6 [1]

Если у человека отважная и хорошо сложенная душа, ему-то уж можно позволить себе такое славное роскошество—имморальность.

Постлюдия и заключительные строки

6 [2]

По ту сторону доброго и дурного?
Философское
полемическое сочинение

(В дополнение и разъяснение недавно опубликованной книги «По ту сторону добра и зла»)

Сочинение
Фридриха Ницше

6 [3]

Семь предисловий

С приложением:
Песни князя Вольнолёта

Это мой дом, мой личный дворец,
и я не ходил по чужим стопам,
а от насмешки моей не уйдет и творец,
над собой не смеявшийся сам.

Сочинение
Фридриха Ницше

Лейпциг,
в издательстве Э. В. Фрицша

6 [4]

Предисловия и послесловия

Мои сочинения говорят лишь о лично мною пережитом — к счастью, его у меня было предостаточно: в нем и телом и душою — к чему скрывать? — ego ipsissimus[1], самое большее — ego ipsissim*um*[2]. Но в течение нескольких лет мне все еще не хватало дистанции, чтобы прочувствовать те повелительные наслаждение и силу, которые побуждают запечатлевать каждое такое переживание, каждое такое *изжитое* состояние. Поэтому-то все мои сочинения, за одним-единственным, но безусловно существенным исключением, *датированы задним числом.* А некоторые, как, скажем, первые выпуски «Несвоевременных мыслей» (что не укроется от взора более тонких ценителей и знатоков), датированы и вовсе временем, последовавшим за тем, в какое возникло и было пережито «Рождение трагедии» — книги, изданной раньше. Той вспышкой гнева против немечества, флегматизма и самообожания старого Давида *Штрауса* я дал волю настроениям, с коими сидел на студенческой скамье в самой гуще немецкого образования и образованного мещанства; а то, что я говорил против «болезни историцизма», я говорил, учась *выздоравливать* от нее, но вовсе не собираясь впредь отказываться от «исторической науки». (Quod demonstratum est[3] —). Выражая благодарность моему первому и единственному воспитателю — Артуру Шопенгауэру (нынче я выразил бы ее гораздо проникновенней), я пребывал в самом разгаре моралистского скепсиса и смятения и не верил уже «ни во что», как говорят в народе, в том числе и в Шопенгауэра: как раз в это время родился один необнародованный фрагмент — «Об истине и лжи во внеморальном смысле»; но уже в «Рождении трагедии» с его учением о *дионисийском* начале Шопенгауэров пессимизм предстает побежденным. Моя торжественная речь в честь Рихарда Вагнера по случаю празднования его байрейтской победы — а Байрейт равнозначен величайшей победе, ко-

1 Я сам (*лат.*).

2 Само «я» (*лат.*).

3 Что и было доказано (*лат.*).

гда-либо одержанной художником,—была заодно актом отречения и отчуждения. Вагнер и сам не обманывался на этот счет: тот, кто любит, не пишет таких «портретов», да и вообще ничего не «анализирует»,—«всякий, кто честно глядит себе в глаза, знает, что и для анализа нужна затаенная *вражда*, вражда, с какою люди *мерятся взглядами*», говорится на с. 46 указанного сочинения. Хладнокровие, потребное для того, чтобы *суметь* рассказать о долгих годах глубочайшего одиночества и воздержания, пришло ко мне лишь с книгою «Человеческое, слишком человеческое», с ее атмосферой непомраченной и любопытствующей ледяной объективности, свойственной психологу, который фиксирует для себя и словно *прикалывает* иглою целую кучу болезненных моментов—исключительно facta[1], вернее, fata[2] своего прошлого: при такой работе, как известно, пальцы всегда немножко в крови... Признаюсь, наконец, к чему я считаю нужным подготовить читателя этой книги только что прозвучавшими намеками: и с этою книгой, последняя часть которой в руках у читателя, дело обстоит не иначе, чем с моими прежними сочинениями: это—живой лоскут *лично пережитого.* В его основу положены мысли, первые записи и наброски всяческого рода—все это принадлежит к моему прошлому, а именно к тому изобилующему загадками времени, когда родилось *«Так говорил Заратустра»*: уже это совпадение во времени может дать полезные указания для понимания только что названной *труднодоступной* книги. В том числе и особенно—для понимания того, как она возникла: это имеет кое-какое значение. Тогда подобные размышления служили мне отчасти для отдыха, а отчасти—в качестве самодопроса и самооправдания в самый разгар одного безмерно отважного и ответственного предприятия: попробовал бы кто-нибудь воспользоваться выросшею из них книгой с подобной целью! Или хотя бы даже в качестве запутанной тропинки, что незаметно заводит все дальше и дальше на ту опасную и вулканическую почву, из которой выросло только что названное Евангелие от Заратустры. И хотя этот «пролог

---

1 Событий (*лат.*).

2 Проявлений рока (*лат.*).

к философии будущего» определенно не дает и не должен давать комментариев к речам Заратустры, но все же, вероятно, может служить своего рода предварительным глоссарием, в котором где-то попадаются и именуются важнейшие понятийные и ценностные новинки этой книги — события без примера, без образца, без подобия во всей литературе. А если, в конце концов, милостивые государи читатели, как раз эти именования *вам* не по нутру, для *вас* ничем не заманчивы, если, более того, vestigia *terrent*[1]... — кто *вам* сказал, что я не хотел именно этого? Я требую почтения к моему сыну Заратустре; и лишь немногим *позволено* внимать ему. А вот зато надо мною, его отцом, можно и посмеяться, да я и сам этим занимаюсь: то и другое для меня — даже блаженство. Или, чтобы процитировать изречение, украшающее вход в мое жилище, и кратко подытожить все сказанное:

Это мой дом, мой личный дворец,
и я не ходил по чужим стопам,
а от насмешки моей не уйдет и творец,
над собой не смеявшийся сам.

* *
*

6 [5]

Поэты и певцы. Этюд о происхождении тонического ритма в гимнографии греческой церкви. П. Эдмон *Буви*
XVI, 384 с.
Ним, издательский дом «Ассомпсьон» 1886.

В. Майер. Начало и зарождение латинской и греческой ритмической поэзии. Исследование <для> королевской Баварской Академии наук. 1884.

Барбе д'Орвий
Труды и люди.
Яркие страницы истории.

1 Следы устрашают (*лат.*).

6 [6]

Основополагающее.
Касательно логиков.
К учению об ощущении власти.
Против идеалистов.
Против верующих в действительность.
Разъяснение по поводу гениальности.
Сомнительное в добродетелях.
К чести зла.
Проблема художника.
Политическое.
Женщина и любовь.
Народы и «народ».
Музыка и музыканты.
К критике религий.
Люди духа.
Одиночество.

6 [7]

К психологии философов. Каково на душе у того, кто долго пребывает in abstractis[1]; расхолаживающее влияние, воспринятое Платоном; гипнотизирующее воздействие, которое, может быть, ощущали и искали индусы. Разве, в сущности, эта жажда <священного слога> «ом» — не жажда факира добиться бесчувствия всеми возможными способами; и то же — у стоиков? А рядом с этим самые грубые чувственные увеселения и спекулятивное мечтательство.

6 [8]

Если бы мы обострили или притупили свои чувства в десять раз, мы погибли бы. Своеобразие чувства соотносится с серединою диапазона условий самосохранения. Точно так же, как и то, что2 мы воспринимаем как большое, малое, близкое, далекое. Наши «формы» — в них нет ничего, что могли бы воспринять существа иные, нежели человек: условия нашего существования предписывают наиболее общие законы, в пределах которых мы видим, нам *дано* видеть формы, образы, законы...

---

1 В размышлениях об отвлеченных предметах (*лат.*).

6 [9]

Если нет во всей истории человеческих судеб никакой цели, нам надо вложить туда какую-нибудь цель: ведь, допустим, нам *нужна* какая-то цель, а с другой стороны, мы поняли иллюзорность некой имманентной цели и конечной точки пути. А цели нам нужны потому, что нам нужна воля, образующая наш хребет. «Воля» как возмещение ущерба за «веру», то есть за представление о том, что есть некая *божья* воля, воля того, кто собирается с нами что-то сделать...

6 [10]

Если мы не хотим выставить имя философии на посмешище, избавимся же от некоторых пошлых вещей. К примеру, от понятия «мирового процесса»: о нем нам не известно ровно ничего. Уже понятие «мира» – понятие пограничное: под этим словом мы понимаем некую область, в которую отправляем неизбежное свое невежество.

6 [11]

Изобретательность, выдумавшая категории, служила нужде, потребности в определенности, в мгновенном схватывании смысла на основе знаков и звуков, всяческого рода сокращений: речь идет вовсе не о метафизических истинах с их «субстанциями», «субъектами», «объектами», «бытием» и «становлением». Те, что возвели в закон имена вещей, обладали властью: а уж среди них ими были величайшие художники абстрактного, создавшие категории.

6 [12]

Чем опаснее кажется стаду какое-нибудь качество, тем решительней его надо объявлять вне закона. Это основной закон истории шельмования. Нынче, верно, все еще под спудом оставлены гигантские силы. (Заключение Чел., сл. чел. 2.)

6 [13]

В последнюю очередь мы избавимся от древнейших закромов метафизики, если, конечно, мы вообще *в состоянии* от них избавиться, – от тех закромов, которые вопло-

щены в языке и в грамматических категориях и сделались уже настолько незаменимыми, что подмывает думать, будто откажись мы от этой метафизики, как сразу утратили бы способность мыслить. И именно философы меньше всего способны избавиться от веры в то, что главные понятия и категории разума безоговорочно относятся к области метафизически достоверного: издревле верили они как раз в то, что разум — это часть самого метафизического мира, и эта древнейшая вера все вновь разражается в них, с неудержимою силой увлекая их назад.

6 [14]

Качества — границы, которые мы не можем перешагнуть; ничто не препятствует нам воспринимать простые количественные различия как что-то в корне отличное от количества как такового, а именно — как количества, не сводимые друг к другу. Но все то, к чему только приложимо слово «познание», относится к области, где можно сосчитать, взвесить, измерить, — к количеству; а вот все наши ценностные ощущения (то есть наши, и только наши ощущения), наоборот, накрепко связаны как раз с качествами, иными словами, со свойственными только нам перспективными «истинами», которые просто-напросто не могут быть «познаны». Очевидно, что всякое отличное от нас существо воспринимает другие качества, а стало быть, и живет в другом, чем наш, мире. Качества — это наша человеческая самая настоящая идиосинкразия: а требование, чтобы эти наши человеческие толкования и ценности были всеобщими и, может быть, конститутивными ценностями, относится к наследственным безумствам человеческой гордыни, прочнее всего гнездящейся все еще в религии. Стоит ли мне в противовес этому добавлять, что количества «сами по себе» не встречаются в опыте, что мир нашего опыта — мир исключительно качественный и что, следовательно, логика и прикладная логика (какова математика) относятся к уловкам организующей, завладевающей, упрощающей, сокращающей силы, носящей имя жизни, — стало быть, к чему-то практичному и полезному, а точнее, жизнесохраняющему, но именно поэтому-то ни в малейшей мере не являющемуся «истинным»?

6 [15]

Не искать смысла в вещах — а *вкладывать* его туда!

6 [16]

Да зачем идеи, когда есть идеалы! Хватит и прекрасных чувств.

6 [17]

Я говорю — желаемое, а не идеал.

6 [18]

Едят-то ведь люди уже не из моральных побуждений; так же вот некогда и «творить добро» станут без всякой связи с моралью.

6 [19]

Феноменомания.

6 [20]

Умы, лишенные нюха, или наделенные хроническим насморком, — это целая порода умов, которых я называю стрекозлами

6 [21]

Тот, кто имеет идеал, все равно что освобождается от бремени идей. Достаточно иметь красивые глаза, испытывать в нужном месте прекрасные чувства, а главное — то и дело совершать какой-нибудь непростительно глупый поступок.

Да зачем идеи, когда есть идеалы! Тут довольно уже иметь красивые глаза, вздымающуюся грудь и время от времени совершать какой-нибудь первостатейно глупый поступок, гарантированный даже от проблесков разума.

6 [22]

Среди художников будущего. Я вижу в нем музыканта, владеющего языком Моцарта и Россини как своим родным, этим нежным, безумным, то слишком мягким, то слишком шумным народным языком музыки с его лукавым отпущением грехов всему на свете, даже «пошлос-

ти»,—но при этом невзначай роняющего улыбку, улыбку избалованного, рафинированного, позднорожденного, заодно то и дело от всей души *потешающегося* даже и над добрыми старыми временами, и над их очень хорошей, очень старой, старомодною музыкой: но улыбка эта полна любви, а не то и умиления... А что? Не это ли наилучший из *возможных* для нас, нынешних, способов относиться к прошедшему вообще—на такой вот благодарный лад оглядываться назад и даже подражать «старику», с огромным восхищением и любовью ко всему дедовскому—и славному, и бесславному, к этой нашей родине, но также и с малою толикой пренебрежительности, без которой всякая любовь слишком скоро червивеет и плесневеет, «глупеет»... Может быть, на нечто подобное можно надеяться, можно планировать его и для сферы *слова*—что появится некогда отважный поэт-философ, утонченный и «позднорожденный» до крайности, но способный говорить на языке моралистов для народа и святых мужей прежних времен, и притом столь непринужденно, столь оригинально, с таким упоением и наивной веселостью, будто он и сам—из «дикарей»; а людям с двойным слухом он будет доставлять бесподобное наслаждение—слушать, понимая, где собака зарыта, чувствуя, как наиболее безбожная и наименее почтительная форма современного мышления постоянно переводится тут обратно на язык ощущений, свойственный невинности и первобытной простоте, и посредством этого знания причащаться к переживанию всего тайного торжества лихого кавалериста, который сам соорудил перед собою эту проблему, этот барьер и сам же перемахнул через его неприступность.—

6 [23]

Мне почти все равно, скажет ли кто-нибудь нынче со скромностью философского скепсиса или со смирением верующего: «О сущности вещей я не знаю ничего»—либо кто-нибудь другой, более отважный, еще не окончивший школу критики и недоверчивости: «Об изрядной доле сущности вещей я не знаю ничего». Тем и другим я ставлю на вид, что, как бы там ни было, они берут на себя слишком много, думая, будто знают, воображая, будто знают

что-то, а именно, будто различие, которое предполагают обе позиции, законно,—различие между некоей «сущностью вещей» и неким «миром явлений». Чтобы получить право на такое различие, пришлось бы мыслить себе наш разум обремененным какой-то противоречивостью: с одной стороны, направленным на перспективистское усмотрение, что и необходимо для сохранения как раз существ нашего вида, а с другой—снабженным в то же время способностью понимать это самое перспективистское усмотрение как перспективистское, а явление—как явление. Иными словами: оснащенным верою в «реальность», будто бы единственно существующую, а с другой стороны—еще и пониманием того, что эта самая вера представляет собою ведь всего-навсего некую перспективистскую ограниченность в отношении какой-то истинной реальности. Но если посмотреть на веру с таким пониманием, то это уже и не вера, как вера она упразднена. Короче говоря, негоже мыслить наш разум до такой степени противоречивым, будто он—вера и в то же время знание об этой вере—в виде веры. Так отменим же «вещь в себе», а с нею вместе и одно из самых неясных понятий—«явление»! Оказалось, что их противоположность в целом, как и та, прежняя противоположность—«материи и духа», бесполезна.

6 [24]

Отныне судьбою Европы будет и это: как раз самые крепкие из ее сынов поздно и редко познают пору своего цветения—они будут гибнуть, как правило, еще молодыми, испытав отвращение, зачахнув, с угасшими надеждами,—и именно потому, что испили из чаши разочарования (а нынче это—чаша *познания*) со всею страстностью своей мужественной твердости: да не были бы они и самыми крепкими, если бы не испытали самого тяжкого из разочарований! Ведь это и есть испытание их силы: они должны обрести *свое* здоровье, выкарабкавшись из болезни целой эпохи. И признак их—*запоздалая* весна; добавим: и запоздалое сумасбродство, запоздалое дурачество, запоздалая удаль! Наша *юность* наступит тогда, когда ее устанут ждать—мы сдвинем годовые сезоны жизни. Так пусть поймет нас в этом тот, кто, как и мы, больше всего на све-

те дивился на самого себя. Ведь сегодня над нами нависла вот какая угроза: все, что мы любили, когда были молоды, обмануло нас; а наша последняя любовь—та, что велит нам признаться в этом,—наша любовь к истине: побережемся, как бы не обманула нас еще и эта любовь!—

6 [25]
Критика прежнего пессимизма

Защита эвдемонологической точки зрения состоит в окончательном сведении к вопросу: какой *смысл* <в эвдемонии>? <В> уменьшении степени помраченности. *Наш* пессимизм: мир не имеет *той* ценности, какую мы в него вкладывали,—сама наша вера настолько усилила наши познавательные порывы, что сегодня мы *обязаны* об этом заявить. Прежде всего, в результате уменьшается его ценность: она главным образом *ощущается как уменьшенная*—только в этом смысле мы пессимисты, ведь мы стремимся безоговорочно признаться себе в этой переоценке, прекратив крутить самим себе старую шарманку, лгать самим себе, как прежде... И на этом-то пути мы обретаем пафос, который, может быть, призовет нас искать *новые ценности*. In summa: мир мог бы иметь гораздо большую ценность, чем мы думали,—мы должны разгадать всю *наивность наших идеалов*, <должны понять,> что, может быть, намереваясь дать ему как можно более высокую <ценностную> интерпретацию, мы не придали нашему человеческому существованию хоть сколько-нибудь стоящей ценности.

что оказалось *обожествленным*? Ценностные инстинкты в пределах *общины* (то, что дает ему возможность существовать и дальше);

что оказалось *оклеветанным*? То, что отделяло высших людей от низших,—инстинкты, создающие пропасти <между теми и другими>.

Критика каузализма.

Таковой—*даже еще и не* истолкование, а только некое формулирование,

описание; «последовательность» все еще *дожидается* истолкования.

Критика понятия «познание».
Против «явления».

Наша великая непритязательность: не обожествлять неизвестное; мы только-только начинаем избавляться от <лишнего> знания. Растраченные и ложные усилия.

Наш «новый мир»: нам надлежит познать, в каких пределах *мы — творцы собственных ценностных ощущений,* — и, следовательно, *получить право* придавать «смысл» истории…

Эта вера в истину доходит в нас до своего крайнего следствия — вам известно, как она звучит: что если уж вообще есть какой-нибудь предмет поклонения, так это — видимость, которой и следует поклоняться; что ложь — а отнюдь *не* истина — божественна… <не правда ли>?

6 [26]

К истории европейского нигилизма.

Учение о вечном возвращении.

Об иерархии.

Критика высших ценностных эмоций

Они зарождаются: 1) в сфере всего больного и потерпевшего крушение.
2) в стаде и его инстинктах — религии ясные и мрачные.

Начатки *противоположных* ценностей: почему они потерпели поражение?

Критика «доброго человека» (критика *Бога*).

Критика прежнего осуждения аффекта (иерархии).

Критика прежних философских систем (как доведения до логического конца всего, что было желательным, — а оно было отчасти болезненного происхождения, а отчасти стадного).

Воля к истине
Страх, леность, чувственность, властолюбие, корысть—и их метаморфозы.
Болезнь, старость, утомленность—

Морфология аффектов: их сведение к *воле к власти.*
Виды органической деятельности, рассмотренные в качестве оформления воли к власти.
Теория структур господства:
развитие организмов.
Стадо: переходная форма, средство сохранить *намного более сильный* тип.
«Совершенствование»: сводится к *приумножению силы типа.*

—в какой мере
даже упадок и распад—
<тоже> «воля к власти»?

Условия: рабство, сословия.
В человеческом организме естество высшей породы выступает в виде *одухотворенного аффекта, повелительно, властительно.*
Что такое «духовное начало»?

Космологическая перспектива.
Типы *господствующих* и их психология
мужчина (как победитель)
законодатель
завоеватель
жрец
«пастырь» в противоположность «господину» (первый—*средство* сохранения стада, последний—*цель,* ради которой существует стадо)
знать
что такое *красота*? выражение *победоносного и завоевавшего господство начала.*

Набросок
плана к:

Воля к власти
Опыт
переоценки всех ценностей

– Зильс-Мариа
в последнее воскресенье
месяца августа 1888-го

Мы, гиперборейцы. *Закладка основ проблемы*

Книга первая: *«что есть истина?»*

Глава первая. Психология заблуждения.
Глава вторая. Ценность истины и заблуждения.
Глава третья. Воля к истине (оправданная лишь в приятии ценности жизни)

Книга вторая: *происхождение ценностей*

Глава первая. Метафизики.
Глава вторая. Homines religiosi[1]
Глава третья. Добрые люди и улучшители.

Книга третья: *борьба между ценностями*

Глава первая. Размышления о христианстве.
Глава вторая. К физиологии искусства.
Глава третья. К истории европейского нигилизма.

Как проводит свои досуги психолог

Книга четвертая: *Великий полдень*

Глава первая. *Принцип жизни. «Иерархия».*
Глава вторая. *Два пути.*
Глава третья. *Вечное возвращение.*

---

1 Верующие (*лат.*).

7. Конец 1886—весна 1887

[**Книга первая:** *«что есть истина?»*]

[*Глава первая.* Психология заблуждения]

7 [1]

Психология заблуждения

Издревле мы вкладывали ценность поступка, человеческого характера, жизни в преднамеренность, в цель, ради которой действовали, совершали поступки, жили,— пока, наконец, эта исконная идиосинкразия вкуса не приняла опасный оборот,— ведь мы, кажется, все больше осознаем всю неумышленность и бесцельность происходящего. Тем самым, очевидно, готовится некое всеобщее обесценивание: «Смысла нет ни в чем»—эта меланхолическая сентенция звучит как «Всякий смысл заключен в преднамеренности, а если, скажем, никакой преднамеренности нету и в помине, то в помине нету и никакого смысла». Тот, кто придерживался такой оценки, был вынужден перемещать ценность жизни в какую-то «жизнь после смерти»; или же—в поступательное развитие идей, либо человечества, либо народа, либо чего-то сверхчеловеческого; тут, однако, он попадал в целевой progressus in infinitum, а в конце концов ощущал потребность обеспечить себе какое-нибудь место в «мировом процессе» (с тою, надо думать, дисдемонистической перспективой, что этот процесс идет в небытие).

А нужно, напротив того, подвергнуть понятие «цели» строжайшей критике: надо осознать, что поступок *никогда не бывает обусловлен какою-нибудь целью*; что цель и средство— способ истолкования, при котором подчеркиваются и выделяются определенные моменты происходящего, а делается это в ущерб другим, и притом их подавляющему боль-

шинству; что всякий раз, когда поступок совершается с определенной целью, происходит что-то коренным образом другое; что в отношении любого целесообразного поступка дело обстоит так же, как и с мнимою целесообразностью жара, излучаемого солнцем: расточается неимоверная масса, а «смысл» и «цель» имеет какая-то исчезающе малая ее часть; что «цель» с ее «средствами» — обозначение чудовищно неопределенное: оно, конечно, может командовать в качестве предписания, в качестве *«воли»*, но система из повинующихся и наученных предполагает орудия, заменяющие неопределенное сугубо определенными величинами (иными словами, мы воображаем систему полагающих цели и средства более *дальновидных*, но и более ограниченных интеллектов, чтобы получить право приписывать единственно известной нам «цели» роль «причины поступка»: но, в сущности, у нас такого права нет (это было бы равнозначно тому, чтобы для решения какой-нибудь проблемы переносить такое решение в некий недоступный нашему наблюдению мир). И, наконец, почему бы «цели» не быть *побочным явлением* в ряду метаморфоз действующих сил, вызывающих целесообразный поступок, — каким-то предначертанным в сознании бледным символом, служащим нам для ориентации в происходящем, служащим даже в качестве симптома процесса, *а не* его причины? Но тем самым мы подвергли критике *саму волю*: разве не заблуждение считать причиною то, что внезапно осознается нами как волевой акт? Разве все явления сознания — не всего лишь результирующие явления, последние звенья цепи, в своей последовательности, развертывающейся в пределах единого поля сознания, обусловливающих друг друга, однако, мнимо? Это ведь, вполне возможно, иллюзия. —

Довод против мнимых «фактов сознания». <Их> наблюдение <и так уж> тысячекратно затруднено, а заблуждение — видимо, вообще условие наблюдения.

Я задумал вытянуть руку; я, скажем, знаю о физиологии человека и о механических законах движения его тела не больше, чем человек из народа, — так что же, спра-

шивается, будет более расплывчатого, смутного, туманного, нежели этот замысел в сравнении с тем, к чему он ведет? Но, скажем, я в механике собаку съел и специально занимался формулами, которые тут используют,—так я все равно не вытяну руку ни капельки лучше или хуже. Тут наше «знание» и наше «действование» ничего не ведают друг о друге, словно находясь по разные стороны океана. С другой же стороны: Наполеон осуществляет план военного похода—что это означает? Все, что нужно для осуществления плана, тут *учтено*, потому что всё обязано повиноваться: но и здесь предполагается наличие подчиненных, истолковывающих общие указания, приспосабливающие их к потребности данного момента, к масштабу применяемых сил и т. д.

Мир—*не* такой-то и такой-то: и живые существа видят его таким, каким он им является. Мало того: мир состоит из таких живых существ, и для каждого из них существует какой-нибудь малый уголок, откуда оно измеряет, замечает, видит или не видит. «Сущности» *нет*: «становящееся», «феноменальное»—это единственный вид бытия. | ?

«Происходит изменение», нет изменения без основания к тому—все это уже предполагает нечто такое, что стоит за изменением, <но само> сохраняется неизменным.

«Причина» и «следствие»: психологическая проверка говорит, что это вера, выражающая себя в *глаголе*, в его активном и пассивном залогах—действии и претерпевании. Это значит: всему предшествует разрыв происходящего на действие и претерпевание, гипотеза о действующем субъекте. А за этим кроется вера в *деятеля: что будто бы, если отнять от «действователя» всякое действие, сам он тем не менее останется*. Суфлером тут всегда бывает «представление о “я”»: все происходящее истолковывается как *деяние*: с помощью мифологии, какого-то соответствующего «я» существа———

[*Глава вторая.* Ценность истины и заблуждения]

7 [2]

Ценность истины и заблуждения

Откуда происходят наши высокие оценки: из наших потребностей

Не следует ли искать источник наших мнимых «познаний» тоже только в *более старых высоких оценках*, которые так прочно укоренились, что вошли в самую основу нашей жизни? Так что, собственно говоря, происходит только схватка потребностей *более новых* с *итогом самых старых потребностей*?

Видеть, ощущать, истолковывать мир определенным образом — в такой перспективе истолкования, которая поддерживает органическую жизнь. Человек — *не* только индивидуум, но и жизнь, продолжающая все органическое как целое в одном определенном направлении. Факт *его* существования доказывает, что существовал и вид интерпретации (хотя и никогда не выстроенной до конца), что система интерпретации не изменялась. «Приспособление»

Наша «неудовлетворенность», наш «идеал» и т. д. — вероятно, *следствие* этого укоренившегося компонента интерпретации, нашей перспективистской точки зрения; и может быть, от этого в конце концов погибнет органическая жизнь — так и разделение труда между организмами несет с собою заодно и захирение и ослабление частей, а в конце — смерть целого. *Гибель* органической жизни, видимо, так же имеет в виду ее высшую форму, как и гибель каждого отдельного ее представителя.

Ценность истины и заблуждения
(19)

Высокие оценки А) как следствие (жизни или упадка
В) как причина
превратно понятое истолкование
маскарад
как искусство очернения, самовосхваления

сословно обусловлены
расово обусловлены
ценности воскресные и будничные
во времена кризисов, войн и опасностей или во времена мира

возникновение идеала — в *восхвалении*, а его противоположности — в осуждении.

антагонизм между усилением и «улучшением», между *усилением* индивидуума и *усилением* расы, между усилением расы и усилением «человечества».

NB. «Творческое» — на какую глубину?

почему всякая *деятельность*, в том числе деятельность восприятия, связана с наслаждением? Потому ли, что прежде существовало препятствие, давление? Или, скорее, потому, что всякое действие — это преодоление, приобретение господства, дающее *приумножение ощущения власти*? Наслаждение от мышления. Оно, в конечном счете, не только ощущение власти, но и наслаждение от созидания и от *созданного*: ибо всякую деятельность мы осознаем, осознавая «творение»

Ценность истины и заблуждения

Художник не выдерживает действительности, он отводит взгляд, смотрит назад и всерьез полагает, что ценность вещи заключается в том теневом остатке, который получают из цвета, формы, звука, мысли, он верит в то, что чем более невесомыми, тонкими, мимолетными становятся вещь, человек, *тем более они ценны*: а **чем менее** они *реальны, тем их ценность выше*. Это платонизм — который, правда, был еще более отважен в деле извращения:

степень реальности он измерял степенью ценности, утверждая, будто, чем больше «идеи», тем больше бытия. Он вывернул наизнанку понятие «действительности», а после сказал: «То, что вы принимаете за реальное,— это заблуждение, а мы, чем ближе мы подходим к “идее”, тем ближе и к “истине”». Что это такое? Это *была* **величайшая** *подмена имен*: а если ее усвоило христианство, то это для нас и неудивительно. В сущности, Платон, словно художник,— а он им и был — *видимость предпочел* бытию: а это значит, ложь и измышление — правде, фиктивное — наличному,— он, однако, настолько был убежден в ценности видимости, что придал ей атрибуты «бытия», «причины» и «блага», истины, короче, всего того, чему придается ценность.

Само понятие ценности, мыслимой в качестве причины: <его, Платона,> первая интуиция.

Воздать хвалу идеалу, облаченному во все атрибуты,— вторая интуиция

[*Глава третья.* Воля к истине]

7 [3]

Воля к истине

Эти *«агностики»*, эти почитатели принципиально неизвестного и таинственного — откуда у них берется право поклоняться некоему вопросительному знаку, как Богу? Бог, который держится настолько скрытно, может быть, и заслуживает, чтобы его боялись, но уж, конечно, не заслуживает поклонения! А почему бы этому неизвестному не оказаться дьяволом? Но ведь «ему *надлежит* поклоняться» — этого требует инстинктивное соблюдение приличий: истинно по-ангелийски.

Трансценденталисты, которые находят, что человеческое познание в целом не удовлетворяет их сокровенных желаний, а, скорее, противоречит им, так что их от него трясет, — эти невинно вводят какой-то мир, как-никак соответствующий их желаниям, но нашему-то познанию оказывается недоступен: этот мир, полагают они, и есть *истинный* мир, в сравнении с коим наш, познаваемый мир — всего лишь иллюзия. Таков Кант, такова уже философия веданты, таковы кое-какие американцы. «Истинный» значит для них: отвечающий запросам нашего сердца. Прежде истинное означало то, что отвечает разуму.

Наиболее общий признак современной эпохи: достоинство человека невероятно упало в его собственных глазах. Долго был он средоточием и трагическим героем бытия вообще; потом, на худой конец, старался доказать свое родство с важной и самодовлеюще ценной стороною бытия — как поступают все метафизики, желающие удержать *до-*

стоинство человека от падения, с их верою в то, что моральные ценности — это ценности кардинальные. Кто отказался от Бога, тем крепче держится веры в мораль.

Воля к истине

Степени ослабления аффекта.

A. a воля, преднамеренность, сильная страсть, направленная в одну сторону
b стремление к цели — менее сильное, поскольку вклинивается представление о средстве и пути
c «причина» — без всякой страсти: закон *причинности* психологически страхует себя верою в *преднамеренность* как причину всякого процесса

B. *различающее мышление как следствие страха и предусмотрительности, свойственных воле к присвоению.* *правильное* представление об объекте — это изначально лишь *средство* для достижения цели — захвата, схватывания и *завладения.*
Позднее само это правильное представление уже ощущается как некий захват, как *цель*, по достижении которой наступает *удовлетворение.*
Наконец, *мышление* как *восторжествовавшая* и вступившая в свои права власть: как связывание воедино, как включение нового в уже существующий порядок и т. д.

C. это *новое* внушает **страх**: но страх, в свой черед, уже должен быть, чтобы новое было схвачено как новое
удивление — это ослабленный страх.
Знакомое внушает доверие
«истинное» — это то, что возбуждает ощущение безопасности

Инерция поначалу пытается устанавливать *тождество* при всяком впечатлении: то есть установить тождество между новым впечатлением и воспоминанием; ей нравится *повторение.*

страх учит *различать, сравнивать*

В *суждении* есть какой-то остаток *воли* (*должно быть так и не иначе*), остаток *ощущения* наслаждения (*наслаждения* от одобрения:)

NB. **Изначальная** деятельность—*не сравнение*, а отождествление! **Суждение**—изначально не вера в то, что вещь такова, а *воля*, гласящая: *хочу*, чтобы вещь была такой.

NB. *Боль*—суждение (отрицательное) в его наиболее сырой форме.

Наслаждение—утвердительное <суждение>

К психологическому происхождению «причины и следствия».

Воля к истине

Интерпретация

В какой мере истолкования мира— симптом доминирующего влечения

Артистическое миросозерцание: усесться перед жизнью <и смотреть>. Но это еще не анализ эстетического воззрения, не <его> сведение к жестокости, к ощущению безопасности, к позе судьи, стоящего над делом, и т. д. Надо взять самого художника: и его психологию (критика стремления играть, то есть давать волю своим силам, наслаждения от быстрой смены, от впечатлений собственной души, абсолютный эгоизм художника и т. д.). Какие влечения он сублимизирует?

Научное миросозерцание: критика психологической потребности *в* занятиях наукой. Стремление делать понятным; стремление к практичности, полезности, извлечению выгоды: в какой мере <это> анти-эстетично. Ценно только то, что можно сосчитать и вычислить. В какой мере при этом стремится получить перевес некая усредненная порода людей. Ужасно, когда на этот манер хозяйничают даже в *истории*—этом царстве вышестоящего, выносящего приговор. Какие влечения он <ученый> сублимизирует!

Религиозное миросозерцание: критика человека верующего. Это *не* обязательно человек моральный, а человек сильных воспарений и глубоких депрессий, интерпретирующий первые из них благодарно или подозрительно, но не выводящий их из *себя самого* (—и последние тоже—).

Это человек, чувствующий себя решающим образом «несвободным», сублимизирующий свои состояния, инстинкты подчинения.

Моральное миросозерцание. Социальные ощущения иерархической субординации переносятся на универсум: незыблемость, закон, подчинение порядку и равенство в этом порядке *ищут* даже в самых высоких местах—поскольку ценят превыше всего—над вселенной или за кулисами вселенной, а то и———

Что **общего** <во всем этом>: <всюду> есть стремление рассматривать доминирующие влечения и в качестве *наивысших ценностных инстанций вообще, даже в качестве творящих и управляющих властей.* Понятно, что эти влечения либо враждуют, либо подчиняются друг другу (и, видимо, вступают в синтетическую связь), либо господствуют поочередно. Но их глубокий антагонизм столь велик, что удовлетворение, которого они добиваются, заставляет предполагать человека глубоко *посредственного* <как своего автора и одновременно адресата>.

Поэтому «красота» для художника—нечто выходящее за рамки любой иерархии, ведь в красоте противоположности обузданы, <а это—> величайший признак власти, а именно власти над противостоящим друг другу; а кроме того, нет напряжения: что больше нет нужды в насилии, что все так легко *следует* за тобою, все *слушается*, и слушается с самым любезным выражением лица,— это приводит волю художника к власти в восторг.

Мироистолкования
и что между ними общего

[**Книга вторая:** *происхождение ценностей*]

[*Глава первая.* Метафизики]

7 [4]

Метафизики

Наивные: Ламенне, Мишле, Виктор Гюго

Из привычки к безусловным авторитетам вышла в конце концов глубокая потребность в безусловных авторитетах: да такая сильная, что даже в такую критическую эпоху, какова эпоха Канта, она проявила себя стоящей выше потребности в критике и в каком-то смысле сумела подчинить себе и обернуть в свою пользу всю работу критического рассудка. В следующем поколении, историцистские инстинкты которого неизбежно навели его на мысль об относительности любого авторитета, эта потребность вновь проявила свое превосходство, заставив служить себе даже Гегелеву философию развития, эту переименованную в философию науку истории, выставив историю поступательным самооткровением, самопревышением моральных идей. Философия находится под игом морали со времен Платона: моральные интерпретации начинают играть важную роль даже у его предшественников (у Анаксимандра гибель всех вещей — как кара за их выделение из <океана> чистого бытия, у Гераклита — регулярное повторение явлений как свидетельство в пользу нравственно-правового характера всего становления).

Каков *критерий* морального поступка? 1) его бескорыстный мотив; 2) его общепризнанное достоинство и т. д. Но ведь это — доморощенный морализм. Надо изучать жизнь

народов, всякий раз находя такой критерий и то, что2 он выражает. Вера в то, что «подобное поведение принадлежит к первейшим условиям нашей жизни». Неморальное означает «несущее гибель». Так вот, все те общества, в которых были разработаны эти законы, погибли: а некоторые из этих законов подчеркивались все вновь и вновь, поскольку всякое формирующееся общество снова в них нуждалось,—к примеру, «не укради». В эпохи, когда единообразного отношения к обществу требовать было невозможно (скажем, <во времена> imperium romanum[1]), это влечение с пылом набрасывалось на «спасение души»—на языке религии, или на «величайшее блаженство»—выражаясь философски. Ибо даже греческим философам морали их πόλισ[2] говорила не более того.

Психологическая подоплека Спинозы. <Изложить> очень экономно!

1) На переднем плане **гедонистическая** *точка зрения*: в чем состоит *непреходящая радость* или как увековечить аффект радости?

Покуда радость относится к чему-то конкретному, она ограниченна и преходяща; она обретает совершенство, когда не меняется вместе с вещами, а покоится в неизменной связи <со своим предметом>; она вечна, когда я преображаю вселенную в мою собственность, omnia in mea, и в любой миг могу сказать об этом omnia mea[3], что «mecum porto»[4].

В «Трактате об усовершенствовании разума» Op. II p. 413: «Я принял решение исследовать, нельзя ли найти то, обладание чем навеки обеспечило бы мне наслаждение длительной и высочайшею радостью». «Любовь к вечному и бесконечному существу полнит душу радостью, исключающей любую печаль». «Высочайшее благо—это *познание* единства нашего духа с вселенною».

2) точка зрения *природно*-эгоистическая: добродетель и сила тождественны. Она не отрекается от желаний, она

1 Римской империи (*лат.*).

2 Государство (*греч.*).

3 Все мое (*лат.*).

4 Я ношу его с собой (*лат.*).

жаждет, она борется на стороне природы, а не на противной; она — не уничтожение, а *удовлетворение самого могучего* аффекта. Добро — это то, что содействует нашей силе, зло — его прямая противоположность. Добродетель вытекает из стремления к самосохранению. «То, что мы делаем, мы делаем, чтобы сохранить нашу силу и приумножить ее». «Под добродетелью и силой я понимаю одно и то же».

Finis = appetitus. Virtus = potentia.[1] Этика IV, опр. VII. VIII.

3) сразу видно типичного «мыслителя». Познание становится господином над всеми другими аффектами; оно сильнее. «Подлинная наша деятельность заключается в мыслящей природе, в интеллектуальном созерцании. Стремление к деятельности = стремлению жить в согласии с разумом.

«я не придаю большого значения авторитету философов — Платона, Аристотеля и Сократа»; учение о «субстанциальных формах» (понятие цели на языке схоластов) он называет «глупостью среди тысячи других глупостей».

Фейербахова «здоровая и свежая чувственность» «Основы философии будущего» 1843.

против «абстрактной философии»

Античная философия подразумевала, что человек — конечная цель природы

Христианская теология представляла себе спасение человека как *конечную цель* божественного провидения.

Примечательно у *Спинозы*: «Под conscientiae morsus[2] я понимаю печаль, сопровождаемую представлением о каком-нибудь деле в прошлом, которое против всех ожиданий не состоялось». Эт. III разд. XVIII схол. I. II. с. 147. 48. Аффект. Опр. XVII с. 188.

Противоположность — gaudium[3], если ожидавшийся исход дела не наступает и страх внезапно прекращается.

---

1 Цель = стремлению. Добродетель = силе (*лат.*).

2 Угрызением совести (*лат.*).

3 Радость (*лат.*).

Вопреки К<уно> Фишеру, Спиноза мог выбрать это выражение a potiori[1] и усматривать в нем объективное ядро всякого «угрызения совести». Ведь он как будто отрицает *свою* вину: так на что ему был факт «conscientiae morsus», *если оно <угрызение> не прекращается?*

Если все в конечном счете совершается в силу божественной власти, то все с определенной точки зрения совершенно, то в природе вещей нет никакого изъяна; если человек в принципе несвободен, то в природе человеческой воли нет места злу; таким образом, изъян и зло существуют не в вещах, а только в человеческом воображении.

В Боге нет ни воли, ни разума, ни личности, ни цели.

Спиноза защищается от тех, которые говорят, что Бог делает все *sub* ratione boni[2]. Они, очевидно, подразумевают, что вне Бога есть нечто от него не зависящее, с чем, словно с образцом, он сообразует свои действия или чего домогается, словно какой цели. Но это же на самом деле значит подчинить Бога судьбе: а уж это вопиющая нелепость. Эт. I разд. XXXIII схол. 2.

Последняя основа любого события — «этого хотел Бог» — asylum ignorantiae[3]. Ведь Божья воля непостижима для человека. При таком образе мышления истина на веки вечные осталась бы сокрытой от человека, *если бы математика* (которая имеет дело не с целями, а исключительно с природою и со свойствами величин) *не предоставила человеку иную путеводную нить истины.*

Декарт говорит: «Я считал *истиной* много такого, в ошибочности чего теперь убедился». Спиноза: «Я считал *добрым* много такого, в пустоте и ничтожности чего теперь убедился». «Если существует подлинное и непреходящее добро, то и удовлетворение от этого столь же прочно и нерушимо, то и радость моя вечна».

Психологически ложное заключение: как будто долговечностью предмета гарантирована долговечность того чувства, которое я к нему питаю!

---

1 На основании предыдущего (*лат.*).

2 *В интересах* добра (*лат.*).

3 Прибежище невежества (*лат.*).

(совершеннейшее отсутствие <в Спинозе> «художника») Высочайшая – и комичная – степень педантства логика, *обожествляющего свою страсть*

Спиноза верит в то, что познал все абсолютным образом.

При этом он обладает *сильнейшим* ощущением власти. Это влечение победило и погасило в нем все другие влечения.

У него сохраняется осознанное отношение к этому «познанию»: а из него следует своеобразная «любовь к Богу», наслаждение существованием, каким бы оно ни было,— *всем* существованием.

Откуда берутся всяческие расстройства, печаль, страх, ненависть, зависть? Из одного источника: из нашей любви к *преходящим* вещам. Вместе с этой любовью исчезнет и все племя таких страстей.

«Хотя я ясно распознал ничтожество благ мира сего, но не смог отбросить корысть, чувственное наслаждение и честолюбие полностью. Но одно я познал: *покуда жил мой дух в том* <интеллектуальном> *созерцании*, **он был отвращен от этих страстей** – и этого мне было довольно для великого утешения. Ибо отсюда я увидел, что те беды исцелимы. В начале эта новая жизнь <дается на> редкие и краткие миги –»

В сравнении с *ценностью ясного умозаключения* ценность всего остального *ничтожна*. Все остальные ценности – всего лишь следствия неясного мышления. Пренебрежительный отказ от всех благ жизни; постоянное *очернение* всего с целью возвести на высочайшую вершину только одно – *ясное мышление*. «Всякое *сомнение* проистекает от того, что вещи исследуются без должного порядка»!!!

Как у Шопенгауэра: страсти умолкают под властью эстетического созерцания.

Некий психологический опыт, *истолкованный* ложно и обобщенно.

Лейбниц: «Следует заключить вместе со мною ab effectu[1]: поскольку Бог избрал <для творения> этот мир,

---

1 Исходя из результата (*лат.*).

каков он есть, постольку этот мир — наилучший». Теодиц. с. 506.

Теологический предрассудок у Канта, его бессознательный догматизм, моралистическая перспектива у него как господствующая, правящая, командующая

Вот πρῶτον ψεῦδος[1]: как возможен факт познания?

а вообще-то познание — это факт?

что такое познание? Если нам не *известно*, что такое познание, нам никак невозможно ответить на вопрос о том, имеет ли место познание. Отлично! Но если я пока не «знаю», имеет *ли* место познание, может ли оно иметь место, то я в принципе не могу разумным образом ставить вопрос «что такое познание». Кант *верит* в факт познания: а то, чего он добивается, как-то даже наивно — *познание познания!*

«Познание — это суждение!» Но суждение — это *вера* в то, что вещь именно такова! А *не* познание!

«всякое познание заключается в синтетических суждениях» — установлении необходимой и общезначимой связи между различными представлениями —

носящими характер всеобщности (вещь ведет себя во всех случаях так, и не иначе)

носящими характер необходимости (противоположное тому, что утверждается, не может сбыться)

Законность веры в познание предполагается всегда: так же как всегда предполагается законность ощущения вершащей суд совести. *Моральная онтология* тут — *господствующий* предрассудок.

Умозаключение таково: 1) существуют утверждения, которые мы считаем общезначимыми и необходимыми

2) характер необходимости и общезначимости не может происходить от опыта

3) следовательно, он должен *иметь основания* вне опыта, *где-то в другом месте*, и иметь какой-то другой источник познания!

Кант выводит заключение: 1) существуют утверждения, значимые лишь при определенных условиях

---

1 Исходная ложь; ложная предпосылка (*греч.*).

2) это условие таково, что эта <значимость> происходит не от опыта, а от чистого разума.

Стало быть, вопрос в том, *откуда* берет основания *наша вера* в истинность таких утверждений? Нет, откуда она берет свои суждения! Но *возникновение веры*, сильной убежденности — это проблема психологическая: к такого рода вере часто приходит и опыт *очень* ограниченный и скудный!

Он <Кант> уже заранее предполагает, что существуют не только «data a posteriori»[1], но и «data a priori», «доопытные». Необходимость и общезначимость никак не могут идти из опыта: но откуда же следует, что они существуют и вообще вне всякого опыта?

Не существует никаких единичных суждений!

Одно, отдельно взятое суждение никогда не бывает «истинным», никогда не бывает познанием — ручается за это лишь *взаимосвязь, отношение* между множеством суждений.

Чем разнятся вера истинная и вера ложная?

Что такое познание? Он это «знает» — нет, это восхитительно!

Необходимость и общезначимость никак не могут идти от опыта. Стало быть, они независимы от опыта, существуют *до* всякого опыта!

То понимание, что возникает a priori, то есть независимо от всякого опыта, *из чистого разума*, — это «*чистое* познание».

Основные законы логики, закон<ы> тождества и противоречия, относятся к чистому познанию, потому что предшествуют всякому опыту. Но ведь это вовсе не познания! А *регулятивные члены символа веры!*

Чтобы обосновать априорность (чистую разумность) математических высказываний, пространство *должно быть понято как форма чистого разума.*

Юм заявил: «Никаких синтетических суждений a priori не существует». Кант говорит: ну как же! а математические! А если, стало быть, такие суждения существуют, то, вероятно, существует и метафизика, познание вещей посредством чистого разума! Quaeritur.

---

1 Знания на основе опыта (*лат.*).

Математика возможна при условиях, при которых *невозможна* метафизика.

всякое человеческое познание — это либо опыт, либо математика.

Суждение синтетично — это значит, оно связывает различные представления.

оно a priori: то есть эта связь — общезначимая и необходимая, она может быть дана лишь посредством чистого разума, но никак не посредством чувственного восприятия.

Если синтетические суждения и впрямь существуют, то разум должен быть в состоянии их связывать: это связывание — некая форма. Разум должен *обладать формонаделяющей способностью.*

Пространство и время как *условие опыта*

Французскую революцию Кант называет переходом от государственности *механической* к государственности *органической*!

Ученые-изобретатели и новаторы, так называемые «великие умы», рассуждает *Кант*, специфическим образом отличны от гения: то, что они открыли и изобрели, может быть и усвоено — оно и было полностью понято и усвоено. В учении Ньютона нет ничего, что нельзя было бы усвоить; Гомер вовсе не столь же доступен для понимания, как Ньютон! *«Стало быть, в науке величайший изобретатель отличается от самого последнего подражателя и ученика лишь несколькими ступенями». Психологический идиотизм!*

«музыке свойствен определенный недостаток светской воспитанности», «она словно навязывается», «она — помеха свободе»

музыка и живопись составляют особый род искусства под названием «прекрасной игры ощущений»

живопись и парковое искусство, идущие рука об руку.

Вопрос о том, есть ли у человечества *тенденция к добру*, предваряется вопросом о том, существует ли какой-нибудь <исторический> факт, который нельзя объяснить

иначе как этой моральной предрасположенностью человечества. Такой факт—революция. «Подобный феномен человеческой истории никогда не забудется, поскольку он вскрыл в человеческой природе предрасположенность и способность *к совершенствованию*, равной которой не смог бы представить себе, глядя на весь предшествующий ход вещей, ни один политик».

Если человечество все больше портится, то его конечный пункт—нечто *абсолютно скверное: террористический* склад ума в противовес *эвдемонистическому*, или «хилиазму». Если история топчется, делая шаг то вперед, то назад, то вся ее деятельность бесцельна и никуда не приходит—тогда она не что иное, как суетливая глупость, причем *добро и зло взаимно гасят друг друга, и все дело сводится к фарсу*: это <воззрение> Кант называет *абдеритским складом ума.*

В *истории* [Кант] видит не что иное, как некий моральный процесс.

«Совестливый инквизитор—это contradictio in adjecto[1]»

Психологический идиотизм

не возрождаясь все вновь, все человеческие добродетели, по Канту, остаются блистательными убожествами. Такого рода совершенствование возможно лишь в силу <их> интеллигибельного характера; без него не бывает свободы ни в мире, ни для человеческой воли, ни <в возможности> спасения от зла. Если это спасение состоит не в совершенствовании, то оно может состоять только в *уничтожении.* Возникновение эмпирического характера <человека>, склонность к злу, возрождение <добродетелей> у Канта—<следствия> действий интеллигибельного характера <человека>; эмпирический характер должен претерпеть поворот к лучшему в корне.

<тут—> *весь Шопенгауэр.*

---

1 Нечто самопротиворечивое, *т.е.* невозможное (*лат.*).

Сострадание—напрасное расточение чувств, паразит, вредный для морального здоровья, «невозможно, чтобы долгом было приумножение зла в мире». Творя добро из чистого сострадания, человек, в сущности, творит добро себе самому, а не другому. Сострадание зиждется не на максимах, а на аффектах; оно патологично; чужое страдание заражает нас, сострадание—это инфекция.

все эти жесты и изъявления раболепия; «как будто в этом своем педантизме пошли дальше всех народов земли»; «это ли не доказательства распространившейся среди людей склонности к низкопоклонству?» «А кто превратил себя в червя, пусть после не жалуется, что его топтали ногами».

«Две вещи, чем чаще и продолжительней обращается к ним размышление, преисполняют душу все новым и все возрастающим изумлением и благоговением: звездное небо над нами и моральный закон в нас».

Он продолжает: «Первый взгляд, брошенный на неисчислимые миры, *как будто бы отменяет мою важность как создания, наделенного животною природой* и обязанного вернуть планете (простой точке во вселенной) материю, из коей оно слеплено, когда пройдет краткий срок, в течение которого оно неведомо как было наделено силою жизни. Но зато второй взгляд безмерно повышает мою ценность как *существа разумного*»

Возможность мыслить свободу зиждется на трансцендентальной эстетике. Если пространство и время свойственны вещам как таковым, то тогда явления тождественны вещам самим по себе, и между теми и другими невозможно никакое явление, и не существует ничего независимого от времени, и свобода попросту невозможна. Свобода мыслима лишь как свойство существа, лишенного обусловленности временем, и, стало быть, она—не явление, не представление, а вещь сама по себе.

Почему явления—не вещи сами по себе? Потому что они пребывают в пространстве и времени, а пространство и время—чистые <формы> созерцания.

Против мнимой психологической свободы Кант возражает так: «Если бы наша свобода состояла в том, что мы приводились бы в движение представлениями, словно какое automaton spirituale[1]», то «она, в сущности, была бы не лучше той свободы, какой обладает вертел, который тоже, стоит его запустить, совершает свои движения самостоятельно».

Свобода немыслима в мире явлений, будь то внешних или внутренних

---

1 Духовный автомат (*греч.-лат.*).

[*Глава вторая.* Homines religiosi]

7 [5]

homines religiosi

Реформация: одно из самых лживых извержений пошлых инстинктов.

Какая-то часть сильных, необузданных и глубоко пошлых влечений рвется на свободу: не остается ничего другого, как изобрести предлоги, особенно облеченные в высокие слова, под которыми можно выпустить этих диких зверей.

Лютер — психологический тип: беспутный и ненастоящий крестьянин, посредством «евангелической свободы» дающий волю всем накопившимся потребностям в насилии.

желание вдруг вновь сделаться хозяином, грабить, громить, предавать поруганию, не говоря уж о том, что и чувства хотят получить свое: в первую очередь взоры похотливо направляются на неимоверные богатства, накопленные церковью.

Жрец на какое-то время — ни более ни менее как Бог, по меньшей мере — его наместник.

Аскетические привычки и упражнения сами по себе еще далеко не свидетельствуют о противоестественных и враждебных жизни настроениях — то же относится к вырождению и болезни

стремление властвовать собою при помощи суровых и ужасающих приемов — способ проникнуться благоговением перед собой, жаждать его: аскетизм — способ добиться *власти*

Жрец как представитель какого-то сверхчеловеческого ощущения власти, даже как хороший *актер*, разыг-

рывающий своего Бога (а представлять Бога—его *профессия*), будет инстинктивно выбирать такие средства, которыми сможет добиться какой-то внушающей ужас степени власти над собою.

Жрец как представитель сверхчеловеческих степеней познания, знания будущего, способности причинять вред и приносить пользу, а также сверхчеловеческих восторгов и видов блаженства:

—актер, разыгрывающий роли «богов» перед здоровыми, счастливыми, оптимистично настроенными, могучими людьми

—актер, разыгрывающий роль «спасителя», главным образом для больных и ущербных, для людей ressentiment'а, для угнетенных и———

—жрецы—актеры, разыгрывающие нечто сверхчеловеческое, которому они должны придать самоочевидность, будь то идеалов, богов или спасителей: в этом они видят свое призвание, на это нацелены все их инстинкты; чтобы придать делу как можно больше правдоподобия, им приходится идти в уподоблении своему предмету так далеко, как только можно; но прежде всего их актерская хитрость должна добиться ощущения *чистой совести*, с помощью коей они только и умеют убеждать так искренне.

[*Глава третья.* Добрые люди и улучшители]

7 [6]

Добрые люди

<их> *бестактная порядочность.*

(9)

Победа какого-нибудь морального идеала достигается теми же «неморальнымы» средствами, как и всякая победа: насилием, ложью, клеветой, несправедливостью

«Не солги»: от человека требуют правдивости. Но ведь чутье на подлинные факты (<продиктованное> нежеланием быть обманутым самому) всегда было наиболее острым именно у лжецов: им-то была известна и *обратная* сторона этой дешевой «правдивости». Говорят неизменно либо слишком много, либо слишком мало: а требование каждым сказанным словом *себя разоблачать* наивно.

Люди говорят, что думают, люди «правдивы» *лишь при известных условиях*: а именно при условии, что их *понимают* (inter pares[1]), и притом понимают благожелательно (*опять-таки* inter pares). Сталкиваясь с неравным себе, человек прячется: и если он хочет чего-нибудь добиться, он говорит, подлаживаясь под желательное для него стороннее мнение о себе, а не то, что думает на самом деле. («Человек власти лжет всегда»)

Идеал, стремящийся воплотиться в жизнь, а тем более стать действенным, пытается найти себе опору a) в *подложном* происхождении b) в мнимом своем родстве с уже существующими могущественными идеалами

---

1 Среди равных (*лат.*).

c) внушая трепет таинствами, словно его устами вещает некая власть, чей авторитет неоспорим, d) очерняя враждебные себе идеалы e) поддерживая лживое учение о *выгоде*, которою он чреват, скажем о блаженстве, душевной безмятежности, мире, а то и о заступничестве какого-нибудь могущественного Бога, и т. д.

К психологии идеалистов: Карлейль, Шиллер, Мишле

Если обнаружить все защитные и охранные меры, с помощью которых идеал сохраняет себя,—будет ли он этим *опровергнут*? <Ведь> он использовал те же средства, благодаря которым живет и растет все живое,—и все они «неморальны».

Мое понимание: все те силы и влечения, благодаря которым возможны жизнь и рост, преданы *моралью анафеме*: мораль как инстинкт отрицания жизни. Чтобы спасти жизнь, надо уничтожить мораль.

Добрые люди

К критике стадных добродетелей

Inertia проявляется

1) в доверии, поскольку для недоверия потребны усилие, наблюдательность, раздумье

2) в почтении, когда до власти далеко, и нужно подчиняться: чтобы не бояться <ее>, лучше попробовать ее полюбить, высоко уважать, а иерархию власти истолковать как иерархию ценностей—тогда эта дистанция *уже не вызывает возмущения.*

3) в чувстве правды. Что такое правда? Это когда получено объяснение, требующее от нас минимального напряжения духовных сил. Да и, кроме того, уж очень это утомительно—лгать.

(21)

4) в симпатии. Какое это облегчение—быть таким же, стараться ощущать то же самое, *отдаваться* актуальному чувству: надо держаться пассивного в противовес активному, которое блюдет свое исконное право на ценностное суждение и постоянно его подтверждает. А последнее не дает покоя.

5) в беспристрастности и хладнокровии суждений: человек боится тратить силы на аффект и предпочитает занять место в сторонке, сохранять «объективность».

(18)

6) в порядочности: легче слушаться готового закона, чем *творить* закон для себя самому, чем повелевать собою и другими. Страх повелевать—лучше подчиняться, чем отвечать действием на действие.

7) в терпимости: страх применять право, подвергать суду

замаскированные *виды воли к власти*

1) требование *свободы*, независимости, а также паритета, мира, *сотрудничества*; а также отшельничество, «свобода ума»; в низшей форме—стремление существовать вообще, «инстинкт самосохранения»

2) *включение* в общую структуру, чтобы в рамках обширного целого идти навстречу ее воле к власти: *подчинение*, желание сделаться необходимым, полезным властителю; *любовь*—как окольный путь к сердцу того, чья власть больше,—чтобы властвовать над ним

3) чувство долга, совесть, иллюзорное утешение себя тем, что твой ранг выше, нежели у тех, в чьих руках реальная власть; признание иерархии, позволяющей *подвергать суду*, в том числе суду обладающих большею властью; самоосуждение. Выдумывание *новых скрижалей ценностей* (классический пример—иудеи)

Мораль как результат неморальности.

A. Чтобы *господство* получили моральные ценности, им нужно пользоваться помощью сугубо неморальных способностей и аффектов.

B. Само *возникновение* моральных ценностей—уже результат работы неморальных аффектов и соображений.

Мораль как результат заблуждения

*Мораль мало-помалу приходит
в противоречие с собою*

Воздаяние.
Правдивость, сомнение, эпоха, суд.
«Неморальность» *веры* в мораль.
Шаги:

1) абсолютное господство морали
все биологические явления измеряются ею,
а *суждения* о них выносятся на ее основе
2) попытка отождествления жизни и морали (симптом пробудившегося скепсиса: мораль не должна больше ощущаться как нечто противостоящее), <предпринимаемая> с помощью множества средств, даже в трансцендентальном направлении
3) *противопоставление жизни* и *морали*: мораль судится и получает приговор с точки зрения жизни.

В какой мере мораль была *губительна* для жизни

a) для наслаждения жизнью, благодарности в ее отношении и т. д.
b) для украшения и облагораживания жизни
c) для познания жизни
d) для развития жизни — постольку, поскольку та пыталась отторгнуть от себя свои же собственные *высочайшие* проявления.

Встречные соображения: ее *полезность* для жизни.

мораль как принцип сохранения обширных общностей, как ограничение <свободы их> частей: «орудие»
мораль как принцип сохранения — ввиду внутренней угрозы человеку со стороны его страстей: «посредственность»
мораль как принцип сохранения ввиду побуждающего отвернуться от жизни губительного влияния больших лишений и дряблости: «страдалец»
мораль как средство против устрашающих вспышек властителей: «простолюдин»

Тупое высокомерие отдельных философов — приверженцев чистого *разума*
в отношении чувства как такового в морали (Кант)
в отношении сострадания
в отношении аффектов

Добрые люди

Опасность, которою чревата скромность. Человек, рано приспосабливающийся к среде, к требованиям, к группам людей, к будничным и рабочим распорядкам, с которыми нас сводит случай, в возрасте, когда ни наши способности, ни наша цель еще не осознаны нами как закон наших поступков; достигающий благодаря этому таких качеств, как преждевременная непогрешимость совести, стремление быть любезным, проявлять общность взглядов, эту преждевременно вырабатываемую способность довольствоваться малым, что умеет подольститься к чувству, избаловать и опаснейшим образом подавить его, выступая в виде отказа от внутренней и внешней озабоченности своим положением; усваивающий почтительность по образцу «себе подобных», как будто у нас у самих нет уже ни мерила, ни права, чтобы устанавливать ценности; усердно желающий судить, как все, что идет *вразрез* с внутренним голосом вкуса, который ведь тоже — некая совесть, и завлекаемый в какие-то устрашающе хитрые путы: такой склад ума, если в конце концов в нем не происходит никакого извержения, одним махом рвущего все узы любви и морали, хиреет и съеживается, становится женоподобным и душевно чахнет. Противоположное тоже скверно, но все же лучше: мучиться в своей среде, страдать от ее хвалы, равно как и хулы, получать при этом раны, но чувствовать себя заложником присяги на верность обществу, не показывая ран; с невольной недоверчивостью обороняться от любви окружающих, учиться молчать — или, скорее, заслоняться разговорами, искать закоулков и скитов, куда ведут непроходимые для других тропы, где можно перевести дыхание, выплакаться и найти себе утонченные утешения, — пока, наконец, не наберешься сил, чтобы сказать: «Какое мне дело до *вас*?» — и пойти *своим* путем.

Добродетели столь же опасны, как и пороки, если следовать им, взирая на внешний авторитет, а не взращивать их изначально в себе самом, что и было бы правильным как глубоко личная самооборона и настоятельная потребность, как условие именно *нашего* существования и нашей благотворности, познаваемое и распознаваемое нами независимо от того, тем же или иным условиям подчиняются другие наравне с нами. Этот наказ об опасности добродетели, понятой безлично, *объективно*, относится и к скромности: от нее гибнут многие отборные души.

Признание скромности моральным качеством — самая губительная изнеженность для таких душ, у которых это имеет смысл, лишь если время от времени они становятся *суровыми*.

Добрые люди

Немногим удается разглядеть проблему в самой стихии нашей жизни, в том, к чему мы издавна привыкли, — именно на это наш глаз не настроен: мне сдается, в отношении морали этого по сию пору так и не случилось.

<Если кто-то осознает> проблему «всякий человек как объект для других», он заслуживает высочайших почестей; негоже только оказывать их себе самому!

Проблема «долженствования»: если влечение не в состоянии найти себе обоснование, как, скажем, половое влечение, это еще *не* значит, что его можно осудить как одно из влечений; напротив, оно должно быть их мерилом и судьей!

Проблема равенства — а ведь мы-то все жаждем отличаться: и именно тут мы, наоборот, обязаны предъявлять к себе точно такие же требования, как и к другим.

Это же так пошло и явно безумно: но — люди почитают это чем-то священным, наделенным высшей ценностью, а то, что оно противоречит разуму, расслышать никто не хочет.

Самопожертвование и бескорыстие <расцениваются> как отличие, как безусловное покорство морали и вера в то, что перед нею каждый равен всем другим.

Пренебрежение к благополучию и к жизни, их забвение как нечто достохвальное, полный отказ от собственного творчества ценностей, непреклонное желание, чтобы и другие отказались от того же. «Ценность поступков *установлена раз и навсегда*: и всякого надлежит оценивать соответственно».

Мы понимаем: тут говорит некий авторитет — но чей именно? Гордости человеческой можно простить, что она искала этот авторитет на самых крутых высотах, чтобы чувствовать себя приниженной им как можно меньше. Стало быть, говорит тут — Бог!

Бог был необходим как некая безусловная санкция, над которою уже нет больше никакой другой инстанции, как тот или иной «категорический императив» — а те, что верили в авторитет разума, нуждались в той или иной метафизике единства, которая придавала бы всему этому логичность.

А если, скажем, веры в Бога нет и в помине — тогда вопрос встает заново: «*кто* говорит?». Мой ответ, взятый не из метафизики, а из зоологии: *говорит стадный инстинкт.* Он *хочет* сделаться господином — и отсюда его «ты должен!»: он согласен признать индивидуума исключительно с точки зрения целого и в интересах этого целого, он ненавидит идущих не в ногу — и обращает ненависть всех <остальных> индивидуумов против них

Задумаемся над тем, как дорого обходится такой моральный канон («идеал»). Ведь его враги-то — эгоисты.

меланхолическая проницательность самоумаления в Европе (Паскаль, Ларошфуко)

душевная обессиленность, уныние, самоподточенность тех, что — не стадные животные

постоянное подчеркивание качеств посредственности как наиболее ценных (скромность, чувство локтя, инструментальность)

неспокойная совесть проникает во всех, кто сам себе хозяин, кто оригинален:

и вот оно, страдание — и вот оно, *помрачение* мира тех, что уродились более сильными

стадное сознание переносится в философию и религию: в том числе и свойственная ему боязливость, его — — —

даже без учета психологической невозможности чисто бескорыстного поступка

Моя философия нацелена на иерархию — а не на какую-нибудь индивидуалистическую мораль. Стадное чувство должно господствовать в стаде, но не выходить за его пределы: вожакам же стада требуется какая-то система оценок собственных поступков, в корне отличная от стадных; то же относится и к людям, отделившимся от стада, к «хищникам» и т. д.

<Моя философия> стоит в стороне от обоих направлений — и индивидуалистической, и коллективистской морали, ведь и первая из них не ведает иерархии, желая дать одному точно такую же свободу, как и всем остальным. Я думаю вовсе не о степени свободы, какую надо предоставить одному, другому или всем, а о степени *власти*, какую один или другой должен применять к другим или всем остальным, а соответственно — о том, в какой мере ограничение свободы, даже порабощение, создает почву для произрастания *высшего типа*. Или, в более широких масштабах мысли,— *каким образом можно пожертвовать развитием человечества*, чтобы способствовать появлению какого-то вида, более высокого, нежели человек?

В отношении себя ошибаться никак нельзя! Если человек слышит в себе голос морального императива таким, каким его разумеет альтруизм, то он — одна из голов *стада*. А если у него есть противоположное ощущение, если собственные самоотверженные и бескорыстные поступки он ощущает как угрозу себе самому, как свою ошибку, то он — не одна из голов стада.

Мысль, по всей видимости безумная,— что кто-то обязан расценивать свой поступок, совершенный по отношению к другому, выше, чем совершенный по отношению к себе самому, и то же самое — этот другой по отношению к еще кому-то другому и т. д., так что должны одобряться только такие поступки, совершая которые человек учиты-

вает не свои собственные интересы, а благо другого человека, — —имеет свой смысл: а именно как инстинкт солидарности, зиждущийся на мнении, будто отдельный человек вообще маловажен, а вот все вместе—чрезвычайно важны, если, конечно, они составляют именно *общность*, если среди них царит чувство солидарности и коллективистская совесть. Это, стало быть, своего рода упражнение по приданию взгляду определенного направления, желание испытать оптику, исключающую возможность взглянуть на себя самого.

Моя идея: <раз> нет целей—*ими должны стать личности!*

Заметна всеобщая тенденция: приносить в жертву отдельную личность, используя ее как орудие. Пройдешься по улице—попадаются одни только «рабы». Куда <они идут>? Зачем?

Феномены морали занимали меня—я все пытался найти решение этой загадки. Нынче я, кажется, могу дать на нее ответ. В чем смысл того, что благо ближнего *обязано* иметь для меня более высокую ценность, чем мое собственное? Но что сам этот ближний *обязан* иметь о ценности своего блага иное мнение, чем я, и притом без околичностей подчинять *мое* благо своему?

Приучается ли человек с детства— — —
Преимущества позиции в стороне от своей эпохи.

Взглянуть на морализирование в целом как феномен. В том числе как на *загадку*.

Что означают <императив> «ты должен» или даже философия, рассмотренные как «данности»?

Ведь в конце концов нужны уж очень большие запасы моральности, чтобы быть неморальным на столь изощренный лад: тут мне, пожалуй, не обойтись без параболы.

У физиолога, интересующегося какой-нибудь болезнью, и у больного, желающего от нее исцелиться, интересы разные. А теперь представим себе, что эта болезнь — мораль (ведь мораль — это некая болезнь) и что мы, европейцы, ею больны: какое это будет утонченное мучение и затруднение, если мы, европейцы, станем в одно и то же время ее любознательными наблюдателями и физиологами! Да захочется ли нам на самом деле избавиться от морали? Будем ли мы тогда этого хотеть? Не говоря уже о том, *сможем* ли мы это сделать? Сможем ли мы «исцелиться»? —

Самоограничение, напр., в вопросе о пессимизме, о том, чего больше — наслаждения или страданья

то же самое — в вопросе о ценности нашего познания

— что доселе наталкивалось на препятствия? Наше влечение к экспериментированию, опасность была слишком велика, «спасение души»

победа над старым Богом как над принципом *клеветы на мир* — победа язычества — но мир оказывается перед лицом нового ужаса

— «одно только нужно» и «наипаче ищите Царствия Божия, и это все приложится вам» («это все» — это, к примеру, и любовь к ближнему, мораль в нынешнем смысле)

(8)

NB! *Вернуть спокойную совесть злому человеку* — неужто это и было моим бессознательным намерением?

И притом — злому человеку в той мере, в какой он — *человек сильный*? (Тут надо <будет> привести суждение *Достоевского* о каторжанах.)

Добрые люди

Угрызение совести: признак того, что характеру человека оказалось не по плечу его собственное *деяние*. Угрызения совести бывают и у тех, что сделали *доброе дело*: в этом их необычность, то, что их выделяет из старой среды —

Ближайшая предыстория поступка относится к самому поступку: но *бо 2льшая глубина* этой предыстории указывает *за его пределы:* отдельный поступок — это в то же время элемент сложившегося *позже* много более широкого положения дел. Краткосрочные процессы не оторваны от более длительных —

[**Книга третья:** *борьба между ценностями*]

[*Глава вторая.* К физиологии искусства]

7 [7]

К физиологии искусства

Что касается художников

Различие: те, что хотят кормиться искусством, и другие — такие, как Данте, Гёте

Из каких *побуждений*? Обратное умозаключение от «творения» к художнику.

Что доказывает «успех»: во всяком случае — *превратное понимание* художника, а *по большей части* — и его творения.

Взыскательность *чувств* — что это значит?

Нехватка *логики* — <проявляющееся в> остроумии, в сюжете.

Что касается добротности *образования*

«Натурализм» — что он означает? Прежде всего это — *возбуждающее средство* — отвратительное и неслыханное вызывают эмоции.

«Романтизм» — что он означает?

Ориентация народов на развитие «европейской души».

В каком отношении искусство стоит к церкви.

Пессимизм в эстетической теории («незаинтересованное созерцание», «les Parnassiens»[1]).

---

1 «Парнасцы», поэтическая школа (*фр.*).

— Для всей этой романтической музыки (включая Бетховена) я недостаточно благополучен, недостаточно здоров. Что мне необходимо, так это музыка, с которою забываешь о страдании; с которою животная сторона моей жизни чувствует себя обожествленной и справляет свой триумф; под которую хочется пуститься в пляс; под которую, может быть даже, говоря на кинический лад, спрашиваешь себя, удачно ли было пищеварение. Ритмы *легкие*, бесстрашные, безоглядно-веселые, под которые так хороша становится жизнь, ее озолочение *золотыми*, мягкими, ласковыми гармониями, — вот что мне по нраву из всей музыки. А вообще мне довольно нескольких тактов.

Вагнер стал для меня нестерпим целиком и полностью потому, что он не умеет *ходить*, не говоря уже о том, чтобы плясать.

Это, однако, суждения физиологические, а не эстетические: а у меня-то ведь больше нет никакой эстетики!

Умеет ли он ходить?

Умеет ли он плясать?

— формы заимствованные: к примеру, Брамс как типичный эпигон Мендельсона, а равно и образованный протестантизм (*вос*создание той «души», что была прежде...)

— моральные и поэтические подстановки у Вагнера: одно искусство становится паллиативом из-за неумения в других.

— «чувство истории», вдохновение, черпаемое в сочинительстве и плетении слов, — то типичное превращение, ярчайший пример коего среди французов — Г. Флобер, среди немцев — Р. Вагнер

как романтическая вера в любовь и в будущее переходит в жажду небытия, 1830-й <год> — в 1850-й

если человек чего-то достиг, то он обращается со своими чувствами как-то более невинно, относится к чувственности вообще более радостно, более благожелательно, более по-гётевски

равным образом он с большею гордостью переживает процесс познания — и больше не верит «чистосердечным простецам»

Физиология искусства

Бетховен—un pauvre grand homme, sourd, amoureux, méconnu et philosophe, dont la musique est pleine de rêves gigantesques ou douloureux.[1]

Моцарт—выражающий *сугубо немецкие чувства*, la candeur naïve, la tendresse mélancholique, contemplative, les vagues sourires, les timidités de lamour.[2]

Фортепиано exalté et raffiné. Мендельсон les entoure de rêves ardents, délicats, maladifs.

Les âpres désirs tourmentés, les cris brisés, révoltés, les passions modernes, sortent de tous les accords de Meyerbeer.[3]

В отношении *живописцев.*

tous ces modernes sont des *poutes*, qui ont voulu être *peintres*. L'un a cherché des drames dans l'histoire, l'autre des scènes de mœrs, celui-ci traduit des religions, celui-là une philosophie.[4] Один подражает Рафаэлю, другой—ранним итальянским мастерам; пейзажисты прибегают к изображению деревьев и облаков, чтобы создавать оды и элегии. *Никто* не желает быть просто художником; всякий стремится быть археологом, психологом, инсценировщиком какого-нибудь события прошлого или теории. Они делают своею вотчиной нашу эрудицию, нашу философию. Они, как и все мы, битком набиты общими идеями. Они любят форму не за то, что2 она есть, а за то, что2 она *выра-*

---

1 Несчастный гений, глухой, влюбленный, непризнанный, резонерствующий, музыка которого полна неистовых и болезненных мечтаний (*фр.*).

2 Наивное простосердечие, меланхолическая, задумчивая нежность, беспредметные улыбки, застенчивая влюбленность (*фр.*).

3 *Фортепиано* восторженное и утонченное. *Мендельсон* окружает их пылкими, нежными, болезненными грезами. Страстные, мучительные желания, надрывные, мятежные крики, современные страсти—все это заключено в гармониях Мейербера (*фр.*).

4 Все эти современные—*поэты*, возжаждавшие стать *живописцами*. Одному нужны были исторические драмы, другому—изображения нравов, этот пытался выразить истины религии, тот—философии (*фр.*).

жает. Они принадлежат к поколению людей ученых, измученных и рефлектирующих—тысячи верст отделяют их от старых мастеров, которые не читали, а думали лишь о том, как бы устроить праздник своим глазам.

Наше состояние: благосостояние позволяет обострить восприимчивость; люди страдают от малейших неудобств; тело наше защищено лучше, душа стала более хворой. Равенство, обустроенная жизнь, свобода мысли,— но в то же время l'envie haineuse, la fureur de parvenir, l'impatience du présent, le besoin du luxe, l'instabilité des gouvernements, les souffrances du doute et de la recherche.[1]

—потери точно равны приобретениям—

Обыватель 1850 года в сравнении с обывателем года 1750-го—счастливее ли он? moins opprimé, plus instruit, mieux fourni de bien-être, но *не plus gai*[2]———

В XVII столетии не было ничего более одиозного, чем горы; с ними связывалось представление о тысяче всяческих бедствий. *Люди тогда чувствовали усталость от варварства, как мы нынче чувствуем усталость от цивилизации.* Улицы нынче так вылизаны, жандармы в таком преизбытке, нравы столь мягки, события столь мелки и предсказуемы, что aime *la grandeur et l'imprévu*[3]. Ландшафты мелькают с тою же скоростью, что и книги; тогда предлагали длинные слащавые романы и сочинения на галантные темы: *нынче* предлагают la poésie violente et des drames physiologistes[4].

Эта глушь, это поголовное и неумолимое господство голых скал ennemi de la vie—nous délasse de nos trottoires, de nos bureux et nos boutiques[5]. Только *поэтому* мы их и любим

---

1 Злобная зависть, неистовое стремление добиться своего, жадная нетерпеливость, жажда роскоши, шаткость правительств, муки сомнений и поисков *(фр.)*.

2 <Он> менее угнетен, более просвещен, лучше обеспечен благами жизни, *но не* стал от этого *веселее* *(фр.)*.

3 <Люди> любят *все неимоверное и непредвиденное* *(фр.)*.

4 Необузданную поэзию и физиологическую драму *(фр.)*.

5 Враждебны жизни—они дают нам отдых от наших тротуаров, контор и лавок *(фр.)*.

О Делакруа:

chanter avec la couleur[1]

«эхо голоса Виктора Гюго»

во время войн в душу французам запали la mélancholie poétique d'Angleterre, le lyrisme philosophique d'Allemagne

l'âme complémentaire de Victor Hugo[2]

преобладание *музыки* у романтиков 1830-х и 40-х <годов>

Делакруа

Энгр — страстный музыкант, почитавший Глюка, Гайдна, Бетховена, Моцарта

(говорил своим ученикам в Риме: «si je pouvais vous rendre tous musicienes, vous y gagneriez comme peintres» —)[3]

то же самое — Орас Верне с его неописуемым пристрастием к «Дон Жуану» <Моцарта> (как свидетельствует Мендельсон в 1831 году)

то же самое — Стендаль, говорящий о себе: — — —

Президент де Брос говорит о campagna Romana: «il fallait que Romulus fût ivre, quand il songea à bâtir une ville dans un terrain aussi laid»[4]

Фенелон сравнивает готический стиль с неудачной проповедью.

В письме к маркизу де Фонтану в 1803 году Шатобриан описывает свое первое впечатление от campagna Romana.

Ламартин живописует Сорренто и Позилиппо —

---

1 Пение красками (*фр.*).

2 Полная поэзии меланхолия Англии, философский лиризм Германии <...> душа, составляющая пару душе Виктора Гюго (*фр.*).

3 Если бы я мог дать вам представление обо всех этих композиторах, вы бы выиграли от этого как художники (*фр.*).

4 Ромул, должно быть, напился пьян, когда решился построить город в столь безобразной местности (*фр.*).

В. Гюго восторгается Испанией, parce que «aucune autre nation n'a moins imprunté à l'antiquité, parce qu'elle n'a subi aucune influence classique»[1]

Делакруа тоже не любил Рим, он испытывал там страх. Он был в восторге от Венеции, как Шекспир, как Байрон, как Ж. Санд. Неприязнь к Риму и у Т. Готье — а также у Р. Вагнера.

Что смехотворно в нашей *демократии*, так это черный сюртук...

l'envie, la tristesse, le manque de mesure et de politesse, les héros de George Sand, de Victor Hugo et de Balzac (et de Wagner)[2]

le goût de la *Renaissance*[3]

меблировка в этом вкусе, éclatant et sombre, d'un style tourmenté et magnifique[4]

cet âge de force et d'effort, d'audace inventive, de plaisirs effréné et de labeur terrible, de sensualité et d'héroïsme[5]

Жанна дАльбре, мать Генриха IV, в изображении д'Обинье:

«princesse n'ayant de la femme que le sexe, l'âme entière aux choses viriles, l'esprit puissant aux grandes affaires, le cœur invincible aux adversités.»[6]

---

1 Потому что «ни один другой народ не был менее осведомлен об античности, поскольку не подвергся никакому классическому влиянию» (*фр.*).

2 Зависть, уныние, нехватка чувства меры и тактичности,—вот герои Жорж Санд, Виктора Гюго и Бальзака (и Р. Вагнера) (*фр.*).

3 Вкус Ренессанса (*фр.*).

4 Вызывающая и мрачная, в стиле вычурном и пышном (*фр.*).

5 Этот век силы и усилия, изобретательной дерзости, безудержных наслаждений и пугающе тяжкого труда, чувственности и героизма (*фр.*).

6 У государыни нет от женщины ничего, кроме пола, душою она — вполне мужчина, могучим духом — вся в великих делах, сердцем несгибаема в превратностях судьбы (*фр.*).

Agir, oser, jouir, dépenser sa force et sa peine en prodigue, s'abandonner à la sensation présente, être toujours pressé de passions toujours vivantes, supporter et rechercher les excès de tous les contrastes, voila la vie du seizième siècle.[1]

Parmi ces violences et ces voluptés la dévotion était ardente[2]. Религия тогда была не добродетелью, а страстью. В церковь шли, как на битву или на свидание.

Рыцари в эпоху крестовых походов—enfants robustes[3]. Убивали, завывая, как хищные звери. А стоит миновать ярости боя, снова исходят слезами и живо проявляют ласковую навязчивость.

Суждение о том, что «приятно», а что «неприятно», как в музыке, меняется и оформляется в зависимости от того, что мы ощущаем как «законное», разумное, осмысленное, важное.

Физиология искусства

Вкус к нюансам и наслаждение ими (вот они, *современные веяния*)—тем, что *не* универсально, противоположно влечению, наслаждение и способность которого вложены в постижение *типического*: таков был и греческий вкус в лучшую свою пору. Есть в нем какое-то обуздание избытка жизни, в нем господствует мера, а в основе лежит та *безмятежность* сильных душ, что ходит без спешки и питает отвращение ко всему чересчур оживленному. Почитается и *превозносится* общий случай, закон; а исключительное, наоборот, устраняется, нюанс

---

1 Действовать, дерзать, наслаждаться, расходовать силы и тяжкий труд, не щадя себя, жить сегодняшним днем, всегда мучиться всегда насущными страстями, стоически терпеть, но добиваться избытка крайних ощущений — вот она, жизнь шестнадцатого столетия (*фр.*).

2 Благочестие было пылким посреди всех этих жестокостей и наслаждений (*фр.*).

3 Могучие дети (*фр.*).

затушевывается. Прочное, могучее, солидное, жизнь, привольно и мощно раскинувшаяся в безмятежном покое, но не выставляющая напоказ свою силу,—вот что *«нравится»*, то есть соответствует тому, каковы люди в собственных глазах.

[*Глава третья.* К истории европейского нигилизма]

7 [8]

Нигилизм

Для *предисловия.*

Доселе я выдерживал настоящую пытку: все те законы, по которым развивается жизнь, казалось мне, противоречат ценностям, ради которых наш брат *терпит* жизнь. Это, видимо, не то состояние, от которого большинство страдает *сознательно*: но, несмотря на это, я хочу свести воедино признаки, позволяющие мне предположить, что это — *самая суть,* доподлинно *трагическая проблема* нашего современного мира, это тайная беда, в качестве таковой выступающая причиною или истолкованием всех его бед. *Я – тот, в ком эта проблема осознала себя.*

Нигилизм

A

Исходить из совершенно искренней *оценки заслуг* нашего современного человечества:

нельзя верить глазам своим (это человечество не столь уж «впечатляет», но зато у него есть совсем иные гарантии *долговечности,* его темп медленней, но зато гораздо разнообразней сам такт)

здоровья все больше, подлинные условия крепкого тела познаются и постепенно вырабатываются, «аскетизм» ironice[1] —

боязнь крайностей, известная степень доверия «пути истинному», никакого энтузиазма; периодическое

1 В шутку говоря; так сказать (*лат.*).

привыкание к ограниченным ценностям (скажем, «отечество», «наука» и т.д.)

но вся эта картина все еще остается *двусмысленной:*

—она может означать *восходящее*

—или же *нисходящее* направление жизни.

B

Вера в «прогресс»—в нижней сфере разума он предстает как жизнь восходящая: это, однако, самообман;

В высшей сфере разума—как жизнь *нисходящая*

описание симптомов.

Единая точка зрения: неуверенность относительно мерила ценности.

Страх перед всеобщей «тщетностью»

Нигилизм.

C

Зависимость *всех* критериев ценности от моральных

религиозных, эстетических, экономических, политических, научных

D

Признаки упадка—в области веры в мораль.

Нигилизм

Нет ничего более опасного, чем желаемое, идущее наперекор сущности *жизни.*

логика **нигилистов** (их вера в то, что ценного ничего не бывает) как следствие морального по сути способа высоко ценить

все эгоистическое внушает нам отвращение (даже если мы понимаем, что неэгоистическое—невозможно)

все необходимое внушает нам отвращение (даже если мы понимаем, что liberum arbitrium[1] невозможно, как и «интеллигибельная свобода»)

мы понимаем, что не достигаем сферы, которую наделили своими ценностями,—но это еще *отнюдь не* означает, что в ценности повысилась другая сфера, та, в которой мы живем: напротив, мы **утомлены**, поскольку утра-

1 Свобода выбора (свобода воли) (*лат.*).

тили главный интерес деятельности. «Все, что было, — суета!»

Мораль тормозит познание.

<это сказалось,> к примеру, в попытке *связать жизнь* с *моралью воедино* (отождествить их) и оправдать ее перед судом морали

альтруизм изначален

мыслить бескорыстно можно и sans obligation и sanction[1]

В какой мере мораль тормозила познание.

ценность личности, «бессмертие души», фальсификация в психологии

противодействие принципу каузальности: фальсификация в физике

противодействие истории развития вообще: фальсификация в исторической науке

фальсификация в теории познания

---

1 Без обязательности *и* санкции (*фр.*).

[**Книга четвертая:** *Великий полдень*]

[*Глава первая. Принцип жизни. «Иерархия»*]

7 [9]

В методологическом отношении: ценность *внутренних* и *внешних феноменов.*

А. *Сознание*—возникает поздно, бедно по содержанию, возникает ради внешних целей, подверженно грубейшим ошибкам, более того, по своей *природе* должно искажать, огрублять, обобщать

В. Зато феномен *чувственного* мира можно наблюдать в сто раз чаще, тоньше и точнее. Внешняя феноменология дает нам куда более богатый материал и допускает бо2льшую строгость в наблюдении; а вот внутренние феномены трудноуловимы и больше сродни ошибке (внутренние процессы по своей природе предрасположены *порождать заблуждение*, поскольку жизнь возможна лишь в русле такого рода ограничивающих и перспективосозидающих сил).

NB. Всякое **движение—знак** какого-то внутреннего процесса: *стало быть, подавляюще бо2льшая часть всех* **внутренних** *процессов дана нам лишь как знак.*

Принцип жизни

Главные заблуждения прежних биологов: речь идет *не* о роде, а о том, что необходима *выработка более сильных особей* (большинство—лишь средство)

жизнь—это *не* адаптация внутренних условий ко внешним, а воля к власти, подчиняющая себе и вбирающая в себя все больше «внешнего», действуя изнутри

эти биологи *продолжают* линию высоких оценок морального характера (заведомо высокая ценность альтру-

изма, враждебность к властолюбию, к войне, ко всему, что не утилитарно, к иерархии и сословному строю).

Насчет теории, что отдельный индивид преследует выгоду своего *рода*, своего потомства в ущерб собственной выгоде: это не более чем *иллюзия*.

Непомерная значимость, какую придает *половому инстинкту* индивид, не есть *следствие* его значимости для рода: напротив, порождение потомства—это прямое достижение индивида и его наивысшая выгода, а следовательно, и *наивысшее проявление его власти* (естественно, так дело выглядит не с точки зрения сознания, а с позиций центра всего формирования индивида).

Принцип жизни

Сознание зарождается сугубо периферически, в качестве координации и осознания «впечатлений»,—поначалу отстоит от биологического центра индивида на максимальное расстояние; но представляет собой процесс, который, углубляясь и заходя все больше внутрь, постоянно приближается к такому центру.

О *возникновении логики*. Фундаментальная склонность *отождествлять, уподоблять* модифицируется, обузданная <опытом> пользы и вреда, *успеха*: происходит приспособление—умеренная степень этой склонности, которая может найти себе удовлетворение, не отрицая в то же время жизнь и не подвергая ее опасности. Этот процесс вполне соответствует тому внешнему, механическому процессу (символически изображающему первый), когда *плазма* беспрестанно уподобляет себе и включает в свои формы и структуры все, что усваивает.

Индивидуация—с точки зрения теории происхождения видов—демонстрирует беспрестанное деление единого надвое и столь же беспрестанную гибель индивидов *в пользу* **немногих** индивидов, обеспечивающих продолжение развития: и всякий раз гибнет огромная масса («плоть»). Основной феномен: *бесчисленные индивиды* **приносятся в жертву** *ради немногих*, чтобы те могли сущест-

вовать дальше.—Надо смотреть правде в глаза: именно так обстоит дело с *народами* и *расами*: они составляют «плоть», из которой рождаются отдельные *полноценные индивиды*, обеспечивающие продолжение великого процесса.

Принцип жизни

Что в истории есть властные силы, нужно, видимо, признать, отказавшись от всякой моральной и религиозной телеологии. Это должны быть силы, действующие и во всем феномене органического бытия. И наиболее отчетливо выраженные — *в царстве флоры*.

Этапы великой победы над *животным*: животное как раб—или как враг.

—мужчины над *женщиной*: женщина <как>

наряду с большим разбросом—к примеру, от здорового до больного.

В чем полагали *достоинство* человека:

возобладать над животным в человеке возобладать над женщиной в человеке	} *греческий* идеал

в противоположность этому *христианское* достоинство:

сделаться господином над гордостью в человеке
над — — —

Принцип жизни

—усложнение, четкая дифференциация, сосуществование развитых органов и функций при исчезновении всех промежуточных форм—если это и есть *совершенное состояние*, значит, в органическом процессе складывается воля к власти, в силу которой *главенствующие, формирующие, повелевающие факторы* постоянно расширяют сферу своей власти, постоянно упрощая <все> в ее пределах: императивное начало *растет*.

—полезное в смысле ускорения темпа развития отличается от «полезного» для закрепления и долговечности уже развившегося.

Дух—лишь средство и орудие, используемое в интересах более высокой ступени жизни, восхождения жизни со ступени на ступень: а что касается блага, как его разумел Платон (а после него—христианство), то оно кажется мне принципом прямо-таки опасным для жизни, очерняющим жизнь, отрицающим жизнь.

7 [10]

Есть среди людей такая порода — влюбленная в сентенцию tout comprendre cest tout pardonner. Это люди немощные, это прежде всего разочарованные: ведь если во всем есть что прощать, значит, там есть и что презирать — разве не так? Это философия разочарования, столь человеколюбиво закутывающаяся тут в сострадание и выглядящая такой доброй.

Они — романтики, у которых вся вера разбилась вдребезги: и вот им интересно хоть *посмотреть*, как все течет и растекается. Они называют это lart pour lart, «объективность» и т. д.

7 [11]

Не из видимости ли пустого и полного, прочного и проницаемого, покоящегося и движущегося, подобного и неподобного, — не эта ли древнейшая видимость превратилась в метафизику?

Европейское философствование последних столетий, которое с достоинством и простодушием обывателя

— что значит познавать? Могу ли я познавать?

7 [12]

Популярные идеалы, добрый человек, бескорыстный, святой, мудрый, справедливый. О Марк Аврелий!

7 [13]

Надо глядеть в оба, когда какой-нибудь уже смолоду дряхлый старец то и дело выставляет на обозрение свою утомленность, выдавая ее за мудрость, пессимизм и просветленность.

Когда какой-нибудь утомленный неудачник, уже смолоду дряхлый старец, то и дело <выставляет> свою утом-

ленность плодом глубокой, полной борьбы и страданий внутренней жизни за кружкой пива———

или какая-нибудь развязная и суетливая болтливая дура испускает свое тщеславие на покрытую типографскими знаками бумагу

чего только не перевидал я уже на своем веку, наблюдая изготовление философской фальшивой монеты: утомленный, уже смолоду дряхлый осел, <выставляющий> свою утомленность———

7 [14]

Философию Кант определяет как *«науку о границах разума»*!

Чтобы была какая-нибудь «истина», к коей можно как-то приближаться—

Если какой-то регулярно повторяющийся процесс я выражаю в виде *формулы*, то тем самым облегчаю себе его описание как целостного феномена, сокращаю его и т. д. Но я не констатирую никакого «закона», а только ставлю вопрос о том, как получается, что тут имеет место повторное наступление чего-то: что этой формуле соответствует какой-то комплекс поначалу неизвестных сил и их проявлений,—предположение; а думать, будто силы повинуются тут какому-то закону, так что вследствие их повиновения мы всякий раз наблюдаем один и тот же феномен,—это мифология.

7 [15]

Этика, или «философия желаемого». «То-то *должно* быть иным», *должно* стать иным: зародыш этики, как видно,—недовольство.

Можно бы выйти из положения, во-первых, избирая то, что *не* порождает этого чувства; а во-вторых, поняв <его> как самонадеянность и вздор: ибо требовать, чтобы *нечто* было иным, чем оно есть,—значит требовать, чтобы иным было *все*,—<это чувство> содержит в себе пренебрежительную критику всего в целом,—следовательно, оно... *Но сама жизнь есть такое требование!*

Выяснить, *что* же существует таким, *каково* оно есть,—это, кажется, дело бесконечно более ценное и важное, нежели всякие «так должно быть»: ведь это последнее, будучи человеческою критикой и самонадеянностью, словно заведомо обречено на посмеяние. Здесь сказывается потребность в том, чтобы устройство мира отвечало нашему человеческому благополучию, а также стремление делать все, что только возможно, для решения этой задачи. Но, с другой стороны, только это требование—«так должно быть»—и вызвало к жизни другое требование—того, что *существует*: ведь знание о том, что есть,—это уже следствие вопроса: «Неужто это возможно? Но почему же именно так?» Изумление по поводу того, что наши пожелания не согласуются с ходом вещей, привело к познаванию хода вещей. А может быть, тут есть еще и что-то другое: может быть, это «так должно быть», наше желание возобладать над миром,———

7 [16]

Что нас отличает—к примеру, критическое отношение к христианству: <см.> ЧСЧ 2, 182

Таблица размежеваний

напр., с идеалистами и романтиками

как лицедеями и самообманщиками

с натурами созерцательными

с национализмом.

К психологии одиночества.

В защиту заблуждения.

Антагонизм между очеловечиванием и преувеличением человека.

Изобильные и щедрые в противоположность ищущим, жаждущим.

Двойственность эстетических состояний.

Книги и люди.

Вопросы здоровья.

Современная музыка.

Классическое воспитание.

Большой город.

Умственная порочность.

7 [17]

Доселе наибольшее отвращение вызывали у меня паразиты духа: в нашей нездоровой Европе они угнездились по всем углам, да к тому же еще с самой чистою в мире совестью. Ну, может, они слегка мрачны с виду, чуть-чуть air pessimiste[1], но уж зато в главном прожорливы, измаранны сами и марают других, вкрадчивы, прилипчивы, вороваты, шелудивы,—и невинны, как все мелкие греховодники и микробы. Они паразитируют на духе других людей, полными горстями разбрасывая его вокруг: потому что знают, что для духа богатого только естественно тратить себя беззаботно, не думая о завтрашнем дне и даже расточительно—дух ведь неважный домохозяин: он не замечает, что всё кругом живет и жует за его счет.

7 [18]

«*Всякая деятельность* уже как таковая доставляет наслаждение»,—говорят физиологи. В каком отношении? Потому ли, что скопившаяся, но не израсходованная сила вызвала своего рода *натиск* и *давление*, состояние, в сравнении с которым действие ощущается как *освобождение*? **Или** потому, что всякая деятельность есть *преодоление* препятствий и сопротивления? А множество малых, постоянно преодолеваемых сопротивлений естественно и как бы в ритмичной пляске вызывают своего рода *щекочущее ощущение власти*?

Наслаждение как щекочущее ощущение власти: оно всегда предполагает сопротивление и преодоление чего-то.

Все проявления наслаждения и страдания—умственной природы, это итоговые оценки тех или других препятствий, их истолкования

7 [19]

В эпохи с ослабленною волей, более рыхлые по своему составу высокая степень вырождения и маргинальности становится опасной не вдруг и не подвергается искоренению из тела общества; с другой стороны, и гибнут такие люди не сразу, потому что *умеренное* количество всех

1 Поют на пессимистический мотив (*фр.*).

сил даже у очень своевольных и *эгоистичных* существ мешает внешнему выражению агрессивной и властолюбивой тенденции.

Опасность в такие эпохи представляют собою люди со сгущенной *волей к власти*, в то время как для эпох сильных опасность заключена в тех, кто *ни то и ни се.*

7 [20]

Мораль философов начиная с Сократа — это какое-то донкихотство

добрая доля лицедейства

превратное понимание себя

что она, в сущности, такое?

судя идиосинкратически — энтузиазм, проявляемый к диалектике, судя оптимистически — сверхвозбудимая чувственность и, следовательно, страх

величайшее из всех надувательств и самообманов — устанавливать тождество доброго, истинного и прекрасного, да еще и *изображать* это их единство

психологически трудно понять борьбу против софистов: нужно было с ними *размежеваться*, чтобы с ними не путали (к чему все и предрасполагало, поскольку они-то ощущали свое родство). *Соперничество* во влиянии на *юношество* —

добродетель, ирония и проницательность у Сократа — у Платона влюбленный (педераст), художник (?), олигарх —

заявление о своей независимости, эмиграция из полиса, отказ от корней —

критика культуры с позиций «морали» и диалектики!!! —

абсолютное отсутствие «исторического чутья» —

симптом **декаданса** —

— не были ли *все* прежние специфически *моральные* духовные течения симптомами декаданса?

7 [21]

Перспективизм желаемого (*идеала*)

7 [22]

Кто-то занимается критикой — и его темперамент с этим занятием вполне согласен

часто отсутствие духа для нас — благодеяние

7 [23]

NB. У меня в психологическом отношении *две склонности:*

первое: *вкус ко всему* **обнаженному**

второе: *тяга к* **широкому размаху** (немногие основные положения, изложенные в строжайшей взаимосвязи; никакого esprit[1], никакой риторики).

7 [24]

Все влечения и силы, *восхваляемые* моралью, для меня оказываются в сущности своей *тождественными* тем, которые она очерняет и отвергает, — к примеру, справедливость как воля к власти, любовь к истине как средство, используемое волей к власти

7[25]

Против дарвинизма

— полезность органа *не* объясняет его возникновения, напротив!

— очень длительный срок, в течение которого образуется какое-нибудь качество, слишком долог для индивида и не приносит ему пользы, по крайней мере в борьбе с внешними обстоятельствами и враждебными силами

— да и что такое, в конце концов, «полезное»? Спрашивать-то надо «полезное в отношении *чего?*» То, к примеру, чем полезна для индивида *долгая жизнь*, могло оказаться губительным для его силы и великолепия; а то, благодаря чему индивид сохраняет себя, могло в то же время сдерживать и останавливать его развитие. С другой стороны, какой-нибудь *изъян*, признаки *вырождения* <одного органа> могут приносить величайшую пользу, поскольку действуют в качестве стимулирующего средства для дру-

1 *Здесь:* пылкого остроумия (*фр.*).

гих органов. И *бедственное положение* тоже может быть условием поддержания жизни, если заставляет индивида умерить свои притязания до состояния, в котором он *собирается с силами* и перестает разбрасываться.

—В самом индивиде уже идет борьба между отдельными его частями (за питание, пространство и т.д.): его развитие связано с *победою, преобладанием* отдельных частей, с *захирением*, «инструментализацией» других

—значение воздействия «внешних условий» *завышено* у Дарвина до нелепости; главное в процессе жизни — это как раз неимоверная формообразующая, действующая изнутри сила, *использующая, эксплуатирующая* эти «внешние условия»...

—*новые* формы, сложившиеся изнутри, *не* рассчитаны на какую-то цель—в борьбе разных сторон индивида новая форма не будет долго оставаться не связанной с какой-либо ограниченною пользой, а будет стремиться к совершенству в соответствии с тем, *как она используется*

—если сохранилось лишь то, что доказывало свою полезность на протяжении *длительного срока*, то это в первую очередь вредоносные, разрушительные, разлагающие способности, все бессмысленное, случайное,———

7 [26]

Что *означает* наша симпатия к campagna Romana? И к высокогорью? Что *означает* наш национализм?

Идеализм, или самообман.

Критика цивилизации.

Метаморфозы креста.

Утонченные проявления страха
сладострастия
презрения

7 [27]

Более емкое понятие жизни

Виды опьяненности

Современное лицедейство (скажем, *«отечество»*: в какой мере нашей совести претит быть патриотами)

Ложность всего европейского в целом.

Пропасть—

7 [28]

Человек сильный, с могучими инстинктами крепкого здоровья, переваривает свои поступки совершенно так же, как и свои трапезы; с тяжелою пищей он справится сам: а в главном его ведет за собою безущербный и строгий инстинкт, требующий, чтобы он не делал ничего такого, что было бы ему противно, а уж тем более, чтобы не ел того, что ему не по вкусу.

7 [29]

К истории современных пороков

Анархизм.

7 [30]

—наивность античной философии, ее психологическая невинность; ее «мудрецы» были людьми скучными.

В противовес античности, верившей в разум (в *божественное* происхождение разума), в добродетель (как высочайшую степень разумности и независимости духа), христианство внушает *подозрение*, что все, в сущности, погрязло во зле и неисправимо, что гордость—величайшая опасность для духа и т. д.

7 [31]

Трагическая для Европы эпоха: вызвана борьбою с нигилизмом.

7 [32]

Абсолютное отсутствие *подготовки* к восприятию истин; никакой постепенности в воспитании; слепое доверие к уму; современное «добродушие».

7 [33]

Против теории *«среды»*. Раса неизмеримо важнее. Среда дает лишь «приспособление»; и вся накопленная сила вынуждена действовать исключительно в этих пределах.

7 [34]

Каузализм. Этому «последованию» все еще необходимо *истолкование*: «закон природы» — истолкование и т. д.

«Причина и следствие» восходит к понятию «*действие* и *деятель*». А откуда берется *это* разделение?

Движение как симптом процесса не-механического. *Остаться* на ступени механического миропонимания — это все равно что глухому принимать партитуру за цель опуса.

Логика — ее сущность не вскрыта. Искусство *однозначного описания?*

7 [35]

Критика человеческих целей. Чего хотела античная философия? Чего — христианство? Чего — философия веданты? Чего — Будда? А *за* этим стремлением — *что скрыто за ним?*

Психологический генезис прежних **идеалов**: что они, в сущности, означают?

7 [36]

Положим, наше обычное миропонимание — это какое-то *недоразумение*: можно ли задать *совершенное* состояние <мира>, в котором были бы *санкционированы* даже подобные *недоразумения?*

Концепция какого-то нового, совершенного мира: то, что *не* соответствует нашей логике, нашему «прекрасному», нашему «благому», нашему «истинному», могло бы быть совершенным в каком-то более высоком смысле, нежели даже наш идеал.

7 [37]

vis est vita, vides, quae nos facere omnia cogit[1]

Луцилий

Βίος καλεῖται δ'ὃς βία πορίζεται.[2]

1 Жизнь поистине — сила: она же во всем нами правит (*лат.*).

2 Жизнью зовется то, что добывается силой (*греч.*).

7 [38]

Первейшая проблема — вовсе не в том, довольны ли мы самими собою, а в том, довольны ли мы чем-нибудь вообще. Если, скажем, мы одобряем одно-единственное мгновение, то тем самым мы одобряем не просто себя самих, а все бытие. Ибо нет на свете ничего, что выражало бы лишь себя, — ни в нас самих, ни в вещах: и если душа наша хоть раз, словно струна, дрожала и пела от блаженства, то нужны были все эоны, чтобы вызвать один этот процесс, — и в это одно-единственное мгновение нашего приятия жизни одобрены, спасены, оправданы и утверждены все эоны.

7 [39]

Душа полная и могучая справится не только с болезненными, даже ужасающими утратами, лишениями, ограблениями, пренебрежениями: из таких адских переделок она выберется, приобретя еще большую полноту и могущество — и, что самое важное, с новым приростом блаженства любви. Я думаю, тому, кто уловил кое-что в сфере начальных условий всякого роста любви, будет понятно, что имел в виду Данте, написав над вратами своего ада: «И я сотворен вечной любовью».

7 [40]

Мир разросся до чудовищных пределов и все продолжает расти: в конце концов наша мудрость стала учить самоумалению; даже мы, ученые, и то знаем все *меньше* и *меньше*...

7 [41]

Почва желаний, на которой произросла *логика*: на заднем плане — стадный инстинкт, а признание тождественных случаев предполагает «тождество душ». *Ради взаимопонимания и господства.*

7 [42]

Антагонизм «мира истинного», каким его раскрывает пессимизм, и мира, в котором можно жить: тут нужно испытать права *истины*, необходимо поверить *жизнью*

смысл всех этих «идеальных влечений», дабы понять, что он, в сущности, такое, этот антагонизм: борьба между *жизнью* болезненной, отчаявшейся, цепляющейся за потустороннее, и жизнью более здоровой, более глупой, более лживой, богатой и неразложившейся. Стало быть, не «истина» борется с жизнью, а один вид жизни — с другим. Но к бытию уже готовится *высший вид* жизни! Тут надлежит привести доказательство того, что необходима иерархия, — того, что первейшая задача — задача *установления иерархии видов жизни.*

7 [43]

Нигилизм как следствие морального толкования ценностей.

Иерархия.

Вечное возвращение.

7 [44]

«Полезный» в смысле дарвинистской биологии — это значит получивший поддержку в борьбе с другими. Мне же настоящим *прогрессом* кажется уже *ощущение прироста*, ощущение постоянного усиления, независимо от полезности борьбы: лишь из этого ощущения и возникает стремление бороться, —

7 [45]

1

Критика ценностей, поверенная жизнью

2

Происхождение ценностей

3

Жизнь как воля к власти

4

Встречномыслящие

их молот — «учение о возвращении»

7 [46]

Человеческая порода, рупором которой я являюсь:

страдая не от несбывшихся, а от сбывшихся идеалов! И притом от того, что мы с каким-то легкомыслен-

ным пренебрежением толкуем об идеале, *который собою представляем* и вокруг которого было поднято столько шума—

какая-то опасная ностальгия по утраченной «первобытности» души, по предпосылкам величия,—это все равно что тосковать по чертовщине—

мы наслаждаемся в моменты, когда мы больше обычного распущенны, неистовы, безумны, мы, кажется, в состоянии пойти на преступление, лишь бы посмотреть, что там кроется за угрызением совести—

мы чванливо относимся к вседневным приманкам «человеческой доброты», правильного общественного порядка, честной учености—

мы не страдаем «испорченностью», мы сильно расходимся с Руссо и не тоскуем по «доброму естественному человеку»—

мы устали *от добра, а не* от страдания: мы *уже не* слишком-то серьезно относимся к болезни, несчастью, старости, смерти—и уж точно не так серьезно, как это делают буддисты, словно налицо—доводы не в пользу жизни.

7 [47]

Критика квасного патриотизма: кто чувствует за своей спиною ценности, в сто раз более высокие, чем благо «отечества», общества, кровного и расового родства,—ценности, стоящие по ту сторону отечеств и рас, стало быть, ценности интернациональные,—тот будет лицемером, если возжелает разыгрывать из себя «патриота». Для человека, для души *низость*—терпимо относиться к национальной ненависти (а тем более—ею восхищаться и возвеличивать ее): такого рода людей эксплуатируют династические семейства,—а с другой стороны, среди торговцев и в обществе <вообще> имеется предостаточно групп (в том числе, естественно, и продажные скоморохи—художники), идущие в гору, когда эта национальная азотная кислота снова приходит к власти. Фактически перевес уже на стороне какого-то *низменного* вида——

7 [48]

Умозрительность *боли*: она означает не то, что само по себе наносит вред в данный момент, а то, какой *ценностью* обладает этот вред в отношении личности вообще.

бывают ли боли, ощущаемые «родом», а *не* личностью —

Что означает *активное* и *пассивное*? не значит ли это — *приобретать господство* и *подчиняться*

а субъект и объект?

7 [49]

Вопрос о ценностях — *фундаментальней*, чем вопрос о достоверности: последний требует усилий лишь при условии, что получен ответ на первый.

Бытие и видимость, если посмотреть на них с точки зрения психологии, не дают никакого «бытия самого по себе», никаких критериев «реальности», а важны лишь для установления степени видимости, измеряемой тою силой *интереса*, который мы уделяем видимому.

7 [50]

Проблема истины, правдивости, достоверности.

Проблема добра

Проблема справедливости.

Проблема мерила.

Проблема иерархии.

7 [51]

Повреждение вызывает *либо* ответную реакцию, либо *подчинение*

7 [52]

Христианских толкователей <жизни>, как, скажем, Карлейля, нынче <можно считать> формой *нечестности*: а также и восхищение временами *веры*.

7 [53]

Борьба между представлениями и восприятиями ведется не за существование, а за господство: преодоленное представление *не уничтожается*, а только *подавляется* или *подчиняется. В сфере духа уничтожения не бывает...*

7 [54]

Придать становлению характер бытия — вот в чем высочайшая *воля к власти.*

Двойная подделка, со стороны чувственных восприятий и со стороны ума, чтобы сохранить мир сущего, неизменного, с постоянными ценностями и т. д.

Что *все возвращается* — это наиболее тесное *приближение мира становления к миру бытия: вершина созерцания.*

Из ценностей, которыми наделяется сущее, берет начало осуждение и недовольство миром становления: и лишь после этого изобрели подобный мир бытия.

Метаморфозы сущего (тела, Бог, идеи, законы природы, формулы и т. д.).

«Сущее» как видимость; переворачивание ценностей: видимость оказалась инстанцией, *наделяющей ценностью* —

Познание само по себе в мире становления невозможно; как же тогда возможно познание? В качестве заблуждения о самом себе, в качестве воли к власти, в качестве тяги к обману.

Становление как выдумывание, стремление, самоотрицание, самопреодоление: никакого субъекта, а просто деяние, полагание, творчески, никаких «причин и следствий».

Искусство как воля к преодолению становления, как «увековечивание», но близорукое, всякий раз зависящее от перспективы: словно бы в малом повторяется тенденция целого

Все то, в чем обнаруживается *жизнь*, надлежит рассматривать как сокращенную формулу общей тенденции: отсюда новое определение понятия «жизни» как воли к власти.

Вместо «причины и следствия» — взаимная борьба всего становящегося, нередко с поглощением противника; никакого постоянного числа для становящегося.

Непригодность старых идеалов для интерпретации всего происходящего, раз уж распознано их животное происхождение и функции; да и, кроме того, все эти идеалы противоречат жизни.

Непригодность механистической теории — она кажется *лишенною смысла.*

Весь *идеализм* прежнего человечества вот-вот обратится в *нигилизм* — веру в абсолютное отсутствие *ценности*, то есть в бес*смысл*енность...

Уничтожение идеалов, новое одичание, новые искусства, чтобы выдержать все это нам, *амфибиям.*

Условия: отвага, терпение, никакой «ностальгии», но и никакого пыла нестись вперед

NB. Заратустра, от полноты души постоянно пародирующий все прежние ценности.

7 [55]

Если есть «лишь одно бытие — "я"» и по его образу сделаны все остальные «сущие», — если, наконец, вера в «я» целиком зависит от веры в логику, то есть в метафизическую истинность категорий разума; если, с другой стороны, «я» оказывается чем-то *становящимся*, то — — —

7 [56]

Против <понятия> физического атома. Чтобы понимать мир, нам надо уметь его исчислять; чтобы уметь его исчислять, нам нужны неизменные причины; но поскольку в действительности мы таких неизменных причин не находим, то мы их *выдумываем* — это атомы. Вот откуда берет начало атомистика.

Исчислимость мира, выразимость всего происходящего в формулах — разве это и впрямь «понимание»? Что можно понять в музыке, если исчислить все, что в ней можно исчислить и сокращенно выразить в формулах? — То же самое с «неизменными причинами», вещами, субстанциями, то есть с чем-то «безусловным»; их *выдумали* — а каков итог?

7 [57]

Как-то раз после обеда Спиноза впал в меланхолию — и остался собою недоволен: какое-то мелкое происшествие все не шло у него из головы; за него он себя осудил. Внезапно ему пришло на ум: да ведь это morsus conscientiae! А я — разве я еще в состоянии испытывать morsus conscientiae?

7 [58]

Критика христианского идеала: его предпосылки — условия существования души: речь идет о *жизни вечной* и о проклятии либо блаженстве

7 [59]

Детерминизм идет во вред лишь той морали, которая верит в liberum arbitrium как предпосылку нравственности, в «ответственность»

7 [60]

Против позитивизма, застывшего на точке зрения феномена — «есть только факты», — я скажу: нет, вот фактов-то и не бывает, есть лишь интерпретации. Мы не в состоянии констатировать никакого факта «самого по себе»: да, может быть, даже и нелепо хотеть чего-то в этом роде. «Все субъективно», говорите вы: но это-то уже и есть *истолкование*, <потому что> субъект — это вовсе не данность, а то, что домыслено, подложено. Так что ж, напоследок еще поместить за интерпретацией интерпретатора? Это уж будет поэзия, гипотеза.

Мир познаваем, если слово «познание» вообще имеет смысл: но *толкуем* он как-то иначе, за ним кроется не один смысл, а неисчислимые смыслы — «перспективизм».

Это желаемое нами — *оно истолковывает мир:* наши влечения и их «за» и «против». Любое влечение — своего рода властолюбие, у любого — своя перспектива, которую он желал бы навязать всем остальным влечениям как норму.

7 [61]

Предварительные названия глав

Антагонизм «улучшения» и «увеличения» человека (значит, приручения и умножения сил)

Критика христианского идеала (смирения, целомудрия, бедности, скромности)

Критика стоического идеала (в том числе и «факиров»)

Критика эпикурейского идеала (в том числе «олимпийского» — а также «созерцателей»)

Метаморфозы рабства.

Художник и завоеватель. К чему стремится крастота?

Праведность, вина, кара, ответственность — законодатель.

Критика романтического идеала, а равно и того идеала, что дает пессимистам способность ненавидеть и презирать.

Интерпретативный характер жизни (что означает нигилизм?) «Бесцельность»

Следующее столетие и его предтечи.

Критика поступка (причина и следствие, деяние, цель)

Иерархия

7 [62]

Лишь очень немногие отдают себе отчет в том, что2 кроется в позиции *интереса*: во всяком суждении «дело должно обстоять так, но так оно не обстоит», а то и «дело должно было обстоять так» — приговор общему ходу вещей. В нем ведь не бывает ничего изолированного: самое малое поддерживает все целое, и совершенная тобою мелкая несправедливость ложится в основание всего будущего, любая критика в отношении мелочи заодно выносит свой приговор и целому. Предположим даже, что моральная норма, как ошибочно полагал сам Кант, никогда не достигается вполне — она витает над действительностью своего рода потусторонней вечностью, но так ни разу и не совмещается с ней: получается, что мораль содержит приговор целому, а тогда позволительно спросить: *откуда она берет на это право?* Как часть целого доходит до того, что

играет тут роль судьи целого? А если это моральное суждение и вечное недовольство действительностью, как считалось раньше,—и впрямь некий неистребимый инстинкт, то не входит ли тогда этот инстинкт в число неистребимых глупостей, даже недопустимых дерзостей нашей species[1]? Однако, утверждая это, мы совершаем как раз то самое, что порицаем; позиция интереса, неправомочного присвоения роли судьи относится к естественному ходу вещей, равно как и всякая несправедливость и несовершенство,—а вот наше-то понятие о «совершенстве» как раз и не находит себе соответствия. Любое влечение, стремящееся к своему удовлетворению, выражает недовольство настоящим положением вещей: так что ж, неужто целое составлено исключительно из недовольных частей, и у всех у них на уме интерес? Неужто «ход вещей» — это одно только «прочь отсюда! долой действительность!», а то и вечное недовольство? Неужто даже движущая сила всего—это интерес? Неужто эта сила—deus[2]?

Мне кажется важным избавиться от *такой* вселенной, от этого единства, от какой-то одной силы, от какого-то безусловного; потому что иначе никак не обойтись без того, чтобы принять все это за высшую инстанцию и окрестить Богом. Надо расколоть эту вселенную; надо отбить у себя уважение к ней; надо вернуть себе для нашего, здешнего то, что мы отдали этому неведомому целому. И если, скажем, Кант говорит: «Две вещи навеки пребудут достойными почитания» — то нынче мы, скорее, сказали бы: «Пищеварение более достойно почитания». Вселенная вечно несла с собою старые проблемы—«как возможно зло?» и т. д. Итак: *нет никакой вселенной, нет* великого сенсория, или инвентарного списка, или хранилища силы: *в этом* [+ + +]

7 [63]

Разве всякая философия не должна была, в конце концов, выявить предпосылки, на которых зиждется развитие *разума*? Нашу *веру в «я»* как некую субстанцию, как в

---

1 Рода (*лат.*).

2 Бог (*лат.*).

единственную реальность, исходя из которой мы вообще присваиваем вещам атрибут реальности? Этот древнейший «реализм» наконец-то выявляется: и как раз в то время, когда вся религиозная история человечества обнаруживает, что была историей суеверия о существовании души. *Тут мы наталкиваемся на некий предел:* эта вера (с ее различением субстанции и акциденции, деяния и деятеля и т. д.) заключена уже в самом нашем мышлении, и отказаться от нее—значит утратить право на мышление.

А что вера, насколько она необходима, имеет отношение вовсе не к истине, а к самосохранению, видно, к примеру, даже из того, что мы *вынуждены* верить в пространство, время и движение, не чувствуя себя принужденными <видеть?> тут абсолютные [+ + +]

7 [64]

[+ + +] *всех ценностей*

Книга первая
Европейский нигилизм

Книга вторая
Критика высших ценностей

Книга третья
Принцип полагания новых ценностей

Книга четвертая
Дисциплина и выведение породы

наброски от 17 марта 1887 г., Ницца

I. Любое чисто моральное полагание ценностей (скажем, буддийское) *заканчивает нигилизмом:* этого же следует ожидать и в Европе! Не надо думать, будто можно обойтись одним морализированием, без религиозной подоплеки: но поэтому дорога к нигилизму *неизбежна.* Религия не принуждает нас считать *себя* полагающими ценности.

7 [65]

Как неуклюже всякий раз объединяют в одно целое успех и его жалкое первоначало! Даже для художников: да как же можно по произведению судить о художнике! *Гомер*—разве вы не чувствуете в нем пессимиста и человека чрезмерно возбудимого, придумывающего весь этот сонм олимпийцев в угоду своей болезни! Теории философа—это *либо* грубое обобщение всего, что сообщила ему чрезмерная впечатлительность, *либо* способ, каким он надеется остаться хозяином этой своей впечатлительности,—интеллектуальность и т. д.

—бегство от восприимчивости в сферу умственно-бесстрастного, окоченевшего в формах.

4

Эгоизм и его проблема! Помрачение от христианства у Ларошфуко, который вытаскивал его <эгоизм> из всего, думая *приуменьшить* этим ценность вещей и добродетелей! А я вот попытался вначале доказать, что ничего иного, кроме эгоизма, и быть *не может*,—что у людей, у которых ego слабеет и истаивает, ослабевает и сила большой любви,—что те, чья любовь бьет через край, таковы благодаря силе своего ego,—что любовь есть выражение эгоизма и т. д. Этот ложный способ ценить на самом деле ориентирован на выгоду: 1) тех, которым он на пользу, которым он помогает,—стада; 2) он содержит в себе пессимистическое недоверие к основе жизни; 3) ему хотелось бы не признавать людей наиболее цветущих и удавшихся; страх <перед ними>; 4) он стремится поддержать права поверженных перед лицом победителей; 5) несет с собою какую-то всеобщую нечестность, и особенно <это проявляется> у самых ценных людей.

5

Музыка и ее опасность,—ее расточительство, ее искусство пробуждать христианские состояния, прежде всего смеси перемещенной чувственности и молитвенного пыла (Франциск Ассизский),—идет рука об руку с нечистоплотностью ума и праздным мечтательством сердца; она разлагает *волю*, перевозбуждает впечатлительность; музыканты похотливы.

NB. *Причины* (внутренние состояния), из которых произрастает искусство: и *весьма отличные* от них *следствия.*

7 [66]

Какого сорта людям, видимо, очень не по себе при чтении моих сочинений? Разумеется, не считая тех, что вообще их «не понимают» (каковы образованные свиньи и болтуны из больших городов, или священники, или «немецкие юноши», или всё, что пьет пиво и воняет политикой). Тут, к примеру, литераторы, спекулирующие интеллектом и желающие «жить» на свои суждения,—эти обнаружили, что есть в суждении (по меньшей мере в некоторых суждениях) кое-что, стоящее денег: на них из моих сочинений неизменно дует сквозняк ледяного презрения. Равным образом мало счастья приношу я бабенкам от литературы, какими они обыкновенно бывают—с нездоровыми орудиями пола и чернильными пятнами на пальцах; и, может быть, как раз потому, что я слишком высокого мнения о женщинах, чтобы низводить их до уровня каракатиц. Равным образом я понимаю, почему не питают ко мне любви всякие надутые агитаторы: им-то как раз и нужны громкие слова и треск добродетельных принципов, которые я———эти, только почувствовав шпильку, так и норовят лопнуть———

Мне мало дела до всех этих злопыхателей: но есть и другие, боль которых причиняет боль мне самому,—это те, что с большим трудом развили себя выше уровня черни, люди нравственной жажды, исполненные бойцовского напряжения, страстно томящиеся по благородству. Им, видно, кажется, будто за ними из моих сочинений наблюдает иронический взгляд, от которого не ускользнет ни одно проявление их мелкого героизма,—взгляд, никогда не спускаемый со всех их карликовых бедствий, со всей их утомленности и того тщеславия, в котором нуждаются все утомленные, с их муравьиного карабканья и срывов.

7 [67]

Недавно я получил письмо от некоего Теодора Фрича из Лейпцига. Нет в Германии банды более бесстыжей и тупоумной, чем эти антисемиты. В благодарность я письменно отвесил ему порядочного пинка. И вся эта сволочь еще смеет произносить имя Заратустры! Мерзость! Мерзость! Мерзость!

7 [68]

NB!!

что среди атеистов гораздо меньше *свободомыслия* в вопросах морали, чем среди благочестивцев и верующих в Бога (к примеру, Паскаль в этих вопросах более свободен и свободомыслящ, чем Шопенгауэр)

7 [69]

Две фигуры—Эпиктета и Монтеня—Паскаль считал своими самыми настоящими искусителями: он был вынужден все вновь спасать и сохранять от них свое христианство.

7 [70]

Над чадом и грязью людских низменностей есть *человечество более высокое и светлое*,—оно <всегда> будет очень мало числом, ибо все, что выдается над средним уровнем, редкостно по своей природе: к нему принадлежат не те, что одареннней, добродетельней, способней к героизму или любви, нежели люди там, внизу,—а те, что *холодней, светлей*, те, что *дальше видят*, что *более одиноки*, те, что выдерживают одиночество, предпочитают его, ждут его как счастья, как привилегии, даже как условия своего бытия, те, что среди облаков и молний живут как среди себе подобных, но живут и среди солнечных лучей, капель росы, снежных хлопьев и всего, что неизбежно приходит из высей, а когда движется, то движется всегда только в направлении *сверху вниз*. Томление *по* высоте—это не для нас.—Все эти герои, мученики, гении и энтузиасты для нас недостаточно молчаливы, терпеливы, тонки, холодны, неторопливы.

8. Лето 1887

[**Книга первая:** *«что есть истина?»*]

[*Глава третья.* Воля к истине]

8 [1]
Проблема истины.

Потребность в вере – *наибольшее* **препятствие** для *правдивости.*

Воля к истине

Лживость. *Бессознательная лживость.*

По отношению к любому *суверенному инстинкту* все другие выступают его орудиями, царедворцами, льстецами: он никогда не позволит назвать себя своим подлинным *отвратительным* именем: и он не потерпит *никаких иных* восхвалений, кроме тех, в которых его не восхваляли бы *косвенно.*

Вокруг любого суверенного инстинкта кристаллизуется всякое восхваление и порицание вообще, становясь принятым порядком и этикетом.

Вот *одна* причина лживости.

Любой стремящийся к господству, но находящийся под игом инстинкт, чтобы сохранить свою самоидентичность, чтобы окрепнуть, нуждается во всех, какие ни есть, красивых именах и *общепризнанных* ценностях: тогда он отваживается выступить **чаще всего** под именем «господина», на которого нападает, от которого хочет освободиться. (К примеру, плотские желания или властолюбие – под владычеством христианских ценностей.)

Вот *вторая* причина лживости.

В обоих случаях царит *полнейшая наивность*: лживость *не* доходит до сознания. Когда человек воспринима-

ет движущую силу и ее «выражение» («маску») *по отдельности*, это — признак *надломленного* инстинкта, признак разлада с собою; такой почти не способен побеждать. Абсолютная *естественность* жеста, слова, аффекта, ложь с «чистой совестью», уверенность, с какою человек усваивает все более громкие и пышные слова и позы, — все это необходимо для победы.

А вот **другой** случай: при *крайней прозорливости*, чтобы победить, нужен *гений* **актера** и чудовищная выучка в самообладании. Поэтому наиболее ловкие *сознательные* ханжи — это жрецы; за ними идут князья, в которых своего рода актерство выработано их рангом и происхождением. На третьем месте — светские люди, дипломаты. На четвертом — женщины.

Основная идея: лживость кажется столь закоренелой, столь всесторонней, *воля* в такой степени направлена против непосредственного самопознания, против называния вещей своими именами, что приобретает *весьма большую вероятность* правильность следующего *предположения: истина, воля к истине* — это, в сущности, нечто совершенно другое, но тоже своего рода **маскировка**.

Чувственность и способы ее маскировки

в качестве идеализма («Платон»), свойственного юности, создающего тот вид отражения в вогнутом зеркале, каким в частном случае выступает возлюбленная, — это некая инкрустация, увеличение, осветление, образующие вокруг предмета ореол бесконечности

в религии любви: «прекрасный молодой человек, прекрасная женщина», в своем роде божественные, некий жених, некая невеста души

в *искусстве* — в качестве его «приукрашивающей» власти: как мужчина относится к женщине, словно бы преподнося ей в дар все на свете, что только есть хорошего, так и чувственность художника вкладывает в один объект одним махом все то, что он чтит и высоко ставит, — таким образом он делает этот объект законченным («идеализирует» его).

Женщина, понимая, что2 чувствует мужчина по отношению к женщине, *идет навстречу его стремлению идеализировать*, когда себя украшает, ходит изящною походкой, красиво танцует, рассуждает благопристойно, а равным образом *проявляет стыдливость*, сдержанность, недоступность,—инстинктивно ощущая, что благодаря этому идеализирующая способность мужчины только *возрастает*. (— При всей чудовищной хитрости женского инстинкта стыдливость ни в коем случае нельзя понимать как осознанное лицемерие: она чует, что мужчину более всего соблазняет именно *настоящая наивная стыдливость*, понукая его слишком высоко ценить женщину. Поэтому женщина наивна—из хитрости инстинкта, внушающего ей мысль о том, что быть невинной—полезно. Как-то умышленно закрывать на себя глаза...)

Всюду, где притворство крепчает, будучи бессознательным,—оно *становится* бессознательным.

о происхождении искусства. То *доведение до совершенства*, стремление *видеть* что-либо *совершенным*, которое присуще перегруженной половыми энергиями церебральной системе (вечер, проведенный с возлюбленной, заливающий своим светом малейшие случайности; жизнь как череда утонченных ощущений; «несчастье безответно любящего—дороже всего остального»): с другой же стороны, все *совершенное* и *прекрасное* действует как бессознательное воспоминание о состоянии влюбленности и его взгляда на вещи—любое *совершенство*, вся *красота* мира благодаря contiguity[1] вновь пробуждают афродизийское блаженство. *Физиологически* говоря: созидательный инстинкт художника—и растворение semen[2] в крови ... *Стремление к искусству и красоте*—косвенно выраженное стремление к восторгам полового влечения, сообщающегося этим стремлением мозгу. *Мир, ставший совершенным*, благодаря «любви» ...

«Стадный инстинкт» в замаскированном виде

---

1 Ассоциации идей (*англ.*).

2 Семени (*лат.*).

Инстинкт *лжи и притворства*, прорывающийся у художника

Созерцательный инстинкт в замаскированном виде.

Жестокость в замаскированном виде

Болезнь и вырождение в замаскированном виде.

Старость в замаскированном виде
(в обличьи нигилизма
(в обличьи возвращения юношеских и *унаследованных* ценностей — <когда> энергия ума и характера утрачена, как, к примеру, у Рихарда Вагнера)

Vis inertiae в замаскированном виде

[**Книга вторая:** *происхождение ценностей*]

[*Глава первая.* Метафизики]

8 [2]

К психологии метафизики

Этот мир — мир видимый, *следовательно*, существует некий истинный мир.

Этот мир — мир обусловленный, *следовательно*, существует некий безусловный мир.

Этот мир противоречив — *следовательно*, существует некий мир без противоречий.

Этот мир — мир становления, *следовательно*, существует некий мир бытия.

Сугубо ложные умозаключения (слепое доверие к разуму: если *есть* А, то должно *быть* и противоположное ему понятие В)

Внушает эти умозаключения *страдание*: в сущности, это *пожелания*, чтобы был некий подобный мир; подобным же образом ненависть к миру, который заставляет страдать, выражается в том, что в воображении возникает некий иной, *ценный*: *ressentiment* метафизиков на действительность становится тут творческим.

Другая серия вопросов: *для чего* страдать? ... и тут делается вывод об отношении истинного мира к нашему видимому, изменчивому, полному страданий и противоречий миру.

1) страдание как следствие заблуждения: как возможно заблуждение?

2) страдание как следствие вины: как возможна вина?

(— исключительно впечатления, полученные из природной сферы или от общества, обобщенные и проецированные на нечто <существующее> «само по себе»)

Но если мир, обусловленный причинно, обусловлен миром безусловным, то заодно им должна быть обусловлена и *свобода заблуждаться и грешить*: и опять-таки спрашивается, *для чего*? ... Стало быть, мир видимости, становления, противоречия, страдания *был нужен*: *для чего*?

Порок этих заключений: образованы два противоположных понятия — *поскольку* одному из них соответствует некая реальность, то некая реальность «должна» соответствовать и второму. «А иначе *откуда* же было взяться этому противоположному понятию?» — Тем самым *разум* принимается за источник откровения о сущем самом по себе.

Но *происхождение* этих самых противоположностей *вовсе не обязательно* возводить к сверхъестественному источнику разума: достаточно заменить его *подлинным генезисом этих понятий* — разум возникает в практической сфере, в сфере полезного: именно оттуда происходит *крепкая вера* в него (тот, кто не следует этому разуму, *гибнет*: но это вовсе еще не «доказывает» правоты его <разума> утверждений).

Предубежденность на почве страдания у метафизиков: она решительно наивна. «Вечное блаженство»: с точки зрения психологии, нелепость. Для людей отважных и творческих наслаждение и боль — *вовсе не* предельные ценностные вопросы: это побочные состояния, и тот, кто хочет чего-то *добиться*, должен *желать* того и другого. — В том-то и выражается утомленность и хворь метафизиков и верующих, что проблемы наслаждения и боли для них — на переднем плане. Да и *мораль* для них столь *важна только* потому, что считается главным условием в деле упразднения страданий.

Такова же предубежденность на почве видимости и заблуждения: причина страдания, суеверия — в том, что блаженство связано-де с истиною (подмена: блаженство подменяется «достоверностью», «верой»)

[*Глава вторая.* Homines religiosi]

8 [3]

к «homines religiosi»

В чем смысл аскетических идеалов?

Предварительная форма покамест нового, *созерцательного* образа жизни — крайнее средство добиться уважения, в том числе и *от себя самого* (*в противовес* «нечистой совести», свойственной бездействию), — изыскиваются условия, которые делали бы его возможным.

вкус к *опрятности* душевной, выражаясь на барочный лад

душевное *состояние каторжанина* (предвкушающего целую кучу лакомств) — как лекарство от дикой чувственности (избегающей «подстрекательств»), проявляющейся в *ненависти* к чувствам, к жизни.

обнищание жизни, потребность в бесчувствии, в покое. Факирский прием. «Старость»

болезненная ранимость, уязвимость, что-то стародевичье, сторонящееся жизни: а порою извращенный эротизм и «любовная» истерия.

Критика *смирения* («абсолютной покорности»), порою <это> чутье на власть: подбирать себе абсолютные «орудия» или добиваться своего главным образом в роли орудия. Проявляемая при этом хитрость, леность (как и в случае бедности и целомудрия).

Критика *бедности* (этого мнимого отречения и конкуренции) как хитрости на пути к господству.

Критика *целомудрия*. <Его> *выгоды:* дает свободное время, независимость — интеллектуальную негу, в окружении бабенок невозможную, — семейный очаг — большой очаг болтовни. Оно сохраняет силы, не подпускает кое-ка-

кие болезни. Свобода от семьи не подпускает целую кучу искушений (роскоши, раболепства перед властью, вступления в ряды

Человек, в котором проявляется таинственное многообразие и полнота природы, синтез ужасающего и восхитительного, что-то многообещающее, какое-то превосходство в знании, в возможностях. Аскетический же идеал всегда выражает что-то неудачное, какую-то обделенность, физиологический разлад. Что вообще-то лишь эта разновидность аскетов—жрецы—еще известна современному человеку, весьма знаменательно: тут проявляется вырождение и неудачность человека в целом. И как мы говорим о художниках из романтиков, так можно сказать, что нам, в сущности, известен лишь *жрец из романтиков*— что сам по себе возможен и *классический* жрец, что он, вероятно, уже и был. Посмотрим-ка с точки зрения этой возможности классического жреца на Платона в museo Borbonico[1] в Неаполе: археологи так и не решили, не Дионис ли это с бородою. А нам это должно быть безразлично: определенно можно предположить здесь тип жреца— а *вовсе не* тип аскета...

Жрец христианский представляет начало противоестественное, власть мудрости и доброты,—но это власть противоестественная, противоестественная мудрость и противоестественная доброта: враждебность к власти, познанию и———

власть как власть чуда
мудрость как противо-мудрость
любовь как половая противоестественность

ненависть к сильным мира сего и затаенное принципиальное соперничество и состязание—для себя хотят души, им же предоставляют плоть—

ненависть к уму, гордости, мужеству, свободе, раскованности духа

---

1 Музее Бурбонов (*ит.*).

ненависть к чувствам, к радостям чувств, к радости вообще и смертельная вражда к чувственности и эротизму

вот что на совести христианского жречества — клеветническое и оскорбительное желание вывернуть наизнанку то, что делали жрецы эротических культов и мистерий на заре <человечества>...

христианский жрец с самого начала — смертельный враг чувственности: нельзя представить себе более кричащей противоположности тому невинному, полному предчувствий и торжественному настроению, с которым, к примеру, переживалось присутствие половых символов в почтеннейших афинских женских культах. Акт зачатия — это само по себе уже таинство во всех неаскетических религиях: своего рода символ завершения и таинственного замысла, символ будущего (нового рождения, бессмертия

[*Глава третья.* Добрые люди и улучшители]

8 [4]

Добрые люди и улучшители.

Ненависть к людям, отмеченным телесными и душевными *преимуществами*: бунт душ безобразных, неудачных — против прекрасных, гордых, радостно-крепких

их средство: презрение к красоте, гордости, радости

противоестественное как высшая ценность	«нет никаких заслуг» «опасность огромна: *надо* трепетать и пребывать в унынии» «все, что от природы, зло; надо — противиться природе. В том числе "разуму"»

те, кто эксплуатирует такое состояние, залучая «народ» для себя, — это опять-таки *жрецы*. «Грешник», угодный Богу более, чем «праведник».

это — борьба с «язычеством» (угрызение совести в качестве способа разрушить душевную гармонию)

Ненависть посредственности к *исключениям*, стада — к независимым

обычай как истинная «нравственность»	нападение *на* «эгоизм»: ценно лишь то, что для «другого» «все мы одинаковы» ненависть к властолюбию, к «господам» вообще к привилегиям к сектантам, свободомыслящим, скептикам

к философии (она против
инстинкта орудия
и подполья)
у самих философов — «категорический императив»,
природа морали «универсальна и повсеместна»

Три *тезиса*:

все, что неблагородно, более ценно (протест «обывателя»)
все, что противно природе, более ценно (протест обойденных жизнью)
все посредственное более ценно (протест стада, «дюжинных людей»)

В *истории морали*, стало быть, выражается некая *воля к власти*, посредством которой

то рабы и угнетенные,
то неудачные
и измученные собою,
то посредственности

} делают попытку провести в жизнь благоприятные для себя ценностные суждения.

Вследствие этого феномен морали, с точки зрения биологии, есть нечто в высшей степени сомнительное. До сей поры мораль развивалась *за счет:*

{ господствующих и их специфических инстинктов
хорошо удавшихся и *прекрасных* натур
людей независимых и наделенных привилегиями в каком-либо смысле

Мораль, стало быть, — *реакция на усилия природы* довести развитие до *высшего типа*. Следствие ее воздействия —

недоверие к жизни вообще (поскольку ее тенденции воспринимаются как «неморальные»)

бессмысленность, поскольку высшие ценности воспринимаются как противоречащие высшим инстинктам — <как> абсурд.

Вырождение и саморазрушение «высших натур», поскольку именно в них *осознается* этот конфликт.

Рабский бунт в морали: ressentiment <становится> творческим. Раздавленные, затоптанные, которым отказано в настоящей *реакции.*

Следовательно: на первом месте *негативная* ценность (в морали же благородства, возникающей из ощущения *торжествующего приятия себя,*—все наоборот).

«злой человек» (на самом деле—сильный)

Метод *очернения* аристократических ценностей: (гордости, красоты, счастья, непомраченности, чувственности, богатства)

при помощи: 1) *не*желания видеть, 2) желания видеть *превратно,* 3) желания *лезть в душу.*

<Его> обращение: попытка истолковать даже *ressentiment* как добродетель (чувство справедливости)

наличная трусливая низость как «смирение»

беззубость, «робость», выжидание как «терпение»

как «доброта», как «любовь к врагам своим», как «любовь к ближним», а также как «покорность Богу», который велит слушаться «начальства»

желание мести как «победы Господа над врагами его»

равным образом злорадство при виде чьего-нибудь поражения как «торжества Божьей справедливости»

их <раздавленных и затоптанных> жалкое состояние как испытание, приуготовление «избранных», как отличие, даже как хитроумие («дабы тем обильнее было некогда воздаяние»)

жизнь в «надежде», «любви», «вере» (в Бога бедных и угнетенных)

почетность бедности как «богослужения»

попытка, *in summa,* быть собою довольным и убедить себя в том, что ты «не только лучше», но и что «тебе лучше живется». «Добрые люди», сиречь *слабосильные.*

—Глубочайшая нечестность и лживость во всем этом.—

Углубление в собственную душу (как болезнь).

Оно возникает благодаря тому, что могучие влечения, коим отказано во внешней разрядке из-за воцарения мира и благоустроения общества, стараются слишком мно-

гое наверстать внутри — делая это в союзе с воображением. Потребность во вражде, в лютости, мести, насилии обращается назад, «отступает»; в стремлении познать заключены алчность и захватничество; в художнике проявляется эта отступившая назад способность к притворству и лжи; влечения преображаются в демонов, с которыми ведется борьба, и т. д.

Сознательность как болезнь

Человек все вновь ввергает себя в положения, для коих у него нет покамест никакого инстинкта: стало быть, до поры до времени он экспериментирует и действует на основе «умозаключений», а не инстинктов. События «рационалистические», к примеру Французская революция.

Нечистая совесть, присущая новым веяниям

к примеру, браку

снисходительным, сострадательным, прощающим чувствам (долго связанным с самоуничижением)

стремлению исследовать (направленному против авторитета)

великим победам над природою (в качестве богомерзостей)

мирной жизни

купцу, мытарю

у благородных семейств, отказывающихся от мести в пользу высшей власти

стало быть, «правосознание» соединено с больною совестью родственными узами

8 [5]

любая несправедливость—нечто неумышленное: следственно, некая συμφορά[1]: так у Платона в 9 и 11 книгах «Законов» в отношении осквернения храма и убийства родителей.

8 [6]

Развитие личной ответственности *задержано:* посредством строго поддерживаемой родовой организации (последствия касались не совершившего проступок—их ощущали на себе все <члены рода>—из ряду вон выходящее оставалось, видно, на «совести» главы рода, коему приходилось расплачиваться почти за все)

Великие события:

победа мужчины над женщиною (войско, мужская юрисдикция

победа мира над войною

8 [7]

Наслаждение ложью как мать искусства, страх и чувственность как мать религии, nitimur in vetitum[2] и любопытство как мать науки, жестокость как мать неэгоистической морали, раскаяние как исток движения за социальное равенство, воля к власти как исток справедливости, ратный труд как отец (спокойной совести и непомраченности) честности, мужская юрисдикция как исток семьи; недоверчивость как корень справедливости и созерцательности

1 Происшествие (*греч.*).

2 *Здесь*: запретный плод (*лат.*).

8 [8]

«Заратустра»

В этом сочинении каждое слово должно было сперва причинить боль и ранить, а уж потом вызывать глубокое восхищение: если кто понял это не *так*, то он вообще ничего не понял.

9. Осень 1887

Книга первая

9 [1]

Принципы и предварительные соображения

1. К истории европейского *нигилизма*.
Необходимое следствие прежних идеалов: абсолютное отсутствие ценностей.
2. Учение о *вечном возвращении*: его <нигилизма> завершение, его *кризис*.

(1) 3. Все это развитие философии как история развития *воли к истине*. Проблематичность этой воли для себя самой. Социальные ценностные эмоции раздуты до абсолютных ценностных принципов.

(2) 4. Проблема жизни: как *воля к власти*. (Временное преобладание социальных ценностных эмоций понятно и полезно: тут речь идет о воздвижении *фундамента*, на котором станет, наконец, возможен какой-то *более сильный* вид.) Мерило силы: быть способным на жизнь в условиях *перевернутых* форм высокопочитания, вечно желая, чтобы они таковыми и остались. Государство и общество как фундамент: всемирно-экономическая точка зрения, воспитание как *выведение породы*.

9 [2]

(3) Критика *доброго человека*. (*Не* гипокризии[1]: это служило мне самое большее увеселением и отдохновением). Прежняя борьба с ужасными аффектами, их ослабление, подавление — мораль как самоумаление.

---

1 Ханжества (*греч.*).

9 [3]

(4) **Кант:** делает теоретико-познавательный скептицизм англичан *терпимым* для немцев

1) направляя на него интерес моральных и религиозных потребностей немцев (так же как по тем же причинам поздние академики использовали скепсис, тем самым подготавливая платонизм Августина; так же как Паскаль использовал даже *моралистический* скепсис, чтобы подбодрить («оправдать») потребность в вере
2) украсив его схоластическими вычурными завитушками и тем самым сделав его приемлемым для немецкого вкуса в области научной формы (ведь Локк и Юм сами по себе были чересчур понятны, чересчур ясны, то есть, если судить по немецкому ощущению ценности, «чересчур поверхностны» —)

Кант: неважный психолог и знаток людей; грубо ошибался в отношении великих исторических ценностей (Франц. револ.); фанатик морали à la Руссо с подпольным христианством в вопросе ценностей; догматик вдоль и поперек, но склонность эта выражалась у него с какою-то неуклюжей пресыщенностью самой собою — вплоть до желания подчинить ее себе насилием, однако он тотчас утомлялся и в скепсисе; до него еще не донеслось ни единое веяние космополитического вкуса и античной красоты... он — *замедлитель* и *посредник*, лишенный всякой оригинальности

(— как *Лейбниц*, <связавший> механику и спиритуализм

как *Гёте* — связавший вкус XVIII столетия и чувство «истории» (— каковое, в сущности, есть чувство экзотики)

как *музыка немецкая* — музыку французскую и итальянскую

как *Карл* Великий — связавший imperium Romanum[1] и национализм.

посредничал, наводил мосты — *замедлитель* par excellence[2].

---

1 Римскую империю (*лат.*).

2 В сущности (*фр.*).

9 [4]

К заключению: «того, кто наставлял меня не раз»

come luom seterna...

(Inf. XV, 85)[1]

9 [5]

(5) К характеристике *национального гения* — в отношении всего чужеродного и заимствованного.

английский гений огрубляет и натурализирует все, что бы ни воспринял

французский — утончает, упрощает, логизирует, украшает.

Немецкий — затушевывает, посредничает, запутывает, пропитывает моралью.

Итальянский во многом употреблял заимствованное свободнее и тоньше и вкладывал в него во сто крат больше, нежели извлекал, — будучи гением наиболее *щедрым*, по большей части раздарившим <все, чем владел>.

9 [6]

(6) *К эстетике*

Чувственность / опьянение } образы жизни *возвышенной, победоносной* и ее *просветляющая* сила: так что в вещи привносится некоторая степень *совершенства*

И наоборот: там, где *красота* являет себя *совершенству*, там — благодаря *древнему родству* — приходит в волнение и мир чувственности и опьянения. Поэтому в *религиозное ощущение блаженства* входит и чувственность с опьянением.

Чувственная возбудимость художников в существенных чертах подобна этому.

«прекрасное» воспламеняет ощущение наслаждения; вспомним о просветляющей силе «любви». А разве, с другой стороны, не должно просветленное и совершенное в свой черед мягко возбуждать чувственность, так что жизнь становится отрадой? —

---

1 Как человек ... вечной // Ад, XV, 85 (*ит.*).

9 [7]

(7) Есть в *духовности избыточная* сила, ставящая перед собою новые цели; *она вовсе не просто командует и ведет за собою низший мир или руководит самосохранением организма,* «индивида». Мы—нечто большее, чем индивидуум, мы—это целая цепь, да еще нагружены задачами всего будущего этой *цепи*

9 [8]

К плану

Вместо *моральных ценностей*—исключительно ценности *натуралистические.* Натурализация морали.

Вместо «социологии»—некоторое *учение о структурах господства.*

Вместо «теории познания»—некоторое *учение о перспективе аффектов* (в него войдет и некоторая иерархия аффектов).

пресуществленные аффекты: их *более высокий чин,* их *«интеллектуальность».*

Вместо метафизики и религии—*учение о вечном возвращении* (оно послужит средством для выведения породы и отбора).

(8) «Бог» как кульминационный момент: бытие—какое-то вечное обожествление и разбожествление. Но **в этом**—*не высшая точка ценности,* а только высшие точки власти.

Абсолютное *исключение механизма* и *вещества:* то и другое—лишь формы выражения более низких ступеней, наиболее бездуховная форма аффекта («воли к власти»).

Оглупление мира как цель—в русле воли к власти, придающей элементам столько независимости друг от друга, сколько лишь возможно: *красота* как *признак* того, что *победитель вжился* в свою роль и *изнежился;* уродство—выражение многочисленных поражений (в самом организме). Никакой наследственности! Цепь *растет* как *единое целое*—

Спуск от высшей точки становления (от высочайшего одухотворения власти на основе самого откровенного рабства) надобно изобразить как *следствие* этой верховной силы, каковая, обратившись *против самой себя,* когда ей уже нечего организовывать, применяет свою силу *для дезорганизации...*

a) все более масштабное *поражение* обществ и их закабаление немногочисленными, но более сильными людьми.

b) все более масштабное поражение привилегированных и сильнейших и, следовательно, пришествие демократии, а в конце концов и *анархия* элементов.

9 [9]

Современная музыка
Полемическое сочинение
Ф. Н.

9 [10]

Второе полемическое сочинение

Стадная оптика как мораль.
Среди моралистов и философов морали.
Расчет с моралью.

что привнесла в мораль разница между сословиями?
что — аскетический идеал?
что — стадо?
что — философы?
что — хищные аффекты?

9 [11]

Среди моралистов. Великие философы морали. Мораль как злой гений прежних философов.

Руссо. Кант. Гегель. Шопенгауэр. Лихтенберг. Гёте.
Б. Грасиан. Макиавелли. Галиани. Монтень. Паскаль.
Карлейль. Дж. Элиот. Г. Спенсер.
Сент-Бёв. Ренан. Гонкуры. Стендаль. Наполеон.
Платон. Эпиктет. Эпикур. Сенека. Марк Аврелий.

9 [12]

(9) *Оффенбах:* французская музыка, с ее вольтеровским духом, вольная, задорная, с легкой сардоническою ухмылкой, но ясная, остроумная до банальности (— он ничего не *приукрашивает* —), однако лишенная этой жеманной, болезненной или белокуро-венской чувственности

9 [13]

Ценности

«Ценность жизни»: но жизнь—это частный случай, и надлежит оправдать все бытие, а *не* одну только жизнь,—оправдательный же принцип—такой, который *объясняет* жизнь...

сама жизнь—вовсе не средство для достижения чего-нибудь; она—*выражение* форм роста власти.

—Впредь мы не должны превращать «желаемое» в судью над *бытием!*

—конечные формы нашего развития (к примеру, дух) мы не должны, как делали это доселе, помещать *за спиною* этого развития, как будто они—нечто существующее «само по себе»

9 [14]

Заключительная глава: **последнее из желаемых <качеств>**

Заключение книги (как жизни, как самой мудрости): глубоко и соблазнительно.

9 [15]

(10) Что Тертуллиан говорит об ангелах зла, можно сказать и о *жрецах-аскетах.*

Тертуллиан (Апологетик, гл. 22) об ангелах зла: «Во врачевании недугов они—истинные кудесники. Поначалу-то они мучают; потом же выписывают средства, на удивление новые и губительные: но люди тем не менее верят, будто они помогли, *потому лишь, что мучения их прекратились*».

9 [16]

(11) «Не судите, *да* не судимы будете» Презренно это «да». *Неблагородно...*

1) тот, у кого есть право суда, тем самым попросту не признает за другими такого же права судить *нас...*

2) неприятные последствия <этой максимы> для того, кто создан, чтобы решать какую-нибудь задачу, *не* принимаются в соображение как контраргументы в отно-

шении этой задачи: при иных обстоятельствах они могут сыграть роль стимулов.

Нет ничего более безрассудного, чем требовать от морали непосильного (скажем, необходимости возлюбить врагов своих): это равнозначно изгнанию из морали *разума* ... изгнанию из морали природы

Я совершенно убежден: ценности ощущаются сверху и снизу *по-разному*; низшим *не хватает* богатого *опыта*, а превратное понимание низшими высших — *неизбежно*.

9 [17]
(12) *Умаление* человека долго еще будет почитаться единственною целью: ведь сперва надо создать широкий фундамент, дабы на него смогла стать порода *более сильных* людей, — в этом смысле доселе **всякая усиленная** порода людей *опиралась на нижестоящий человеческий уровень* — — —

9 [18]
(13) Война против *христианского идеала*, против учения о «блаженстве» и спасении как цели жизни, против супрематии простецов, чистых душ, страждущих и неудачников и т. д. (— что нам за дело до Бога, до веры в Бога! «Бог» нынче — просто изжеванное слово, даже не понятие!) Присоединимся же к словам Вольтера, сказанным им на смертном ложе: «Не говорите мне тут об *этом* человеке!»

Но когда и где человек, о котором вообще стоило бы говорить, выглядел *похожим* на этот христианский идеал? По крайней мере — для глаз, подобающих психологу и знатоку человеческих душ? — Переберите-ка всех героев Плутарха.

9 [19]
(14) Франциск Ассизский: влюбленный, популярный в народе, поэт, борется против *аристократии* и иерархии душ в пользу самых низов.

9 [20]
(15) *Сократ:* борется против благородных инстинктов — на плебейский лад (против искусства, но образцово-научно. Поиздеваться над дающим маху инстинктом Ренана, *сваливающим в одну кучу* noblesse[1] и науку.)

Наука и демократия — в одной лодке (что бы там ни говорил мсье Ренан) так же верно, как искусство и «хорошее общество».

9 [21]
(16) К чести *пороков:*

греческая культура	и педерастия
немецкая музыка	и алкоголизм
наука	и
мстительность	

9 [22]
(17) Примеры величайшей **лжи** в истории:

будто бы дорогу христианству проложила *испорченность* язычества! А ведь это было ослабление и *омораливание* античного человека! И им уже предшествовало перетолкование естественных влечений как *пороков!*

— будто бы *испорченность церкви* была *причиною* Реформации; <а на самом деле — это> лишь предлог, ложь перед собою со стороны ее агитаторов — то были сильные потребности, грубость которых весьма нуждалась в некоей духовной маскировке

9 [23]
(18) лживое истолкование слов, жестов и состояний *умирающих:* тут, к примеру, страх перед смертью принципиально подменяется страхом перед тем, что2 «после смерти»...

9 [24]
imitatio как книга *совращения* (у Конта)

---

1 Благородство (*фр.*).

9 [25]

вот они, четыре великих демократа: Сократ, Христос, Лютер, Руссо

9 [26]

(19) против *ценности* вечно неизменного (ср. наивность *Спинозы*, равно как и *Декарта*) — ценность самого эфемерного и преходящего, соблазнительный золотой блеск на чреве змеи <по имени> vita[1] —

9 [27]

(20) **Замена** морали *стремлением* к нашим целям, а *стало быть*, и к *средствам* их достижения.

категорического императива — *императивом природным*

Не стремиться к *хвале:* человек делает то, что полезно, или доставляет удовольствие, или что *нужно* делать.

9 [28]

(21) *Величайшие фальсификации психологов:*

1) человек стремится к *счастью*

2) *мораль* — единственный способ *достижения счастья* пресное и пустое понятие *христианского* «блаженства»

9 [29]

[(22)] Абсолютное отсутствие инстинкта у мсье Ренана, сваливающего в одну кучу noblesse и науку. Наука — глубоко демократична и *антиолигархична.*

9 [30]

(23) Исправление *понятия*

Эгоизм. Стоит только уразуметь, что «индивидуум» — заблуждение, что, напротив, любое отдельное существо — прямой представитель именно *процесса в целом* (и не просто «наследственно», а он <процесс> сам...), как это отдельное существо приобретает *неизмеримо большую важность. Инстинкт* проявляется в нем совершенно правиль-

---

1 Жизнь (*лат.*).

но; а где этот инстинкт *хиреет* (—где индивидуум *ищет* свою ценность лишь в служении другим), там можно с уверенностью делать вывод об истощении и *вырождении*. Альтруизм во взглядах, принципиальный и неханжеский,—это инстинкт, повелевающий раздобывать себе по меньшей мере какую-то *вторую ценность*, которая служила бы эгоизму *других*. Правда, этот альтруизм по большей части—*мнимый:* он представляет собою *обходной путь* для сохранения *собственного жизнеощущения, ощущения ценности*—

9 [31]
(24) В философии, словно на *поле сражения*, речь идет о том,

—внутренние линии—

9 [32]

кто не был причастен к отвратительному *обскурантизму* байрейтцев

9 [33]
(25) *отсутствие дисциплины:* в будущем понадобится много аскезы для укрепления воли, для добровольного отказа себе во всем

9 [34]
(26) Рабочим надо было научиться чувствовать себя *солдатами*. Гонорар, жалованье—но не поденная плата! Никакой связи между оплатою и *результатом труда!* А надо поставить каждого индивида, *смотря по его породе*, в такие условия, чтобы в своем ремесле он смог *достичь наивысшей выработки*.

9 [35]
(27) 1. *Нигилизм—состояние* **нормальное**.

Нигилизм: никакой цели нет; нет никакого ответа на вопрос: «для чего?»; что означает нигилизм?—*что высшие ценности обесцениваются*.

В нем заложено **два смысла**:

A)) Нигилизм — признак *усиливающейся власти ума:* это **нигилизм активный**.

Его можно понимать как признак *силы:* энергия ума может возрасти до такой степени, что *прежние* цели («убеждения», догматы веры) становятся несоизмеримы с нею

— ведь вера в общих чертах выражает принудительность *условий существования*, подчинение авторитету отношений, среди которых живое существо *процветает, растет, приобретает власть...*

С другой стороны, это — признак силы, *не достаточной*, чтобы продуктивно *установить-таки* для себя новую цель, новое предназначение, новую веру.

Максимума своей соотносительной силы он достигает в виде насилия, **разрушения**: *в виде активного нигилизма*. Его противоположность — нигилизм утомленный, прекративший свои *атаки:* и самая известная его форма — буддизм; это нигилизм *пассивный*.

Нигилизм представляет собою некое патологическое *промежуточное состояние* (патологично тут это чудовищное обобщение — вывод об *отсутствии смысла вообще*): все равно, потому ли, что продуктивные силы еще не достаточны, потому ли, что декаданс медлит, так и не найдя, чем себе помочь.

B)) Нигилизм как *упадок и регресс власти духа:* **пассивный нигилизм:**

это — признак слабости: сила духа может утомиться, *истощиться* до того, что *прежние* цели и ценности перестают ей соответствовать, и веры им больше нет — что разрушается синтетическое единство ценностей и целей (на котором строится всякая сильная культура), а отдельные ценности начинают друг с другом воевать: разложение

что все услаждающее, исцеляющее, успокоительное, одурманивающее выходит на передний план в различных облачениях — религиозных, или моральных, или политических, или эстетических и т. д.

2. Предпосылка этой гипотезы

Что не бывает никакой истины, никакого абсолютного характера вещей, никакой «вещи самой по себе»

— это уже точно нигилизм, да еще в самом крайнем проявлении. Он видит *ценность* вещей как раз в том, что этой ценности не соответствует и не соответствовала *никакая* реальность, что <она—> лишь симптом силы *того, кто ее устанавливает*, упрощение *в интересах жизни*

9 [36]

воля к истине как воля к власти

9 [37]

сущность суждения (*утверждающая*)

9 [38]

(28) *форма наделения ценностью* «я думаю, что такая-то вещь такова» как **сущность** *«истины»*

в *формах наделения ценностью* выражаются *условия самосохранения и процветания*

все наши *познающие органы и познающие чувства* развились только в связи с условиями самосохранения и роста

доверие к разуму и его категориям, к диалектике,— стало быть, *почтение* к логике доказывает лишь ее доказанную уже опытом *полезность* для жизни: а вовсе не ее «истинность».

Огромная нужна *вера*, чтобы произнести *суждение*, чтобы сомнения в отношении всех главнейших ценностей *не было:*

вот предпосылка всего живого и его жизни. Значит, необходимо, чтобы нечто *обязательно* считалось истинным, а вовсе *не* то, чтобы оно *было истинным.*

«мир *истинный* и мир *видимый*» — эту противоположность я возвожу к *ценностным отношениям*

мы проецировали условия *нашего* сохранения в качестве *предикатов бытия* вообще

наша вера должна быть неколебимой ради нашего преуспеяния: из этого мы заключили, что мир «истинный» —

не изменчивый и подверженный становлению, а мир, *наделенный бытием.*

9 [39]

(29) *ценности и их изменение*—то и другое соотносится с *приростом власти того, кто их полагает*

степень *неверия*, свойственного допустимой «свободе мысли», как *выражение прироста власти*

«нигилизм» как идеал *высочайшей мощи* духа, преизбытка жизни: наполовину разрушительный, наполовину иронический

9 [40]

(30) Что у вещей есть какой-то *характер сам по себе*, взятый в отрыве от интерпретации и субъективности,— *это гипотеза вполне праздная:* ее предпосылка—то, что *интерпретирование и субъективность не* важны и что вещь, избавленная ото всех связей,—это все еще вещь. Напротив: этот мнимо *объективный* характер вещей—разве нельзя его свести к какой-то простой *шкале* в сфере субъективного?—так что, скажем, то, что изменяется медленно, предстало чем-то «объективно» неизменным, сущим, бывающим «само по себе»

—так что объективное окажется тогда всего-навсего неправильно образованным видовым понятием и определенной противоположностью <субъективного> *внутри* сферы субъективного?

9 [41]

(31) Что такое вера? Как она возникает? Любая вера— это *принятие чего-то за истину.*

Самою крайней формой нигилизма было бы вот что: что *любая* вера, любое принятие за истину ложны с неизбежностью—*поскольку* **мира истинного** *вообще не бывает.* Стало быть: некая *образованная перспективою видимость*, коренящаяся в нас (поскольку мы постоянно *нуждаемся* в мире суженном, сокращенном, упрощенном)

—<и надо думать,> что **меру нашей силы** составляет то, насколько мы в состоянии признаться себе в этой *видимости*, в неизбежности лжи, но от этого отнюдь не погибнуть.

Поэтому нигилизм, будучи **отрицанием** *некоего истинного мира*, некоего *бытия, мог бы стать божественным образом мышления:———*

9 [42]
(32) *Около 1876* года я стал бояться, что все мои прежние намерения будут выглядеть *скомпрометированными*, как только понял, куда клонится дело с Вагнером: я ведь был очень к нему привязан—всеми узами глубочайшего единства потребностей, благодарностью, незаменимостью и безусловной нуждою в нем, которую я куда как осознавал.

В это же время мне казалось, будто я—словно скованный по рукам и ногам *узник* своей филологии и преподавательской работы—случайного оборота и паллиатива моей жизни: я уж и не чаял, как выйти из положения, и чувствовал себя утомленным, выжатым как лимон и конченым человеком.

В это же время я понял, что инстинкт склонял меня к тому, что противоположно Шопенгауэру: к оправданию жизни, даже тогда, когда она кажет свои самые страшные, самые двусмысленные и самые лживые стороны,—для этого дела в моих руках была формула «дионисийского».

(—Шопенгауэрова интерпретация «само-по-себейности» как воли была важным шагом в сравнении с пониманием «само-по-себейности вещей» как необходимо благой, блаженной, истинной, единой: только он не догадался эту волю *обожествить*—застряв в морально-христианском идеале.

Шопенгауэр еще столь полно подчинялся христианским ценностям, что теперь, когда вещь сама по себе перестала быть для него «Богом», она поневоле оказалась у него скверной, тупой, совершенно предосудительной. Он не понял, что может иметься бесконечное множество видов того, что в состоянии быть и другим, даже быть Богом.

Проклятье этой тупой дилеммы: добро и зло.

9 [43]
(33) Вопрос нигилизма «*зачем?*» исходит из прежней привычки, в силу которой цель казалась поставленной, заданной, затребованной извне—а именно, каким-то *сверхче-*

ловеческим авторитетом. Разуверившись в нем, по старой привычке все еще продолжают искать какой-нибудь **другой** *авторитет*, который *умел бы вещать* нечто *беспрекословное* и издавать *приказы* о целях и задачах. Теперь в первый ряд выходит авторитет **совести** (чем дальше заходит эмансипация от теологии, тем более императивною становится *мораль*); это—в возмещение ущерба за потерю авторитета *личности.* Или авторитет **разума**. Или же *социальный инстинкт* (стадо). Или **история** с неким имманентным ей духом, цель которой заключена в ней самой, так что *можно* просто на нее *положиться.* Появляется желание *избежать* волевых усилий, *стремления* к цели, риска, связанного с самостоятельным выбором цели; появляется желание свалить с себя ответственность (—чреватое признанием *фатализма*). И вот, наконец,—*блаженство*, а выражаясь с некоторым лицемерием—*блаженство для большинства.*

индивидуальные цели и их конфликт

коллективные цели в борьбе с индивидуальными

Всякий принимает в этом пристрастное участие, в том числе и философы.

При этом говорят себе, что 1) какая-то определенная цель вовсе не нужна
2) предвидеть что-либо —дело совершенно несбыточное.

И как раз сейчас, когда так *нужно величайшее напряжение воли*, она *немощней* и *малодушней*, чем когда бы то ни было.

Абсолютное недоверие к организующей способности воли в отношении целого.

Пришла пора, когда на первый план чередою выходят «интуитивные почитания», словно от них можно *получить указания*, которых иначе мы были бы лишены.

—«для чего?» ответ на этот вопрос запрашивается у
1) совести
2) стремления к счастью
3) «социального инстинкта» (стада)
4) разума («духа»)

—только для того, чтобы не проявлять *волю*, чтобы не спрашивать себя «для чего?»

5) наконец: у *фатализма*— *«нет никакого ответа»*, но «все **куда-то** идет», и «нельзя хотеть <ответа на вопрос> *для чего?*», а отсюда *покорность*... или *бунт*... Агностицизм в отношении цели

6) наконец, у *отрицания* как *предназначения* жизни; жизнь *понимает* себя как лишенную ценности и в конце концов себя *упраздняет*.

9 [44]

(К *третьему* разысканию)

(34) *Решающая позиция:* не следует видеть *задачу* высшего типа в *руководстве* низшим (как это делает, скажем, Конт—), а низший надо рассматривать как *базис*, на котором высший тип живет для выполнения своей *собственной* задачи,— только на этом базисе он и *может держаться*.

Условия, при которых сохраняется *сильный* и *благородный* тип (в отношении дисциплины духа), совершенно противоположны тем, в коих живут «индустриальные массы» лавочников à la Спенсер.

То, что дозволяется лишь натурам *сильнейшим* и *плодотворнейшим*, чтобы они вообще могли существовать,— праздность, авантюризм, неверие, даже распутство,—неизбежно погубило бы натуры более умеренные, если бы было дозволено им, да так оно на самом деле и бывает. Тут уместны трудолюбие, любовь к порядку, умеренность, твердые «убеждения»—короче говоря, стадные добродетели: соблюдая их, этот средний тип людей может достичь своего совершенства.

Причины **нигилизма:**

1) *отсутствие высшего типа*, то есть тех, чья неисчерпаемая продуктивность и власть поддерживают веру в человека. (Поразмыслим о том, чем мы обязаны Наполеону: да почти что всеми возвышенными надеждами этого столетия.)

2) *низший тип*— «стадо», «масса», «общество»—забывая о скромности, раздувает свои потребности до масштабов *космических* и *метафизических* ценностей. Этим *вульгаризируется* вся жизнь: ведь *масса*, господствуя, тиранит лю-

дей *исключительных*, и те утрачивают веру в себя, превращаясь в *нигилистов.*

Все попытки *выдумать более высокие типы* <доселе> **терпели крах** («романтизм», художник, философ,— вопреки попытке Карлейля вложить в них высшие моральные ценности).

Итог — *восстание* против высшего типа.

Упадок и *шаткость всех высших типов*; борьба против гения («народная поэзия» и т. д.). Сочувствие униженным и страждущим как *мерило душевного благородства.*

Не хватает философа, который был бы активным истолкователем, а *не* просто перерабатывал сочиненное.

9 [45]

(35) В принципе *любая вещь стоит столько, сколько за нее заплатили.* Это, разумеется, не относится к тому случаю, когда индивида рассматривают изолированно; большие способности личности не имеют никакого отношения к тому, чем он сам за них заплатил, чем пожертвовал, что выстрадал. А вот если всмотреться в его родовую предысторию, то можно обнаружить в ней историю какого-то чудовищного скопидомства и накопления капитала силы путем всяческого отречения, борьбы, беспрестанного труда, попыток пробиться. Великий человек достигает величия *не потому*, что чудесным образом взялся откуда-то волею небес и «случая», а потому, что столь *дорого* обошелся. «Наследственность» — понятие ложное. За то, чем стал потомок, расплатились предки.

9 [46]

(36) Воля к истине

1) как завоевание и борьба с природою
Декартов вердикт ученым
2) как восстание против *господствующих* авторитетов
3) как критика того, что *для нас* губительно

9 [47]

История научного метода, понятая О. Контом чуть ли не в качестве самой философии

9 [48]
(37) *окончательный выбор между «истинным»* и *«ложным»*, вообще *окончательный выбор*, судящий о том или другом положении дел, в корне отличен от творческого *полагания*, от создания, оформления, преодоления <сопротивления>, *стремления*, лежащих в природе *философии*. **Вложить во что-нибудь какой-нибудь смысл**—эта задача все еще, несомненно, *не выполнена*, если считать, что *никакого смысла в этом нет*. Так дело обстоит с музыкою, но также и с судьбами народов: их можно подвергать самым различным толкованиям, и они *способны* двигаться в направлении *самых различных целей*. Еще более высокая ступень—*полагание* какой-либо *цели* и оформление существующего в соответствии с этою целью, то есть активное *истолкование*, а не просто умозрительная *переработка сочиненного*.

9 [49]
(38) Люди бывают детьми, скорее, четверых своих бабушек и дедушек, нежели двоих родителей: это оттого, что в ту пору, когда мы были зачаты, наши родители еще не сложились окончательно; в нас зреют семена, посеянные дедовским типом; а в наших детях—семена, посеянные нашими родителями.

9 [50]
(39) Нет ничего менее невинного, нежели Новый Завет. Известно, на какой почве он возрос. Этот народ с его неукротимою волей, направленной на себя, расставшись с какой бы то ни было естественностью и давно утратив право на существование, все же сумел настоять на своем—а для этого ему пришлось основываться на целиком и полностью неестественных, чисто воображаемых предпосылках (каковы суть: избранный народ, община святых, народ обетования, «церковь»): этот народ в совершенстве владеет <приемом> pia fraus[1], известною степенью «чистой совести»—так что надо держать ухо востро, когда он читает мораль. Когда иудеи разыгрывают святую невинность, это значит, что опасность только возросла: чи-

---
1 Благочестивой лжи (*лат.*).

тая Новый Завет, надо собраться со всеми скромными силами своего рассудка, недоверчивости, язвительности.

Люди самого низкого происхождения, даже отчасти отребье, отвергаемые не только хорошим, но и приемлемым обществом, с младых ногтей не потревоженные даже *слухами* о культуре, без дисциплины, без знаний, даже не подозревающие о том, что в вещах духовных может иметься совесть (тут слово «дух» всегда влечет за собою только превратное понимание: то, что все называют «духом», для этого народа—все еще «плоть»), но зато—иудеи: инстинктивно достаточно сообразительные, чтобы из всевозможных суеверных предпосылок создать, силою невежества, даже какое-то преимущество для себя, некую *соблазнительность* <в собственных глазах>

9 [51]

(40) В какой мере *воля к власти*—нечто единственно и абсолютно *неморальное*: см. Стюарта Милля (о Конте)

«мы считаем жизнь не столь богатою наслаждениями, чтобы она могла обходиться без поддержки всех тех, в ком есть эгоистические наклонности. Напротив, мы думаем, что достаточная удовлетворенность этих последних не чрезмерная, а, скорее, достигающая той степени, которая *полнее всего обеспечивает наслаждение*, почти всегда благотворствует добрым влечениям. Личные наслаждения становятся нравственными, по-нашему, не оттого, что их как можно сильнее ограничивают, а оттого, что развивается желание делить их с другими, и притом со *всеми другими*, и оттого, что отвергается любое наслаждение, которое невозможно разделить с другими. *Есть лишь одна склонность, или страсть, не совместимая с этим условием надолго,*-*властолюбие*, стремление, заключающее в себе и имеющее своей предпосылкою соответственное унижение других».

9 [52]

(41) И у самого отважного из нас не хватает духу на то, о чем он в глубине души *знает*... Остановится ли этот знающий или пойдет *дальше*—и в какой точке своего пути он скажет: «Истина здесь», это зависит от того, насколько да-

леко заходит его храбрость, во всяком случае, больше, чем от любой утонченности или притупленности зрения и ума.

9 [53]

(42) в сфере искусства евреи дотянулись до гениальности в лице Г. Гейне и Оффенбаха, этого самого остроумного и задорного из сатиров,—как композитор он держится великой традиции, а для того, кто слушает не просто ушами, являет собою истинное спасение от чувствительных и, в сущности, *выродившихся* композиторов немецкого романтизма

9 [54]

—женщина, которая стремится страдать от того, что она любит...

9 [55]

(43) *Определять ценность* человека следует по тому, *чем он полезен* для людей, или во что он им *обходится*, или чем он им *вреден*: это ни больше и ни меньше, чем определять ценность произведения искусства смотря по *воздействиям*, которые оно оказывает. Но ведь произведение искусства надо сравнивать с произведениями искусства—а *ценности человека в сравнении с другими людьми это* вовсе не касается.

«Моральное почитание», поскольку оно *социально*, мерит человека исключительно результатом его действий.

Человек, у которого на все имеется собственный вкус, человек, обнесенный, как стеною, своим одиночеством и в него упрятанный, недоступный для общения и необщительный—*не поддающийся учету* человек, то есть человек высшего и уж во всяком случае *иного* типа: как, по-вашему, вы сможете умалить его, если вы не в состоянии его узнать, не в состоянии ни с чем сравнить?

Типическое тупоумие в отношении *этой* ценности я нахожу у такого *типического тупицы*, каков англичанин Дж. Ст. Милль: он, к примеру, говорит об О. Конте следующее: «В ранние свои годы он не мог видеть имени Наполеона или напоминающей о нем вещи без внутреннего содрогания, *которое делает ему высочайшую честь*; позже он, разу-

меется, назвал Наполеона диктатором, более достойным пустой болтовни, нежели Луи Филипп; это позволяет измерить глубину, до которой достает его *нравственный лот*».

Моральное умаление повлекло за собою величайшую тупость суждений: ценность человека, как он есть сам по себе, преуменьшена, почти *не признана*, почти *отвергнута*.

Остаток наивной *телеологии: ценность* человека определять *лишь в соотнесении* с другими людьми.

9 [56]

Историки и иные гробокопатели, те, что живут среди склепов и щепок —

9 [57]

(44) Философия как искусство обнаруживать истину: такова она по Аристотелю. В *противовес* ему — эпикурейцы, коим сенсуалистическая теория познания Аристотеля пошла на пользу: к поискам истины они отнеслись совершенно иронически и отвергли их; «философия как искусство *жить*».

9 [58]

три огромных наивности:

познание как способ достижения блаженства
(как будто...
как способ достижения добродетели
(как будто...
как способ «отрицания жизни», поскольку оно — способ разочаровываться — (как будто...)

9 [59]

(45) — вот, вот они, эти ценности доисторических времен: кому под силу сбросить их с пьедесталов, этих тяжких кошек из гранита?

— смысл которых — бессмыслица, тонкость ума — нелепость и полоумие

— умы нетерпеливые и пылающие, мы верим лишь в те истины, что сердцем угаданы: всякое поползновение к доказательству внушает нам строптивость, — мы пуска-

емся наутек, едва завидев ученого, ползком пробирающегося от заключения к заключению.

—умы упрямые, хитрые и мелочные

—что селится вокруг вас, то скоро и в вас вселится.

—иссохшие песочные души, безводные русла

—медлители, до самой макушки заросшие своей недоверчивостью и болотом одиночества

—палимый изнутри—не за то, что верит, а потому, что не может решиться ни на какую веру

—ползающие на животе своем перед маленькими круглыми фактами

—чего не было желания сделать вовремя, нужно желать хотя бы задним числом; надобно «улучшить» то, что сделано не хорошо.

9 [60]

(46) **Прийти в себя** неслыханным образом: не в качестве личности, а в качестве человечества. *Опомнимся же, вспомним о прошлом: воспользуемся всеми доступными способами*

А. Человек ищет «истину»: некий мир, который себе не противоречит, не обманывает, не меняется, некий *истинный* мир—мир, где нет страдания: ведь противоречие, обман, перемена—причины страдания! Он не сомневается в том, что какой-то мир, каким он должен быть, существует; ему очень хочется сыскать туда дорогу. (Индусская критика: мнимо, *не*реально и само «я».)

Откуда человек берет тут понятие *реальности?*—

Почему из перемены, обмана, противоречия он выводит именно *страдание?* А почему не наоборот—свое блаженство?...—

Презрение, ненависть ко всему, что преходит, изменяется, превращается: откуда такая высокая оценка неизменного?

Воля к истине тут явно не что иное, как страстное желание попасть в *мир неизменного.*

Чувства обманывают, разум исправляет ошибки: *следовательно*—так было решено,—разум и есть путь к этому неизменному; идеи, *наиболее далекие от чувственного,* должны быть наиболее родственны «миру истинному».—Уда-

ры судьбы исходят по большей части от чувств—они обманывают, морочат, губят:

Блаженство гарантирует лишь сущее: изменчивость и блаженство исключают друг друга. Соответственно предел всех желаний—слияние с этим сущим. Это *очень странный путь* к высшему блаженству.

In summa: мир, каким он *должен быть*, существует; мир же, в котором живем мы,—всего-навсего ошибка; этот наш мир существовать *не* должен.

Вера в сущее оказывается не более чем следствием: подлинное же primum mobile[1]—это неверие в становящееся, недоверие к становящемуся, пренебрежение ко всему становящемуся...

Какого сорта люди мыслят таким образом? Люди непродуктивные, *страдающие*, люди, уставшие от жизни. А представим себе людей противоположного склада—им вера в сущее не нужна: более того, они ее презирают, потому что она мертва, скучна, безразлична для чувства...

Вера, будто бы мир, каким он должен быть, *есть*, действительно существует,—это вера людей непродуктивных, *не желающих созидать такой мир*, каким он должен быть. Они считают, что он уже есть, и только ищут способы и пути в него проникнуть.—«Воля к *истине*»—*как паралич воли к созиданию*

познавать, что то или иное *таково* делать так, чтобы то или иное таким *стало*	антагонизм между степенями силы у разных натур.

Фикция некоего мира, соответствующего нашим пожеланиям, психологические увертки и интерпретации, нацеленные на то, чтобы все, что мы чтим и находим приятным, оказалось связанным с этим *истинным миром*.

«Воля к истине» на этой ступени—главным образом *искусство интерпретации*; это всегда подразумевает способность к интерпретации.

Этот же сорт людей, только еще на ступень *беднее*, *уже утративший способность* к интерпретации, к созданию

1 Первопричина (*лат.*).

фикций, дает *нигилиста*. Нигилист—это такой человек, который считает, что мир, каков он есть, быть *не* должен, а мир, каким он должен быть, не существует. А отсюда существовать (действовать, страдать, желать, чувствовать) не имеет никакого смысла: пафос «суеты сует»—это пафос нигилистов, а заодно и пафос некоей *непоследовательности* нигилистов.

Кто не в состоянии навязать вещам свою волю, будучи человеком безвольным и немощным, тот навязывает им хотя бы какой-нибудь *смысл:* то есть веру в то, что уж воля-то, которая движет или должна двигать вещи, в них есть.

Насколько кто-то может обойтись без *смысла* в вещах, насколько выдерживает жизнь в бессмысленном мире—это и есть мерило *силы воли: ведь сам человек организует лишь малую часть этого мира.*

Стало быть, *объективный способ смотреть на вещи в философии* может быть признаком слабости воли и силы. Ибо сила организует ближайшее и самое ближайшее; «познающие», которые хотят только *установить*, что есть,—это те, кто не в состоянии постановить, *как должно быть.*

Художники—некий промежуточный вид: эти по крайней мере постановляют какое-то подобие того, что должно быть,—они продуктивны, поскольку на деле *изменяют* и переделывают; этим они отличаются от познающих, которые предоставляют всему быть таким, каково оно есть.

Связь философов и пессимистических религий: это та же порода людей (—они придают *вещам, оцененным превыше всего, высшую степень реальности*).

Связь философов и людей нравственных с их мерилами ценности. (*Моральное* истолкование мира как **смысл**: <это происходит> после того, как гибнет смысл религиозный—)

Преодоление <власти> философов путем *уничтожения* мира неизменно сущего: промежуточный период нигилизма—когда сил перевернуть ценности и обожествить, оправдать становление, видимый мир в качестве *единственного*, еще не хватает.

В. Нигилизм как явление нормальное может быть симптомом растущей *силы* или растущей *слабости*

в первом случае—из-за того, что сила *созидания*, сила *желания* настолько возросла, что уже не нуждается во всех этих общих истолкованиях и наделениях *смыслом* («актуальных задачах», государстве и т.д.)

во втором случае—из-за того, что слабеет сама созидательная способность творить *смысл* и воцаряется состояние разочарованности. Неспособность *верить* в какой-нибудь «смысл», «неверие».

Что означает *наука* в рассуждении обеих возможностей?

1) Признак силы и власти над собою, *способности* обходиться без спасительных и утешительных иллюзорных миров
2) подрывает силы, анатомирует, разочаровывает, ослабляет

С. *вера в истину*, потребность найти какую-то опору в чем-то достоверном: эта психологическая редукция не зависит от всех предшествующих ценностных ощущений. Страх, леность

—равным образом *неверие:* редукция. В какой мере оно постоянно приобретает *новую ценность*, если истинного мира вообще не бывает (благодаря этому вновь освобождаются те ценностные ощущения, что доселе *расточались* на мир неизменно сущего).

9 [61]

великие *методологи*: Аристотель, Бэкон, Декарт, О.Конт

9 [62]

[(47)] В какой мере виды основных *теоретико-познавательных установок* (материализм, сенсуализм, идеализм) выступают следствиями видов наделения ценностями: источник высших ощущений наслаждения («ценностных ощущений») тоже определяет решение проблемы *реальности.*

— *позитивное знание* как мерило совершенно безразлично или второстепенно: стоит только бросить взгляд на развитие индийской <мысли>.

Буддийское *отрицание* реальности вообще (видимость = страданию) в некотором смысле совершенно последовательно: недоказуемость, неприступность, не только отсутствие категорий для «мира самого по себе», но и *понимание ошибочных процедур*, с помощью которых получено все это понятие. «Абсолютная реальность», «бытие само по себе» — некое противоречие. В *становящемся* мире «реальность» — всегда только *упрощение* в практических целях, или же *обман* по причине грубости органов <восприятия>, или же <результат> различий в *темпе* становления.

Последовательное мироотрицание и нигилизация — следствие того, что бытие нам приходится противопоставлять небытию и что понятие «становления» отвергается («*нечто* подвержено становлению»), когда бытие — — —

9 [63]

Бытие и становление

«Разум» развивается на сенсуалистической почве, на *предубежденности чувственных восприятий*, то есть благодаря вере в истинность суждений, основанных на чувствах.

«Бытие» как обобщение понятия *«жить»* (дышать), «воодушевляться», «желать, действовать», «становиться».

Противоположное: «бездушный», «*не*изменный»; «*ничего не* желающий». Стало быть: «сущему» противопоставляется *не* не-сущее, *не* иллюзорное и даже не мертвое (ибо быть мертвым может лишь то, что может и жить).

«Душа», «я» положены в качестве *исконных фактов*; а <потом> примысливаются всюду, где есть *становление*.

9 [64]

(48) эти *colportage-философы*[1], что воздвигают некую философию не на фундаменте собственной жизни, а на коллекциях доказательств определенных положений

Не стремиться видеть, только *чтобы* видеть! Надо жить психологом и ждать — пока *просеянный* итог многих переживаний не скажет свое слово. Никоим образом не надо стараться узнать, *откуда* что-то знаешь

---

1 Бульварные (*фр.*).

Иначе получится скверная оптика и <отсюда—> искусственность <результата>.

—Непроизвольное *забвение* отдельного случая—это по-философски, а *вовсе не стремление* забыть, <то есть> умышленное абстрагирование: последнее присуще, скорее, натурам *не*философского склада.

9 [65]

что я ценил в Вагнере, так это добрую порцию антихристианина, которую он представлял своим искусством и складом (о, как это было хитро!—

я—самый разочарованный изо всех вагнерианцев; ибо как раз в тот момент, когда всего пристойнее было остаться язычником, он сделался христианином. Мы, немцы, если уж раз приняли себя всерьез в вещах серьезных, становимся ведь немецкими атеистами и насмешниками всем скопом: таким был и Вагнер.

9 [66]

(49) Переоценка ценностей—что это будет? Для этого нужно, чтобы в наличии были все *спонтанные* <общественные> движения—новые, глядящие в будущее, более сильные: но они все еще носят лживые имена, имеют лживые репутации—а самих себя они все еще не *осознали*.

смелое осознание и *приятие* того, что *достигнуто*

избавление от рутины старых способов ценить, унижающих нас в лучшем и наиболее жизнеспособном, чего мы достигли.

9 [67]

(50) Невольная наивность Ларошфуко, который думает, будто высказывает нечто злое, тонкое и парадоксальное,— в те времена «истина» в предметах психологических была чем-то поразительным—пример: «les grandes âmes ne sont pas celles, qui ont moins de passions et plus de vertus que les âmes communes, mais seulement celles, qui ont de plus grands desseins»[1]. Дж. Стюарт Милль (который говорит, что Шам-

[1] Люди благородные — это не те, что менее подвержены страстям и более добродетельны, чем люди заурядные, а лишь те, что вынашивают более значительные замыслы (*фр.*).

фор — это Ларошфуко XVIII столетия, только *более благородный* и глубокий) видит в нем, разумеется, всего лишь остроумнейшего наблюдателя всего того в человеческой душе, что восходит к «эгоизму по привычке», присовокупляя: «Ум *благородный* не станет принуждать себя к обязанности длительного наблюдения *пошлости* и *низости* — разве только чтобы показать, в отношении каких пагубных влияний в состоянии победоносно утвердиться возвышенный ум и благородство характера».

9 [68]

Сложный характер Генриха IV: то царский и возвышенный, а то скоморошеский, неблагодарный — и верный слову, великодушный — — и коварный, щедро наделенный умом, героизмом — и чувством абсурдного.

«в книгах Фридриха Великого можно обнаружить пятна от пива и табаку на страницах, посвященных, скажем, Марку Аврелию»

Адмирал Колиньи и великий Конде — оба они Монморанси по материнской линии. Монморанси же по мужской линии — дельные и деятельные солдаты, но отнюдь не *гении*.

Вот и великие полководцы Мориц и Генрих Нассауский воскресают в Тюренне, своем племяннике, сыне их сестры Елизаветы.

А мать великого Конде, Шарлотта де Монморанси, в которую столь пылко был влюблен Генрих IV, — он говаривал о ней, что она несравненна не только в красоте, но и в *мужестве*.

Маркиз Мирабо в старости вознегодовал, увидав, что сын его начал проявлять склонность «vers la canaille *plumière, écrivassière*»[1]

«un certain génie fier, exubérant»[2] — Мирабо о своем роде.

Наполеон: «j'ai des nerfs fort intraitables; si mon cœr ne battait avec une continuelle lenteur, je courrais risque de devenir fou»[3].

---

1 К *журналистской* сволочи, *бумагомарателям* (*фр.*).

2 Это прямо какой-то дух гордыни, необузданности (*фр.*).

3 Я очень раздражителен; и если б сердце у меня не билось всегда ровно, я, того и гляди, сошел бы с ума (*фр.*).

Декарт сравнил открытия одного ученого с рядом битв, на которые была вызвана природа.

Вольтер рассказывает, что «Катилину» он полностью закончил за 8 дней. «Ce tour de force me surprend et m'épouvante encore»[1].

9 [69]

«Le génie n'est qu'une longue patience»[2]. Бюффон. Это, как правило, верно, если поразмыслить о предыстории гениев, о родовом терпении, с каким копился и сохранялся капитал силы—

9 [70]

Бетховен сочинял *на ходу*. Все гениальные прозрения сопровождались некоторым избыточным напряжением мышц.

Это в любом смысле означает, что человек следует голосу разума. Если любое гениальное движение души требует в первую очередь огромного количества мышечной энергии, то оно и *повышает* ощущение силы во всем. И наоборот, длительная ходьба усиливает умственную энергию вплоть до степени опьянения.

9 [71]

(51) NB. То, что называется полезным, целиком и полностью зависит от *намерения*, от цели; намерение же, в свой черед, целиком и полностью зависит от степени *власти:* поэтому утилитаризм не может быть основою, а только учением о *следствиях* и не может означать *никакой обязательности для всех.*

9 [72]

(52) Познание как *способ приобретения власти*, «богоподобия».

Ветхозаветная легенда верит, будто человек владеет познанием; и будто изгнание из рая есть следствие этого обстоятельства только в том смысле, что отныне Бог

---

1 Эта выходка меня поражает и к тому же пугает (*фр.*).

2 Гениальность—не более чем долготерпение (*фр.*).

боится человека—и вот прогоняет его прочь от того места, где стоит древо жизни, бессмертия; а если б человек теперь вкусил и от древа жизни, то ради своей власти: да и помимо этого вся культура—это рост ужасной <для Бога> роли человека, символизированной в Вавилонской башне с ее «богоборческой» целью. Бог разделяет людей: он раскалывает их единство; введение многоязычия—вынужденная его мера, ведь ему легче управиться с каждым народом по отдельности, коль скоро теперь они сами идут друг на друга войною и друг друга истребляют.

В начале Ветхого Завета рассказана известная история о *страхе Божьем*. Человек изображен ошибкою Бога, равно как и животное; человек, познавая, становится соперником Бога, величайшею для того угрозой; труд, нужда, смерть—вынужденная самооборона Бога с целью повергнуть соперника в прах:

Страх Бога: человек как ошибка Бога;
равно как и животное

Мораль:

Бог запрещает познание, поскольку оно ведет к *власти*, к богоравенству. Он удостоил бы человека бессмертия, если бы было ясно, что тот всегда будет бессмертно глуп.

Он творит для него животных, потом женщину, чтобы у него было общество,—чтобы было на что отвлечься (чтобы он не дошел до скверных мыслей, до мышления, до познания).

Но демон (змий) дает человеку понять, насколько важно познание.

Опасность для Бога неимоверна: теперь он вынужден *прогнать* людей прочь от древа жизни и *повергнуть их в прах* нуждою, смертью и трудом. Реальная жизнь изображена как результат *необходимой самообороны Бога*, как состояние *неестественное*... Культура же, то есть создание познания, *несмотря на это*, стремится к богоравенству: она богоборчески вздымается ввысь. И вот оказывается необходимою война (язык как причина <появления> «народа»), и люди обязаны истреблять себя сами. Наконец принимается решение о всеобщей гибели.—

И люди верили в такого Бога!..

9 [73]
(53) Потребность в *каком-то метафизическом мире*—следствие того, что люди не умели вывести из наличного мира ни *смысла*, ни *цели*. «Отсюда заключили, что этот мир может быть только *иллюзорным*».

Как **«иллюзорность»** соотносится с **«бессмысленностью»**, **«бесцельностью»**—надо истолковать психологически: что это значит?

Недействительность, *греза* и т. д.

(чем действительность отличается от грезы? *Смысловой* связью, неслучайностью, отсутствием произвольности, каузальностью. *Однако*, если так или иначе смотреть обобщенно на бытие в целом, оно могло показаться бессмысленным, произвольным, бесцельным, наличные же цели—не более чем tromperies[1] и т. д.)

механистическая причинность как таковая могла бы дать еще одно совершенное истолкование в пользу *иллюзорности*—она даже *прямо-таки предполагает ее*.

9 [74]

Период *Просвещения*
следом за ним—период *сентиментальности*
в какой мере Шопенгауэр причастен к «сентиментальности» (а Гегель—к <культу> разума)

9 [75]
(54) Период, когда старый маскарад и моральное приукрашивание аффектов возбуждает противодействие—в виде *нагой природы*, где *решающими* (*определяющими ранг*) просто признаются *количества власти*, где, как следствие *великой страсти*, на свет вновь является *широкий размах*.

9 [76]
(55) *Люди, признанные посмертно* (—трудность их понимания; в каком-то смысле их *вообще не понимают*)
Эпикур?
Шопенгауэр
Стендаль

---

1 Иллюзиями (*фр.*).

Наполеон
Гёте?
Шекспир?
Бетховен?
Макиавелли:
Людей, признанных посмертно, понимают хуже, но слышат лучше, чем признанных в свою пору. А строго говоря, их вообще не понимают—отсюда и их авторитет. (comprendre c'est égaler[1])

9 [77]
(56) Бесполезно любое учение, не способное обратиться ко всем уже лежащим наготове запасам сил, взрывчатых веществ. Переоценка ценностей будет достигнута лишь после того, как возникнет энергия новых потребностей, энергия людей, нуждающихся в новом, страдающих от старого отношения к ценностям, не осознавая———

9 [78]
(57) Кто знает, как возникает всякая *слава*, будет чувствовать неладное даже в славе, коей пользуется добродетель.

9 [79]
(58) *Что означает восхваление?* –

Хвала и *благодарность* за урожай, хорошую погоду, победу, женитьбу, мир—всем праздникам нужен какой-нибудь *субъект*, в направлении которого разряжается чувство. Надо, чтобы все хорошее, что с кем-то случается, было ему *причинено*, надо, чтобы был виновник всего этого. Точно так же и с произведением искусства: его самого еще не достаточно; надо восхвалять его создателя. Так что значит *восхваление?* Своего рода *компенсация* за полученные благодеяния, ответный дар, свидетельство нашей *власти*—ведь восхваляющий одобряет, судит, порицает, *выносит приговор:* он сознает за собою право на *возможность* одобрения, на *возможность* воздаяния почести... Усилившееся ощущение блаженства и жизни—это и усилившееся *ощущение власти:* и человек *восхваляет* исходя из него (—исходя из

1 Понять—значит уравнять (*фр.*).

него он выдумывает и ищет какого-то *виновника*, какого-то *«субъекта»*—).

Благодарность как *добрая месть:* она запрашивается и проявляется всего настойчивей там, где должны быть соблюдены одновременно равенство и гордость, где лучше всего удается месть.

9 [80]

«Моей досады зимняя пора»
«Ну, этот будет из новейших,
людей безудержно наглейших»
«огня и грязи плод глумливый»

9 [81]

Берлиоз, увертюра «Римский карнавал» написана в 1844-м

(Оффенбах)

9 [82]

Второй буддизм

Нигилистическая катастрофа, кладущая конец земной культуре.

Предзнаменования этого:

возобладание сострадания

умственное переутомление

сведение проблем к вопросам удовольствия и страдания

прославление войн, вызывающее ответный удар

так же как национальное размежевание вызывает встречное движение—истовое «братание»,

неспособность религии и дальше влиять догматами и сказками

9 [83]

К генеалогии морали

Второе полемическое сочинение

Фридриха Ницше

Четвертое разыскание: стадный инстинкт в морали.
Пятое разыскание: к истории денатурализации морали.
Шестое разыскание: среди моралистов и философов морали.

Послесловие. Расчет с моралью (как Цирцеей для философов). Мораль—я об этом уж раз говорил—была доселе Цирцеей для философов. Она—*первопричина пессимизма* и *нигилизма...*
Сформулировать его *обобщающую формулу.*
Задача.
Вступление в трагический для Европы век

9 [84]
(59) Великая нигилистическая чеканка фальшивой монеты, хитро злоупотребляющая моральными ценностями
a) любовь как отказ от личности; то же о сострадании.
b) *истину*, «подлинное бытие и сущность вещей», в состоянии познать лишь *обезличенный разум* («философ»)
c) гений, *великие люди* вообще *велики* потому, что не ставят своею целью себя и свое дело: *ценность* человека *растет* пропорционально его отречению от себя. Шопенгауэр II 440 слл.
d) искусство как дело *«чистого субъекта свободной воли»*, превратное понимание «объективности»
e) *счастье* как цель жизни; *добродетель* как средство достижения этой цели

пессимистическое осуждение жизни у Шопенгауэра—это перенесение стадных критериев <ценностей> в область метафизики *моральными* средствами.

«Индивид» лишен смысла; следовательно, его надо наделить происхождением от чего-то «самого по себе» (а какую-либо значимость его существования <объявить> заблуждением); родители же—это всего лишь «окказиональная причина».

Расплатою за это—то, что наука так и не поняла, что такое индивид: а он—*вся предшествующая жизнь как единая цепь* <всех пройденных ею состояний>, а **отнюдь не** ее *результат.*

9 [85]
(60) *Восхваляемые* состояния и страсти:
миролюбие, справедливость, умеренность, скромность, почтительность, предупредительность, смелость,

целомудрие, честность, верность, благочестие, прямота, доверчивость, самоотверженность, сострадание, готовность помочь, совестливость, простота, милосердие, праведность, щедрость, снисходительность, исполнительность, бескорыстие, отсутствие зависти, добродушие, трудолюбие

NB необходимость различать: в какой мере *эти качества* бывают возможны как *способы* добиться выполнения какого-то определенного желания и *цели* (нередко *«неблаговидной»* цели)

—либо как естественные *последствия* доминирующего аффекта (скажем, *духовных устремлений*)

—либо выражение какого-то трудного положения или, иначе говоря, как *условие существования* (скажем, гражданина, раба, женщины и т. д.)

Summa: все они как один *воспринимаются в качестве хороших* **отнюдь не** *ради них самих*, ни одно из них не является «хорошим» само по себе—они таковы только по меркам «общества», «стада», как способы достижения их целей, как необходимые для их сохранения и поощрения и в то же самое время как последствия изначального *стадного инстинкта* каждого отдельного человека, то есть служат инстинкту, *в корне отличному* от этих *добродетельных состояний:* ведь стадо проявляет по отношению ко всему, что не оно само, *враждебность, эгоизм, беспощадность*, оно сугубо властолюбиво, недоверчиво и т. д.

В фигуре «**пастыря**» *обнаруживается антагонизм:* ему приходится объединять в себе *взаимно противоположные* качества, присущие стаду

Смертельная ненависть стада к *иерархии:* оно инстинктивно склоняется к *уравнителю* (Христу); к *сильным же одиночкам* (les souverains[1]) оно проявляет враждебность, несправедливость, необузданность, неучтивость, наглость, беззастенчивость, подлость, лживость, притворство, безжалостность, скрытность, зависть, мстительность.

---

1 Суверенам *(фр.)*.

9 [86]

(61) *натурализм моралистов:* сведение мнимо эмансипировавшейся, сверхъестественной моральной ценности к ее «природе», то есть к естественной *имморальности*, к естественной «полезности» и т. д.

Я вполне могу назвать тенденцию подобных взглядов *натурализмом моралистов:* моя задача — перевести мнимо эмансипировавшиеся и *утратившие природу* моральные ценности обратно в их природу, то есть <на язык> их естественной «имморальности».

NB. Сравнение со *«святостью»* иудеев и ее природной основой: так же дело обстоит и с *наделенным суверенностью нравственным законом*, избавленным от собственной *природы* (— вплоть до *противоположности* природе —).

Шаги постепенной «утраты моралью естественности» (так наз. *«идеализации»*)

<она понимается> как путь к индивидуальному блаженству
как следствие познания
как категорический императив, избавленный от — — —
как путь к святости
как отрицание воли к жизни

постепенное нарастание *жизнененавистничества морали.*

9 [87]

(62) *Подавленная* и *уничтоженная* **ересь** внутри морали
понятия: языческий
мораль для господ
virtù[1]

9 [88]

(63) Я не слышу, чтобы в Новом Завете, особенно в евангелиях, слово брало хоть что-нибудь *«божественное»*: уж скорее, какая-то *косвенная форма* самого что ни на есть адского ража клеветы и уничтожения — одна из наиболее бесчестных форм ненависти:

---

1 Доблесть (*ит.*).

– отсутствует малейшая осведомленность о качествах *благородного* человека

– бесстыжее злоупотребление всякого рода порядочностью; для этого использованы и присвоены все запасы изречений; нужно же было, чтобы какой-нибудь бог пришел проповедовать этим мытарям и т.д.

нет ничего более обыкновенного, чем эта борьба с *фарисеями* с помощью какой-то нелепой и непрактичной видимости морали – народ всегда развлекался, глядя на подобный tour de force[1]

Упрек в «лицемерии»! из таких уст!

нет ничего более обыкновенного, чем такая трактовка противников

– щекотливейшего рода indicium[2] в пользу благородства или *не* в его пользу...

Если б кто-то сказал хотя бы сотую долю того, что было сказано, он заслужил бы гибели как анархист.

Пилат – вот единственная пристойная личность с его dédain[3] к этой иудейской болтовне об «истине», как будто такой народ имеет право участвовать в разговоре, когда речь идет об истине, с его ἃ γεγραφα[4], с его благожелательною попыткой отпустить этого нелепого заговорщика на все четыре стороны, потому что ему было затруднительно разглядеть в нем кого-то другого, чем дурака...

его отвращение к этому выражению «Я есмь истина», мало того что предосудительному

9 [89]

(64) *допущение сущего* необходимо, чтобы можно было мыслить и делать заключения: логика орудует только формулами для того, что всегда равно себе

поэтому такое допущение все равно лишено способности доказать наличие «реальности»: «сущее» относится к нашей оптике.

---

1 Чрезмерное усилие (*фр.*).

2 Свидетельство (*лат.*).

3 Презрением (*фр.*).

4 Что я написал, то написал [Ин. 19, 22] (*греч.*).

«я» в качестве сущего (—не затрагиваемого становлением и развитием)

выдуманный мир субъекта, субстанции, «разума» и т. д. *необходим*: есть в нас некая властная инстанция, что упорядочивает, упрощает, искажает, насильно разрывает. «Истина»: стремление, получить власть над многообразием ощущений.

— *выстроить* явления по определенным категориям
— при этом мы исходим из веры в вещи, как они есть «сами по себе» (мы принимаем явления за *реальные*)

Мир, подверженный становлению, по природе своей *неуловим для формулировок*, «фальшив», в нем «концы с концами не сходятся».

Познание и *становление* исключают одно другое.

Следовательно, «познание» должно быть чем-то иным: предшествовать должно какое-то стремление сделать нечто познаваемым, какого-то рода становление само должно сотворить *иллюзию сущего*.

9 [90]

В этих полемических разысканиях, которыми я продолжаю свой поход против сколь нефилософской, столь же и роковой *общей завышенной оценки морали*, — — —

9 [91]

(65) К борьбе с *детерминизмом*.

Из того, что событие наступает регулярно и наступает предсказуемо, еще не следует, что оно наступает *с необходимостью*. И то, что квантум силы в каждом определенном случае ведет себя строго определенным образом, еще не придает ему характера «несвободной воли». «Механическая необходимость» — вовсе не факт: это только *мы* путем интерпретации вложили ее в процесс. Мы истолковали *возможность формулировки* этого процесса как следствие некоей господствующей над процессом необходимости. Но из того, что я делаю что-то определенное, никоим образом не следует, будто я делаю это по принуждению. Никак невозможно доказать, что *принуждение* есть в вещах: регулярность доказывает лишь то, что один

и тот же процесс не является заодно и другим процессом. И лишь благодаря тому, что мы мысленно вложили в вещи субъекты, *«деятелей»*, создается видимость, будто всякий процесс — это следствие некоего оказанного на субъектов *принуждения*: оказанного кем? опять-таки каким-то «деятелем». Причина и следствие — понятие опасное, покуда мыслится *нечто*, что *причиняет*, и другое нечто, которое *причинение испытывает*.

А) необходимость — вовсе не факт, а некая интерпретация.

В) достаточно понять, что «субъект» — вовсе не то, что оказывает *действие*, а всего лишь фикция, как обнаружится множество вещей.

Мы выдумали *вещность*, только взирая на образец субъекта, и навязали эту интерпретацию путанице наших восприятий. Стоит нам перестать верить в *действующего* субъекта, падет и вера в *действующие* вещи, во взаимодействие, причинно-следственные связи между теми явлениями, которые мы называем вещами.

Стало быть, падет, разумеется, и мир **действующих атомов:** их существование всегда допускалось при том <только> условии, что нам нужны субъекты.

Наконец, падает и **«вещь сама по себе»:** она ведь, в сущности, являет собою концепцию некоего «субъекта самого по себе». А мы-то уже поняли, что субъект фиктивен. Противоположность «вещи самой по себе» и «явления» несостоятельна; но тем самым рушится и понятие *«явления»*.

С) Если мы отказываемся от действующего *субъекта*, то отказываемся и от *объекта*, на который оказывается действие. Длительность существования, тождество с самим собой, бытие не присущи ни тому, что мы называем субъектом, ни тому, что — объектом: это <на самом деле —> комплексы процессов, обладающих мнимою длительностью по отношению к другим комплексам, — благодаря, скажем, различию в темпах, с какими процесс происходит (покой — движение, плотный — рыхлый: все это противоположности, сами по себе не существующие, — фактически через них выражаются лишь *градации*, ведущие себя в качестве противоположностей <только> с точки зрения определенного оптического критерия).

Никаких противоположностей не бывает: наше понятие противоположного исходит лишь из противоположностей логических — и с них ложно переносится на вещи.

D) Если мы отказываемся от понятия «субъекта» и «объекта», то отказываемся и от понятия *«субстанции»* — а значит, и от различных его модификаций, к примеру: «материи», «духа» и иных гипотетических сущностей — «вечности и неизменности вещества» и т. д. Мы избавляемся от *вещественности.*

Выражаясь на моральный лад, *мир лжив.* Но раз мораль и сама — часть этого мира, то лжива и мораль.

Воля к истине — это некое закрепительство, некое увековечение в качестве истинного, некое создание взглядом такой *лживости* мира, некое ее перетолкование в качестве *сущего.*

Истина, значит, не то, что есть в наличии и что можно обнаружить, открыть, — а то, *что надо сотворить*, чьим именем наделяется некий *процесс*, более того, некая воля к преодолению, сама по себе не имеющая конца: воля вкладывать истину <в вещи> в виде некоего processus in infinitum[1], это какое-то *активное определение*, а *не* осознание того, что якобы неизменно и определенно «само по себе». Это — имя для «воли к власти».

Жизнь зиждется на предпосылке веры в непреходящее, в регулярное возвращение; чем большею властью располагает жизнь, тем более широким должен быть этот поддающийся расшифровке, как бы *превращаемый* в *сущий* мир. Логизирование, рационализация, систематизация — как вспомогательные средства жизни.

Свое влечение к истине, свою «цель» человек в известном смысле проецирует вовне в качестве *сущего* мира, мира метафизического, «вещи самой по себе», мира, уже наличного.

Его потребность в созидании уже сочиняет мир, над которым он работает, предвосхищает его: это-то предвосхищение («эта вера» в истину) и есть его опора.

---

1 Бесконечного продвижения вперед (*лат.*).

Всякий процесс, всякое движение, всякое становление—как установление отношений ранга и силы, как *борьба*...

«Благо индивида» столь же воображаемо, как и «благо рода»: первое *не* приносится в жертву последнему, род, если поглядеть на него из дальней перспективы, есть нечто столь же текучее, как и личность. «*Сохранение* рода»—всего лишь следствие *восхождения рода*, то есть *преодоления рода* на пути к какому-то более сильному виду.

Покуда мы *воображаем* себе кого-то ответственного за то, что мы таковы, каковы есть, и т. д. (Бога, природу), полагая тем самым, будто наше существование, наше счастье и наше горе входили в его *намерения*, мы лишаем *становление невинности*. Тогда у нас появляется кто-то, стремящийся достичь какой-то цели через нас и с нашею помощью.

<Дальше—о том,> что эта мнимая *«целесообразность»* (*«бесконечно превосходящая всякое человеческое искусство* **целесообразность**»)—просто следствие той *воли к власти*, что разыгрывается во всем происходящем

что *рост силы* несет с собою структуры, которые выглядят подобными какой-то целесообразной схеме

что мнимые *цели* не установлены каким-то умыслом, а коль скоро одна власть достигла перевеса в силах над меньшею властью и последняя стала работать на бо2льшую, то соотношение *рангов*, их организации должно приобрести вид некоего соотношения средств и цели.

Против мнимой *«необходимости»*

—таковая—лишь *выражение* того, что одна сила не является и чем-то другим.

Против мнимой *«целесообразности»*

—последняя—это лишь *выражение* соотношения компетенций власти и их сотрудничества.

Логическая определенность, прозрачность как критерий истины («omne illud verum est, *quod clare et distincte percipitur*»[1]—Декарт): механистическая гипотеза о мире тем самым становится желательной и достоверной.

---

1 Истинно все то, *что воспринимается ясно и отчетливо* (*лат.*).

Это, однако, грубая подмена, как <в высказывании> simplex sigillum veri. Откуда же известно, что истинная природа вещей *именно так* связана с нашим разумом? А почему не иначе? <К примеру,> так, что он *предпочитает, выше всего ценит, а следовательно, считает* **истинными** те гипотезы, которые дают ему больше всего ощущения власти и уверенности в себе? Разум устанавливает свою наиболее свободную и *сильную способность и мочь* в качестве критерия наиболее ценного, а стало быть, *истинного...*

«истинное»: со стороны чувства—это то, что сильнее всего его возбуждает («я»)
со стороны мышления—это то, что дает мышлению наибольшее ощущение силы
со стороны осязания, зрения, слуха—сопротивление, которое заставляет их работать с наибольшей результативностью

Стало быть, *высшие степени этой результативности* возбуждают веру в то, что <ее> *объект* «истинен», то есть *действителен.* Ощущение силы, борьбы, сопротивления убеждает в том, что нечто сопротивляющееся—вот оно, *существует.*

9 [92]

Либман, с. 11

Дюнамис[1]—«реальная тенденция к действию», пока заторможенная, <но> пытающаяся актуализироваться

—«воля к власти» «потенциал энергии»

«собранная и до поры отложенная способность к движению»

9 [93]

(66) Я хочу вновь *натурализировать аскетику*; <это будет> замена стремления к отрицанию стремлением к *укреплению*; некая гимнастика воли; лишения и регулярные посты всякого рода, в том числе и духовного (Dîners chez Magny[2]:

---

1 Сила (*греч.*).

2 Обеды у Маньи (*фр.*).

одни только духовные лакомки с испорченными желудками); практическая казуистика в отношении нашей оценки собственных способностей: испытание авантюрами и добровольно избираемыми опасностями. — Надо изобрести *испытания* и для нашей способности держать слово.

9 [94]

Величие предполагает способность внушать страх: нельзя давать себя провести.

9 [95]

Разыскания

Из чего доселе стряпали *«истинный мир»*.
Лишение естественности морали, а также совести (а также аскетики) (а также разума, схоластики, государства
Целесообразность.
Необходимость.
Стадный инстинкт в морали.
Цирцея для философов.
Сильные люди грядущего.
Трагическая эпоха: учение о вечном возвращении.
Психологическая чеканка фальшивой монеты.
Логика под властью ценностных суждений.
Красота. Нигилизм как *искусство.*
Существует ли вообще *метафизика*?...

9 [96]

Три иллюзии:

причинность
целесообразность
необходимость
Лишение ценностей естественности

Противоположности *вместо* **иерархии**
Этот порочный мир

9 [97]

(67) Утверждать и отрицать одно и то же — у нас не получается: это закон субъективного опыта, в коем выражается вовсе не «необходимость», *а всего-навсего неспособность.*

Если, по Аристотелю, *закон противоречия*—наиболее несомненный из всех законов, если он—то последнее и фундаментальное, к чему возводятся все доказательства, если он заключает в себе исходное начало всех остальных аксиом,—тем основательней надо было поразмыслить о том, что2 он, в сущности, *предполагает* относительно самих утверждений. Либо он что-то утверждает о действительном, сущем, словно уже откуда-то о нем знает: а именно, что ему не *могут* быть приписаны взаимно противоречащие предикаты. Либо же этот закон имеет в виду, что взаимно противоречащие предикаты приписываться ему не *должны*? Тогда логика оказалась бы каким-то императивом—*не* для познания истины, а для установления и приведения в порядок мира, *который должен считаться для нас истинным.*

Короче говоря, не решен вот какой вопрос: адекватны ли логические аксиомы действительности—или они представляют собою мерила и способы только *создать* действительное, понятие «действительность» для нас?... Чтобы признать первое, пришлось бы, однако, как сказано, уже заранее знать, что такое сущее; уж это положительно не имеет места. Стало быть, этот закон содержит в себе вовсе не *критерий истины*, а некий *императив* относительно того, что **должно** *считаться истиною.*

Предположим, никакого такого самотождественного А, как это заранее предполагает любой закон логики (да и математики), вовсе не существует, предположим, это А—уже *иллюзия*,—тогда предпосылкою логики оказался бы некий чисто *иллюзорный* мир. На самом деле мы верим в этот закон под давлением непрекращающегося эмпирического опыта, который как будто постоянно его *подтверждает.* «Вещь»—вот он, подлинный субстрат этого А: *наша вера в вещи*—предпосылка веры в логику. Логическое А, как и атом,—это некая конструкция «вещи»... Коль скоро мы этого не понимаем, делая из логики какой-то критерий *истинного бытия*, мы уже готовы постулировать все эти гипостазированные сущности—субстанцию, предикат, объект, субъект, действие и т.д.—в качестве реальностей, то есть выдумать некий метафизический мир, то есть «истинный мир» (*—а это—иллюзорный мир вдвойне...*)

Исходные мыслительные акты — утверждение и отрицание, признание за истину и признание за ложь — поскольку они предполагают не просто привычку, а еще и *право* вообще признавать что-либо истинным или ложным, уже находятся во власти веры в то, что *познание для нас — дело возможное*, что *суждения и впрямь* **в состоянии** *попадать в истину:* короче говоря, логика не сомневается в том, что может высказывать об истине самой по себе кое-что (а именно, что ей не *могут* быть приписаны взаимно противоречащие предикаты).

Тут всем *заправляет* грубый сенсуалистический предрассудок, гласящий, будто ощущения сообщают нам о вещах *истины*, <состоящие в том,> что я не могу одновременно назвать одну и ту же вещь *твердой* и *мягкой* (это инстинктивное доказательство — «я не могу испытывать одновременно два взаимно исключающих ощущения» — совершенно *грубое* и *ложное*). Запрет на взаимно противоречащие понятия исходит из веры в то, что мы *в состоянии* образовывать понятия, что понятие не только обозначает истину вещи, но и *вмещает* ее в себе... А на самом деле *логика* (равно как и геометрия с арифметикой) относится к сугубо *фиктивным истинам*, **которые мы создали сами**. Логика — это попытка *понять действительный мир по какой-то постулированной нами схеме бытия, точнее сказать — сделать этот мир поддающимся формулированию, исчислению...*

9 [98]
(68) *Психологическая дедукция нашей веры в разум*

Понятие «реальность», «бытие» заимствовано из нашего ощущения *«субъекта»*.

«Субъект»: он интерпретирован с нашей точки зрения, так что «я» принимается за субъект, за причину любого деяния, за *деятеля*.

Логико-метафизические постулаты, вера в субстанцию, акциденцию, атрибут и т. д. убеждают в силу привычки рассматривать всякое наше действие как следствие нашей воли — причем «я» как его субстанция не подчинено многообразию изменений. *Но никакой воли нет.* —

У нас нет решительно ни одной категории, дающей нам право отделять некий «мир сам по себе» от мира как

явления. Все наши *категории разума*—сенсуалистического происхождения: они взяты из эмпирического мира. «Душа», «я»—история этого понятия говорит о том, что и тут <имело место> древнейшее размежевание («дыхание», «жизнь»)———

Если нет ничего материального, то нет и ничего нематериального. В понятии ничего больше *не остается...*

Никаких «атомов»-субъектов. Сфера субъекта постоянно *растет* или *уменьшается*—центральная точка системы постоянно *сдвигается*—; в случае, если присвоенная масса не поддается организации, система делится надвое. С другой стороны, она может превратить более слабого субъекта, не уничтожая его, в одну из своих функций и в какой-то степени образовать вместе с ним новое единство. Отнюдь не «субстанцию», а, скорее, что-то такое, что само по себе стремится к усилению и лишь косвенным образом хочет себя «сохранить» (оно хочет *превзойти себя*—)

9 [99]

NB. Не надо стремиться проявлять психологическую смекалку; нам *нельзя* быть даже смекалистыми... Кому хочется ухватить мелкие преимущества (—а то и крупные, как это делают политические деятели—), пользуясь своей осведомленностью, своим знанием людей, тот от наиболее общего идет к самому что ни на есть единичному случаю; но этого рода оптика противоположна той другой, которая нам только и может быть нужна: мы смотрим *с точки зрения* сáмого единичного—

9 [100]

[(69)] *«Род»*———

Продвижение к большей власти: роды—лишь *относительные замедления темпа*, признаки того, что возможностей, предусловий для быстрого усиления начинает не хватать (роды—*не* цели: сохранение родов—последнее, что может волновать «природу»!!)

9 [101]
NB. Этот стремился узнать людей—таким образом он хочет добиться для себя мелких преимуществ над ними (а то и крупных, как политики). Тот <тоже> стремился узнать людей—он хочет еще *большего преимущества*: чувствовать себя выше их; он хочет презирать.

9 [102]
(70) *Эстетика*

Состояния, пребывая в которых мы вкладываем в вещи *ясность и полноту* и приписываем их им, покамест те не возвращают нам в отраженном виде наши собственные полноту и радость жизни:

половое влечение
опьянение
еда
весна
победа над врагом, глумление
блистательное мастерство; жестокость; экстаз религиозного чувства.

Три стихии прежде всего:
половое влечение, опьянение, жестокость: все они относятся к древнейшим **праздничным** *переживаниям* людей, и равным образом все они преобладают в первых на свете «художниках».

И наоборот: если на нашем пути оказываются вещи, отмеченные этою ясностью и полнотой, то животная наша природа отвечает *возбуждением тех сфер*, где гнездятся все эти ощущения наслаждений:—а смешение этих весьма тонких нюансов животного блаженства и страстей и есть *эстетическое состояние*. Таковое наступает лишь у тех натур, что вообще способны к этой щедрой и бьющей через край полноте телесного vigor[1]; он-то и есть primum mobile[2]. Человек трезвый, утомленный, истощенный, зачерствевший (скажем, ученый) не в состоянии воспринять от искусства решительно ничего—у него нет художнической стихийной силы, этого повелеваю-

---

1 Жизненной силы (*лат.*).
2 Перводвигатель (*лат.*).

щего им богатства: кто не умеет давать, тот ничего и не получит.

«Совершенство»: в этих состояниях (половой любви в особенности и т. д.) наивно проявляется то, что глубочайшим инстинктом признается за более высокое, более желанное, более ценное,— восхождение своего типа; а равным образом и то, *к какому статусу* он, собственно, *стремится.* Совершенство: это неимоверное расширение собственного ощущения власти, это богатство, это неизбежное перехлестывание через любые края...

Искусство напоминает нам о состояниях животного vigor; оно, во-первых, есть преизбыток и излияние цветущей телесности в мир образов и желаний; с другой стороны, возбуждение животной деятельности образами и желаниями повышенной жизненности,— усиление ощущения жизни, его стимулирующее средство.

В какой мере даже безобразное может обладать такою властью? В той мере, в какой оно еще способно сообщать нам что-то о победоносной энергии художника, подчинившего себе это безобразное и пугающее; либо в той, в какой оно потихоньку возбуждает в нас наслаждение жестокостью (а иногда — даже наслаждение от причинения боли *себе* самому, самонасилие: значит, ощущение власти над самим собою).

9 [103]
NB. Когда ты болен, заползи в какую-нибудь «нору»: это неплохо, только так и поступают животные.

9 [104]
«хочу того-то»; «мне хотелось бы, чтобы было то-то»; «я знаю, что то-то — таково».— вот градации силы: человек *воли*, человек *страстного желания*, человек *веры*

9 [105]
(71) *К плану*
NB. 1) кратко обо всех *важных* эпохах, народах, людях и проблемах.

2) сотня добрых *анекдотов*, по возможности исторических.

3) воинственно, *авантюрно, с уловками*—

4) местами—*с меланхолической веселостью*—

5) заступник всего непризнанного и оклеветанного (—*опороченного...*)

6) медлительно, пуская по ложному следу, лабиринт

7) **Минотавр,** *катастрофа* (идея, которой следовало бы приносить *человеческие жертвы*—чем больше, тем лучше!)

9 [106]

(71) Наша психологическая оптика предопределена тем,

1) что необходимо *сообщение* и что <предметом> сообщения должно быть что-то твердо установленное, упрощенное, поддающееся уточнению (прежде всего, если сообщается об *идентичном* случае...). Но чтобы о нем можно было сообщить, оно должно ощущаться как *приведенное в порядок*, как *«узнаваемое»*. Материал, поставляемый чувствами, приводится в порядок рассудком, сводится к грубым общим чертам, уподобляется, подводится под родственное. Итог: смутность и хаотичность чувственных впечатлений как бы *логизируется*.

2) мир «явлений»—это мир, приведенный в порядок, который мы *воспринимаем в качестве реального*. Эта «реальность» заключается в беспрестанном возвращении тех же самых, известных, знакомых вещей, в их *логизированном характере*, в вере, будто тут мы можем сосчитать, вычислить.

3) противоположность этого феноменального мира—*не* «мир истинный», а бесформенный и не поддающийся формулированию мир хаоса ощущений,—иными словами, некий феноменальный мир *другого рода*, для нас «непознаваемый».

4) вопросы о том, каковы могли бы быть «вещи сами по себе», независимо от нашей чувственной восприимчивости и рассудочной активности, следует отвести вопросом: а почем нам знать, *есть ли вещи вообще?* «Вещность» создали мы сами. Спрашивается, разве невозможны многие другие виды творения подобного *иллюзорного* мира,—и разве это созидание, логизирование, приведение в порядок, подделывание—не лучшая из возможных гарантия

самой *реальности:* короче говоря, единственно реальное — не то ли это, что «устанавливает вещи»; и разве это «воздействие внешнего мира на нас» — не тоже всего лишь следствие <деятельности> таких волящих субъектов<?>...

«Причина и следствие» — ложное истолкование *войны* и относительной *победы*

другие «существа» воздействуют на нас; наш *приведенный в порядок* иллюзорный мир — это приведение в порядок и *победа* над их воздействиями; своего рода *оборонительная* мера.

Доказуем лишь субъект: <может быть выдвинута> **гипотеза**, *что существуют одни только субъекты*, что «объект» — всего-навсего своего рода воздействие субъекта на субъект... некий *модус субъекта*

9 [107]

(72) Развитие *пессимизма до нигилизма*

Лишение *ценностей* естественности. Схоластика ценностей. Ценности, потерявшие корни, идеалистические, вместо того чтобы овладевать действием и руководить им, с осуждением обращаются *против* действия.

Противоположности, внедренные на место естественных рангов и степеней. Ненависть к иерархии. Противоположности впору плебейской эпохе, потому что их легче *уловить*

Мир *скверны*, его соотношение с миром, сооруженным искусственно, «истинным, более ценным».

И вот в конце концов обнаруживается, из какого материала был построен этот «истинный мир»: теперь-то остается один лишь мир скверны, а *полученное от этого огромное разочарование зачисляется, заодно со всем прочим, на счет его порочности.*

Вот вам и *нигилизм:* после всего остались одни лишь *ценности суда* — и больше ничего!

Тут возникает *проблема силы и слабости:*

1) слабаки на этом ломаются

2) сильные доламывают то, что не сломлено

3) самые сильные преодолевают ценности суда.

— *все это, вместе взятое, и составляет* **трагическую эпоху**

В критику пессимизма

«Перевес *страдания над наслаждением*» или обратное (гедонизм): оба эти учения уже и сами — проводники к (3), они *нигилистичны*...

ведь тут в обоих случаях не установлено никакого другого конечного *смысла*, кроме наслаждения и страдания как явлений.

Так, однако, говорит порода людей, которые уже не отваживаются устанавливать желание, намерение, *смысл* — а для любой здоровой породы ценность жизни просто не определяется меркою этих мелочей. И *перевес* страдания возможен, но *вопреки ему* возможно и мощное влечение, *приятие* жизни; нужда в таком перевесе

«Жить не стоит»; «резиньяция», «откуда эти слезы?..» — образ мыслей немощный и сентиментальный. «un monstre gai vaut mieux qu'un sentimental ennuyeux»[1].

Пессимизм натур деятельных: «к чему все это?» — после ужасающей борьбы, пусть даже увенчавшейся победою. Что какая-то вещь может оказаться в сто раз *важнее* вопроса о том, хорошо нам или плохо, — это основной инстинкт всех крепких натур: а значит, <им не важно> и то, хорошо или плохо *другим*. Короче говоря, надо, чтобы у нас была цель, ради которой мы не колеблясь пошли бы на человеческие жертвоприношения, вдавались бы в любую опасность, брали бы на себя худое и наихудшее: <надо, чтобы у нас была> *великая страстность*.

9 [108]

«Субъект»-то ведь — не более чем фикция; никакого такого ego[2], о коем говорят, порицая эгоизм, вообще не бывает.

9 [109]

(73) NB. ободрить *евреев* на приобретение *новых качеств*, после того как они оказались в новых условиях существования: и делать это так, как только и подобает моему инстинкту, — на этом пути я не давал сбить себя с толку и тому ядоносному встречному движению, что нынче прямо-таки на коне.

---

1 Веселый изверг лучше сентиментального зануды (*фр.*).

2 «Я» (*лат.*).

9 [110]

(74) **Поверхностность, живописность** как *симптомы нигилизма* (в искусствах и в психологии)

Ни в коем случае не заниматься *colportage-психологией!* Не наблюдать ради самого наблюдения! От этого оптика становится искаженною, развивается косоглазие, какая-то вымученность и отсутствие чувства меры. *Переживание* как желание пережить; оно несбыточно, если копаться в себе; прирожденный психолог, как и прирожденный художник, поостережется смотреть, только чтобы смотреть; он никогда не пишет «с натуры»,—просеивание и выражение пережитого, «случая», «природы» он предоставит своему инстинкту, он сознает *всеобщее* в подлиннике, а *вовсе не* произвольные свойства, отвлеченные из определенных случаев. А если делать иначе, подобно поджидающим добычу парижским романистам, что словно подстерегают действительность, всякий день принося домой целые пригоршни странностей,——то что из всего этого в конце концов выйдет? В лучшем случае какая-то мозаика, что-то *нащипанное*, кричаще пестрое, тревожное (как у братьев Гонкур).— *«Природа»*, в художническом смысле слова, не бывает «правдивой»; она хватает через край, она искореживает, она оставляет пробелы. «Учиться, следуя природе»—признак холопства, немощи, своего рода фатализм, недостойный художника. *Видеть то, что* **есть**,—это черта специфически иного рода умов—фактуалистов, регистраторов: если до предела развить эту способность, она окажется *чем-то в принципе анти-художественным.*

Вот *описательная музыка*; *действовать* тут предоставляют действительности...

Все подобные виды искусства *легче*, в них проще *подражать*; к ним обращаются люди малоодаренные. Апелляция к инстинктам; *суггестивное* искусство.

9 [111]

Вагнер, средоточие суеверий уже при жизни, между тем до такой степени окутался туманами невероятного, что с достоверностью о нем можно высказываться лишь при помощи парадоксов

9 [112]
(75) Не скрывается ли за противоположностью *классического* и *романтического* — противоположность *активного* и *реактивного?...*

9 [113]
NB некоторые судьбы надо глотать не глядя: это, как при питье матэ, *улучшает* их на вкус.

9 [114]
NB о том *софте эгоизма*, который заставляет нас что-то делать, а чего-то не делать ради ближнего

9 [115]
(76) *Обдумать:*

Совершенная книга. –

1) форма, стиль
Идеальный монолог. Все ученое сосредоточено в глубине
там и сям — акценты глубокой страстности, тревоги, но также и послабления, умягчения, проблески *солнца* — краткое блаженство, утонченная веселость —
Преодолеть демонстративность; все абсолютно *лично.* Никакого «я»...
своего рода mémoires[1]; самые абстрактные вещи <должны предстать> во плоти и крови как можно убедительнее
вся история <человечества> словно *пережита и выстрадана лично* (— только так она и делается *правдою*)
что-то вроде беседы с духами; своего рода эвокация, вызывание духов, заклинание мертвых
как можно больше зримого, осязаемого, конкретного, с современным <материалом нужна> осторожность.
все в духе времени
Избегать слов «благородный» и вообще всех слов, чреватых самоинсценировкою.

---

1 Записки для памяти (*фр.*).

Никакого «описательства»; все проблемы переводить в *чувство* вплоть до страстности —

2) собирние *выразительных* слов. Преимущество — за словами из военной сферы.
Слова-заменители для философских терминов: по возможности немецкие и отлитые в формулы.
изобразить все *состояния людей наиболее духовного порядка* — чтобы книга вместила в себя целую вереницу таких состояний.
(— состояния законодателя
искусителя
принужденного жертвовать, <но> медлящего —
великой ответственности
страдания быть неузнанным
страдания от необходимости *казаться*
страдания от необходимости причинять боль,
наслаждения, получаемого при разрушении

3) Выстроить все сочинение, нацеливая его на *катастрофу*

<Тон> введения заимствовать у *тяги* к пессимизму. *Не* брать тон человека страждущего, разочарованного. «Мы, не верующие в добродетель и красивую напыщенность».

Сатировская игра
в заключение

Вплести: короткие беседы между Тесеем, Дионисом и Ариадною.
— Тесей, сказала Ариадна, становится нелеп — Тесей становится добродетелен —
Тесей ревнует Ариадну к ее грезе.
Герой, восхищаясь собою, становится нелеп.
Плач Ариадны
Дионис, без ревности: «Разве может какой-нибудь Тесей любить в тебе то, что люблю я?»...

Последний акт. Свадьба Диониса и Ариадны
«Коли уж ты бог, то не ревнуешь,—сказал Дионис,—
разве что к богам».

«Ариадна,—сказал Дионис,—да ты прямо какой-то лабиринт: Тесей в тебе заплутал, а нити-то у него уж и нет; Минотавр его не сожрал—да что ему от этого толку? То, что его пожирает, хуже Минотавра». «Ты мне льстишь,— отвечала Ариадна,—но я устала сострадать, и всем героям отныне предстоит находить во мне свою погибель: а последнее, что я сделаю Тесею из любви,—погублю его»

9 [116]
(77) Руссо, этот типичный «современный человек», идеалист и canaille в одном лице, причем первое в нем—ради второго, существо, которое *нуждалось* в «моральном достоинстве» и в свойственных таковому позах, чтобы удержаться от отвращения к себе самому, страдающий одновременно от безудержного тщеславия и от безудержного презрения к себе: и этот-то ублюдок, разлегшийся на пороге нашего нового времени, еще проповедовал «возвращение к природе»—куда ж он хотел *вернуться* на самом деле?

Я тоже говорю о «возвращении к природе»: но на самом деле это не «возвращение назад», а некое «вхождение» в нее—в сильное, солнечно-чистое, ужасающее естество и естественность человека, дерзающее вынашивать великие задачи, потому что от задач мелких оно чувствует утомление и отвращение. Наполеон был «возвращением к природе» in rebus tacticis[1], но прежде всего—в области стратегии.

Восемнадцатый век—это ему мы обязаны всем тем, над чем век девятнадцатый бился и от чего страдал: фанатизмом морали, смягчением нравов в пользу слабаков, угнетенных, страдальцев, злобою ко всему, что отмечено привилегией, верой в «прогресс», верой в фетиш под названием «человечество», нелепою плебейской гордостью и томлением по полноте страсти—то и другое на романтический лад—

---

1 В вопросах тактики (*лат.*).

Наша враждебность к революции относится не к кровавому фарсу, этой ее «имморальности», с которой она разыгрывалась, а, скорее, к ее стадной *нравственности*, к ее «истинам», беспрестанно продолжающим свое воздействие, к ее заразному представлению о «справедливости, свободе», коим она обольстила души всех посредственностей, к предпринятому ею низвержению авторитета *высших сословий*. Витавшие вокруг ужас и запах крови придали этой оргии *посредственности некую видимость величия*, так что в качестве зрелища она совратила даже самые гордые умы.

9 [117]

человек уступчив, когда уступить—значит поступиться: то есть когда довольно богат, чтобы не надо было отнимать.

9 [118]

он любил спорить до тех пор, пока случай не поможет ему победить в споре

9 [119]

(78) *«Облагораживание вкуса»* может быть только следствием *усиления* типа. Наше нынешнее общество представляет лишь образование; людей же образованных *нет и в помине*. Нет <типа> великого *синтетического человека*, в котором многоразличные способности беззаветно работали бы на единую цель. То, что у нас есть,—это человек *многоликий*, самый интересный хаос, какой только, верно, доселе и был: но *не* тот хаос, что был *до* творения мира, а тот, что был после него, многоликий человек,—*Гёте* как самый прекрасный образец этого типа (*—а уж, конечно, вовсе не олимпиец!*)

Право на большой *аффект*—отбить его у противника для людей познания! После того как самоотвержение и культ «объективного» создали ложную иерархию и в этой сфере. Заблуждение это достигло своей вершины в учении Шопенгауэра: мол, *именно в избавлении от аффекта*, от воли и состоит единственный доступ к «истине», к познанию; а избавленному от воли интеллекту *не остается*, мол,

ничего другого, кроме как созерцать истинную, доподлинную сущность вещей.

То же самое заблуждение in arte[1]: мол, как только на вещи начинают глядеть без воли, они сразу же становятся *прекрасными*.

Борьба с «целью» в *искусстве*—это всегда борьба *с морализирующей* тенденцией в искусстве, с его подчиненностью *морали:* lart pour lart означает: «черт побери мораль!» Но даже и такая враждебность говорит о преобладании этого предрассудка; ведь если из искусства исключен *аффект нравоучения* и «изменения человека к лучшему», то отсюда еще долго не будет следовать, что искусство вообще возможно без «аффекта», без «цели», без какой-то внеэстетической потребности. «Отражение», «подражание»: ладно, но каким образом? Всякое искусство восхваляет, возвеличивает, выделяет, просветляет—оно *подкрепляет* те или иные виды почитания: так неужто надо было счесть это чем-то побочным, каким-то случайным эффектом? *Или же это изначально заложено в «умении» художника?* Затрагивает ли аффект художника и само искусство? Или, наоборот, жизнь? то, *что ожидается от жизни?*

А все это многообразие уродливого, жестокого, ужасного, изображаемое искусством? Разве оно думает *внушить отвращение* к жизни? настраивать на резиньяцию, как полагает Шопенгауэр? Но художник делится с нами в первую голову своим *состоянием* по поводу ужасающей стороны жизни: и само это состояние есть некий *интерес*,— кто испытал его на себе, ценит его превыше всего и делится им с нами, если, конечно, он—натура общительная, то есть художник. *Отвага* перед лицом могучего врага, великого бедствия, ужасной проблемы—она уж сама по себе есть *приподнятое состояние* жизни, возвеличиваемое всяким искусством возвышенного. Душа воинственная справляет свои сатурналии в трагедии; <она испытывает> упоение борьбы и победы, суровой жестокости при виде страдающих и борющихся людей, как это и пристало привыкшему страдать, даже *взыскующему* страдания человеку.

---

1 В искусстве (*лат.*).

9 [120]

(79) В нашем цивилизованном мире нам знаком почти что исключительно тип преступника тщедушного, раздавленного проклятьем и презрением общества, не верящего в себя, частенько принижающего и очерняющего свое злодеяние,—*уродливый его тип;* и нас коробит от мысли о том, что *все великие люди были преступниками,* но только широкого размаха и в делах отнюдь не жалких, что преступление тоже может придавать величие (—так мог бы сказать знаток человеческих душ, да и всякий, кто *спускался* в самую глубину великих душ). «Быть вольным, как птица» от обычая, совести, долга—любой из великих понимает, насколько это для него опасно. И все же он дает этому желанию *волю:* он *взыскует* великой цели, а потому и средств, какими ее достигают.

9 [121]

(80) Надо, чтобы людям вернули *решимость* иметь естественные влечения

Надо препятствовать их *недооценке себя* (*не* как индивидов, а как *природы...*)

Надо, чтобы люди изъяли из вещей *противоположности,* поняв, что они их туда вложили.

Надо, чтобы из сущего была целиком изъята общественная *идиосинкразия* (вина, кара, справедливость, честность, свобода, любовь и т. д.).

Поставить проблему *цивилизации.*

Прогресс в направлении *«естественности»:* во всех политических коллизиях, в том числе в отношениях между партиями, даже партиями торгашескими или партиями рабочих и предпринимателей, речь идет о коллизиях *власти*—«чего *можно* добиться?», а уж потом «чего *следует* добиваться?».

А что при этом, прямо в разгар работы механизма большой политики, раздаются еще и христианские фанфары (скажем, в победных реляциях или в императорском обращении к народу),—это становится все более невыносимым: претит хорошему вкусу. «Глотка кронпринца»—да Богу нет до нее никакого дела.

Прогресс девятнадцатого века в сравнении с XVIII. — *в сущности, мы,* **добрые европейцы,** *ведем войну с XVIII столетием.* —

1. «Возвращение к природе» все решительней понимают в смысле, обратном тому, в каком это понимал Руссо. *Прочь от идиллии и от оперы!*

2. <девятнадцатый век> все решительней становится антиидеалистическим, реалистическим, неустрашимым, работящим, умеренным, недоверчивым к внезапным переменам, *антиреволюционным.*

3. вопросы *здоровья телесного* все решительней заслоняют собою вопросы здоровья «души»: последнее понимается как некое состояние, наступающее вследствие первого, или по меньшей мере как предпосылка — — —

9 [122]
(80[a]) *К генеалогии христианства*

—фанатизм пугливых душ, не отваживающихся вернуться в свою покинутую некогда страну: и вот от страха и пытки страхом они приходят к мысли ее *уничтожить.*

—чтобы остановиться, а то и вернуться восвояси, нужно больше мужества и *силы* воли, чем чтобы идти дальше. *Вернуться назад не труся — труднее, чем не труся идти дальше.*

9 [123]
(81) *О происхождении нигилиста*

Человек запоздало обретает мужество признать то, что он доподлинно *знает.* Что доселе я был закоренелым нигилистом — в этом я признался себе лишь недавно: энергия и безоглядность, с какими, будучи нигилистом, я шел вперед, сбивали меня с толку относительно этого кардинального факта. Когда движешься навстречу цели, кажется невероятным, что наш символ веры — «бесцельность как таковая».

9 [124]
(82) *Мораль как средство совращения*

«Природа добра, потому что сотворена мудрым и благим Богом. Так на кого ж тогда падает ответственность за "испорченность человека"? На ее тиранов

и совратителей — господствующие сословия: уничтожить их».

: это логика *Руссо* (ср. логику *Паскаля*, возводящего все к первородному греху).

Стоит сравнить это и с родственной логикой *Лютера*

: в обоих случаях изыскивается какой-нибудь предлог, чтобы ненасытную потребность в мщении возвести в *морально-религиозный долг.* Ненависть к правящему сословию пытается *освятить* себя...

(«греховность Израиля»: основа для власти жрецов)

Стоит сравнить это и с родственной логикой *Павла*

: все эти реакции всегда выходят на сцену под эгидою Божьего дела, дела права, гуманности и т. д.

(а причиною казни *Христа* было, видимо, ликование народа; какое-то изначально антижреческое движение)

(— и даже *антисемиты* постоянно прибегают к тому же фокусу: обрушиться на противника морально уничтожающими высказываниями, а за собою оставить роль *карающей справедливости*)

NB Моральное осуждение как *способ получения власти.*

А. «разбередить *больную* совесть», чтобы сделать нужными Спасителя, жрецов и им подобных, или:

В. поощрить *чистую* совесть, чтобы считать противника плохим и таким образом получить право громить его.

9 [125]

(83) против Руссо: естественное состояние ужасно, человек — хищник, а наша цивилизация — неслыханный *триумф* над этою хищнической природой человека: *такой вывод сделал Вольтер.* Он поощрительно глядел на смягчение нравов, утончение вкусов, духовные развлечения цивилизованного состояния; он презирал тупость, в том числе и в виде добродетели, а нехватку деликатесов — даже на столе аскетов и монахов.

Руссо, кажется, предвосхитил понятие *моральной предосудительности;* такими словами, как «несправедливо», «жестоко», лучше всего разжигать инстинкты угнетенных — не то они останутся под ярмом того, что vetitum[1],

---

1 Запретно (*лат.*).

и страха впасть в немилость: *тогда совесть станет противиться их бунтовщическим порывам.* Этим эмансипаторам нужно было главным образом *одно:* чтобы их партия усвоила себе пафос и жесты, присущие *более высоким натурам.*

9 [126]

(84) *Основные симптомы пессимизма*

dîners chez Magny
русский пессимизм. Толстой. Достоевский.
эстетический пессимизм. L'art pour l'art. «Описательность». Пессимизм романтический и антиромантический.
теоретико-познавательный пессимизм.
Шопенгауэр. «Феноменализм».
анархистский пессимизм.
«религия сострадания», ее буддийская ранняя форма.
пессимизм в культуре (тяга к экзотике. Космополитизм)
пессимизм относительно морали: я сам
Антракты, временные *избавления* от пессимизма.
великие войны, сильные военные машины, национализм
конкуренция в промышленности
наука
увеселения

Проведем тут разграничительную черту:

пессимизм как сила – в чем она состоит? в энергии его логики, проявляющей себя как анархизм и нигилизм, как аналитика.

пессимизм как упадок – в чем он состоит? в изнеженности, в космополитической избалованности, в «tout comprendre»[1] и в историческом подходе.

9 [127]

Нигилизм надвигается.
Логика нигилизма.
Самопреодоление нигилизма.
Преодолевшие и преодоленное.

---

1 Все понять (*фр.*).

9 [128]
(85) *критическое напряжение сил:* крайности проявляются и берут верх.

9 [129]

Упадок *протестантизма:* теоретически и исторически его следует понимать как полумеру. Фактическое преимущество на стороне католицизма; вкус к протестантизму настолько угас, что сильнейшие *антипротестантские* движения уже не воспринимаются как таковые (скажем, Вагнеров «Парсифаль»). Вся интеллектуальная элита во Франции — *католическая* по своему инстинкту; <и даже> Бисмарк догадался, что никакого такого протестантизма больше попросту нет.

9 [130]
[(86] *Критика современного человека*
(нравоучительного в своей лживости)
«человек добр», да только испорчен и совращен плохими общественными институтами (тиранами да жрецами)
разум в качестве авторитета; история как преодоление заблуждений; будущее как прогресс.
христианское государство, «Бог воинств»
христианское детородное производство, или брак
царство «справедливости», культ «человечества»
«свобода»
романтические позы современного человека:
благородный человек (Байрон, В. Гюго, Ж. Санд)
благородное негодование
исцеление страстью (как подлинной «природой»)
солидарность с угнетенными и обойденными жизнью: девиз историков и романистов.
стоики из чувства долга
«самоотверженность» как искусство и познание
альтруизм (как самая лживая форма эгоизма)
(утилитаризм) наиболее сентиментальный вид эгоизма.

9 [131]
(87) и все это **XVIII** столетие. А вот что, напротив того, *осталось* в нем: insousiance[1], непомраченность, изящество, блистательное остроумие; изменился самый темп духа; наслаждение утонченностью и ясностью ума сменилось наслаждением красками, гармонией, массой, реализмом и т.д. Сенсуализм в сфере духа. Короче говоря, это XVIII столетие в духе *Руссо*.

9 [132]

доблестные и *добродетельные*

9 [133]

Science sans concsience n'est que ruine de l'âme[2]. Рабле. Conscience sans science c'est le salut[3] —

9 [134]
(88) Огюстен Тьерри в 1814-м прочел то, что де Монлозье написал в своей книге *De la monarchie française*[4]: он отозвался на прочитанное воплем негодования и принялся писать и сам. А сказал этот эмигрант вот что: Race d'affranchis, race d'esclaves arrachés de nos mains, peuple tributaire, peuple nouveau, licence vous fut octroyée d'être libres, et non pas à nous d'être nobles; pour nous tout est de droit, pour vous tout est de grâce, nous ne sommes point de votre communauté; nous sommes un tout par nous-mêmes[5].

9 [135]
(90) «евангелическая свобода», «ответственность перед своей совестью», это красивое лицемерие *Лютера:* а в

---

1 Беззаботность (*фр.*).

2 Знание без совести — всего лишь погибель души (*фр.*).

3 Неведающая совесть спасительна (*фр.*).

4 «О французской монархии» (*фр.*).

5 Порода вольноотпущенников, порода рабов, вырвавшихся из наших рук, податной народ, выскочки, мы дозволили вам быть свободными, но не дозволяли быть благородными; мы пользуемся всем по праву, вы — по нашей милости, мы не составляем с вами одно общество, мы — сами по себе общество (*фр.*).

сущности своей — «воля к власти» в ее самой робкой форме. Ведь вот каковы три ее ступени: a) свобода, b) справедливость, c) любовь.

9 [136]

вера — это некая «священная болезнь», ἱερὰ νόσος[1]: об этом знал уже Гераклит: вера — какое-то отупляющее внутреннее принуждение *считать что-то безусловно истинным*...

9 [137]

(91) Борьба против *великих* людей, в качестве ее оправдания — экономические причины. Эти люди опасны, они отклоняются от правила, они — исключения, несущие с собою бурю, достаточно сильные, чтобы поставить под вопрос то, что закладывалось и строилось так долго. Эту взрывчатку надо не только безопасно разрядить, но и по возможности *предотвратить* ее появление... Вот он, основной инстинкт цивилизованного общества.

9 [138]

(92) NB *брать на службу* все ужасающее — по отдельности, постепенно, на пробу: вот что предполагает задача построения культуры; но пока она не *достаточно* для этого *сильна*, ей приходится побеждать все это, усмирять, запрятывать по углам, даже проклинать...

— повсюду, где культура *начинает видеть зло*, она тем самым проявляет свое отношение к нему как ужас — — стало быть, проявляет *слабость*...

Тезис: все доброе — это бывшее некогда злым, но покоренное.

Критерий: чем более ужасны и грандиозны страсти, которые может позволить себе эпоха, народ, личность, потому что в состоянии воспользоваться ими *как средствами, тем выше уровень их культуры.* (— границы царства зла становятся все более *тесными*...)

— чем посредственней, слабей, раболепней и трусливей человек, тем больше *злого* он будет видеть вокруг: царство зла для него необозримо, а человек наиболее под-

---

1 Падучая (*греч.*).

лый будет видеть это царство зла (то есть того, что ему запрещено и находится на вражеской территории) повсюду.

9 [139]
(89) *Summa*[1]: господство над страстями, а *не* их ослабление или искоренение!

Чем больше властительная сила воли, тем больше воли можно давать страстям.

«Великий человек» велик благодаря объему свободы своих страстей и благодаря еще большей власти, умеющей заставить служить ему этих великолепных чудовищ.

— «добрый человек» на любой ступени цивилизации в одно и то же время *неопасен и полезен:* он — своего рода *середина*, выражение в коллективном сознании того, *кого можно не бояться и тем не менее нельзя презирать...*

Воспитание: это главным образом способ *разрушить* исключение, отклонение, соблазн, источник хвори — в пользу правила.

Это жестоко — но, с точки зрения экономической, совершенно резонно. По крайней мере, на то долгое время, — — —

Образование: это главным образом способ обратить вкус против исключений и в пользу всего посредственного.

Культура исключения, искушения, опасности, нюанса — как следствие великого *кладезя силы: к этому* склоняется любая аристократическая культура.

И лишь когда культура будет в состоянии распоряжаться излишком сил, на ее почве может <возникнуть> и оранжерейное здание роскошной культуры — — —

9 [140]
(93) Моя попытка постичь *безусловную резонность* коллективного вынесения суждений и наделения ценностью — разумеется, безо всякого стремления выжать при этом моральный остаток.

---

1 Вывод (*лат.*).

: степень *психологического лицемерия* и непрозрачности, призванных **освятить** аффекты, важные для сохранения и умножения власти (призванные обеспечить себе *чистую совесть* в их отношении)

: степень *глупости*, при которой еще возможно какое-то общее регулирование и оценка (для этого—воспитание, контроль элементов образования, дрессировка)

: степень *инквизиторства, недоверия и нетерпимости*, необходимых, чтобы считать людей исключительных преступниками и их подавлять,—чтобы наделить их даже нечистой совестью, вызывающей в душе болезненное переживание собственной исключительности.

Мораль главным образом как *защита*, как оборонительное средство: и в этом смысле признак недоросля

p. 123

(одеться в броню; вести себя стоически;

а у взрослого прежде всего в руках *оружие*, он всегда *атакует*

мечи, перекованные на орала (из чешуек и роговых пластинок, перьев и волос)

Summa: мораль как раз столь же «неморальна», как и всякая другая вещь на свете; и сама нравственность есть форма безнравственности.

Великое освобождение, несомое этим пониманием, удаляет из вещей противоречие, *спасает* однородность всего происходящего——

9 [141]

(94) Переутомление, любопытство и сочувствие—наши *современные пороки*

9 [142]

(95) Вершины культуры и цивилизации *не* совпадают—насчет антагонизма этих двух понятий сбиваться с толку непозволительно.

Великие моменты *культуры* всегда были, выражаясь на моральный лад, эпохами *разложения*; эпохи сознательного и принудительного *приручения* («цивилизирования») че-

ловека были временами нетерпимости к наиболее духовным и отважным натурам и их страшнейшими супостатами.

9 [143]

(96) Как мало значит объект! Ведь дух—вот кто вдыхает жизнь! Каким болезнетворным и затхлым воздухом веет от всех этих взволнованных разглагольствований о «спасении», любви, «блаженстве», вере, истине, «жизни вечной»! Уж лучше взять в руки какую-нибудь подлинно *языческую* книгу—скажем, Петрония, который, в сущности, не сделал, не сказал, не умышлял и не ценил ничего такого, что по мерилу христианско-лицемерному не было бы грехом, а то и смертным грехом. А все же, что ни говори, какое испытываешь от нее блаженство—воздуха более чистого, духовности много более высокой, шага более скорого, силы освобожденной и бьющей через край, уверенно глядящей в будущее! Во всем Новом Завете нет ни единой буффонной сцены—но это-то и говорит против любой книги... В сравнении с ним <Петронием> Новый Завет так и останется симптомом культуры упадка и *разложения*—именно так он и действовал, будучи ферментом гниения

9 [144]

(97) О *«мнимости логики»*

Понятия «индивид» и «род» равным образом ложны и не идут дальше очевидности. *«Род»* выражает всего лишь тот факт, что множество подобных друг другу существ появляются в поле зрения в одно время и что темп усиления и изменения долгое время остается замедленным, так что действительно имевшие место мелкие продвижения вперед и приросты почти не идут в счет (—это фаза развития, на протяжении которой внутреннее развитие остается незаметным, и *кажется*, будто достигнуто некое равновесие, а в итоге может сложиться ложное представление, *будто тут достигнута какая-то цель*—и будто в развитии была какая-то цель...).

Форма считается чем-то незыблемым и потому более ценным; но ведь форма попросту выдумана нами; и пусть сколько угодно говорится, что «нечто принимает все ту же форму»—это все равно не означает, что все это *есть*

одна и та же форма,— *напротив, беспрестанно появляется что-то новое*, и лишь мы, сравнивая, подытоживаем это новое, в той мере, в какой оно похоже на старое, в качестве единой сущности — «формы». Как будто должен воплотиться какой-то *тип*, витающий перед становящейся структурою, словно ее образец и внутренняя сущность.

Форма, род, закон, идея, цель — тут повсюду совершается одна и та же ошибка: под фикцию подводится какая-нибудь лжедействительность, словно происходящему свойственно чего-то слушаться,— а тогда в происходящем проводится искусственное различение между тем, *что* действует, и тем, *на что* ориентировано это действие (а ведь эти «что» и «на что» всего-навсего установлены нами из покорности нашей логико-метафизической догматике, они — отнюдь не «факт»).

Это *принудительное* образование понятий, родов, форм, целей, законов — *«мир тождественных случаев»* — следует понимать не так, будто подобным образом мы можем установить существование *истинного мира*, а как принудительное для нас упорядочивание мира, в результате которого *наше существование* становится выносимым,— с его помощью мы создаем мир, поддающийся нашему учету, упрощению, пониманию и т. д.

Эта самая принудительность состоит в *чувственной деятельности*, поддерживаемой рассудком,— все это упрощение, огрубление, выделение и затыкание щелей, на коем зиждется всякое «узнавание», всякая способность делать вещи вразумительными. Наши *потребности* так тонко настроили наши чувства, что в итоге постоянно воспроизводится «мир тех же самых явлений», приобретая благодаря этому видимость *реальности*.

Субъективное принуждение, заставляющее нас верить в логику, говорит лишь о том, что мы, задолго до того, как уяснили себе саму логику, не занимались ничем другим, как только **вкладывали** *ее постулаты в происходящее:* ну а теперь мы находим ее в происходящем в готовом виде — иначе мы уже не умеем — и вот уж мним, будто это принуждение — гарантия того, что мы знаем кое-что об «истине». Это мы сами создали понятия «вещь», «тождественная вещь», субъект, предикат, действие, объект, субстан-

ция, форма, сперва дольше долгого попрактиковавшись в *проведении* отождествления, огрубления и упрощения.

Мир *является* перед нами логичным, потому что *мы* его сначала логизировали.

9 [145]
(98) О «макиавеллизме» власти

(**бессознательный** *макиавеллизм)*

Воля к власти проявляется:

a) у угнетенных, у рабов всех видов — в качестве стремления к *«свободе»:* уже одно только *избавление* от гнета кажется им целью (на морально-религиозном языке: «ответственность перед совестью», «евангелическая свобода» и т. д.)

b) у породы более сильной и созревшей для власти — как стремление к превосходству; если сразу же успеха добиться не удается, то оно ограничивается волей к *«справедливости»*, то есть к *равенству прав* — с другою, господствующей породой (борьба за права...)

c) у натур самых сильных, преизбыточных, независимых, отважных — как «*любовь* к человечеству», к «народу», к Евангелию, к истине, к Богу; как сострадание; «самопожертвование» и т. д., как стремление захватить, увлечь за собою, взять на службу себе; как инстинктивное самоотождествление с большим квантумом власти, *направить которую на какую-нибудь цель они в состоянии:* герой, пророк, император, спаситель, пастырь (— сюда же и половая любовь: она *стремится* к захвату, овладению, а *предстает* как самоотдача...) — в сущности, <все они> любят лишь свое «орудие», своего «коня».., они убеждены в том, что то или иное <орудие> им *принадлежит*, потому что они — единственные, кто в состоянии *им пользоваться.*

«Свобода», «справедливость» и «любовь»!!!

Неспособность властвовать: ее *гипокризия* и *хитрость:* под видом покорности (быть как все, гордиться верностью долгу, быть нравственным...)

под видом преданности, самоотверженности, любви (идеализация, обожествление начальствующих в качестве утешительного приза и косвенного самоумиротворения)
под видом фатализма, резиньяции
под видом «объективности»
под видом самоистязания (стоицизм, аскеза, «самоотречение», «обретение святости»)
(—и всюду выражается потребность хоть немного попользоваться властью или на время создать себе *видимость* какой-нибудь власти (*опьянение*))
под видом критики, пессимизма, негодования, мучительства
под видом «прекраснодушия», «добродетели», «самообожествления», «ухода от мира», «чистоты от мирской скверны» и т. д. (—понимание собственной неспособности властвовать, переодетое в dédain <к ней>)

Люди, стремящиеся к власти ради приятных *преимуществ*, предоставляемых властью (политические партии)
другие люди, стремящиеся к власти, даже если она связана с ощутимыми *неудобствами* и *жертвами* в смысле счастья и благополучия: эти с амбициями
еще другие люди, стремящиеся к власти хотя бы для того, чтобы она не попала в чужие руки, зависеть от которых они не хотят.

К проблеме: не являет ли собою власть в <комплексе> «воли к власти» всего лишь *средство:* присваивающая и *организующая* что-то <внешнее> протоплазма—стало быть, она усиливает себя и употребляет власть, чтобы усиливать себя <еще больше>.
В какой мере поведение протоплазмы при этом присвоении и организации дает ключ к пониманию взаимного химического поведения этих веществ (борьба и закрепление власти).

9 [146]

(99) *Против Руссо:* человек, *увы,* уже не достаточно зол; противники Руссо, утверждающие: «Человек—это хищный зверь», увы, не правы: проклятье человека—не испорченность, а изнеживание и омораливание; в той области, на которую пришлись самые сильные атаки Руссо, жила как раз пока еще *относительно* крепкая и удавшаяся порода людей (—тех, в ком сохраняли первозданность великие страсти, воля к власти, стремление к наслаждению, желание и способность повелевать). Чтобы почувствовать, о чем тут идет речь, надо сравнить человека XVIII столетия с человеком Возрождения (и с человеком XVII столетия во Франции): Руссо—симптом презрения к себе и воспаленной самовлюбленности, причем то и другое—признаки того, что ни одно влечение не доминирует: он морализирует и, будучи человеком злопамятным, ищет *причину* своей никчемности в *господствующих* сословиях.

9 [147]

(100) *Какими способами добродетель приходит к власти?*

В точности теми же, что и политическая партия: она клевещет, она бросает тень, она подрывает добродетели, преследующие противоположную цель, те, что уже у власти, измышляет им ложные имена, систематически преследует их и издевается над ними: иными словами, *пользуется исключительно «имморальными» средствами.*

Что делает с собою страсть, чтобы стать *добродетелью?* Измышляет себе ложное имя; принципиально клевещет на свои <подлинные> цели; упражняется в лжепонимании себя; вступает в союз с существующими и общепризнанными добродетелями; афиширует свою вражду к их противникам. Где только можно, покупает покровительство дающих санкции властей; увлекает, воодушевляет, предается идеалистическому ханжеству; залучает на свою сторону партию, чтобы та *либо* пришла к власти, взяв ее с собою, *либо* погибла..., становится *бессознательной, наивной...*

9 [148]
[(101)] *Учение о метаморфозах:*

Метаморфозы сексуальности
" жестокости
" трусости
" мстительности, гнева
" лености
" властолюбия
" слепой отваги
" лживости, завистливости
" клеветничества
" корыстолюбия
" ненависти

Все то, что та или иная эпоха презирает или ненавидит как добродетели *рудиментарные*, как пережиток идеала минувших эпох, но выступающий в виде недоразвитости («преступник»...)

9 [149]
(102) Как поступают, чтобы возвеличить *враждебные жизни* тенденции?

К примеру, целомудрие
бедность и нищенство
глупость и дикость
презрение к себе
презрение к бытию

9 [150]
(103) **К оптике наделения ценностью:**

Как сказывается *количественная сторона* (большое, маленькое) цели.
Как сказывается *духовный уровень* средств.
Как сказывается *образ действий.*
Как сказываются *удача* или неудача.
Как сказываются *противодействующие* силы и их ценность.
Как сказываются *дозволенное* и *запретное.*

Количественная сторона цели в ее воздействии на оптику наделения ценностью: *великий* преступник и *мелкий.* Количественная сторона преследуемой *цели* сказывается

и на том, кто к ней стремится — станет ли он себя при этом уважать или почувствует себя трусливым и презренным.—

Далее, *духовный уровень* средств в их воздействии на оптику наделения ценностью. Какая огромная разница между философом-новатором, искусителем и деспотом — и бандитом, варваром и авантюристом! Видимость «бескорыстия».

Наконец, благородные манеры, самообладание, смелость, вера в свои силы — как они меняют оценку того, что достигается соответствующим образом действий!

Как сказывается *запрет:* любая власть, если она запрещает что-либо, умеет внушить страх и ощущение «неспокойной совести» тому, кому она это запрещает (это значит, человек станет страстно желать чего-нибудь, но понимать *опасность*, сопряженную с удовлетворением своего желания, будет вынужден утаивать его, пользоваться уловками, проявлять осторожность; любой запрет портит характер тех, что подчиняются ему не по своей воле, а против нее).

9 [151]

(104) Воля к власти может проявляться, лишь наталкиваясь на *сопротивление;* она домогается того, что оказывает сопротивление,— это и есть исконная предрасположенность протоплазмы, вытягивающей во все стороны псевдоподии и нашаривающей ими вокруг себя. Захват и присоединение — это прежде всего стремление победить, придать нужную форму, усвоить и преобразовать, пока, наконец, побежденное не окажется во власти захватчика полностью, приумножив его.— Если это включение в свой состав не удастся, то вся структура, очевидно, разделится; эта *раздвоенность* выступает следствием воли к власти: дабы не упустить завоеванного, воля к власти расходится на две воли (нередко не отказываясь полностью от роли связующего звена между ними).

«Голод» — это всего лишь частичная адаптация, имеющая место, когда основное влечение к власти уже приняло более духовный вид.

9 [152]

Предубежденная уверенность в моральном качестве своего ранга ставит мыслителя на низкое место в иерархии: это отшибает в нем инстинкт привилегии, a parte[1], ощущение свободы, свойственное творческим натурам, этим «чадам Божьим» (или сатанинским—). А проповедует ли он господствующую мораль или вкладывает свой идеал в дело *критики* господствующей морали,—это безразлично: в любом случае он принадлежит к стаду, пусть даже на правах того, без кого оно просто не может существовать,—«пастыря»...

9 [153]

(105) *Сильные люди будущего*

Что там и сям достигалось благодаря то нужде, то случаю,—условия для создания *породы более сильной*, то мы нынче разумеем, к тому *стремимся* сознательно: мы в силах создать условия, при которых возможно такое возвышение.

Доселе «воспитание» имело в виду пользу общества: *не* возможную пользу в будущем, а пользу общества, существующего на данный момент. Нацелено оно было на получение «орудий». Но, предположим, *силы будут в изобилии*— тогда можно представить себе, каким может быть **свободный излишек сил**, цель которого была бы важна *не* для пользы общества, а для какой-то будущей пользы,—

Подобную задачу надо бы ставить <тем настоятельней>, чем больше становится понятно, сколь сильной трансформации подвергается общество в его данной форме, чтобы когда-нибудь в будущем *существовать уже не ради себя самого*—а стать лишь *средством* в руках некоей более сильной породы.

Растущее измельчание человека—это как раз и есть та движущая сила, что заставляет думать о выведении *более сильной породы*, которая росла бы именно в той самой сфере, в какой измельчавший вид слабел бы все больше (в сфере воли, ответственности, веры в себя, умения ставить перед собою цели).

---

1 Особого положения (*лат.*).

А *средства* будут те самые, которым учит история: *изоляция* путем перенаправления интересов самосохранения (относительно нынешних обычных); приучение к перенаправленному способу наделять ценностями; пафос дистанции; свобода совести относительно того, что нынче оценивается ниже всего и запрещается пуще всего.

Нивелирование европейского человека — великий процесс, которому мешать не следует: напротив, его надо только ускорять.

Это означает, что необходимо разверзнуть некую *пропасть*, установить *дистанцию*, создать *иерархию*: но это *отнюдь не* означает, что необходимо замедлять названный процесс.

Нивелированному виду потребуется *оправдание*, как только он будет выработан: и оно состоит в служении более высокой и суверенной породе, которая обопрется о него и лишь в опоре на него сумеет возвыситься до своих задач.

<Это должна быть> не просто раса господ, чья задача исчерпывалась бы управлением, но раса, обладающая *собственной сферой жизни*, с избытком наделенная силою для красоты, отваги, культуры, поведения — вплоть до самых утонченных плодов ума; раса *утверждения* жизни, смеющая позволить себе любую большую роскошь..., достаточно сильная, чтобы обходиться без тирании обязательной добродетели, достаточно богатая, чтобы обходиться без скопидомства и педантства, живущая за пределами добра и зла; <это будет> теплица для странных и изысканных цветов.

9 [154]

(106) Человек — это *изверг животных* и *сверхживотное;* высший человек — изверг человечества и сверхчеловек: такая уж тут связь. С каждым шагом роста вширь и ввысь человек растет и вглубь, в сферу ужасного: нельзя желать одного, не желая другого, — или, скорее, чем более страстно желаешь одного, тем более верно достигаешь как раз противоположного.

9 [155]
(107) *Добродетели* нынче уже больше нет веры, притягательной силы она лишилась; разве что кому-нибудь удастся вновь пустить ее в оборот как, скажем, некую странную форму авантюры и излишества. Она запрашивает у своих приверженцев чересчур много экстравагантности и ограниченности, будто нынче против нее не восстает совесть. Правда, в глазах людей бессовестных и совершенно беззастенчивых это-то, верно, и придает ей новое очарование – отныне она представляет собою то, чем доселе еще никогда не бывала: *порок*.

9 [156]
(108) *Подлог в сфере психологии*

Великие *преступления* в *психологии*:

1) всякое *страдание*, *всякое плачевное положение* оказалось подменено, став чем-то недолжным (виною) (боль лишилась своей невинности)

2) все *сильные ощущения наслаждения* (задор, сладострастие, наслаждение победой, гордость, дерзость, познание, вера в себя и довольство собою) оказались заклеймены как нечто греховное, как отход от пути истинного, как что-то подозрительное.

3) *ощущение собственной немощи*, глубоко укорененной робости, трусость быть собой подтверждались осеняющими святостью именами и назидались в качестве в высшей степени желательных.

4) все *великое* в человеке было перетолковано как самоотверженность, как самопожертвование в пользу чего-то другого, в пользу других; даже у человека знания, даже у художника *обезличенность* представлена в ложном свете – как причина его взлета к вершинам познания и творческой мощи.

5) *любовь* оказалась подменена жертвенностью (и альтруизмом), а ведь на самом-то деле она – вбирание недостающего либо отдача–вследствие бьющего через край богатства личности. Любить умеют только натуры *сугубо цельные*; люди наименее эгоистичные, «объективные» – самые скверные возлюбленные (– и бабенкам об этом известно!). Это же относится и к любви к Богу либо к «отечеству»: надо крепко сидеть в седле своей натуры,<– – –>

Эгоизм как превращение в *себя*, альтруизм — как превращение в *другого*

6) жизнь <представлена> как наказание, блаженство — как искушение; страсти — сатанинскими, вера в себя — безбожною

NB *Вся эта психология - это психология* **предотвращения**, своего рода *обнесения стеной* со страху; с одной стороны, великое множество (обойденные жизнью и посредственные) хочет защититься таким способом от сильнейших (— и *помешать* им в их развитии....), с другой — получить возможность освящать и чтить только те влечения, которые позволяют ему процветать. Ср. иудейское жречество.

9 [157]

(109) I. Принципиальный *подлог в сфере истории* — с тою целью, чтобы она предоставила *доказательство* истинности оценки со стороны морали.

a) упадок народа и разложение

b) подъем народа и добродетель

c) звездный час народа («его культура») — как следствие его моральной безупречности

II. Принципиальное искажение образов *великих людей, великих тружеников, великих эпох*

a) тут возникает желание, чтобы отличительным признаком великих была *вера:* а ведь главная особенность всего великого — решительность, скепсис, умение без зазрения совести отказаться от веры, «имморальность» (Цезарь, Фридрих Великий, Наполеон — но также и Гомер, Аристофан, Леонардо, Гёте: о главном-то всегда умалчивают — а это их «свобода воли» —)

9 [158]

Против чего борюсь *я:* чтобы порода исключительных не шла войною на тех, которые подчиняются правилу,— вместо этого они должны понять, что условие ценности исключений — существование правила. Скажем, бабы — вместо того чтобы почувствовать похвальность своих потребностей, когда те выходят за рамки обычных, они хотят изменить положение женщины вообще...

9 [159]
(110) **Чью** *волю к власти представляет собою мораль?*

Общее в истории Европы со времен **Сократа** — это попытка дать *моральным ценностям* власть надо всеми другими ценностями: при этом они должны быть вожатаями и судьями не только жизни, но и

1. познания
2. искусств
3. государственных и общественных тенденций

«исправление» — единственная задача, все остальное — *способы* ее решения (или помеха, препятствие, угроза: стало быть, надо вести войну на уничтожение...)

Подобное движение — в *Китае*

Подобное движение — в *Индии.*

Что означает эта *воля к власти со стороны моральных сил,* воля, что доселе катилась по земле чудовищными волнами?

Ответ: — **за нею скрываются три силы:** 1) инстинкт *стада,* направленный против сильных, независимых, 2) инстинкт *больных,* обойденных жизнью, направленный против счастливцев, 3) инстинкт *посредственных,* направленный против исключений. — *Неимоверная польза этой тенденции,* сколько бы жестокости, лживости и тупости ни соучаствовало в ней: (ибо вся история *борьбы морали с основными инстинктами жизни* и сама есть величайшая неморальность, какая только была доселе на земле...)

9 [160]
(111) *Моральные ценности в самой теории познания*

доверие к разуму — почему не недоверие?

«мир истинный» непременно должен быть миром добра — почему?

иллюзорность, изменчивость, противоречивость, борьба расценены как неморальные: <сказывается> страстное желание <попасть> в мир, где всего этого *нет.*

выдуман трансцендентный мир, *чтобы* зарезервировать место для «моральной свободы» (у Канта)

диалектика как путь, ведущий к добродетели (у Платона и Сократа: само собой разумеется, ведь софистику-то сочли путем, ведущим к неморальности)

время и пространство идеальны <по природе>: отсюда «единосущие» в вещах, а значит, никакого «греха», никакого зла, никакого несовершенства,— *оправдание* Бога.

Эпикур *отвергает* возможность познания — для того, чтобы сохранить верховенство моральных (соотв. гедонистических) ценностей. То же самое делает и Августин; позже — Паскаль («греховный разум»), в пользу христианских ценностей.

Презрение Декарта ко всему изменяющемуся; его же испытывал и Спиноза.

9 [161]

(112) *господство моральных ценностей над эстетическими* (или их *преимущество*, или их противоположность, или их *смертельная вражда* к ним)

9 [162]

(113) Почему **надвигается пессимизм**

1) наиболее могучие и многообещающие влечения жизни доселе *очернялись* — в итоге над жизнью тяготеет какое-то проклятие
2) возрастающая смелость, честность и еще более отважное недоверие дают человеку понять, что *эти инстинкты неотъемлемы от жизни*, почему он и ополчается на нее
3) процветают одни лишь *самые посредственные*, вообще не *ощущающие* этого конфликта, а порода более высокая терпит неудачу и вызывает вражду к себе как плод вырождения,— а, с другой стороны, все посредственное, строящее из себя цель и смысл, *возмущается* (— что некому больше ответить на вопрос *«для чего?»* —)
4) постоянно усиливается уничижение, мучительность, тревожность, торопливость, сутолока,— и все легче становится *дать себе отчет* во всей этой беготне и так называемой «цивилизации», а отдельный человек *робеет*, видя эту чудовищную машинерию, и *покоряется* ей.

9 [163]

(114) Великие *подлоги*, совершенные под диктатом *моральных ценностей*

1) в истории (включая сюда политику)
2) в теории познания
3) в суждении об искусстве и художниках
4) в оценке человека и поступка (*народа* и *расы*)
5) в психологии
6) в системах философии («нравственный миропорядок» и тому подобное)
7) в физиологии, теории эволюции («усовершенствование», «социализация», «отбор»)

9 [164]

Воля к власти

Опыт переоценки всех ценностей

Книга первая:

Нигилизм

как вывод из прежних высших ценностей

Книга вторая:

Критика прежних высших ценностей,

*в*ыяснение того, что2 говорило на их языке Да и Нет

Книга третья:

Преодоление нигилизмом себя самого,

попытка сказать Да всему, что доселе отрицалось

Книга четвертая:

Преодолевшие и преодоленное

Пророчество

9 [165]

(115) *Распущенность современного ума*

под всякого рода моральными прикрасами:

Вот его словесный камуфляж:

терпимость (говорят вместо «неспособности сказать Да или Нет»)

la largeur de sympathie[1] = одной трети безразличия, одной трети любопытства и одной трети болезненной возбужденности

---

1 Всеобъемлющее сочувствие (*фр.*).

объективность = нехватке личного начала, нехватке желания, неспособности любить
«свобода» — говорят вместо предписания (романтизм)
«истина» — говорят вместо фальсификации и вранья (натурализм)
«научность» («document humain»[1]), а по-немецки — colportage-роман[2] и куча частностей — говорят вместо композиции
«страстность» — говорят вместо хаоса и неумеренности
«глубина» — говорят вместо смутности, запутанности символики

Касательно «современных веяний»
a) распущенность ума
b) лицедейство
c) болезненная возбудимость (среда как «фатум»)
d) пестрота
e) переутомленность

Вот *наилучшие тормоза и способы избавления от «современных веяний»*
1. всеобщая *воинская повинность* и всамделишные, нешуточные войны
2. *национальная* тупость (упрощать, представлять в сжатом виде, а меж тем еще и переутомлять и изматывать)
3. улучшить *питание* (мясо)
4. улучшать *санитарные* и гигиенические условия в жилых помещениях
5. преобладание *физиологии* над теологией, нравоучительством, экономикой и политикой
6. воинская строгость требований и постоянное осознание своих «обязанностей» (и никаких больше *поощрений*...)

1 «Человеческий документ» (*фр.*).
2 Бульварный (*фр.*).

9 [166]
(116) *Эстетическое*
Чтобы быть **классиком**, надо

иметь *все* сильные, мнимо противоречивые способности и страсти: но так, чтобы они были запряжены в одну упряжку

появляться в *нужное* время, чтобы довести до совершенства какой-нибудь *вид* литературы, или искусства, или политики (: а не *после того*, как это уже случилось...)

отражать в сокровенных глубинах своей души *общее состояние* (будь то народа, будь то культуры) — пока оно существует и притом не полиняло из-за подражания чужому (или пока зависимо...)

дух не должен пассивно реагировать — он должен быть *завершителем* и вожатаем на путях, ведущих вперед, он должен говорить *Да* во всех случаях, даже когда ненавидит

«А разве тут *не* требуется личность как высшая ценность?» ... Для того, чтобы, может быть, обдумать, не ведут ли здесь свою игру моральные предрассудки — и не *противоречит* ли *нравственное* величие классическому, может быть, уже как таковое?...

«осредиземноморить» музыку: вот *мой* лозунг...

Разве эти моральные чудовища не должны неизбежно оказаться *романтиками* — и словом, и делом? ... Такой перевес одной черты надо всеми другими (как у моральных чудовищ) враждебно уравновешивает именно классическую силу: предположим, человек достиг этого <морального> величия, но при этом как-никак классик: тогда можно смело сделать вывод, что того же величия в нем достигла и имморальность, — это, вероятно, имело место у Шекспира (если он и впрямь — лорд Бэкон: ———

9 [167]
(117) Преобладание *торгашей* и *посредников* <во всем>, даже в сфере суверенного ума

литератор
«представитель»
историк (этот сплетатель минувшего и нынешнего)
экзотерики и космополиты

посредники между естествознанием и философией полутеологи.

9 [168]
(118) К характеристике *«современных веяний»*
чрезмерное развитие промежуточных форм
захирение типов
пресекание традиций, школ
засилие инстинктов (после того как произошло *ослабление силы воли*, стремления к цели *и* средствам...) (подготовлено в философии: *больше ценится* бессознательное)

9 [169]
(119) *Шопенгауэр как* **последний отзвук:**
предреволюционное состояние

..Сострадание, чувственность, искусство, ослабление воли, католицизм в наиболее духовных стремлениях — все это доброе XVIII столетие au fond[1]. Коренное непонимание **Шопенгауэром** *воли* (как будто *главное* в воле — это страсть, инстинкт, влечение) типично: <его суть—> недооценка воли вплоть до ее угасания. А равным образом и ненависть к волению; попытка понять отказ от воления, «субъектность *без* цели и намерения» («чистого, свободного от воли субъекта») как нечто более высокое, даже как *само* более высокое, полноценное. Вот он, великий симптом *истощения*, или *ослабления воли:* ведь воля-то — это и есть, в сущности, то, что обходится со страстью как хозяин, задает ей направление и меру...

9 [170]
(120) *Эстетическое*

современная *чеканка фальшивой монеты* в искусствах: следует понять как явление **необходимое**, а именно отвечающее *глубинной потребности современной души*

затыкают прорехи в *способностях*, более того, прорехи в *воспитании*, в усвоении традиции, в *выучке*

во-первых: выискивают себе *не столь артистическую* публику, постоянную в своих предпочтениях (— и тотчас

---

1 В основе своей (*фр.*).

преклоняющую колени перед *личностью*...). Тут сказывается суеверие нашего века—суетная вера в *гения*...

во-вторых: воспаляют темные инстинкты людей неудовлетворенных, тщеславных, но маскирующихся—людей демократической эпохи: тут важна *поза*

в-третьих: заимствуют приемы одного искусства для другого, смешивают цели искусства с целями познания, или церкви, или с расовым интересом (национализм), или философии—бьют во все колокола зараз, вызывая смутное подозрение, будто обладают неким «божественным» достоинством

в-четвертых: расточают лесть перед бабами, перед больными, перед недовольными; дают перевес наркотикам и опиатам и в искусстве. Приятно льстят самолюбию «образованных», читателям поэтов и древних легенд

9 [171]
(121) NB. Разделение всех на «публику» и «келейных знатоков»: в первом случае артисту в наши дни *приходится* быть шарлатаном, во втором—он *хочет* быть виртуозом, и больше ничем! Наших специфических для столетия «гениев» с лихвою хватает на обе части, и в обеих они велики; <довольно вспомнить> великое шарлатанство Виктора Гюго и Р. Вагнера, сочетающееся, правда, с таким обилием подлинного *технического блеска*, чтобы угодить вкусу даже наиболее рафинированных ценителей искусства

Отсюда и *недостаток величия*—1) их оптика постоянно меняется, приноравливаясь то к потребностям самым грубым, то к наиболее рафинированным

9 [172]
(122) *В форте Гонзага*, под Мессиной.

К предисловию. Состояние глубочайшего опамятования. Я сделал все, чтобы теперь уйти в сторону; я не связан уже ни любовью, ни ненавистью. Словно в старинной крепости. Следы войн, а то и землетрясений. Забвение

9 [173]
(123) *Оценка морали расами и сословиями*

Ввиду того, что *аффекты* и *основные влечения* каждой расы и каждого сословия выражают какие-то из условий их существования (—по крайней мере, из тех условий, в которых они держались на плаву дольше всего:)

: требуется, чтобы они были «добродетельны»—чтобы они изменяли свою природу, выходили из себя и отрекались от своего прошлого

: чтобы они перестали отличать себя <от других>

: чтобы они уподоблялись друг другу в своих потребностях и желаемых качествах—проще говоря, *чтобы они погибли...*

Стремление к *единой* морали оборачивается, стало быть, *тиранической властью* той породы, которой эта единая мораль пришлась по вкусу, надо всеми другими: это уничтожение или стирание различий в пользу господствующей породы (и для того, чтобы больше не угрожать ей, и для того, чтобы она могла их использовать)

«отмена рабства»—якобы дань на алтарь «человеческого достоинства», а на самом деле—*уничтожение* в корне самостоятельного вида (—подрыв его ценностей, его счастливого самоощущения—)

То, в чем сильна *враждебная* раса или враждебное сословие, истолковывается как его *злейшая*, сквернейшая сторона: ведь ею-то он нам и наносит ущерб (—то есть его «добродетели» очерняются, переименовываются)

Когда человек или народ *наносит нам ущерб*, это вменяется ему в *вину:* но с его собственной точки зрения, *мы-то* ему очень кстати, потому что таковы, что из нас можно извлечь выгоду.

Требование «гуманизации» (совершенно наивно мнящее, будто в его руках—формула «что значит быть человеком?»)—это ханжество, прикрываясь которым к господству рвется совершенно определенная порода людей: а точнее говоря, один совершенно определенный инстинкт—*стадный инстинкт.*

«Равенство людей»: что *скрывается* за тенденцией все больше *уравнивать* между собою людей только потому, что они—люди.

«Заинтересованность» в общедоступной морали (*уловка:* превратить сильные страсти—властолюбие и корыстолюбие—в покровителей добродетели)

В какой мере всякого рода *дельцы* и вообще стяжатели, все, кому приходится давать кредиты и пользоваться ими, по *необходимости* требуют сходства взглядов и представлений о ценностях: *мировая торговля* и *обмен* всякого рода домогаются добродетели и как бы *покупают* ее себе.

Точно так же и *государство* и всякого рода властолюбие—в отношении чиновников и солдат; точно так же и наука—чтобы работать спокойно и не тратя понапрасну сил.

Точно так же и *жречество.*

—Стало быть, тут проявляется стремление добыть себе общепринятую мораль, потому что она доставляет выгоду; а чтобы привести ее к победе, ведется война, применяется насилие ко всему, что неморально,—по какому же «праву»? Да без всякого права вообще: вместо права тут—инстинкт самосохранения. И те же самые классы пользуются *неморальностью,* когда она им выгодна.

9 [174]

(124) *приумножение силы*—несмотря на периодический упадок индивидуума

—заложить основы *нового уровня*

—методика накопления сил—для сохранения маленьких подвижек, в противоположность их неэкономному расточению

—а тем временем подчинять себе <свою> разрушительную природу, превращая ее в *орудие* этой экономики будущего

—сохранять слабых—ведь должно выполняться неимоверное количество *мелких* работ

—сохранять духовный уклад, при котором существование еще *возможно* для слабых и больных

—укоренять инстинкт *солидарности* в противовес инстинкту страха и раболепия

—бороться со случаем, даже если этот случай—«великий человек»

9 [175]
(125) *Что покровительствует добродетели*

корыстолюбие
властолюбие
леность
ограниченность
страх

} у всех у них есть свой интерес в деле добродетели: потому-то она так крепка.

9 [176]
[(126)] Спиноза, о котором Гёте сказал: «Я, по-моему, очень близок к нему, хотя его ум много глубже и чище моего» — и при случае называл его своим святым-покровителем.

9 [177]
(127) Пройти по всем пределам современной души, посидеть в каждом из ее закоулков — вот мой честолюбивый замысел, мое мучение, мое блаженство

Преодолеть пессимизм на деле — и обрести в итоге гётевский взгляд, полный любви и благожелательства.
NB. Мой труд должен содержать в себе *общий обзор* нашего столетия, всей современности, всего, *чего достигла* «цивилизация»

9 [178]
(128) *Три <последних> столетия*
Их различную душевную предрасположенность лучше всего выразить так:

Аристократизм — Декарт, господство *разума*, свидетельство суверенитета *воли*
Феминизм — Руссо, господство *эмоции*, свидетельство суверенитета *чувств* (лживо)
Анимализм — Шопенгауэр, господство *страсти*, свидетельство суверенитета животной природы <человека> (честнее, но более мрачно)

Семнадцатое столетие — *аристократично*, оно стремится устанавливать порядок, оно высокомерно по отношению ко всему животному в человеке, сурово обходится

с сердцем, оно «бездушно», прямо-таки лишено «душевности», оно «ненемецкое», ему претит все бурлескное и природное, оно любит обобщать и хранит суверенитет в отношении минувшего: ибо верит в себя. В нем много от хищника au fond, много привычного аскетизма — чтобы сохранять господство. Это столетие *сильной* **воли**; но это и столетие сильных страстей.

Восемнадцатый век — во власти *женщины*; он энтузиастически-восторжен, остроумен, поверхностен, но не лишен ума, подчиненного своим интересам, сердцу; libertin[1] во вкушении наиболее изысканных умственных яств, подрыватель всех авторитетов; он упоен, весел, ясен, человечен, склонен изменять себе, он canaille au fond[2], светский повеса...

Девятнадцатое столетие — более *животное*, подпольное, *уродливое*, реалистически мыслящее, плебейское и как раз поэтому «более доброе», «честное», ползающее на брюхе перед любого рода «действительностью», более приверженное к *истине* и, вне всякого сомнения, *более природное*; но зато слабовольное, унылое и полное темной похоти, но зато фаталистическое. Оно не питает ни стыдливости, ни почтения ни к «разуму», ни к «сердцу»; оно глубоко убеждено в превосходстве страстного желания (Шопенгауэр сказал «воли»; но ничто другое так не отличает его философию, как то, что воли-то в ней и нет — а есть абсолютное отрицание того, что представляет собою *воление* на самом деле). Даже мораль сведена к инстинкту («сострадание»).

О. Конт — это *продолжение XVIII столетия* (превосходство cœr над la tête[3], сенсуализм в теории познания, альтруистическая восторженность).

Что *наука* до такой степени сделалась суверенной, показывает, насколько XIX столетие *отделалось* от преобладания *идеалов*. Известную «скромность» желаемого делает для нас возможной лишь наша научная любознательность и строгость — эта наша, так сказать, добродетель...

---

1 Без предрассудков (*фр.*).

2 Проходимец по своей натуре (*фр.*).

3 Сердца *над* головой (*фр.*).

Романтизм — *последний отзвук* XVIII столетия; своего рода сгущенная тоска по его величественным фантазиям (— на самом деле добрая толика лицедейства и самообмана: романтики хотели сыграть на сцене роль *сильной натуры, великой страсти*).

Девятнадцатое столетие инстинктивно ищет *теорий*, которые дали бы ему ощущение оправданности его *фаталистического раболепия перед всем фактическим.* Уже *Гегель* был обязан победой над «чувствительностью» и романтическим идеализмом фатализму своего мышления, своею верой в то, что победивший более разумен, своим оправданием наличного «государства» (это вместо «человечества» и т.д.). Шопенгауэр: мы — существа тупые, а в лучшем случае даже упраздняющие себя. Успех детерминизма, установление генеалогии тех *обязательных норм*, что раньше считались абсолютными, учение о среде и о приспособлении, сведение воли к рефлекторным движениям, отрицание воли как «действующей причины», а напоследок — некая настоящая подмена имени: воли кругом так мало, что это слово *освобождается*, дабы означать нечто иное.

Другие теории: учение об *объективном*, «без примеси воли» созерцании как единственном пути к истине — *но также и к красоте;* механизм, застывшая исчислимость механического процесса; так называемый «натурализм». Принципиальное вычеркивание выбирающего, выносящего суждение, интерпретирующего субъекта, но и вера в *«гения»* — это чтобы сохранить за собою право на *раболепие.*

Кант со своим «практическим разумом», со своею *фанатичной моралью* — настоящий XVIII век; еще совершенно не затронутый историцизмом; игнорирующий действительность своей эпохи, к примеру революцию; не обнаруживающий ни следа греческой философии; создатель фантастического понятия долга; сенсуалист — с другого бока избалованный догматизмом: *возвращение к Канту* в нашем столетии — это *возвращение в XVIII век:* возникает желание вновь разжиться правом на *старые идеалы* и старые восторги, — отсюда такая теория познания, которая «кладет пределы», то есть позволяет по своему желанию устанавливать бытие, потустороннее разуму...

Образ мыслей *Гегеля* не так уж далек от *гётевского:* достаточно припомнить, что Гёте сказал о *Спинозе.* Стремление обожествить вселенную и жизнь, чтобы в ее созерцании и исследовании обрести *мир* и *блаженство;* Гегелю разум видится всюду—надо *предать себя* разуму и *смириться.* У Гёте—своего рода почти *радостный и доверчивый фатализм,* ничем не возмущенный, неутомимый, стремящийся слепить из себя какую-то целостность, веру в то, что все спасается лишь в этой целостности, становясь в ней благим и получая свое оправдание.

Свое XVIII столетие Гёте в себе и поощряет, и на него *ополчается:* чувствительность, энтузиастическое отношение к природе, отсутствие чувства истории, идеализм, непрактичность и кабинетность революционера; он берет в помощники историческую науку, естествознание, античность, равно как и Спинозу (в качестве наиболее реалистически мыслящего); <но> главное, <что его интересует,>—это практическая деятельность с исключительно четко очерченными горизонтами; он не отстраняется от жизни; он не робеет и берет на себя, поверх себя, в себя сколько может,—он стремится к *целостности,* он ополчается на раздор между разумом, чувственностью, эмоцией, волей, он дисциплинирует себя, он *лепит* себя ... он поворачивается лицом ко всем великим реалистам (Наполеон—ярчайшее переживание Гёте)

9 [179]

(129) **Гёте:** грандиозная попытка *преодолеть XVIII столетие (возвращение к типу человека Возрождения),* своего рода самопреодоление со стороны этого столетия: он расковал в себе его самые сильные влечения и довел их до логического завершения. Но то, чего он добился для своей собственной личности, *не было* нашим XIX столетием...

—он создал образ высокообразованного, держащего себя в узде, чтящего себя человека, дерзающего наделить себя *всеми богатствами души и естественности* (вплоть до бурлеска и буффонады), потому что для этого он достаточно силен; человека терпимого—не от слабости, а от силы, потому что умеет употребить себе на пользу то, от чего погибнет натура посредственная,—*человека более емкого, но*

от этого отнюдь не расплывающегося в хаосе. Дополняющая его пара — **Наполеон** (в меньшей степени — Фридрих Великий), который тоже ведет *борьбу против XVIII столетия.*

NB В каком-то смысле XIX век тоже стремится ко всему тому, *чего Гёте достиг для себя:* ему присуща некая вселенская широта взглядов, всеприятия, терпеливой выжидательности; дерзкий реализм, почтение перед фактами — и как это только выходит, что в итоге получается отнюдь не Гёте, а какая-то *каша*, какой-то *нигилизм*, какая-то *никчемность, которая мало-помалу толкает к возвращению в XVIII век* (скажем, в виде романтизма, альтруизма, феминизма, натурализма)<?>

9 [180]

(130) Гендель, Лейбниц, Гёте, Бисмарк — типичные представители *сильной породы немцев.* С уверенностью проводя свою жизнь мимо противоположностей, они полны той гибкой силы, что сторонится твердых убеждений и доктрин, умея использовать одну против другой, а свои руки оставляют свободными.

9 [181]

(131) *систематизатор*, философ не желает уже признавать за своим умом, что тот *жив*, что, словно дерево, мощно и ненасытно тянется вширь, решительно не находящий себе места, покуда не выстрогает из него нечто безжизненное, нечто деревянное, какую-то засушенную четырехугольность, «систему». —

9 [182]

(132) «*без христианской веры*, полагал Паскаль, вы сами, как и природа с историей, будете un monstre et un chaos[1]». На нас *сбылось* это пророчество — после того, что расслабленно-оптимистический XVIII век *приукрасил* и *рационализировал* человека

Шопенгауэр и *Паскаль:* в каком-то важном смысле *Шопенгауэр* — первый, кто *подхватил* направление мыслей

1 Чудовищем и хаосом (*фр.*).

Паскаля: un monstre et un chaos — следовательно, то, что надо *отвергнуть*... историю, природу, самого человека!

Наша неспособность познать истину — следствие нашей *испорченности*, нашего морального *падения*, говорит Паскаль. И то же, в сущности, говорит Шопенгауэр. «Чем дальше заходит порча разума, тем более необходимо учение о спасении» — или, выражаясь на шопенгауэровский лад, отрицание

9 [183]
(133) Семнадцатое столетие страдает *человеком* как *суммою противоречий*, «l'amas de<s> contradictions»[1], каковы мы и суть, пытается найти человека, привести его в *порядок*, вытащить на свет Божий — в то время как столетие восемнадцатое старается позабыть то, что уже известно о природе человека, дабы подогнать его под свою утопию. «Поверхностно, расплывчато, гуманно» — так оно влюблено в «человека» —

Семнадцатое столетие старается вытравить следы личности, чтобы произведение выглядело как можно более жизнеподобным. Восемнадцатое хочет через произведение *вызвать интерес к автору*.

Семнадцатое столетие ищет в искусстве искусства, часть культуры; восемнадцатое посредством искусства ведет пропаганду в пользу реформ социального и политического толка.

«Утопия», «идеальный человек», обожествленная природа, тщеславие самоинсценировки, послушание пропаганде *социальных* целей, шарлатанство — все это у нас от восемнадцатого столетия.

Стиль семнадцатого столетия: propre, exact et libre[2]

сильная личность, самодовлеющая или истово напрягающая силы ради Бога, — и эта свойственная современ-

---

1 Кучей противоречий (*фр.*).

2 Пристойный, точный и непринужденный (*фр.*).

ным авторам навязчивость и настырность: полярные *противоположности.* «Показать себя» — и в сравнении с этим ученые из Пор-Рояля.

У Альфиери было какое-то понимание *широкого размаха*

ненависть к *бурлескному* (как непристойности), *отсутствие вкуса к природе* — свойственны семнадцатому столетию.

9 [184]
(134) Руссо: ставит норму на почву эмоции
природа как источник справедливости
человек совершенствуется в той мере,
в какой *приближается к природе*
(по Вольтеру, в той мере, в какой он *отдаляется от природы*)

одни и те же эпохи для одного — эпохи прогресса, *гуманности*, для другого — порчи, несправедливости и неравенства

Вольтер все еще понимает humanità[1] в духе Возрождения, как и virtù[2] (в качестве «высокой культуры»), он ратует за дело honnêtes gens и de la bonne compagnie[3], за дело вкуса, науки, искусств, даже за дело прогресса и цивилизации.

<Его> *борьба разгорается около 1760 года:* гражданин Женевы — и турнейский помещик. Лишь с этого момента Вольтер становится человеком своей эпохи, философом, представителем терпимости и барабанщиком неверия (а доселе был всего-навсего *un bel esprit*[4]). Зависть и ненависть, вызванные успехом Руссо, подгоняли его вперед, «к высотам» —

— Pour «la canaille», un dieu rémunérateur et vengeur[5] — Вольтер.

---

1 Гуманизм (*ит.*).

2 Доблесть (*ит.*).

3 Людей чести *и* благовоспитанных (*фр.*).

4 Остряком (*фр.*).

5 Для негодяев Бог — тот, кто воздает и карает (*фр.*).

Критика обеих позиций в отношении *ценности цивилизации.*

Социальное новшество—самое прекрасное, что есть для Вольтера, и нет цели более высокой, чем его поддерживать и совершенствовать; чтить социальные установления—это-то и есть honnêteté[1]; а добродетель—послушание известным необходимым «предрассудкам» на благо сохранения «общества».

Миссионер культуры, аристократ, представитель победоносных господствующих сословий и их предпочтений. Руссо же так и остался плебеем, в том числе и как homme de lettres[2],—и это было *неслыханно;* его наглое презрение ко всему, что не он сам.

Предмет восхищения и подражания—как правило, *болезненные* стороны натуры Руссо. (Нечто подобное—у лорда Байрона: та же манера взвинчивать себя до возвышенных ужимок, до мстительной злобы; признаки «пошлости»; позже, придя в себя благодаря *Венеции*, он понял, что2 может принести ему больше *облегчения* и *благодати*, ... l'insouciance[3].)

он гордится тем, что2 он собою являет,—несмотря на свое происхождение; но выходит из себя, когда ему об этом напоминают...

У Руссо, вне всякого сомнения, было *душевное расстройство*, у Вольтера—какое-то сверхобычное здоровье, легкость. *Озлобленность больного;* периоды его безумия—это и периоды его человеконенавистничества, его подозрительности ко всем.

Руссо защищает *провидение* (от Вольтерова пессимизма): ему *требовался* Бог, чтобы можно было бросать проклятья в лицо общества и цивилизации; само по себе все было необходимо добрым, когда вышло из дланей Божьих; *да вот только человек испортил человека.* «Добрый человек» как человек естественный был чистейшей фантазией; но в свете учения о Божьем авторстве становился чем-то правдоподобным и имеющим основания.

---

1 Порядочность (*фр.*).

2 Литератор (*фр.*).

3 Беззаботность (*фр.*).

Влияние Руссо:

идиотизм признан величием, романтизм (первый образец — *не самый яркий*)
«верховное право на страсть»
«чудовищное разбухание “я”»
«переживание природы»
«уже 100 лет в больном видят законодателя политической жизни»

Романтизм à la Руссо

страсть,
«естественность»
притягательность безумия
озлобленность черни — *судья*
нелепое тщеславие слабака

9 [185]
(135) Нерешенные проблемы, которые я подымаю вновь: *проблема цивилизации*, борьба между Руссо и Вольтером около 1760 года

человек мыслит глубже, становится менее доверчивым, «неморальным», сильным, верящим в свои силы — и в этой степени более *«естественным»* — **это** «прогресс»

(при этом благодаря, так сказать, разделению труда размежевываются слои плачевно улучшенные и смягчившиеся, прирученные: в итоге *совокупный феномен* отнюдь не бросается в глаза.) ... Сила, самообладание и обаяние силы предполагают, что эти более сильные слои владеют искусством внушать, будто их плачевная улучшенность — нечто *более высокое.* Любой «прогресс» предполагает какое-то перетолкование получивших силу элементов в качестве «добра» (то есть———

9 [186]
(136) *Проблема XIX столетия.* Предполагают ли друг друга его сильная и слабая стороны? Вырезано ли оно из одного куска? Являет ли собою разноголосица его идеалов, взаимный разлад которых обусловлен какою-то более высокой целью, какую-то более высокую ступень? Ведь расти в такой мере, в таком сильном напряжении — это может гово-

рить о *великом предназначении.* Недовольство, нигилизм *могли бы оказаться добрым знаком.*

9 [187]

Бейль родился 23 января 1783-го

9 [188]

Книга, чтобы думать над нею,—вот и все: она—для тех, которые извлекают *удовольствие* из мышления, вот и все...

А что она написана по-немецки, это по меньшей мере несвоевременно: уж лучше бы она была написана по-французски—тогда ее нельзя было бы понять как поощрение каких-нибудь великогерманских чаяний.

Книги, чтобы над ними думать,—они для тех, кому нравится мыслить, вот и все... Нынешние немцы больше не мыслят: что-то другое доставляет им удовольствие и повод для раздумий. Принцип воли к власти доходил бы до них туго... Потому-то и хотелось бы мне, чтоб мой *Заратустра* оказался написан не по-немецки.

Не доверяю я всем этим системам и систематизаторам и держусь от них в сторонке: но даже, верно, и за этою книгой можно обнаружить систему, от которой я *увернулся...*

Тяга к системотворчеству: для философа это, выражаясь на моральный лад, некая утонченная испорченность, а на неморальный лад—патология характера; это страсть прикидываться более глупым, чем он есть,—более глупым значит: более сильным, простым, повелительным, необразованным, командующим, тиранящим...

На читателей я больше не гляжу: мне ли писать для читателей?... Записываю же себя самого, для себя.

9 [189]

нынче немцы-то мыслят менее всех. Но как знать! Уже через два поколения больше не понадобятся такие жертвы, как национальное расточение силы, отупение.

9 [190]

Читаю *Заратустру:* ну как я мог вот так метать свой бисер перед немцами!

10. Осень 1887

10 [1]

Halkyonia
Послеполуденные часы
баловня счастья
Сочинение
Фридриха Ницше

10 [2]
(137) *Пять моих «нет»*

1. Моя борьба с *ощущением виновности* и примешиванием понятия *кары* к физическому и метафизическому миру, равно как и к психологии, к истолкованию истории. Понимание *омораливания* всей прежней философии и всякого почитания.

2. Мое раскрытие и извлечение на свет *традиционного* идеала, христианского, даже там, где с догматической формой христианства покончили. *Опасность, какую несет с собою христианский идеал,* скрыта в его эмоциональных предпочтениях, в том, что не требует языка мысли: моя борьба с *латентным христианством* (скажем, в музыке, в социализме).

3. Моя борьба с *руссоистским* XVIII столетием, с его «природой», его «добрым человеком», его верой в господство эмоции — с размягчением, расслаблением, омораливанием человека: это идеал, порожденный *ненавистью к аристократической культуре*, а in praxi это господство необузданных чувств ressentiment'а, подысканных в качестве штандарта.

— нравственность христиан, основанная на ощущении виновности

нравственность ressentiment'а (поза черни)

4. Моя борьба с *романтизмом*, в коем христианские идеалы встречаются с идеалами Руссо, а заодно дополня-

ются тоскою по *старым временам* жреческо-аристократической культуры, по virtщ, по «сильному человеку» — что-то до крайности гибридное; поддельная и подражательная порода *более сильного* человека, ценящего крайние состояния вообще и усматривающего в них симптом силы («культ страсти»)

— страстная тоска по более сильным людям, крайним состояниям

имитация экспрессивных форм, *furore espressivo*[1] *не* от избытка, а от *нехватки*

(среди писателей Штифтер и Г. Келлер, к примеру, отмечены избытком силы, внутренним благоденствием в большей мере, чем — — —)

5. Моя борьба с *засилием стадных инстинктов* при том, что наука с ними заодно, и с глубокой ожесточенностью, с какою встречают любого рода иерархию и дистанцию.

— что в XIX столетии более или менее порождено избытком, <и притом> с ощущением *удовольствия*...

техника, жизнерадостная музыка и т. д. высокая техничность и изобретательность естествознание историческая наука (?)	} более или менее плоды силы, веры XIX столетия в себя.

10 [3]
(138) *Мой новый путь к жизнеутверждению*

Мое новое понимание *пессимизма* как добровольного выискивания внушающих ужас и сомнительных сторон бытия: в итоге мне уяснились родственные явления прошлого. «Какую массу “истины” выдержит, на какую ее массу отважится ум?» Тут все зависит от его силы. Такого рода пессимизм *мог бы вылиться* в некую форму дионисийского *одобрения* мира — таким, как он есть, вплоть до желания его абсолютного возвращения и его вечности: это был бы какой-то новый идеал философствования и всего строя чувств.

Отвергавшиеся доселе стороны бытия надлежит понять не просто как необходимые, но как весьма желательные; и весьма желательные не просто в отношении досе-

1 Выразительное неистовство (*ит.*).

ле одобрявшихся сторон (скажем, в качестве их дополнений и предпосылок), а ради них самих — как более могущественных, плодотворных, истинных сторон бытия, в коих его воля выявляет себя более отчетливо.

Надлежит снизить цену тех сторон бытия, что прежде только *одобрялись*; надлежит выявить, что же выражает при этом одобрение (инстинкт больных — раз, стадный инстинкт — два и еще один инстинкт — тот, что настраивает большинство против исключений, — три).

Концепция существ какого-то *более высокого* типа, нежели «неморальный» тип по прежним понятиям: его проблески в истории (языческие боги, идеалы Возрождения).

10 [4]
(139) Каким образом удалось подчинить *идеал Возрождения?* Человек XVII столетия, человек XVIII столетия, человек XIX столетия. *Рецидив* христианства (= Реформации), союз *иезуитства* и *монархии*

10 [5]
(140) Девятнадцатое столетие открыло *более верную картину* «человека» — на месте «естественного человека» Руссо: для этого ему пришлось набраться *мужества*... В целом это оказалось частичной реставрацией христианского понятия «человек». А на что мужества *не* хватило — так это на то, чтобы одобрить как раз *такого* человека «самого по себе» и усмотреть в нем гарантии будущности человека вообще. Равным образом *не* хватило духу понять *выдвижение ужасающих сторон* человека как побочное явление всякого роста культуры; тут все еще пресмыкаются перед христианским идеалом, принимая *его* сторону против язычества, равно как и против возрожденческого понимания virtù. Но эдак ключа к культуре не получить: ведь in praxi дело не идет дальше фальсификации истории в пользу «доброго человека» (как будто только такой и равнозначен *прогрессу* человека вообще) да *социалистического идеала* (то есть *пережитка* христианства и Руссо в дехристианизированном мире).

Борьба против XVIII столетия: триумф над ним в личностях *Гёте* и *Наполеона.* Да и *Шопенгауэр* борется против того же самого; но поневоле он отступает в XVII столетие —

он нынешний Паскаль, с Паскалевыми ценностными суждениями, <но> *без* христианства... У Шопенгауэра не хватило сил, чтобы как-то по-новому сказать *Да*.

Наполеон: постиг необходимую сопряженность высшего и внушающего ужас человека. Реставрация «мужчины»; возвращение женщине не выплаченной ей дани презрения и страха. «Целостность» как здоровье и наивысшая активность; в образе действий вновь ухвачена прямолинейность, широкий размах; самый могучий инстинкт, инстинкт самой жизни, любовь к власти,—приветствуется.

10 [6]
(141) NB Ты не один из нас, покуда без всякого стыда ловишь себя на каком-нибудь еще уцелевшем христианизме чувства: *у нас против старого идеала восстает совесть...*

10 [7]
(142) *Надо обдумать:* в какой мере все еще продолжает свое существование эта роковая вера в *Божий Промысел*—вера, *парализующая* руку и разум пуще всех, какие только бывали; в какой мере за формулами «природа», «прогресс», «совершенствование», «дарвинизм», за суеверным представлением об определенной связи между счастьем и добродетелью, несчастьем и виной все еще скрывается влачащая уже призрачное существование христианская предпосылка и интерпретация. Нелепое *доверие* ходу вещей, «жизни», «инстинкту жизни», обывательская *резиньяция*, полная веры в то, что, дабы *все* шло хорошо, от каждого требуется всего лишь выполнять свой долг,—все это имеет смысл, только когда признается, что вещи направляются какою-то силой sub specie boni[1]. Даже *фатализм*, наша нынешняя форма философского способа восприятия,—следствие этой самой *древнейшей* веры в божественное водительство, и следствие неосознаваемое: что будто бы именно от *нас-то* ход вещей и не зависит (—что будто бы мы спокойно можем предоставить идти всему своим чередом: сама же отдельная личность—всего лишь модус абсолютной реальности—).

---

1 Имеющей в виду их благо (*лат.*).

Христианству надо сказать спасибо за:

примесь представления о вине и каре во всех понятиях

трусость перед лицом морали

это *тупое* доверие ходу вещей (идущему к «лучшему»)

психологическую неискренность перед собой.

10 [8]

(143) **Разделение труда** между *аффектами* в общественной сфере — чтобы люди и сословия прививали себе *неполносоставный*, но потому-то и *более полезный* тип души. Насколько у каждого типа, входящего в общество, некоторые аффекты стали почти что *рудиментарными* (ввиду опережающего развития какого-нибудь другого аффекта)

Об оправдании морали:

экономическом (стремление к наилучшему использованию индивидуальных сил с целью не допустить расточения всего исключительного)

эстетическом (развитие устойчивых типов вместе с наслаждением от собственного типа)

политическом (она — искусство выносить тяжелые условия напряженности между различными уровнями власти —

физиологическом (она дает иллюзию большего уважения к тем, кого далеко или не очень далеко обошла удача, — чтобы сохранить слабых)

10 [9]

(144) *Любой* идеал предполагает **любовь** и **ненависть**, **почтение** и **презрение**. И primum mobile — либо позитивная эмоция, либо негативная. *Ненависть* и *презрение*, скажем, — это primum mobile всех идеалов ressentiment'а.

10 [10]

(145) *Экономическая* оценка прежних идеалов

Законодатель (либо руководимое инстинктом общество) отбирают какое-то число состояний и аффектов, работа которых гарантирует постоянный результат (машинальность как следствие периодически возникающих потребностей в этих аффектах и состояниях).

Положим, эти состояния и аффекты вызывают какие-то мучительные переживания: тогда нужно изыскать способ преодолеть эту мучительность посредством ценностного представления — дать возможность ощутить ценность всего мучительного, а значит, в высшем смысле превратить его в наслаждение. В сжатом виде: *«как сделать что-то неприятное приятным?»*. Скажем, если оно может служить доказательством силы, власти, способности подняться над собою. Или если в его лице мы чтим свою покорность, свою подчиненность закону. Как и доказательством в пользу солидарности, сочувствия ближнему, любви к отечеству, нашей «гуманизации», «альтруизма», «героизма»

Чтобы не воротили нос от вещей неприятных — *вот в чем цель идеалов.*

10 [11]

(146) Попробую провести экономическое оправдание добродетели. Задача — сделать человека как можно более полезным и, насколько это необходимо, уподобить его непогрешимой машине: для этой цели его надобно снабдить *машинными добродетелями* (— ему надлежит научиться ощущать как наиболее ценные те состояния, в коих он работает с машинальной производительностью: а для этого надо, чтобы *другие* добродетели предстали перед ним в как можно более отвратительном, как можно более опасном и предосудительном виде...).

Первый камень преткновения тут — *скука, однообразие*, возникающие при всякой машинальной деятельности. Научить терпеть *их*, и не просто терпеть, а видеть скуку в ореоле какого-то высшего очарования, — вот что было доселе задачей всякого старшего школьного образования. Научить тому, что нам совершенно безразлично; и именно тут, в этой «объективной» занятости, усматривать свой «долг»; научиться ценить наслаждение и долг в отрыве друг от друга — вот она, неоценимая задача и работа всякого старшего школьного образования. Поэтому прежде воспитателем *как таковым* был филолог: ведь его деятельность сама по себе служит образчиком какой-то доходящей до величия монотонии деятельности: под его знаменем мо-

лодой человек учится «зубрежке» — первому условию прежнего идеала прилежания, с каким долг выполняется машинально (государственными чиновниками, супругами, конторскими писаками, читателями газет и солдатами). Подобного рода существование нуждается, может статься, в философском оправдании и прославлении еще больше, чем любое другое: ощущения *отрадные* должны быть обесценены какою-нибудь непогрешимой инстанцией как в принципе относящиеся к низменному уровню; <важен> «долг как таковой», может быть, даже пафос почтения ко всему, что неприятно,—и это требование звучит императивом, потусторонним всему полезному, восхитительному, целесообразному... Машинальная форма существования как высшая, почтеннейшая форма существования, молится на самое себя. (—ее типичный представитель: Кант как фанатик формального понятия «долженствования»)

10 [12]

философы и прочие возвышенные кормилицы,
у чьей груди молодежь вкушает молоко мудрости

10 [13]

(147) Поиздеваться над ложным *«альтруизмом»* биологов: размножение у амеб выглядит <у них> сбросом балласта, чистейшею выгодой. Извержение ненужных веществ

10[14]

Как добродетели помогают прийти к власти
Tractatus politicus[1]
Сочинение
Фридриха Ницше

10 [15]

(148) *Непрерывный ряд:* «брак, собственность, язык, традиция, племя, семья, народ, государство» — непрерывные ряды низшего и высшего порядка. Экономика их состоит в *превышении* выгод от непрерывной работы, равно как и приумножения, над потерями: бо2льшими издержками

1 Политический трактат *(лат.)*.

взаимозаменимости частей или продления срока их работы. (Размножение рабочих частей, часто, однако, простаивающих, откуда бо2льшие издержки на приобретение и заметные издержки на их содержание.) Выгода состоит в том, что тут нет перерывов в работе — нет и потерь, которые они могли бы вызвать. *Нет ничего более разорительного, чем новые начинания.*

«Чем больше выгод для жизнедеятельности, тем больше и расходов на ее поддержание и воспроизводство (питание и размножение); тем больше и опасностей и вероятности погибнуть, еще не достигнув вершины жизни».

10 [16]
(149) «Проводить различие между низшим и высшим уровнями жизни в *техническом отношении* — неоправданно, ибо всякое животное, всякое растение максимально возможно соответствуют своей задаче; полет неуклюжего жука не меньше соответствует его задаче, чем порхание бабочки — ее задаче. Тут различие экономическое, ведь сложные организмы в состоянии выполнять большее количество и более совершенной работы, а выгоды от ее результатов столь велики, что ими покрываются весьма высокие издержки на поддержание и воспроизводство жизни».

10 [17]
(150) Доказать, что все более экономное расходование человека и человечества, «машинерия» все более прочно срастающихся интересов и результатов работы *неизбежно* включают в себя *встречное движение*. Назову его *выделением из человечества излишка роскоши:* в нем на свет явится, вероятно, более сильная порода, более высокий тип человека, условия возникновения и сохранения которого будут иными, нежели для человека обычного. Понятие, *парабола*, которую я нашел для этого типа, выражено, как известно, словом «сверхчеловек».

На том первом отрезке пути, что обозрим нынче полностью, возникает приспособление, уплощение, китайщина более высокого порядка, инстинктивная непритязательность, довольство в самом измельчании человека — так сказать, *оцепенение уровня развития человека.* Как только

у нас появится единое управление всемирной экономикой — а оно придет неминуемо, — человечество *сможет* обрести свой высший смысл в роли его служебного механизма: оно станет тогда одной чудовищной машиной, состоящей из все более мелких, все лучше «прилаженных» колесиков; властвующие и командующие будут все более становиться излишними частями; оно станет наделенным чудовищной силою целым, отдельными факторами коего будут *минимальные силы, минимальные величины.* Как противовес этому измельчанию и прилаживанию человека ко все более специализированной полезности потребуется обратное движение — создание человека *синтезирующего, суммирующего, оправдывающего,* предусловием существования коего, платформой, стоя на которой он сможет изобрести для себя *более высокую форму бытия,* будет эта машинизация человечества...

Точно так же ему <высшему человеку> нужна будет *враждебность* массы, «стриженных под одну гребенку» людей, чувство дистанции по отношению к ним; на них он будет стоять, от них получать средства к существованию. Эта высшая форма *аристократизма* — форма будущая. Выражаясь на моральный лад, этот общий механизм, взаимная солидарность всех колес, представляет собою некий максимум *эксплуатации человека:* но она же предполагает тех, ради которых эта эксплуатация имеет *смысл.* В ином случае она и впрямь была бы просто общим снижением, снижением ценности человека как *типа* — *феноменом регресса* в больших масштабах.

— Очевидно: то, с чем я борюсь, это *экономический* оптимизм, <гласящий,> будто бы вместе с растущими издержками *для всех* неминуемо возрастет и выгода для всех. А мне кажется, имеет место как раз прямо противоположное: *издержки для всех складываются в общий убыток* — человек становится *все незначительней,* так что уже неизвестно, *чему* вообще служил этот чудовищный процесс. Какое-то «чему», какое-то *новое* «чему» — вот оно, то, в чем нуждается человечество...

10 [18]

(151) *«Современность»* в притче о питании и пищеварении

Чувствительность <становится> неизмеримо более возбудимой (—под прикрасою морализаторства—в виде роста *сострадания*—), изобилие несовместимых впечатлений—бо2льшим, чем когда-либо раньше: *космополитизм* в яствах, литературе, газетах, формах, вкусах, даже в ландшафтах и т. д.

темп этой низвергающейся лавины—*prestissimo;* впечатления смывают друг друга; человек инстинктивно защищается, чтобы усвоить хоть что-нибудь, *проглотить*, «переварить»

—отсюда вытекает *ослабление* пищеварительной способности. Наступает своего рода *приспособление* к этому переполнению впечатлениями: человек разучается *действовать;* все, что он может,—**реагировать** на стимулы, приходящие извне. *Он тратит силы* частично на *усвоение*, частично на *защиту*, частично на *реакцию.*

Глубочайшее ослабление самостоятельной деятельности:—историк, критик, аналитик, интерпретатор, наблюдатель, собиратель, читатель—все это таланты *реактивные: все это*—наука!

Искусное *прихорашивание* натуры перед «зеркалом»; интересы есть—но как бы не глубже эпидермы; глубокая холодность, безразличие, постоянно *пониженная* температура сразу же под тонкою поверхностью, на которой—теплота, оживление, «буря», игра волн.

Противоположность *внешней* оживленности и какой-то *глубинной тяжести и усталости.*

10 [19]

(152) Понятие *субстанции*—следствие понятия *субъекта:* а *не* наоборот! Стоит нам отказаться от души, «субъекта»,—и для «субстанции» не будет больше никакой предпосылки вообще. Выйдет *степень сущего*, а *само* сущее будет утрачено.

Критика *«действительности»:* к чему приведет <представление о> *«большей или меньшей действительности»*, о градации бытия, в которую мы верим?

Степень нашего *ощущения жизни* и *власти* (логика и взаимосвязь пережитого) дает нам мерило «бытия», «реальности», не-иллюзорности.

Субъект: это терминология нашей веры в некое *единство* всех отдельных моментов острейшего ощущения реальности: эту веру мы понимаем как *следствие* одной причины — наша вера в нашу веру заходит столь далеко, что ради нее мы воображаем себе «истину», «действительность», «субстанциальность» вообще.

«Субъект» — это фикция того, что множество *одинаковых* состояний в нас суть следствие единого субстрата: но это *мы* создали «тождество» этих состояний; *фактически имеет место* их отождествление *человеком* и *приведение* в порядок, а *не* их <бытийное> тождество (— таковое следует, наоборот, *отрицать* —)

10 [20]

(153) Бывает, что проявленная по отношению к нам симпатия вызывает в нас *негодование:* к примеру, по окончании какой-нибудь из ряду вон выходящей работы, ценность которой — в самом ее совершении. А нас поздравляют с тем, «что мы с этим управились» и т. д.

Я нередко производил на своих критиков впечатление canaille: сдается, единственный их интерес, какая-то еврейская назойливость, на которую in praxi следует отвечать пинком, — не то, *что 2* сказано, а то, *что это говорю я,* и то, как именно *я* мог дойти до того, чтобы это сказать. Меня осуждают, дабы не иметь с моим сочинением ничего общего: разъясняют, откуда оно возникло — и этого уже довольно, чтобы *разделаться* с ним.

10 [21]

(154) *Религия*

Во внутреннем душевном хозяйстве *первобытного* человека преобладает *страх* перед *злом.* Что такое *зло?* Это три вещи зараз: случайное, неизвестное, внезапное. Как первобытный человек борется со злом? Он обобщает его в виде разума, власти, даже личности. Благодаря этому он получает возможность войти с ними в своего рода соглашение и вообще воздействовать на них заблаговременно — упреждать их.

— Другой выход из положения — заявить, что их зловредность и пагубность — не более чем простая видимость:

то, что несут с собою случайность, неизвестность, внезапность, истолковывается как *благое намерение*, как нечто осмысленное...

—в качестве «заслуженного» интерпретируются главным образом бедствия: зло оправдывается как кара...

—In summa: *злу покорствуют*—вся морально-религиозная интерпретация—это всего лишь форма покорства злу.

—верить в то, что в зле заключен какой-то добрый смысл, значит отказываться от борьбы с ним.

Так вот, вся история культуры представляет собою снижение этого *страха перед случайным*, перед неизвестным, перед внезапным. Культура—ведь это как раз и значит научение *расчету*, научение каузальному мышлению, научение упреждению, научение вере в необходимость. По мере роста культуры человек все меньше нуждается в той самой *первобытной* форме покорства несчастью (названной религией или моралью), в том самом «оправдании несчастья». Теперь он ведет с «несчастьем» войну—он его упраздняет. Разумеется, теперь возможно то ощущение уверенности, веры в закон и предсказуемость, когда все это осознается уже как *наскучившее*, когда *наслаждение случайным, неизвестным и внезапным* выступает в виде внутреннего зуда...

Задержимся на мгновение на этом симптоме *высочайшей* культуры—назову его *пессимизмом силы*.

Теперь человеку *уже больше* не нужно «оправдание несчастья», он с отвращением отворачивается как раз от «оправдыванья»: несчастьем он наслаждается pur, cru[1], а *несчастье бессмысленное* находит особенно интересным. Если прежде ему был надобен Бог, то теперь его приводит в восторг мировой хаос без Бога, мир случайного, в котором ужасное, сомнительное, соблазнительное—неотъемлемые его черты...

В подобном состоянии в «оправдании» нуждается именно *добро*—это означает, что у него должно найтись какое-нибудь полное зла и опасностей подполье—или в нем должна быть какая-нибудь огромная глупость: *тогда оно еще может импонировать*.

---

1 Чисто, непосредственно (*фр.*).

Животная грубость уже не возбуждает никакого ужаса; самая победительная форма ума в такие времена — остроумная и удачливая наглость с позиций животного в человеке.

Отныне человек достаточно силен, чтобы не скрывать, что гнушается *веры в Бога:* теперь он может сызнова играть роль advocatus diaboli[1].

А если он in praxi ратует за поддержание добродетели, то делает это, руководствуясь теми соображениями, которые позволяют усмотреть в добродетели изощрение ума, хитрость, форму корысто- и властолюбия.

Этот *пессимизм силы* тоже заканчивает *теодицеей*, то есть абсолютным приятием мира, однако ради тех соображений, по которым прежде его отвергали, — а это значит, пониманием этого мира в качестве *на деле достигнутого наивысшего идеала...*

10 [22]

(155) *Общая концепция*

Фактически любой сильный рост влечет за собою и чудовищное *дробление* и *гибель* отвалившегося:

страдание, симптомы упадка *присущи* временам неимоверного продвижения вперед.

любое плодотворное и мощное движение человечества *вызывало* заодно и какое-нибудь нигилистическое движение.

иной раз предзнаменованием резкого и судьбоносного роста, перехода в новые условия существования бывало то, что на свет появлялась *самая крайняя* форма пессимизма — подлинный *нигилизм.*

Вот что я понял.

10 [23]

(156) *Общая концепция: двусмысленный* характер нашего современного мира — одни и те же симптомы могут указывать и на *упадок*, и на *силу*. А признаки силы, достигнутого совершеннолетия на основе традиционного *(отсталого)* обесценившегося строя чувств могут **пониматься пре-**

---

1 Защитника дьявола (*лат.*).

вратно — как *слабость*. Короче говоря, *чувство как ощущение ценности – не на высоте времени.*

Обобщенно: ощущение ценности всегда **отстает**, оно выражает условия сохранения и роста, имевшие место в какую-то гораздо более раннюю эпоху: оно борется с новыми условиями существования, потому что не из них выросло, и неизбежно понимает их превратно, внушает недоверие к ним и т. д.: оно тормозит новое, возбуждает подозрения к новому...

Примеры:———

10 [24]
(157) *Омораливание искусств.* Искусство как свобода от моральной обуженности и подворотной оптики; а то и как издевка над ними. Бегство к природе, в которой *прекрасное* сочетается с *ужасающим.* Концепция *великого* человека.

— хрупкие, никчемные, изнеженные души, что мрачнеют даже от легкого дуновения воздуха, *«прекрасные души»*

— растормошить *померкшие идеалы* со всей их беспощадной жестокостью и брутальностью — этих роскошнейших чудовищ, каковы они и суть

— ликующее наслаждение психологическим пониманием того, что всем омораленным художникам, вопреки их собственной совести, свойственны уклончивость и лицедейство

— *лживость* искусства — извлечь на свет дня его имморальность

— извлечь на свет дня «основные идеализирующие силы» (чувственность, опьянение, избыточную животность натуры)

10 [25]
(158) Ложный *«рост силы»*

в *романтизме:* это постоянное espressivo[1] — признак не силы, а ощущения нехватки

живописная музыка, так называемая драматическая музыка, — она прежде всего *легче* <усваивается> (равно как

---

1 *Здесь:* выразительность (*ит.*).

и эта грубая бульварщина и чересполосица faits и traits в roman de naturalisme[1])

«страсть»—дело нервов и утомленных душ; равно как и наслаждение высокогорьем, пустыней, бурями, оргиями и всякими ужасами—то есть всем массовым и массивным (у историков, к примеру

Фактически имеет место культ необузданности чувств. Почему так получается, что у сильных эпох—потребность в противоположном искусстве, потребность в бесстрастии?

красочность, гармонии, нервозная грубость оркестрового звучания; вопящие краски в романе

предпочитаются *возбуждающие* сюжеты (erotica, или socialistica, или pathologica[2]: все это говорит о том, на кого нынче работают <художники>—на *переутомленных*, на *рассеянных*, на расслабленных).

—чтобы воздействие <искусства> вообще дошло, приходится тиранствовать.

10 [26]
(159) Заключение. Наконец-то мы набрались духу, чтобы оправдать *правило!*

10 [27]
(160) *Наука*, две ее стороны:

обращенная к личности
обращенная к комплексу культуры («уровни»)
—противоположные оценки с той и с другой стороны.

10 [28]
(161) вместо «общества»—*комплекс культуры*: вот *мой* главный интерес (<он—> как бы целое относительно своих частей)

10 [29]
(162) Что за методы надо применять к первобытным народам; а что «варварский» характер методов не содержит в себе ничего произвольного и прихотливого, в этом мо-

---

1 Фактов *и* черт жизни *в* натуралистическом романе (*фр.*).

2 Эротические, социалистические, патологические (*лат.*).

жет убедиться in praxi всякий, кто, при всей своей европейской изнеженности, столкнется с необходимостью управлять варварами в Конго или где еще там.

10 [30]

(163) Догадка о *росте совокупной власти:* высчитать, в какой мере в этот рост *входит* и заслуга личностей, сословий, эпох, народов.

Сдвиг *центра тяжести* той или иной культуры.

Издержки всякого заметного роста: <все зависит от того,> кто их несет! *В этом отношении нынче они должны быть чудовищными.*

10 [31]

Революция вызвала к жизни Наполеона: в этом ее оправдание. Подобную цену можно бы заплатить за крушение всей нашей цивилизации в анархизме. Наполеон вызвал к жизни национализм: в этом его ограниченность.

Моральность и неморальность, конечно, не в счет: ведь эти понятия даже не затрагивают *ценности* человека.

Начинается — — —

Ценность человека — не в его полезности: ведь если бы даже не было никого, кому он мог бы пригодиться, он все равно продолжал бы жить. И почему бы как раз тому человеку, чьи воздействия были наиболее губительными, не оказаться венцом всего человеческого рода — столь высоким, столь недосягаемым, что все мерли бы от зависти к нему

10 [32]

(164) А. *Методы достижения власти:* вводить новую добродетель под именем *старой*

: возбуждать «интерес» к ней («счастье» — ее следствие, и наоборот)

: <пользоваться> искусством очернять то, что ей противится

: использовать для ее возвеличивания благоприятные для нее возможности и случаи

: путем отбора и жертвоприношений делать ее приверженцев фанатиками

: <использовать> *символику широкого размаха*
B. Власть, когда она *уже достигнута*
1) методы принуждения, используемые добродетелью
2) методы растления, используемые добродетелью
3) этикет (придворный), используемый добродетелью

10 [33]
(165) —Художники *не* являются людьми *великой* страсти, как бы они ни внушали это нам и себе самим. И притом по двум причинам: они совершенно не стыдятся себя (они потакают себе *самим фактом своей жизни;* они подглядывают за собою, они чересчур любознательны...) и совершенно не ведают стыда перед великой страстью (они эксплуатируют ее в своих артистических интересах, <потакая> алчности своего таланта...).

Но, во-вторых: 1) их вампир, их талант, как правило, косо смотрит на это расточение силы, что зовется страстью; 2) их художническая *скупость* охраняет их от страсти.

Тот, у кого есть талант, как раз и бывает жертвою своего таланта: живет под вампирической властью таланта, живет — — —

Живописуя свои страсти, с ними не совладаешь: скорее, с ними можно совладать на то время, *пока* их живописуешь. (<Пример> Гёте учит другому: тут он *захотел* понять себя превратно — <потому и> почувствовал себя неловко

10 [34]
—зияние меж двух ничто—

10 [35]
(166) —связывать порок с чем-то крайне постыдным, и тогда в конце концов люди научатся избегать порока, дабы избавиться от того, что с ним связано. Это пресловутый случай Тангейзера. Музыкою Вагнера выведенный из терпения, Тангейзер не выдерживает даже у г-жи Венеры: добродетель одним махом становится притягательной; некая тюрингская дева растет в цене; и, прибегая

к сильному выражению, ему по нраву оказывается даже манера Вольфрама фон Эшенбаха...

10 [36]
(167) —нам, нынешним фаталистам, скорее придется по сердцу сладострастная меланхолия какого-нибудь мавританского танца, чем эта венская чувственность немецкого вальса,—чувственность чересчур белокурая, чересчур тупоумная.

10 [37]
(168) Современное искусство тиранить в качестве искусства. Какая-то грубая и чрезмерно подчеркнутая *логика рисунка;* мотив, упрощенный до степени формулы,—формула тиранит. В самих линиях рисунка—дикая плотность, угнетающая массивность, что только смущает чувства; звериная грубость красок, сюжета, страстей. Пример: Золя, Вагнер; на более духовном уровне—Тэн. Стало быть, *логика, массивность и звериная грубость...*

10 [38]
(169) Люди ценят вещь соответственно расходам, которые они ради нее понесли. Чтобы сделать какую-нибудь добродетель заманчивой, надо заставить их—или обольстить—выложить за нее много

Как испортить людям удовольствие от какого-нибудь порока? Да сделать так, чтобы удовольствия от него они не получали. Как внушить пьянчуге, что алкоголь отвратителен? *Сделать* его отвратительным, подмешав в него горечавку. Вот и к пороку надо что-нибудь подмешивать: это первейшая заповедь моралиста.

10 [39]
(170) Стадный инстинкт понимает как нечто наивысшее и ценнейшее *середину* и *посредственность*—место, на котором находится большинство; и то, каким образом оно там находится; значит, он—враг всякой иерархии, рассматривающий подъем из низов к вершинам как понижение в ранге от подавляющего большинства до узкого круга

избранных. *Исключительные люди*, все равно, над стадом ли они или под ним, стадом ощущаются как нечто себе враждебное и вредоносное. В отношении тех исключений, что сверху — более сильных, могущественных, мудрых, продуктивных, — оно применяет прием: склонить их к роли хранителей, пастырей, стражей — к роли своих *первых слуг:* тем самым стадо обратило опасность себе на пользу. В середине страха не испытывают; тут человек ни с чем не остается один на один; тут мало места для расхождения во взглядах; тут царит тождество; тут себе не ставят в вину собственное существование, а ощущают его как *оправданное*; тут господствует довольство. Недоверие обращено тут на исключительных; быть исключительным — значит быть виновным.

10 [40]
(171) Выпадет ли изо всей цепи искусства и науки звено, если из нее исчезнет женщина, *дело рук женщины?* Допустим исключительный случай — он только докажет правило — женщина доводит до совершенства все, что не есть дело, — письма, мемуары, даже тончайшую ручную работу, какая только бывает, короче говоря, все, что не профессионально, — как раз потому, что тут она доводит до совершенства самое себя, ибо повинуется тем самым тому единственному стимулу к занятиям искусством, какой у нее есть, — она хочет *нравиться*... Но что делать женщине со страстным безразличием подлинного художника, придающего гораздо больше значения какому-нибудь звуку, какому-нибудь оттенку, какому-нибудь «гопля!», чем себе самому? Который руками и ногами держится за свои потаеннейшие глубины? Который не придает цены ни одной вещи на свете, разве только она способна служить формою (— разве только она отрекается от себя, разве только становится общедоступною —). Искусство, как им занимается художник, — неужто *вам* неведомо, что это такое: покушение на все pudeurs[1]?... Лишь в этом столетии женщина отважилась замахнуться на литературу (— vers la canaille plumière, écrivassière, говоря вместе со стариком Мирабо): она

---

1 Всяческую стыдливость (*фр.*).

писательствует, она художничает, она утрачивает инстинкт. Позволительно спросить: а *зачем?*

10 [41]

вершина современной лирики, взятая двумя братьями-гениями, Генрихом Гейне и Альфредом де Мюссе

Наши бессмертные—у нас их не слишком много: Альфред де Мюссе, Генрих Гейне, с. 267.

Шиллер был театральным маэстро: но какое нам дело до театра!

10 [42]

(172) *Главное положение.* В какой мере *законченный нигилизм*—это неизбежное следствие прежних идеалов.

— *неполный* нигилизм, его формы: мы живем в его гуще

— *попытки уйти от нигилизма,* не переоценивая тех ценностей: они вызывают к жизни противоположное, обостряют проблему.

10 [43]

(173) *Законченный нигилист*—взгляд нигилиста, *идеализирующий все в направлении безобразного,* изменяющий своим воспоминаниям (—он дает им опасть, словно листьям; он не оберегает их от выцветания до мертвецкого цвета, который слабость изливает на дальнее и минувшее; а то, чего он не делает с собою, он не делает и со всем прошедшим человечества,—он дает ему опасть

10 [44]

(174) Что выйдет из человека, если у него нет больше причин обороняться и нападать? Что останется от его аффектов, если они у него пропадут,—аффектов, дающих ему щит и меч?

10 [45]

(175) Надо шаг за шагом умалять и ограничивать царство морального сознания; надо извлекать на свет и отдавать должное именам тех инстинктов, которые работают тут на самом деле и которые издавна скрывались под ханже-

скими именами добродетели; надо — из стыда перед своей все более властно вещающей «честностью» — забыть стыд, что хотел бы очернить и ложью изгнать естественные инстинкты. Сколь далеко может зайти избавление от добродетели — это и есть мерило силы; а вершиною всего, если уж понятие «добродетель» воспринять до такой степени по-новому, будет мысль о том, что она равнозначна virtù, добродетели эпохи Возрождения, добродетели без примеси моралина. Но когда это еще будет — мы ведь покамест страшно далеки от такого идеала!

Умаление сферы морали: это признак ее прогресса. Всюду, где еще не получалось мыслить *каузально*, мыслили *морально*.

10 [46]
(176) *К <теме> лишения морали естественности.* <Оно имеет место,> когда поступок отделяют от человека; когда ненависть или презрение обращают против «греха»; когда верят, будто есть поступки, хорошие или плохие сами по себе.

10 [47]
(177) *Реабилитация «природы»:* поступок сам по себе совершенно лишен всякой ценности — ведь все зависит от того, кто его совершает. Одно и то же «преступление» в одном случае может оказаться высочайшей привилегией, в другом — клеймом позора. А на самом деле это эгоизм выносящего суждение понимает поступок *или* совершившего поступок в зависимости от собственной своей выгоды либо ущерба (— или же от сходства либо несходства с собою).

10 [48]

Какова, однако, эпоха, когда от Божества требуют дождя, когда верят, что обращенная к нему мольба может оказать действие, сходное с действием *диуретика!*

10 [49]
(178) *Об идеализме самоуничижителей*

«Верою» или «делами»? Но что к «делам», привычности определенных дел добавляется какой-то определен-

ный способ ценить и наконец *умонастроение*,—это столь же естественно, сколь противоестественно, что одно только наделение ценностью может породить «дела». Надо упражняться — *не* в усилении эмоциональных оценок, а в действии; сперва надо что-то *уметь*... Христианский *дилетантизм* Лютера. Вера—это паллиатив. Подоплека всего—глубокая убежденность, а также инстинктивное признание Лютером и ему подобными своей неспособности на христианские дела, сугубо личная коллизия, упрятанная под крайнюю степень сомнения в том, уж не греховно ли, уж не от нечистого ли *всякое* действие вообще,—тогда ценность существования приходится на отдельные напряженно-идеалистические состояния *бездеятельности* (молитву, излияние чувства и т.д.). Да и не был ли он, в конце концов, прав: инстинкты, проявленные всеми делами реформаторов, были самыми зверскими, какие только есть на свете. Они могли выдерживать жизнь, лишь совершенно отворачиваясь от себя, погружаясь в <ее> *противоположность*, считая ее *иллюзией* («вера»).

10 [50]
(179) *Преступление* подпадает под понятие «восстание против общественного порядка». Восставшего не наказывают: его *держат в черном теле*. Восставший может оказаться человеком жалким и презренным: но в восстании как таковом презирать нечего—а восстание против общества нашего типа само по себе еще отнюдь не снижает ценности человека. Бывают случаи, когда такому повстанцу даже подобают почести за то, что в нашем обществе он почувствовал то, с чем надобно вести войну,—когда он будит нас из спячки.

Если преступник совершил что-то определенное, это вовсе не противоречит тому, что всем своим инстинктом он ведет войну с порядком как таковым: его злодеяние—лишь симптом.

Понятие наказания надо свести к понятию подавления восстания, принятия мер безопасности против усмиренных (полное или частичное заключение). Но наказание не должно быть выражением презрения: преступник—во всяком случае человек, рискующий жизнью, честью,

свободой, отважный человек. Равным образом не следует воспринимать наказание как наложенное на человека покаяние или как выплату в рассрочку, как будто между виною и наказанием есть какой-то натуральный обмен,— наказание не очищает, *ибо* преступление не оскверняет.

Нельзя отнимать у преступника возможность заключить с обществом мир самому—если только, конечно, он не из *расы преступников*. В последнем случае с ним надо начать войну еще до того, как он предпринял что-нибудь враждебное (и первое, что с ним надо будет сделать, когда он уже взят под стражу,—это кастрировать его).

Не следует вменять преступнику в вину ни его плохие манеры, ни низкий умственный уровень. Чаще всего бывает, что он превратно понимает себя самого: особенно часто до его сознания не доходит, faute de lecture[1], его собственный бунтовщический инстинкт, rancune des déclassé<s>[2]; а также и то, что под действием страха, неудачи он станет чернить и бесчестить свое дело: не говоря уж о тех случаях, когда, если разобраться с точки зрения психологии, преступник уступает какому-то невразумительному влечению, придавая своему деянию ложный мотив путем введения побочной линии (скажем, ограбления,—а нужна ему была кровь...).

Не стоит определять ценность человека по одному отдельно взятому его деянию. От этого предостерегал Наполеон. И именно деяния наиболее заметные совершенно нехарактерны. Если у нашего брата на совести нет никакого преступления, скажем убийства, то в чем тут дело? В том, что не хватило нескольких благоприятных для этого обстоятельств. А если б мы это сделали, как это сказалось бы на нашей ценности? Упали бы мы в цене, совершив несколько преступлений? Напротив: не всякий может совершить несколько преступлений. Вообще-то, нас стали бы презирать, если б не считали способными при известных обстоятельствах убить человека. Почти во всех преступлениях выявляются, в числе прочих, качества, которые не должны отсутствовать у мужчины. Не зря сказал

1 По причине необразованности (*фр.*).
2 Озлобленность оставленных за бортом (*фр.*).

Достоевский об обитателях сибирских каторжных тюрем, что они составляли наиболее сильную и ценную часть русского народа. И если преступник у нас подобен чахлому и захиревшему растению, то это не делает чести нашим общественным отношениям; в эпоху Возрождения преступник цвел пышным цветом, добыв себе свой собственный вид добродетели — добродетели, разумеется, в стиле Возрождения, virtù, добродетели без моралина.

Можно возвысить лишь тех людей, с которыми нельзя обращаться презрительно; моральное презрение гораздо более способно обесчестить и нанести ущерб, нежели какое-нибудь преступление.

10 [51]
(180) эти великие эротики идеала, святые преображенной и никем не оцененной чувственности, эти типичные апостолы «любви» (каковы Иисус Назарянин, святой Франциск Ассизский, святой Франческо Паольский): у них от невежества ошибочный половой инстинкт как бы сбивается с пути, покуда ему не приходится удовлетворяться уже только фантомами: «Богом», «человеком», «природою». (Само это удовлетворение — не просто мнимое: оно происходит у переживающих экстаз в «unio mystica»[1] — пусть сколь угодно вне их воли и «разумения» — не без побочных физиологических симптомов самого что ни на есть чувственного и естественного полового удовлетворения.)

10 [52]
(181) *Нигилизм артистов*

Природа жестока в своей непомраченности; цинична своими солнечными восходами

мы ненавидим все *умилительное*

бегство туда, где природа волнует наши чувства и наше воображение; где нам не надо ничего любить, где ничто не напоминает нам о моральных мнимостях и лакомствах этой северной природы, — и так и в искусствах. Мы предпочитаем то, что больше не напоминает нам о «добром и злом». Наша моралистическая отзывчивость и

---

1 Мистическом соединении (с Богом) (*лат.*).

способность сопереживания словно находит себе убежище в ужасающей и блаженной природе, в фатализме чувств и сил природы. Жизнь без доброты

отрадно глядеть на величественное *безразличие* природы к добру и злу

Никакой справедливости в истории, никакой доброты в природе: поэтому-то пессимиста, если он заодно и артист, тянет in historicis[1] туда, где даже отсутствие справедливости проявляется с какою-то величественной наивностью, где выражается прямо-таки *совершенство*...

а равно и в *природе* — туда, где ее зло и безразличие неприкрыты, где на ней лежит печать *совершенства*...

Нигилистического художника можно узнать по его особой тяге к циничной истории, к циничной природе.

10 [53]

(182) *Приближение человека к природе в XIX столетии*

(XVIII столетие — эпоха изящества, тонкости и généreux sentiments[2])

Не «возврат к природе»: ведь никакого естественного человечества никогда еще не было. Схоластика не- и *противо*естественных ценностей — это закон, это то, с чего начинают; к природе человек приходит после долгой борьбы — он никогда не «возвращается»... Природа: это значит — отважиться стать неморальным подобно природе.

Мы грубее, прямолинейней, ироничней относимся к благородным чувствам, даже если сами охвачены ими.

Ближе к природе — наше первое *общество*, общество богатых и праздных: идет охота друг на друга, половая любовь — своего рода спорт, причем брак становится препятствием и раздражителем; развлечения и жизнь ради удовольствий; ценятся в первую голову телесные достоинства, любопытство и авантюризм.

Ближе к природе — наше отношение к *познанию:* нам свойствен libertinage мысли во всей его невинности, нам претят манеры патетические и иератические, нас восхи-

---

1 В описании исторических событий (*лат.*).

2 Душевного благородства (*фр.*).

щает все самое запретное, и мы утратили бы всякий интерес к познанию, если бы на пути к нему нам пришлось бы скучать.

Ближе к природе—наше отношение к *морали.* <Ее> принципы стали посмешищем; никто больше не позволяет себе упоминать о своем «долге» без иронии. Ценится же умонастроение, выражающее готовность прийти на помощь, доброжелательность (—когда мораль видят в *инстинкте*, а на остальное плюют—). Кроме того, еще несколько понятий, касающихся чести.

Ближе к природе—наша позиция in *politicis:* мы видим <в политике> проблему власти, столкновения одного квантума власти с другим. Мы не верим в право, которое не зиждилось бы на власти настоять на своем: все права, на наш вкус,—это завоевания.

Ближе к природе—наша оценка *великих людей и событий:* страсть в наших глазах—это привилегия, и мы не считаем великим ничего, в чем не было бы какой-то великой преступности; всякое величие мы рассматриваем как сознательный выход за рамки морали.

Ближе к природе—наше отношение к *ней самой:* мы любим ее уже не за ее «невинность», «разумность», «красоту», мы ее хорошенько «вываляли в грязи» и «оболванили». Но вместо того, чтобы ее за это презирать, мы теперь чувствуем себя в ней уютнее, мы в ней как дома. Она *вовсе не* взывает к добродетели: за это мы ее и ценим.

Ближе к природе—наше отношение к *искусству:* мы не требуем от него прекрасной лжи и т.д.; <у нас> царит брутальный позитивизм, констатирующий происходящее безо всякого волнения.

In summa: имеются признаки того, что европейцы XIX столетия уже меньше стыдятся своих инстинктов; они уже сделали порядочный шаг, чтобы некогда осознать свою безусловную естественность, то есть неморальность, не впадая при этом в *ожесточение*, а, напротив, имея достаточно силы, чтобы без паники воспринимать себя только так.

Для некоторых ушей это звучит так, будто *разложение* зашло уже далеко: а правда то, что человек не приблизился к той *«природе»*, о коей говорит Руссо, но сделал еще

один шаг по пути к цивилизации, с отвращением им *отвергнутой.* Мы *нарастили свои силы:* мы вновь подошли к XVII столетию, особенно к вкусам его последних лет (Данкур, Лесаж, Реньяр).

10 [54]
(183) Протестантизм, эта духовно нечистоплотная и скучная форма декаданса, в которой христианство доселе умело сохраняться на посредственном Севере: он драгоценен для познания как нечто половинчатое и комплексное, поскольку оно свело воедино в сходствующих между собою умах переживания различного уровня и происхождения.

Ценность *комплексных образований,* душевной мозаики, даже беспорядочного и запущенного домашнего хозяйства разума

гомеопатическое христианство, христианство протестантских сельских пасторов

протестантизм разнузданный, протестантизм придворных проповедников и спекулянтов-антисемитов.

10 [55]
(184) — если философ безмолвствует, это может говорить о *величии* души; если он себе противоречит, это может говорить о *любви;* и возможна в человеке познания какая-то *божественность,* которая лжет...

Кто-то однажды не без тонкости заметил: «il est indigne de<s> grands cœurs de répandre le trouble, qu'ils ressentent»[1]: только надо к этому добавить, что величие сердца может заключаться еще и в том, чтобы *не страшиться и самого недостойного положения...* Когда женщина любит, она жертвует честью...; когда «любит» человек познания, он жертвует порядочностью; когда любит Бог, он становится евреем...

10 [56]

Сколько досадной тяжеловесности, бессилия, сырости, шлафрока, сколько «пива» в немецкой интеллиген-

1 Заражать других своим смятением — недостойно великих сердец (*фр.*).

ции! Алкоголизм же немецкой ученой молодежи — почти что скандал и уж во всяком случае заставляет глубоко усомниться в наличии у нее умственного начала; это пиво вызывает вялотекущее вырождение: когда-то, в одном случае, имевшем скандальную известность, я попал тут в самую точку (вырождение Штрауса в автора «древней и новой веры»). Немецких ученых, обладающих «умом», всегда можно было по пальцам перечесть (— а ведь обладать им — этого еще не достаточно: сначала-то надо его добыть, *извлечь* дух из себя...): остальные ученые имеют в своем распоряжении рассудок, а некоторые из них, к счастью, то пресловутое «детское простодушие», которому дано *предчувствовать*... Это даже наша гордость: пользуясь «предчувствием», немецкая наука открыла вещи трудноуловимые и, может статься, вообще не существующие. Чтобы, будучи немцем, не *предчувствовать* на такой манер, надо быть почти что евреем.

10 [57]
(185) *История обморaливания и разморaливания*

Первый тезис: *моральных поступков вообще не бывает* — все это одно только воображение.

Они не просто *недоказуемы* (как это признал, к примеру, Кант, а равно и христианство) — они *вообще невозможны*. Благодаря некоему психологическому недоразумению изобрели какую-то *противоположность* движущим силам <человеческих поступков> — и вот полагают, будто тем самым указали на другой их вид; выдумали какое-то primum mobile[1], коего вообще не существует. Сообразуясь с тою оценкой, которая вообще пустила в оборот противоположность «морального» и «неморального», следует сказать:

существуют одни только неморальные цели и поступки.

Второй тезис. Все это разделение на «моральное» и «неморальное» исходит из того, что как моральные, так и неморальные поступки — это акты свободной произвольности, а говоря короче, что таковая существует, или, иначе выражаясь, — что моральная оценка соотносится вооб-

1 Перводвигатель (*лат.*).

ще лишь с одним родом целей и поступков — <а именно> *свободных.*

Но весь этот род целей и поступков — вещь сугубо воображаемая; мира, к коему приложимо одно только моральное мерило, вообще не бывает

не бывает ни моральных, ни неморальных поступков.

Психологическое заблуждение, от которого пошла пара *противоположных понятий* «моральное» и «неморальное».

«бескорыстный», «неэгоистичный», «самоотверженный» — все это *нереально,* выдумано.

Ошибочен догматизм в отношении «ego»: оно воспринимается на атомистический лад, в мнимом противоположении «не-я»; а равным образом и как изъятое из становления, как нечто сущее. *Ошибочна субстанциализация «я»:* она (в надежде на индивидуальное бессмертие) превращена в догмат главным образом под давлением *религиозно-моральной дисциплины.* В итоге этого искусственного отторжения и толкования ego как самодовлеющего получилась <его> ценностная противоположность, казавшаяся непреложною: *отдельное ego* — и чудовищное *не-я.* Казалось очевидным, что ценность отдельного ego может заключаться лишь в том, чтобы соотноситься с этим чудовищным «не-я», то есть ему подчиняться, и существовать ради *него.* Тут все определяли *стадные инстинкты:* этим инстинктам ничто не претит так, как суверенность отдельной личности. Но, положим, ego понято как нечто самодовлеющее — тогда его ценность должна заключаться в *самоотверженности.*

Итак: 1) мнимое обособление «индивидуума» в виде *атома*

2) восхваление стада, с отвращением отвергающего стремление остаться атомом как враждебное себе

3) как следствие: победа над личностью путем перенаправления ее цели

4) теперь стало казаться, будто существуют поступки *самоотверженные:* вокруг них нафантазировали целую кучу противоположностей.

5) стали задаваться вопросом: совершая какие поступки, человек относится к себе *одобрительнее* всего? На

них-то (на половое начало, корыстолюбие, властолюбие, жестокость и т. д.) и излились широким потоком анафемы, ненависть, презрение: люди *поверили*, будто существуют побуждения неэгоистичные, все эгоистичные побуждения *отвергли* и стали *требовать* <одних только> неэгоистичных.

6) следствие отсюда: чего всем этим добились? Побуждения сильнейшие, естественнейшие, более того, *единственно реальные* оказались в опале — впредь, чтобы считать поступок похвальным, приходилось *отвергать* в нем присутствие таких побуждений.

чудовищные подделки in psychologicis[1]. Даже любому виду «самодовольства» приходилось обеспечивать себе право на существование лишь благодаря тому, что его превратно понимали и объясняли себе sub specie boni[2].

И наоборот: та порода, которой было выгодно *лишить* человека ощущения самодовольства (представители стадного инстинкта — скажем, жрецы и философы), приобрела тонкость и психологическую проницательность, чтобы суметь показать, насколько же кругом все еще царит эгоизм. Вывод христианства: «*Все* — грех, даже наши добродетели. Человек абсолютно порочен. Неэгоистичный поступок *невозможен*». Первородный грех. Короче говоря: приведя свой инстинкт в противоречие с каким-то сугубо воображаемым миром добра, человек закончил уничижением себя — — *неспособного* совершать «добрые» поступки.

NB. Христианство знаменует собою, стало быть, некий *прогресс* в психологическом обострении зрения: Ларошфуко и Паскаль. Оно поняло *сущностное тождество человеческих поступков* и их ценностное тождество в решающем пункте (— все они *неморальны*).

И вот *всерьез* была поставлена цель сформировать людей, в которых эгоизм умерщвлен,— *жрецов*, *святых*. И если еще были сомнения в возможности достичь «совершенства», то сомнения в возможности знать, что такое совершенство, *отпали*.

Физиология святых, жрецов, «добрых людей», разумеется, неизбежно оказалась чистейшей фантасмагори-

---

1 В вопросах психологии (*лат.*).

2 В смысле добра (*лат.*).

ей. *Подлинные* мотивы поступков объявлялись *скверной:* чтобы вообще сохранить возможность совершать поступки, предписывать поступки, приходилось характеризовать как возможные и словно бы *освящать* их — поступки, невозможные в принципе. С тою же *лживостью*, с какой прежде клеветали, отныне стали воздавать почести и идеализировать.

ярость против инстинктов жизни — «священна», почтенна.

Абсолютное целомудрие, абсолютное послушание, абсолютная нищета: вот идеал жрецов.

Милостыня, сострадание; жертвенность, рыцарство; отрицание красоты, разума, чувственности; косые взгляды на все проявления сильного характера: вот идеал мирян.

Но дело заходит дальше: *оклеветанные инстинкты* тоже пытаются добиться своего (скажем, Лютерова реформация: грубейшая форма моральной лживости — под видом «евангелической свободы») — их переименовывают, присваивая им освященные имена.

: *оклеветанные инстинкты* пытаются доказать, что они необходимы, дабы *добродетельные* могли существовать вообще: надобно vivre, pour vivre pour autrui[1]. Эгоизм — *средство* достижения цели...

: еще дальше: теперь стараются признать право на существование за побуждениями как эгоистическими, так и альтруистическими, — *равные* права как для тех, так и для других (с точки зрения пользы)

: еще дальше: ищут *высшей полезности* в предпочтении эгоистической точки зрения, отдаваемом перед альтруистической — — бесполезной для счастья для большинства, то есть содействия человечеству и т. д. Иными словами: некоторое преимущество отдается правам ego, но в какой-то крайне альтруистической перспективе («общей пользы для человечества»)

: стараются примирить *альтруистический* образ действий с *естественностью*, ищут альтруистическое начало в самой основе жизни; пытаются понять как эгоистичес-

---

1 Жить, чтобы жить для других (*фр.*).

кое, так и альтруистическое одинаково коренящимися в глубинах жизни и природы.

: грезят о каком-то исчезновении этого противоречия в неопределенном будущем, когда благодаря все большей взаимной адаптации эгоистическое станет заодно и альтруистическим…

: в конце концов возникает понимание того, что альтруистические поступки — это всего только *разновидность* эгоистических и что уменьшение любви <к ближнему> — свидетельство роста индивидуальной *власти* и *личного* начала. Короче говоря, что, *делая человека злым, его улучшают,* — и что одно предполагает другое… Тем самым поднимается занавес, и открываются чудовищные *подлоги, какие совершала психология прежних видов морали.*

Следствия: бывают *исключительно* одни только неморальные цели и поступки

стало быть, так называемые моральные <цели и поступки> надлежит разоблачить как *неморальные.*

(— это задача Tractatus politicus)

(— выведение всех аффектов из единой воли к власти: у всех у них — одна сущность)

(— понятие жизни — в мнимом противоречии («доброе и злое») выражаются *степени власти инстинктов,* сложившаяся на данный момент иерархия, в рамках которой держатся в узде или берутся на службу какие-то из инстинктов)

(— *оправдание* морали: экономическое и т. д.)

Против второго тезиса. Детерминизм: попытка *спасти* построенный на морали мир, *переместив* его — в неизвестное. Детерминизм — всего лишь некий фокус, заставляющий исчезнуть наши способы ценить, не нашедшие себе места в механистически представленном мире. Поэтому необходимо *атаковать* и *подорвать* детерминизм: а равным образом и *опровергнуть* наше право различать мир сам по себе и мир феноменов.

10 [58]

(186) *В книге первой: нигилизм* как необходимое следствие
идеальных ценностей
проблема *цивилизации*

XIX столетие, его *двойственность:*
доселе отсутствует *свобода* от морали. Пессимисты — *бунтовщики с пафосом морали*

Мораль как предтеча пессимизма
Пессимизм как предтеча нигилизма

В книге второй: история оморaливания
как добродетели обеспечивают владычество
мораль как Цирцея для философов

В книге третьей: проблема истины

В книге четвертой: история *высших типов* после того, как мы обезбожили мир
способ разверзнуть пропасть: *иерархия*
идеал мироутверждающего учения
трагический век.

психологическая наивность, заключенная в идеале *Бога*

10 [59]
(187) *Иерархия ценности людей*

a) не следует судить о ценности человека по отдельным его произведениям. *Поступки не глубже эпидермы.* Нет ничего более редкостного, чем *личный* поступок. Сословие, чин, раса, окружение, случай — все это гораздо раньше, нежели «личность», выражается в произведении или деле.

b) не следует даже предполагать, что у многих и многих людей имеется «личность». И тогда получится, что некоторые люди обладают *несколькими* личностями, а большинство — вообще *никакими.* Всюду, где преобладают качества посредственности, важные для воспроизведения типа, личность оказалась бы расточительством, роскошью, и тут не было бы никакого смысла стремиться к какой-то «личности». Это <всего-навсего> носильщики, трансмиссионные механизмы.

c) «личность» — факт относительно *изолированный;* а в отношении куда как большей важности воспроизводства и <качеств> посредственности — стало быть, чуть ли не что-то *противоестественное.* Чтобы возникла личность,

нужна своевременная изоляция, принуждение к существованию в условиях обороны и нападения, что-то вроде самозаточения, какая-то усиленная герметизация; но главное — гораздо *меньшая впечатлительность*, чем у среднего человека, человеческие черты которого заносятся в него, точно *заразой.*

Первейший вопрос касательно *иерархии:* насколько человек – *одиночка* или *член стада*

(в последнем случае его ценность заключена в качествах, обеспечивающих существование его стада, его типа, в ином случае — в том, что2 его отделяет, изолирует, защищает <от влияний> и *позволяет ему держаться одиночкой.*

Следствие: *не* надо судить о типе одиночек по критериям стадного типа, а о стадном типе — по критериям типа одиночек.

С высшей точки зрения необходимы оба типа; равным образом необходим и их антагонизм — и никакую мысль не следует гнать от себя более решительно, чем ту «желательность», чтобы из них вышло нечто *третье* («добродетель» как гермафродитство). Это столь же мало «желательно», как уподобление и примирение полов. <Наоборот,> следует *развивать типическое и дальше, разверзать пропасть* <между типами> все *шире...*

Понятие *вырождения* в том и другом случае: это когда стадо усваивает качества одиночек, а те — качества стада,— короче говоря, когда они взаимно *уподобляются.* Это понятие вырождения моральной оценке не подлежит.

10 [60]
(188) В *сравнении с музыкою* всякое сообщение словами — какое-то бесстыдство; слово разжижает и отупляет; слово обезличивает: нечто необыденное превращается словом в дюжинное.

10 [61]
(189) *Где искать натур* ***более сильных***

Гибель и вырождение вида *одиночек* гораздо более *масштабны* и ужасающи: против них инстинкт стада, традиция ценностей; их орудия обороны, их защитные инстинкты с самого начала недостаточно сильны, недоста-

точно надежны—чтобы они *процветали*, нужны обильные милости случая. (А они процветают чаще всего в стихии самой низменной и для общества потерянной: кто ищет *личность*, тот найдет ее там гораздо скорее, чем в средних классах!)

борьба сословий и классов, добивающаяся «равноправия». Как только с ней более или менее покончено, завязывается *борьба* с *личностями-одиночками*. В каком-то смысле *таковым легче всего сохраняться и развиваться в демократическом обществе:* а именно в таком, где уже не нужны наиболее грубые методы обороны, а известная привычка к порядку, честности, справедливости, доверию входит в состав обыкновенных условий существования.

Самых сильных нужно обуздывать всего надежней, держать под надзором, заковывать в цепи и глаз с них не спускать: этого хочет инстинкт стада. Для них—режим самообуздания, аскетической отстраненности от толпы, а то и «долга» работы на износ, при которой человеку уже не до себя.

10 [62]

укрывать свою зависть к деловой сметке евреев под покровом нравоучительных формул—это по-антисемитски, это пошлость, это свинская canaille[1]

10 [63]

Основная позиция: разверзать *дистанции*, но *не создавать противоречий.*

отделять *промежуточные формы* и сводить на нет их воздействия: вот главный способ сохранять дистанции.

10 [64]

(190) Этот нелепый и презренный сорт идеализма, желающий, чтобы посредственность *не была посредственной*, и *негодующий* по поводу <ее> трусости, лживости, ничтожности и никчемности, вместо того чтобы видеть в исключительности козырь. *Но ведь желать нужно* **этого,** *и ничего иного!* А пропасть надо разверзать *все шире! Надобно принудить*

---

1 Подлость (*фр.*).

высшую породу **обособиться** посредством жертвы, которую она должна принести на алтарь собственного бытия

10 [65]
(191) NB. В какой мере *христианские* столетия со своим пессимизмом были **сильнее**, нежели XVIII столетие.
—соответственно *трагическая* эпоха у греков—

слабее, научнее и———

—XIX столетие **в сравнении** с XVIII—
в чем <оно> наследует <ему>
в чем в сравнении с ним отступает вспять, в чем бездарней, безвкусней его
в чем продвигается вперед
(<оно> мрачнее, реалистичней, *сильнее*—)

10 [66]
(192) Вашего Генрика Ибсена я вполне раскусил. Со всею своей «волей к истине» он так и не отважился освободиться от иллюзионизма морали, говорящего «свобода», но не желающего признаться себе в том, что свобода—вторая ступень в метаморфозе «воли к власти» для тех, у кого последней нет. А на первой требуют справедливости от тех, у кого власть есть. На второй говорят «свобода», то есть желают *отделаться* от тех, у кого есть власть. На третьей говорят «равноправие», то есть, еще не набрав решающего перевеса сил, желают воспрепятствовать росту власти своих конкурентов.

10 [67]
от меня никогда ни на миг не ускользала компрометирующая посредственность *протестантизма*, его богословов и проповедников.

10 [68]
(193) *Не* «улучшать» людей, *не* обращаться к ним с какими-то нотациями, так, будто «нравственность сама по себе» или идеальный человек вообще существуют: а *создавать условия*, при которых *необходимы* **более сильные** *люди*, ка-

ковые в свою очередь будут нуждаться, а стало быть, и *иметь*, какую-то *мораль* (точнее—какую-то *телесно-духовную дисциплину*), *дающую силы!*

И не поддаваться соблазну голубых очей или вздымающейся груди: *величие души исключает всякую романтику.* И, увы, *даже всякую любезность!*

10 [69]

(194) Посмотрим, что творит «истинный христианин» с тем, что перечит его инстинкту: он *пятнает грязью* и подозрением все красивое, великолепное, богатое, гордое, уверенное в своих силах, все, что познаёт, пользуется своим могуществом,—in summa *всю культуру:* а умысел его—отнять у нее *чистую совесть...*

Прочтите как-нибудь Петрония сразу вслед за Новым Заветом: с каким облегчением вы вздохнете и выдохнете эту проклятую атмосферу ханжества!

10 [70]

(195) образ мыслей, именующий себя «идеализмом» и не желающий позволить посредственности быть посредственной, а женщине—женщиной. Да нельзя же стричь всех под одну гребенку! Нам надо уяснить себе, как *дорого приходится платить за добродетель* и что добродетель—отнюдь не усредненные пожелания, но некое *благородное сумасбродство*, прекрасное исключение, преимущество коего в том, чтобы готовить человека к *силе...*

10 [71]

(196) бабенки, только и ждущие, пока жрец или градоначальник разрешит удовлетворять их половую потребность, и дающие обещание удовлетворять ее всегда с одним мужчиной

<о том,> что удовлетворение *полового влечения* и проблема *потомства*—вещи и интересы в корне различные, а «брак», как и все <общественные> установления,—нечто в *корне лживое...*

10 [72]
(197) *Рафинированная иудейская смышленость первых христиан*

Нельзя давать сбить себя с толку: «не судите», говорят они, но посылают в преисподнюю все то, что не их веры. Говоря, что судит Бог, они судят сами; возвеличивая Бога, они возвеличивают себя: *требуя* тех добродетелей, на какие способны сами,—более того, которые им необходимы, чтобы выдерживать жизнь,—они разыгрывают величественный спектакль *войны и борьбы за добро:* а на самом-то деле бьются всего лишь за сохранение собственного типа. Являя себя в своем кругу миролюбивыми, мягкосердечными, кроткими, радушными, веселыми, они следуют своим глубочайшим стадным потребностям: их хитрости, однако, угодно еще и *требовать* этого от себя. И вот даже то, чего все равно не избежать, предстает в виде покорности, <то есть> заслуги,—это усиливает их *самомнение ...*

— *непрестанно возвеличивать себя, но ни за что себе в этом не признаваться.* Совершеннейшее *партийное ханжество*, присвоившее право на добродетель и на состязание за добродетель: а *также* и на познание, на «истину»: а *также* и на грядущее владычество и мщение всем врагам

—ох уж эта смиренная, целомудренная, кроткая лживость! Просто невыносимо!... *«Пусть в нашу* **пользу** *свидетельствует наша добродетель, наше блаженство, наша невзыскательность!»*

— *пробить себе дорогу* в мире, *добиться признания:* вот тут и становится очевидным, сколько в них еврейской крови и хитрости. 1) надо отмежеваться, и притом явственно, 2) надо считать себя «избранным народом», и притом тайно, 3) надо устанавливать не иерархию ценностей, а *противоположности:* «мы» и «мир»

10 [73]
(198) Стоило бы однажды прочесть Новый Завет как *книгу совращения:*

добродетель присваивается, становится инстинктивной, чтобы с ее помощью расположить общее мнение в свою пользу

и притом *добродетель* наискромнейшая, для которой существует идеальная стадная овца, и больше ничего (даже овчар—): добродетель малая, слабая, благожелательная, спешащая на помощь и благостная, нисколько не притязающая ни на что внешнее,—«мир» она тщательно обособляет от себя

это нелепейшее самомнение, как будто судьбы человечества до такой степени вращаются вокруг них <христиан>, что по одну сторону—их община в качестве истины, а по другую—мир в качестве заблуждения, вечно-предосудительного и осужденного.

эта нелепейшая ненависть ко всему, что в силе: но трогать его—ни-ни! Какая-то *внутренняя оторванность*, внешне предоставляющая всему идти как заведено (сервилизм, раболепие; умение изо *всего* делать себе средство служения Богу и добродетели)

10 [74]

женщина: маленький очаг возгорания посреди тучи дыма и лжи.

10 [75]

Христианство как *выведение стадных животных;* мелкие добродетели стадных животных в качестве добродетели *как таковой* (—условия и методы самосохранения ничтожнейшей породы людей с дипломом добродетели; Новый Завет—*лучшая книга совращения*)

10 [76]

Брак стоит ровно столько, сколько стоят те, что его заключают: стало быть, в среднем он не стоит почти ничего—а «брак сам по себе» вообще ничего не стоит, как, кстати, и любой <общественный> институт.

10 [77]

(199) христианство как *лишение* стадной морали *естественности:* в условиях абсолютно превратного понимания и самоослепления

демократизация—несколько *более естественный* ее вид, немногим менее лживый

Факт: угнетенные, чернь, несметное количество рабов и полурабов *стремятся к власти*

Первая ступень: они добывают себе свободу — становятся вольноотпущенниками, вначале в воображении, они признают друг друга, они добиваются места под солнцем

Вторая ступень: они вступают в борьбу, они желают признания, равноправия, «справедливости»

Третья ступень: они желают привилегий (— привлекают на свою сторону представителей власти)

Четвертая ступень: они желают власти *только для себя* — и *получают* ее...

В христианстве надо различать *три элемента:*

a) угнетенных всякого рода
b) посредственностей всякого рода
c) неудовлетворенных и больных всякого рода

посредством *первого* элемента оно борется с политическою элитой и ее идеалом

посредством *второго* элемента — с людьми исключительными и наделенными преимуществами (умственными, чувственными —) любого рода

посредством *третьего* элемента — с *природным инстинктом* здоровых и удачливых.

когда дело доходит до победы, на передний план выдвигается *второй* элемент; ведь тогда христианство уже переманило на свою сторону здоровых и удачливых (в качестве бойцов за свое дело), а равно и власть имущих (как заинтересованных в обуздании толпы), и вот уж *стадный инстинкт*, во всех отношениях полноценная *посредственная натура*, получает от христианства высочайшую санкцию. Эта посредственная натура в конце концов настолько сознает себя (— обретает решимость быть собою —), что ощущает за собою право даже на *политическую власть*...

— демократия — это *проникшееся природой* христианство: своего рода «возвращение к природе», тогда как прежде преодолеть противоположное ценностное отношение удалось лишь посредством крайней антиприродности.— Следствие: *начиная с этого момента аристократический идеал* **утратил естественность** («высший человек»,

«благородство», «художник», «страсть», «познание» и т.д.). Романтизм как культ исключений, гениев и т.д.

10 [78]

«méfiez-vous du premier mouvement; il est toujours généreux.»[1] Талейран — молоденьким посольским секретарям.

10 [79]

(200) Иудейское жречество сумело выдать все, на что притязало *само*, за некий *божественный наказ*, за выполнение воли Божия завета... а равно и внедрить то, что нужно для сохранения израильтян, что *обеспечивало* их существование (скажем, сумму *священнодействий:* обрезание, культ жертвоприношений как средоточие национального сознания), не в качестве природы, а в качестве «Бога». *Этот процесс продолжается:* среди того еврейства, где необходимость этих «священнодействий» не ощущалась (а именно как отмежевание от внешнего), удалось создать проект жреческого типа человека, который в сравнении с типом аристократа был бы «благородною натурой»; это бескастовое и словно самозваное священство души, теперь возлагающее ценность не на «священнодействия», а на «убеждения», дабы тем резче выделиться на фоне своей противоположности...

На самом деле речь вновь шла о том, чтобы добыть место под солнцем *определенному роду души*, словно бы поднять *народное восстание* среди народа священников, — инициировать некое пиетистское движение снизу (грешники, мытари, женщины, больные). Иисус Назарянин стал знаком, по коему они друг друга *признавали.* И вновь, чтобы поверить в себя, им нужно было *теологическое преображение:* в качестве предмета веры им понадобился не более и не менее как «Сын Божий»... И совершенно так же, как прежде жрецы сфабриковали всю историю Израиля, теперь вновь была сделана попытка *перелицевать* тут всю историю человечества вообще, дабы христианство могло явиться в виде ее центрального события. Это движение

---

1 Остерегайтесь действовать по первому побуждению; оно всегда бывает великодушным (*фр.*).

могло возникнуть только на почве иудаизма: главное, что он сделал,—соединил нерасторжимыми узами *вину с бедою*, а всякую вину свел к *вине перед Богом: христианство*—**вторая ступень** этого процесса.

10 [80]
(201) эти маленькие добродетели стадных животных вовсе не ведут к «жизни вечной»: разыгрывать их на сцене таким образом—а с ними вместе и себя—это, может, очень умно, но для того, кто еще не утратил зоркости, будет, вопреки всему, самой смехотворной из всех комедий. Не добиться никаких привилегий ни на земле, ни на небесах, доведя до совершенства мелкую, милую овечью посредственность; в лучшем случае, действуя таким образом, все будешь просто мелкою, милой нелепой овцою с рожками—если, конечно, не лопнешь от тщеславия, как свойственно придворным проповедникам, и не осрамишься, став в позу судьи.

чудовищно яркий ореол, коим тут озарены эти маленькие добродетели,—словно отблеск божественных качеств

естественное предназначение и полезность всякой добродетели тут основательно *замалчиваются;* она полноценна лишь в соотнесении с какою-нибудь *божественной* заповедью, божественным образцом, лишь в соотнесении с потусторонними и духовными благами (прелестно: как будто речь тут шла о *«спасении души»:* а это было средство, помогающее «вытерпеть» жизнь, не утрачивая как можно большего числа прекрасных чувств).

О *денатурализации морали.*

10 [81]

В новой Германии заметно не хватает стыдливости; и даже императорский двор проявлял доселе какую-то злонамеренность, стараясь не измазаться о презреннейшее и чрезвычайно компрометирующее отродье христианского ханжества: а ведь на это наводило все—приличия, хороший вкус, умный расчет.

(Что навредило двору больше, нежели эти придворные проповедники?)

10 [82]
(202) *Индивидуализм*—скромный и еще бессознательный вид «воли к власти»; тут, верно, одиночке довольно уже *вырваться на волю* от засилья общества (будь то засилье государства или церкви...). Он противопоставляет себя другим *не как личность*, а просто как индивидуум; перед лицом общности он представляет всех индивидуумов. Это значит, что он инстинктивно устанавливает свое *равенство с каждым другим индивидуумом;* и чего он добивается, он добивается не для себя как личности, а для себя как *индивидуума* перед лицом общности.

Социализм – это просто средство агитации для индивидуалистов: он понимает, что добиться чего-то можно, только сплотившись ради общего дела, сплотившись во «власть». Но стремится он не к обществу как цели желаний индивидуума, а к обществу как *способу помочь пробиться множеству индивидуумов:* вот что на самом деле гласит инстинкт социалистов, насчет коего они столь часто обманываются (—не говоря уже о том, что для достижения своих целей обманывать им приходится часто). Альтруистическое нравоучение на службе индивидуального эгоизма: одна из самых ходовых форм лицемерия *девятнадцатого* столетия.

Анархизм—это опять-таки просто *агитационный метод социализма;* с его помощью он сеет страх, с помощью страха начинает зачаровывать и запугивать: но всего раньше он привлекает на свою сторону людей мужества и отваги, даже и в сфере духа.

И все-таки: *индивидуализм*—**нижайшая** ступень воли к власти.

Достигнув некоторой независимости, стремятся получить еще больше: становится заметно стремление к *отмежеванию* в зависимости от степени власти: индивидуум уже больше не хочет простого равенства, а *ищет себе подобное*,—других он от себя отделяет. За индивидуализмом следует *образование членов и органов*, сочетающее родственные тенденции и играющее роль власти; между такими центрами власти возникают трения, война, взаимная разведка сил, достижение паритета, сближение, установление *обмена достижениями.* В итоге — *иерархия.*

NB. 1. индивидуумы освобождаются
2. они вступают в борьбу, сговорившись насчет «равноправия» (—справедливости—) как своей цели
3. по достижении оной складывается *фактическое неравенство сил, проявляющееся еще сильнее* (поскольку в общем и целом воцаряется мир, и множество мелких квантумов силы начинают обнаруживать различия, каковые прежде были почти равны нулю). Теперь индивидуумы организуются в *группы;* эти группы стремятся к привилегиям и преобладанию. Борьба разгорается вновь, только в смягченном виде.

NB. к *свободе* стремятся, покуда еще не обладают властью. Как только она достигнута, стремятся уже к абсолютной власти; если ее не добиваются (если сил на это еще не хватает), стремятся к *«справедливости», то есть к равной власти*

10 [83]

(203) Всего прежде, господа праведники, у вас нет перед нами решительно никакого преимущества: мы хотим, чтобы вы хорошенько прониклись *скромностью*—ведь это добродетель ваша внушила вам жалкое своекорыстие и хитрость. И если б в вас было больше силы и мужества, вы никогда не докатились бы на такой манер до добродетельного ничтожества. Вы представляете из себя то, что можете: отчасти—то, что должны,—то, к чему нудят вас обстоятельства, отчасти—то, что доставляет вам удовольствие, а отчасти—то, что кажется вам полезным. Но когда вы творите то, что отвечает только вашим наклонностям, или то, чего требует от вас ваша необходимость, или то, что приносит вам пользу,—вы *не смеете ни хвалиться этим, ни принимать хвалы!*... Тот, кто только *добродетелен,*—человек *исключительно мелкой породы:* на этот счет заблуждаться нельзя никоим образом! Люди, которые хоть как-то идут в счет, еще никогда не бывали такими добродетельными ослами: их глубочайший инстинкт, инстинкт имеющегося у них квантума власти, никогда этим не удовлетворялся,—а вот ваша крошечная власть не в состоянии явить ничего более мудрого, чем добродетель.

Но на вашей стороне *толпа:* и раз уж вы *тиранствуете*, мы пойдем на *вас* войною...

10 [84]

(204) Лицемерная наружность, коей приукрашены все *гражданские установления*, словно они — *порожденья нравственности*... скажем, брак; труд; профессия; отечество; семья; порядок; право. И поскольку все они кряду построены в расчете на породу людей *посредственных*, для <их> защиты от исключительных людей и исключительных потребностей, то приходится считать только оправданным огромное количество лжи, коей они окутаны.

10 [85]

(205) Человек *добродетельный* относится к *низшему* разряду уже только потому, что он — вовсе не «личность», но получает свою ценность, только если соответствует некоей раз и навсегда данной схеме человека. У него нет собственной ценности a parte[1]: его можно сравнить <с другими>, у него есть ему подобное, он не *должен* быть особым...

Переберите-ка свойства *доброго* человека — отчего они нам приятны? Оттого, что нам не нужна никакая война, оттого, что он не требует от нас недоверчивости, осторожности, собранности и суровости: наша леность, добродушие, легкомыслие могут жить в свое *удовольствие*. Это-то наше *ощущение благополучия* и есть то самое, что *мы проецируем вовне*, приписывая это доброму человеку в качестве его *свойства*, его *ценности*.

10 [86]

(206) Мне совсем не нравится в этом Иисусе Назарянин или в его апостоле Павле, что они *глубоко внушили маленьким людям*, будто эти их скромные добродетели — бог весть какое важное дело. За это пришлось дорого заплатить: ведь они опорочили полноценность добродетели и человека, они столкнули лбами больную совесть и достоинство благородной души, они повели по ложному пути *смелые, великодушные, отважные, необузданные* движе-

1 Особой (*лат.*).

ния сильной души,—пути, доводящему ее до самоуничтожения...

трогательно, младенчески-невинно, смиренно, женски-влюбленно; очарование девичьи-мечтательной утренней зари чувственности: ибо целомудрие—это всего лишь одна из форм чувственности (—форма ее предсуществования)

10 [87]
(207) Это исключительно вопросы *силы:* сколь далеко можно утверждать себя вопреки условиям сохранения *общества* и его предрассудкам?—сколь широко можно раскрепощать *свои грозные качества*, губительные для большинства?—сколь далеко можно пойти навстречу *истине*, изведать на себе ее наиболее сомнительные стороны?—сколь далеко можно пойти навстречу *страданию*, самоуничижению, состраданию, болезни, пороку, спрашивая себя, можно ли будет с ними совладать?... (что нас не губит, делает нас *сильнее...*)—наконец: сколь широко можно соглашаться для себя с правилом, с пошлостью, ничтожеством, добротой, справедливостью среднего человека, не впадая оттого в вульгарность? ... вот самая жестокая проверка характера: не дать соблазну добра сломить свою натуру. *Доброта* как роскошь, как утонченная нега, как *порок...*

10 [88]
(208) Брак—некая форма конкубината, дозволяемая гражданским обществом,—само собой разумеется, из соображений корыстных, а *не* нравственных... Брак—*предпочитаемая* им форма конкубината, поскольку инстинкт не пренебрегает тут оглядкою и осторожностью, а сперва обращается за письменным разрешением... Общество признательно за этот недостаток мужества и веры в себя, оно *чтит* брак, поскольку тот представляет собою форму *покорности* обществу... Брак—некая форма конкубината, изначально сулящая весьма многое: она сулит то, чего сулить невозможно, а именно «любовь навек»,—половую функцию она вводит в качестве «долга», исполнения которого можно требовать... Но ведь это—«современный брак»

10 [89]
(209) Моральные ценности были доселе высшими ценностями: разве в этом кто-нибудь сомневается? ... Удаляя эти ценности с их места, мы изменяем все ценности: тем самым ниспровергнут самый принцип их прежней *иерархии*...

10 [90]
(210) Удалим из понятия Бога величайшую доброту: она недостойна Бога. Удалим также и величайшую мудрость: тщеславие философов — вот что было автором этой нелепицы, Бога как премудрого жупела: он ведь должен был выглядеть как можно более похожим на них. Нет и нет! Бог — *высочайшая власть*: этого вполне достаточно! Из нее следует все остальное, из нее следует — «мир»! Symbolice[1], чтобы дать какой-то опознавательный знак

D.O. omnipotens[2]

10 [91]
(211) Христианство как *эмансипированное иудейство* (а также <показать,> что местное и расово обусловленное благородство в конце концов эмансипируется от этих условий и *отправляется на поиски* родственных элементов...)

1) в качестве церкви (общины) на почве государства, в качестве неполитического образования

2) в качестве жизни, дисциплины, практики, искусства жить

3) в качестве *религии греха* (прегрешения *перед Богом* как *единственного вида* прегрешения, как единственной причины всякого страдания вообще), обладающей панацеей от него. Есть грех только перед Богом; а в чем человек провинился перед людьми, о том человек не должен ни судить, ни требовать отчета, разве что во имя Бога. Равным образом и все заветы (любовь): все привязано к Богу и ради Бога же применяется к людям. За этим стоит большая смышленость (— жизнь в большой нужде, как, скажем, у эскимосов, выносима лишь при величайшем миролюбии и уступчивости: иудейско-христианская догма обращена против греха, на благо «грешника» —)

---

1 Наглядно (*лат.*).

2 Всемогущий (*лат.*).

10 [92]

(212) Жизнь христианская, какою она предносится в качестве идеала Павлу и служит предметом его проповеди,— это жизнь евреев, может быть, не столько властвующих семейств, сколько маленьких людей, в особенности евреев, живущих в диаспоре. Он, этот идеал, пережит и усмотрен, исходя из наиболее чтимого и любимого: он признан образцом для людей иной расы—если, конечно, они живут в схожих условиях. Что сделал Павел? Он понял, что *особенности частной жизни евреев можно распространить* на частную жизнь маленьких людей, где бы они ни жили. В еврейской среде он узнал, как может преуспевать порода людей, не обладающих властью и даже не претендующих на власть. <Для этого нужны были> вера в какую-то абсолютную привилегированность, блаженство избранных, облагораживающее любое убожество и любые лишения—и притом в качестве компенсации и стимула, добродетели семьи, малой конгрегации, неколебимо спокойная уверенность в одном—в неприкосновенности своей жизни для врагов, среди которых они живут,—и все ласкательное, мягкое, нежное, молитва, музыка, совместные трапезы и исповеди, терпение, снисходительность, готовность помочь и услужливость между собою, но всего прежде—эта душевная *безучастность*, призванная не допустить, чтобы верх взяли аффекты гнева, подозрительности, ненависти, зависти, мстительности... *Не* аскетизм— суть этой жизни; грех держится на первом плане сознания лишь в том смысле, что означает постоянную близость их спасения и обратного выкупа (—значит, он понимается вполне по-еврейски: но с грехом еврей справляется полностью—именно для этого у него и есть вера; и это то, с чем только он и справляется вполне;<)> и если, скажем, всякая беда как-то связана с грехом (или с греховностью <вообще>), то имеется некое remedium[1] даже против всякой беды—а беда, сверх того, становится *оправданной*, не *бессмысленной*...

---

1 Средство (*лат.*).

10 [93]
(213) Какая отрада—после Нового Завета взять в руки, скажем, Петрония! Какою вдруг свежестью вновь повеет в душе! Как ощутительна становится близость здорового, задорного, уверенного в себе, язвительного ума!—а в конце концов остаешься лицом к лицу с вопросом: «Не лучше ли <даже> античная грязь, нежели вся эта мелкая надменная мудрость христиан и их ханжество?»

10 [94]
(214) князья европейские должны бы на самом деле подумать, смогут ли они обойтись без нашей помощи. Мы, имморалисты,—мы нынче единственная сила, которой для победы не нужны союзники: на то мы и самые сильные из сильных, да и намного. Мы даже не испытываем нужды во лжи: а какая же другая сила смогла бы обойтись без нее? На нашей стороне сражается некий сильный соблазн—может статься, сильнейший, какой только бывает на свете,—соблазн истины... Истины? Кто вложил это слово в мои уста? А я изымаю его; а я пренебрегаю этим гордым словом: нет, не нужно нам и оно, мы можем прийти к власти и к победе даже и без истины. Чары, что сражаются на нашей стороне, взор Венеры, завораживающий и слепящий даже наших врагов,—это *магия экстремального*, соблазн, пускающий в дело все крайнее: мы, имморалисты,—мы и есть *эти крайние*...

10 [95]
«О Ариадна, ты сама—лабиринт: из тебя не выбраться назад»...
«Дионис, ты льстишь мне, божественный ты»...

10 [96]
(215) *Христианско-иудейская* жизнь: ressentiment тут <еще> *не* взял верх. Лишь жестокие гонения могли до такой степени разжечь страсть—как *жар любви*, так и жар *ненависти*.

Когда человек видит, что самые близкие ему люди принесены в жертву за его веру, он становится *агрессивен;* победою христианство обязано своим гонителям.

NB. *Аскетика* не специфична для христианства: это Шопенгауэр понял превратно—она лишь врастает в сферу христианства повсюду, где была и без него.
NB. Христианство *ипохондрическое*, живодерня и пыточная камера совести, тоже лишь выросло на известной почве, в которую пустили корни христианские ценности: это не само христианство. Христианство восприняло всяческого рода болезни нездоровых почв: единственное, в чем можно бы его упрекнуть, так это то, что оно не сумело защитить себя ни от одной заразы. Но в *этом*-то и вся его суть: христианство—тип декаданса.

Глубокое презрение, какое выпадало на долю христиан в еще не утратившем благородства античном мире, коренится как раз в том же, в чем еще коренится и нынешняя инстинктивная антипатия к евреям: это ненависть свободных и уверенных в себе сословий к тем, что *пробивают себе дорогу*, связывая пугливые, неуклюжие жесты с каким-то нелепым самомнением.

Новый Завет—это Евангелие с головы до ног *неблагородной* породы; ее притязания на высшую ценность, даже на единственно возможную ценность, и впрямь чем-то возмутительны—еще и нынче.

10 [97]
(216) Когда, полностью приноравливаясь к требованиям гражданской порядочности, все-таки вновь дают волю своей потребности в *неморальности:*

в какой мере сегодня мы, люди познания, заставив служить себе все свои *злые влечения*, удерживаемся от заключения желательного союза между добродетелью и познанием

все злые влечения поумнели и сделались любознательными, научными

Кому добродетель дается без труда, тот может над нею и потешаться. Невозможно всерьез относиться к добродетели: такой человек ее нагоняет и перепрыгивает через нее—куда ж? в чертовщину.

—нагоняя, оно перепрыгивает через нее,—при этом сооружает из нее маленькую чертовщину и чтит своего Бога не иначе как разыгрывая из себя шута Божьего

Как меж тем поумнели все наши скверные метания и терзания! Каким неимоверным научным любопытством они обуреваемы! Ну прямо рыболовный крючок познания!

10 [98]
(217) Против чего я протестую? Чтобы эту мелкую, мирную посредственность, эту душевную уравновешенность, не знающую великих порывов великих сгустков силы, принимали за нечто возвышенное, а то и за *мерило человечности.*

NB. Бэкон Веруламский: «infimarum virtutum apud vulgus laus est, mediarum admiratio, supremarum sensus nullus»[1]. Христианство же как религия относится к vulgus[2]; к высшему роду virtus[3] оно вполне нечувствительно.

10 [99]
[(218)] Шопенгауэрова *денатурализация гения:* «разум, изменивший своему предназначению»

10 [100]
в борьбе с преступностью и болезненностью надо было бы ввести кастрацию (скажем, применять ее ко всем сифилитикам): да зачем! ведь мыслить надо *на экономический лад*!

10 [101]
(219) существование как кара и епитимья: «миф о *грехопадении* — единственное, что примиряет меня с Ветхим Заветом» Шопенгауэр

10 [102]
(220) NB. мои **позитивные** *устои* — каковы они?
— а мои главнейшие *negativa* — каковы они?
— а сфера моих *новых* **вопросов** и *вопросительных знаков* — каковы они?

---

1 Достоинства незначительные чернь восхваляет, средним дивится, к высшим нечувствительна (*лат.*).

2 Черни (*лат.*).

3 Достоинств (*лат.*).

10 [103]
(221) Тем людям, *до которых мне есть дело*, я желаю страданья, одиночества, болезни, истязаний, бесчестья,—я желаю им, чтобы они познали глубокое презрение к себе, пытку недоверия к себе, жалкое положение побежденного: у меня нет к ним никакого сострадания, потому что я желаю им единственного, что нынче может доказать, *ценен* человек или нет,—*чтобы он держал удар*...

Я не встречал еще ни одного идеалиста, но знал множество лжецов——

10 [104]
(222) Шопенгауэр хочет, чтобы мошенников кастрировали, а *гусынь* запирали в монастырь: с какой же точки зрения это может быть желательно? У мошенника перед заурядностью то преимущество, что он не зауряден; а у глупца перед *нами*—то, что он не страдает от зрелища заурядности... Желательней было бы, чтобы пропасть стала шире,—стало быть, чтобы мошенничество и глупость росли... Ведь таким-то образом человеческая природа и *расширяла* свой диапазон... А в конце-то концов, как раз это и необходимо; оно идет своим чередом, не заботясь о том, хотим мы этого или нет. Глупость, мошенничество растут: это *необходимый элемент* «прогресса».

10 [105]
(223) *Для: в чем сильные стороны XIX века*

В нас больше **средневековых** черт, нежели в XVIII столетии; мы не просто любознательней или восприимчивей к чуждому и странному. Мы взбунтовались против *революции*...

Мы избавились от *страха перед raison*[1], этого призрака XVIII столетия: мы вновь отважились на лиризм, нелепость и ребячество... одним словом: «мы музыканты»

—*смехотворное* нас *пугает* так же мало, как и *нелепое*

—*дьявол* извлекает из Божьей терпимости пользу: более того, у него свои интересы от века в роли фигуры непризнанной и оклеветанной—мы спасаем честь дьявола

1 Разумом (*фр.*).

—мы больше не отделяем великое от внушающего ужас

—*хорошее* мы рассматриваем в едином комплексе с самым *скверным:* мы *преодолели* эту нелепую «желательность» прежних дней (которые желали, чтобы добро крепчало в отрыве от укрепления зла—)

—ослабла *трусость* перед идеалом Возрождения—мы осмеливаемся даже тосковать *о его нравах*—

—в это же время исчезла *нетерпимость* к жрецам и церкви: «верить в Бога—неморально», но именно это в наших глазах—лучшая форма оправдания этой веры.

И кроме того, мы наделили себя неким *правом.* Нас не страшит *изнанка* «хорошего» (—мы ищем ее ... у нас хватает на это и смелости и любопытства), скажем эллинства, морали, разума, хорошего вкуса (—мы пересчитываем заново траты, на которые приходится идти ради всех подобных драгоценностей: а покупка одной такой драгоценности *оставляет почти что ни с чем*—). Столь же мало мы закрываем глаза на изнанку *скверных* вещей...

10 [106]

«Мнение составляет <уже> половину человеческой природы»,—сказал Наполеон.

10 [107]

(224) Нанес ли я этим ущерб добродетели? ... Столь же мало, как анархисты—государям: те вновь прочно держатся на своих тронах с тех пор, как в них начали стрелять... Так ведь всегда было и всегда так и будет: ничто не идет делу на пользу больше, чем гонения и облавная травля... Это я и сделал.

10 [108]

[(225)] Против *раскаяния.* Не люблю я этот род трусости перед лицом собственного поступка; нельзя так изменять себе под внезапным напором стыда и подавленности. Тут уж скорее уместна крайняя степень гордости. Да, в конце концов, что толку от этого! Никакого дела раскаянием не поправить; а равно и «извинением» или «возмещением» за него. Надо быть теологом, чтобы верить в какую-то по-

гашающую вину силу: мы, имморалисты, предпочитаем не верить в «вину». Мы держимся того мнения, что любой поступок в корне равен в ценности другим,—а равно и что поступки, направленные против нас, именно поэтому все-таки, рассуждая экономически, могут быть полезными, *всеобще-желательными* поступками. В отдельном случае мы допустим, что с легкостью могли бы *воздержаться* от какого-нибудь действия,—просто обстоятельства подталкивали к его совершению. Кто из нас, *подталкиваемый* обстоятельствами, не пошел бы на целый спектр преступлений? ... Поэтому надо говорить не: «Ты не должен был делать то-то и то-то», а только: «Странно, ведь я бы мог сделать это уже сто раз, а не сделал». В конце концов, лишь очень немногие поступки—поступки *типичные*, в действительности сжато выражающие личность; а ввиду того, сколь мало личность свойственна большинству, человек редко *характеризуется* одним отдельно взятым действием. Это—действие по обстоятельствам, чисто эпидермическое, чисто рефлекторное, следующая за возбуждением разрядка: оно совершается прежде, чем достигнет самых глубин души, прежде совета с нею. Человеком овладела ярость, он сжимает нож, он бьет—разве тут проявляется его личность? Действие часто ограничивает поле зрения, вызывает невозможность распоряжаться собою, а тот, кто его совершил, вспоминая о нем, словно бы оказывается в столбняке, чувствуя себя не более чем *приложением* к нему. Прежде всего надо справиться с этим душевным расстройством, своего рода гипнозом: одно отдельно взятое действие, каким бы оно ни было, в сравнении со всею совокупностью действий, равно *нулю* и может быть сброшено со счета, никак не сказываясь на общем итоге. Справедливое желание, которое может возникнуть у общества,—контролировать все наше существование в одном, и только одном направлении, как будто весь смысл его в том, чтобы выжать из нас одно отдельное действие, самого деятеля заражать не должно: но, увы, это происходит почти всегда. А связано это с тем, что любое действие с необычными последствиями влечет за собою какое-нибудь душевное расстройство: при этом даже безразлично, хороши или худы эти последствия. Вот, скажем, влюблен-

ный — на его долю выпало обещание; вот драматург, которому рукоплещет театр: но в том, что касается torpor intellectualis[1], они ничем не отличаются от анархиста, к которому внезапно нагрянули с обыском. Есть поступки, *недостойные* нас: поступки, которые, будь они для нас типичны, низвели бы нас до много более низкого уровня. Тут надо избежать только этой ошибки — не принимать их за типичные. Есть, напротив того, такие поступки, которых недостойны *мы* сами: это исключения, порожденные какою-то особенной полнотою уверенности в себе и здоровья, наши высочайшие приливные волны, вдруг поднятые на такую высоту какою-то бурей, каким-то случаем: такие поступки и «творения» (—) — нетипичны. Нельзя мерить художника по мерке его творений.

10 [109]
(226) Надо защищать добродетель от проповедников добродетели: это ее злейшие враги. Ибо они проповедуют добродетель в качестве идеала *для всех;* они лишают добродетель очарования странности, необычности, исключительности и недюжинности,— ее *аристократического волшебства.* Равным образом надо дать отпор закоснелым идеалистам, рьяно стучащим по всем горшкам и испытывающим блаженство, когда слышно, что там пусто: какая это наивность — *требовать* великого и необычного и злобно, человеконенавистнически констатировать его отсутствие! К примеру, очевидно, что брак стоит ровно столько, сколько стоят те, кто в него вступает, иначе говоря, почти всегда он будет чем-то жалким и непристойным: и ни одному священнику, ни одному бургомистру не сделать из него чего-то другого.

Против добродетели — все инстинкты посредственности: ведь она невыгодна, не хитра, она изолирует, она родственна страсти и скверно уживается с рассудком; от нее портится характер, голова, образ мыслей — если, конечно, мерить только по меркам людей дюжинных; она толкает на вражду с порядком, с *ложью,* которая прячется во всяком порядке, во всякой организации, во всякой дей-

---

1 Духовного столбняка (*лат.*).

ствительности,—она являет собою *самый гнусный порок*, если, конечно, судить о ней по вредоносности ее воздействия на *других.*

—Для меня добродетель состоит в том, что она: 1) держится неприметно, 2) что она ожидает повсюду не добродетели, а как раз чего-то иного, 3) что она *не страдает* от отсутствия добродетели, а, напротив, воспринимает это как дистанцию, на основе которой можно как-то уважать добродетель: она не заразительна, 4) что она не занята пропагандой... 5) что она никому не позволяет разыгрывать из себя судью, потому что всегда остается добродетелью *для себя самой*, 6) что она делает как раз все то, что в противном случае делать *запрещено:* добродетель, как я ее понимаю,—это именно vetitum[1] в рамках законов стада, 7) короче говоря, в том, что она—добродетель в стиле Возрождения, virtù, добродетель без примеси моралина...

10 [110]

(227) Чего я в итоге достиг? Не станем таить от себя этот небывалый итог: я придал добродетели какое-то новое *очарование*—она выглядит чем-то *запретным.* Против нее—наша утонченнейшая честность, она пропиталась рассолом угрызений совести научного «cum grano salis»[2]; о ней пошла дурная молва, будто она держится устаревшей моды и античных вкусов, и вот уж она, наконец, манит и разжигает любопытство людей изощренных; короче говоря, она проявляет себя как порок. Лишь познав, что все—ложь и видимость, мы вновь получили и дозволение на это тончайшее лицемерие—лицемерие добродетели. Нет больше никакой инстанции, которая могла бы запретить нам ее: добродетель вновь стала *оправданной* лишь благодаря тому, что мы разоблачили в ней форму *имморальности*,—она нашла свое место и соответствие своему основному смыслу, она соучаствует в принципиальной имморальности всего сущего—в качестве перворазрядной формы роскоши, самой надменной, дорогой и редкостной формы порока. Мы разгладили ее морщины, выпрос-

---

1 Запретное (*лат.*).

2 *Здесь*: осторожности, перестраховки (*лат.*).

тали ее из рясы, мы избавили ее от назойливости толпы, мы лишили ее идиотской оцепенелости, пустых глаз, негнущихся буклей, иератической мускулатуры.

10[111]
(228) *Об иерархии*

Что *посредственного* в типичном человеке? Он не видит, что *вещи* неизбежно имеют *изнанку:* он бьется против изъянов, как будто без них можно обойтись; он не желает брать одно вместе с другим,—ему хочется стереть и изгладить *типический характер* вещи, состояния, времени, личности, поскольку одобряет лишь одну сторону их свойств, а другие желает *отменить.* «Желаемое» для посредственности—это как раз то самое, с чем боремся мы, другие: *идеал,* понятый как нечто такое, в чем не должно оставаться ничего вредоносного, злого, опасного, сомнительного, отрицательного. А нам все видится прямо противоположным образом: что с каждым этапом роста растет заодно и изнанка человека, что *высшим* человеком, если, конечно, позволительно такое понятие вообще, был бы человек, который наиболее полно воплощал бы собою *противоречивый характер бытия,* будучи блеском его славы и единственным оправданием... Люди дюжинные могут воплощать собою лишь совсем крошечный уголок и закоулок этого природного характера: они тут же гибнут, стоит только возрасти многообразию элементов и напряжению противоположностей, то есть решающему условию *человеческого величия.* Что человеку должно стать лучше *и* злее,— моя формула для выражения этой неотвратимости <его развития>...

Большинство воплощает собою человека в виде фрагментов и частностей: человек получится, лишь если их всех сложить вместе. Целые эпохи, целые народы в этом смысле каким-то образом фрагментарны; и что человек развивается вот так, фрагментами, выражает, может быть, бережливость, свойственную развитию человечества. Поэтому отнюдь нельзя не замечать того, что дело все-таки исключительно в осуществлении синтетического человека, что люди низкого сорта, подавляющее большинство—всего-навсего прелюдии и подготовительные

упражнения, из сыгранного единства которых там и сям возникает *целостный человек*, человек-веха, показывающий собою, сколь далеко к его времени продвинулось вперед человечество. Оно *не* продвигается вперед одним махом <, как единое целое>; и нередко уже возникший тип вновь гибнет...

——мы, к примеру, при всем напряжении сил <последних> трех столетий, все еще никак не можем вновь достичь уровня *человека Возрождения;* а человек Возрождения, в свой черед, не мог нагнать *античного человека*...

——надо иметь какое-то **мерило**: я различаю *широкий размах;* я различаю *активность и реактивность;* я различаю *людей избытка, расточительных*—и страдающе-страстных (—«идеалистов»)

10 [112]
(229) В любом обществе есть тенденция низводить своих врагов до степени *карикатуры* и словно бы брать их измором—хотя бы даже и в собственном *представлении.* Такая карикатура, к примеру,—наш *«преступник»*. Когда на подъеме был римско-аристократический миропорядок, до карикатуры низводился *еврей.* Среди художников карикатурою становится «порядочный гражданин и буржуа»; среди благочестивцев—безбожник; среди аристократов—человек из народа. Среди имморалистов это будет моралист: Платон, к примеру, у меня становится карикатурой.

10 [113]
(230) Пропагандировать—это непристойно: зато умно! как умно!

Какой бы разновидности причудливого идеала человек ни следовал (будучи, скажем, «христианином», или «свободным умом», или «имморалистом», или имперским немцем), нельзя требовать, чтобы это был *идеал как таковой:* потому что тогда он лишится характера привилегии, преимущественного права. Надо им обладать для того, чтобы отличаться, а *не* для того, чтобы равняться на других.

Как же это все-таки выходит, что большинство идеалистов тотчас начинают пропагандировать свой идеал, как будто они не получат никакого права на этот идеал,

если он не будет признан *всеми?* ... Так поступают, к примеру, все те отважные дамочки, что позволяют себе учить латынь и математику. А что их на это толкает? Боюсь, что стадный инстинкт, боязнь стада: они борются за «эмансипацию женщины», потому что им удается хитрее всего отвоевать место своему маленькому частному сепаратизму под видом *филантропии*, под лозунгом «*Ради* других»...

Хитрость идеалистов — в том, чтобы быть всего лишь миссионерами и представителями идеала: они тем самым «преображаются» в глазах тех, что верят в бескорыстие и героизм. А подлинный героизм меж тем состоит *не* в том, чтобы бороться под знаменем самопожертвования, самоотверженности, бескорыстия, а в том, чтобы *вообще не бороться*... «Таков *я*; и хочу *я* вот чего: чтоб *вас* черт побрал!»

10 [114]

(231) Война дряблому пониманию «благородства» — <в него> уже не допускают и доли грубости, равно как и близости к преступлению. *Нет* в нем и «самодовления»; надо и к себе самому относиться авантюрно, искусительно, губительно — никакого «прекраснодушного» пустозвонства — я хочу очистить место для *идеала более крепкого.*

10 [115]

при случае — о *греках*
о *язычестве*

10 [116]

(232) *Эстетическое*

о нашей *современной музыке:* чахлость мелодии — то же самое, что и чахлость «идеи», диалектики, свободы в движении интеллектуалов, — неуклюжесть и тучность, доходящая до новых рискованных решений и даже до принципов, — пока, наконец, не остаются одни только принципы собственного дарования, собственного *ограниченного дарования*

что же касается элементарных требований к гениальности, то Оффенбах был гениальней, чем Вагнер...

«драматическая музыка» — какая нелепица! Это просто плохая музыка, так же точно, как — — —

суррогат, насмешка танцующего и язвительного ума

«чувство», «страсть» как суррогаты, когда высокий рационализм и его *удачливость* (как, скажем, у Вольтера) уже недостижимы. Технически выражаясь, «чувство», «страсть» *легче* — и рассчитаны на много более бедных художников. Поворот к драме говорит о том, что художник больше умеет обращаться с *мнимыми* приемами, чем с приемами подлинными. И вот у нас есть *драматическая живопись, драматическая лирика* и т. д.

10 [117]

(233) Я объявил войну бледной немочи христианского идеала (и всему тому, что ему близкородственно) не с намерением его уничтожить, а только чтобы положить конец его *тиранству* и расчистить место для новых идеалов, для идеалов *более крепких*... *Дальнейшее существование* христианского идеала относится к вещам наиболее желательным, какие только есть на свете: уже хотя бы ради тех идеалов, что стремятся утвердить себя рядом с ним и, может быть, над ним, — чтобы *окрепнуть*, они нуждаются во врагах, в *крепких* врагах. — Так нам, имморалистам, нужна *власть морали:* наш инстинкт самосохранения хочет, чтобы *враги* наши оставались при силах, — он только хочет сделаться *их хозяином*. —

10 [118]

(234) Шопенгауэр истолковал высокую степень разумности как *избавление* от воли; он не *хотел* видеть освобождение от предрассудков морали, составляющее суть раскрепощения великого ума, типическую *неморальность* гения; он искусственно установил то, что почитал он один, — моральную ценность «потери собственной личности», в том числе и как *условие* наиболее духовных видов деятельности, «объективного» созерцания. «Истина», в том числе и в искусстве, появляется вслед за отливом *воли*...

Вразрез со всяческой моральной идиосинкразией *я* усматриваю некий *в корне отличный способ устанавливать ценности: я не знаю* этого нелепого размежевания «гениальности» и мира воли, морали и неморали. Моральный человек — вид более низкий, чем неморальный, и более

слабый; ну да, с точки зрения морали, он — тип, да только не свой собственный; некая копия, в лучшем случае копия хорошая, — мерило его ценности лежит *вне* его. Я ценю людей по *квантуму власти и полноте воли, а не* по ее ослаблению и угасанию; философию, которая *учит* отрицанию воли, я считаю учением вредительства и клеветы...

— я оцениваю *власть* той или иной *воли* смотря по тому, сколько сопротивления себе, сколько боли, мучений она выдерживает и умеет обернуть себе на пользу; пользуясь таким критерием, я естественным образом далек от того, чтобы вменять существованию в вину его злой и мучительный характер, а, напротив того, питаю надежду, что некогда оно возымеет еще больше зла и мучительности, чем доселе...

Вершиною духа, как представлял себе Шопенгауэр, было познание бессмысленности всего на свете, а говоря коротко, *познание* того самого, что добрый человек инстинктивно *делает* уже и так... он не признает, что возможны *более высокие* виды разума, — свою интуицию он воспринимает как нечто non plus ultra[1]... Интеллект тут всецело подчинен доброте; а ее высшею ценностью (когда она выступает в виде, скажем, *искусства*) оказывается рекомендация и подготовка морального обращения: это абсолютное господство *моральных ценностей*. —

наряду с Шопенгауэром я собираюсь охарактеризовать *Канта* (пассаж у *Гёте* о корне зла): в нем ровно ничего греческого, он абсолютно антиисторичен (пассаж о Французской революции) и фанатично предан морали. А кроме того, у него на заднем плане маячит еще и *святость*...

мне нужно заняться критикой <типа> *святого*...

для Гегеля ценность — «страсть»

Философия лавочника у г-на Спенсера: совершеннейшее отсутствие какого бы то ни было другого идеала, кроме идеала посредственности.

Инстинктивная аксиома всех философов, историков и психологов: все, что только есть полноценного в человеке, искусстве, истории, науке, религии, технике, должно проявить себя как *морально полноценное, морально*

---

1 Окончательное (*лат.*).

обусловленное в своих целях, средствах и итогах. Все понимается в соотнесении с высшею ценностью: скажем, вопрос Руссо касательно цивилизации — «меняет ли она человека к лучшему?» — вопрос комический, поскольку очевидно прямо противоположное, и именно это говорит *в пользу* цивилизации.

10 [119]
(235) *Мы, «объективные».* —

Не «сострадание» — то, что открывает *нам* доступ к самым отдаленным и чуждым видам жизни и культуры; нет, это наша открытость и непредвзятость, которая как раз *не* «страдает вместе», а, напротив, восхищается сотнею вещей, от которых доселе страдали (возмущенно или взволнованно либо враждебно и холодно —). Нас теперь занимает страдание во всех его нюансах: от этого мы, разумеется, *не* делаемся сердобольниками, даже если зрелище страдания потрясает нас до глубины души и исторгает у нас слезы: но от этого мы, разумеется, не настраиваемся на более жертвенный лад.

С таким *добровольным* желанием смотреть на всякого рода беды и гибель мы стали закаленнее и сильней, чем было XVIII столетие; и это свидетельство того, что сила наша растет (— мы стали *ближе* к XVII и XVI столетиям...). Но глубоко превратно поймет нас тот, кто захочет рассматривать наш «романтизм» как доказательство нашей «приукрашенной души»...

Нам нужны *сильные* чувственные потрясения, как они были нужны всем *более грубым* эпохам и слоям народа... И это, конечно, надо отличать от потребности истериков и декадентов: у тех налицо потребность в горчице, даже в жестокости...

Мы *все* ищем состояний, в которых *больше не имеет слова* гражданская мораль, не говоря уже о морали жреческой (— от всякой книги, хотя бы немного отдающей попами и богословами, у нас только и остается, что впечатление плачевной niaiserie[1] да бедности...). «Хорошее общество» — это то, в котором в принципе не интересуются

---

1 Благоглупости *(фр.)*.

ничем, кроме того, что *подзапретно* и слывет дурным в гражданском обществе: так же дело обстоит с книгами, музыкой, политикой, галантным отношением к женщине

10 [120]
Разобрать на предмет *ценности:*
Платон. Эпиктет. Марк Аврелий. Эпикур.
Августин. Паскаль.
Бентам. Конт. Гегель.

Книги:
Ройтерса Августин и религиозное просвещение средневековья
Сент-Бёва Пор-Рояль
Тейхмюллер, Греческая философия.

10 [121]
(236) Как это может быть, что человек питает к себе самому уважение *только* именно в отношении моральных ценностей, что все другое он *ставит ниже* и ценит меньше, чем добро, зло, исправление, спасение души и т. д.? к примеру, Амьель. Что означает эта *моральная идиосинкразия?* — я спрашиваю психологически, даже физиологически, к примеру: Паскаль. Значит, в случаях, когда нет недостатка в значительных, *других* качествах; даже в случае Шопенгауэра, явно ценившего то, чем сам не обладал и обладать *не мог*...— разве это не следствие только привычной *моральной интерпретации* фактических состояний боли и страдания? Разве это не определенного рода *чувствительность, не понимающая* причин множества своих состояний отвращения, но зато *мнящая, будто может объяснить себя с помощью моральных гипотез?* Так что даже случайно наступившее хорошее самочувствие и ощущение *полноты сил* тотчас вновь является в свете «спокойной совести», близости Бога, сознания своей *спасенности?* ... Стало быть, *испытывающий моральную идиосинкразию* обладает

1) собственной ценностью *либо* и впрямь только если держится вблизи типа добродетели, свойственного обществу: «честности», *«порядочности»*,— в высшей степени почтенного среднего состояния: *посредственного* во всем,

что он умеет, но зато благопристойного, совестливого, надежного, уважаемого, проверенного во всем, чего хочет,

2) *либо* мнит, что обладает ею, поскольку мнит, будто иначе все свои состояния ему не понять вообще..., он не знает себя, <потому и> истолковывает себя таким образом.

Мораль как единственная *схема интерпретации*, при которой человек выносит себя самого... своего рода гордость?...

10 [122]
(237) Разве надо мешать посредственности наслаждаться своей посредственностью? Я, разумеется, делаю прямо противоположное: ведь всякий шаг от нее—учу я—заводит в область *неморального*...

10 [123]
(238) Огромная продолжительность существования схоластики—добро, зло, совесть, добродетель: все—исключительно сущности, порожденные воображением

10 [124]
(239) размышление о самом общем—это всегда признак отсталости: предельные «желательные свойства» человека, скажем, по-настоящему никогда не рассматривались философами как проблема. Все они наивно твердят об «улучшении» человека, как будто бы благодаря той или иной интуиции мы поднимаемся над сомнением,—но *почему* при этом становимся именно лучше? В какой мере *желательно*, чтобы человек становился более *добродетельным?* или *умным?* или *счастливым?* А если, скажем, даже «цель» существования человека вообще *не известна*, то всякое желание такого рода бессмысленно; и если человек хочет одного, то, как знать, может, тогда ему нельзя хотеть другого? ... Совместимо ли приумножение добродетельности с некоторым приращением сообразительности и проницательности? Dubito[1]: у меня будет слишком много возможностей доказать прямо противоположное. Разве добродетельность как цель в ригористическом смысле слова и

---

1 Я так не думаю (*лат.*).

вправду не была доселе в раздоре с обретением блаженства? И разве, с другой стороны, она не нуждается в бедах, лишениях и самоистязаниях как необходимых средствах? А если целью была бы *высшая проницательность*, то разве не следовало бы именно с ее помощью отбросить рост блаженства? и избрать путем к проницательности риск, авантюру, ненадежность, все то, что совращает? ...

Ну а если уж так хочется *блаженства*, то придется, верно, примкнуть к «нищим духом».

10 [125]
(240) Умонастроения благосклонные, отзывчивые, сердобольные оказались в чести, безусловно, *не* ради пользы, которую они несут, а потому, что свойственны *богатым душам*, умеющим отдавать, чья ценность заключена в ощущении полноты жизни. Загляните в глаза оказывающему благодеяние! И вы увидите в них нечто прямо противоположное самоотрицанию, ненависти к moi[1], «паскализму».—

10 [126]
(241) Негодно все то, что идет от слабости, от неверия в себя, от душевной немощи: даже если это проявляется в величайшем пренебрежении ко всему имуществу. Ибо как *пример* оно отравляет жизнь... Уже один вид жреца, его блеклое неучастие принесли жизни больше вреда, чем приносит пользы вся его самоотверженность: такое неучастие *очерняет* жизнь...

10 [127]
(242) Предубежденный интерес к себе и к своему «вечному благу» *отнюдь не* служит выражением натуры богатой и уверенной в своих силах: ибо о своем будущем блаженстве таковая справляется у дьявола—она не испытывает подобного интереса к счастью в какой бы то ни было форме, она—это сила, действие, страсть,—она навязывает себя вещам, она смеет *посягнуть* на вещи... Христианство—это романтическая ипохондрия тех, что не держатся прочно на своих ногах.—Всюду, где на первый план выхо-

1 Своему «я» (*фр.*).

дит *гедонистическая* перспектива, можно сделать вывод о болезненном состоянии и в некотором смысле *неудаче*.

10 [128]
(243) Как такие аффекты, как любовь, доброта, сострадание, даже чувство справедливости, великодушие, героизм, неизбежно оказались понятыми превратно под давлением аскетической *морали самоотвержения:* <это должна быть> **центральная глава**.

На великие жертвы и великую любовь способен только *преизбыток личного начала*, самодостаточная полнота, бьющая через край, отдающая себя вовне, инстинктивное внутреннее благополучие и согласие с собою: это сильная и божественная самость, из нее и произрастают эти аффекты—с такою же непреложностью, как стремление к владычеству, экспансия, внутренняя уверенность в своем праве на все. Эти с обывательской точки зрения *противоположные* настроения, напротив, суть *одно и единое* настроение; а если в собственной шкуре тебе как-то не по себе, то и отдавать тебе нечего, и не тебе смело хватать рукою, не тебе быть опорой и защитой...

Как можно было *перетолковать* эти инстинкты до такой степени, что человек ощущает как ценность то самое, что идет вразрез с его личностью? если он поступается своей личностью в пользу какой-то другой личности!

Тьфу на психологическое убожество и лживость, что доселе играли первую скрипку в церкви и в зараженной ею философии!

Если человек насквозь греховен, то ему ничего не остается, кроме как возненавидеть себя. Да, в сущности, и к своим ближним он не должен бы подходить с иным чувством, чем к себе самому; любовь к людям нуждается в каком-то оправдании,—а состоит оно в том, что *так повелел Бог.* Отсюда следует, что все естественные инстинкты человека (любовь и т.д.) сами по себе кажутся ему недозволенными и, лишь будучи *отвергнуты*, снова получают право на жизнь на основе покорности Богу... Именно столь далеко зашел Паскаль, этот достойный восхищения *логик* христианства! Довольно посмотреть на его отношение к собственной сестре, с. 162: «*не* позволять себе любить»—это казалось ему по-христиански.

10 [129]

NB. Доказательство гипотезы и объяснение на основе гипотезы — разные вещи!

10 [130]

«Участники совместного убоя скота еще в исламе составляют сакральную общину: кто участвует в нашем богослужении и ест нашу убоину, тот мусульманин».

10 [131]

(244) «Заповедь культа превращается в заповедь *культуры*». Мухаммед запретил вкушение <сырой> крови (язычники брали у животных кровь из жилы, когда есть было нечего: из нее они делали что-то вроде кровяной колбасы)

Основной ритуал: дать вытечь крови на землю

Вино и масло — неарабского происхождения (при жертвоприношении)

10 [132]

— — — ибо прежние наши ценности — то, логичным следствием чего стал нигилизм

10 [133]

(245) *Полезны* все аффекты как один, одни прямо, другие косвенно; в отношении их полезности решительно невозможно выстроить какую-нибудь шкалу ценностей, — и сколь безусловно, с точки зрения экономики <природы,> все природные силы как одна хороши, то есть полезны, столь же мощно от них исходит и губительный и неумолимый рок. В самом общем смысле можно сказать, что самые могущественные аффекты — они же и самые ценные: ведь не существует более щедрых источников силы.

10 [134]

(246) Захолустная провинциальность обесцененности морали с ее «полезно» и «вредно» имеет свою хорошую сторону; это перспектива, необходимая для общества, способного предвидеть лишь близкие и ближайшие *следствия*. Государству и политикам нужен уже какой-то более *надморальный* образ мыслей: ведь ему приходится учитывать го-

раздо более обширные комплексы воздействий. Равным образом возможна мировая экономика со столь отдаленными перспективами развития, что все ее отдельные требования могут в данный момент времени выступать как неоправданные и произвольные.

10 [135]

(247) Христианство возможно как *сугубо частная* форма жизни; оно предполагает общество узкое, строящееся на абстрактных принципах, совершенно неполитичное,—это тайное сборище сектантов. «Христианское» же «государство», «христианская политика»—не более чем слова из благодарственного гимна в устах тех, у кого есть *причины* такие слова произносить. И если они даже говорят о каком-то «Господе воинств» как о начальнике генерального штаба, то никого они не обманут. In praxi даже христианские князья проводят политику <в духе> Макиавелли: конечно, если это не совсем уж слабая политика.

10 [136]

(248) Рука об руку с моральным умалением *ego* даже и в естествознании идет завышенная оценка *рода*. Но род—нечто столь же иллюзорное, как и ego: понятия были установлены неверно. Ego—нечто в сто раз большее, нежели просто единица в цепи поколений; оно—сама эта *цепь*, целиком и полностью; а род—просто абстракция от множества таких цепей и их частичного сходства. И что, как столь часто приходится слышать, индивидуум *приносится в жертву* роду, отнюдь не имеет места: это, скорее, всего лишь образчик ошибочной интерпретации.

10 [137]

(249) Необходимость объективного *полагания ценностей*

В отношении неимоверного многообразия взаимной поддержки и взаимной вражды <отдельных частей>, каковою является общая жизнь всякого организма, мир его *сознания*, состоящий из эмоций, намерений, почитаний,—это лишь малый фрагмент. У нас нет никакого права считать этот фрагмент, сознание—целью, назначением целостного феномена жизни: очевидно, что этот рост созна-

тельности — лишь еще одно средство в развитии и расширении власти жизни. Поэтому полагать наслаждение, или духовность, или нравственность, или еще какую деталь сферы сознания в качестве высшей ценности, а то даже и оправдывать исходя из них «мир», было бы наивно. Это мое главное возражение против всяческих философско-морализирующих космо- и теодицей, против всех этих *«целей»* и *высших ценностей* прежней философии и религиозной философии. *В качестве цели* <*там*> *была превратно понята разновидность средства: а жизнь и рост ее власти, напротив*, принижены до степени *средства.*

Если нам нужно было установить какую-то достаточно далекую цель жизни, то она не могла бы совпадать ни с одной категорией сознательной жизни; скорее уж, она должна была бы еще *объявить* любую из них своим средством...

«отрицание жизни» как цель жизни, цель развития, существование как большая глупость: такая *бредовая интерпретация* — это всего лишь плод *измерения* жизни факторами *сознания* (наслаждение и страдание, добро и зло). Тут средства пускаются в ход в противовес цели; «нечестивые», нелепые, но прежде всего *неприятные* средства — на что нужна цель, если она использует такие средства! А ошибка скрыта в том, что мы, вместо того чтобы *искать* цель, объясняющую *необходимость* таких средств, заранее устанавливаем цель, которая прямо-таки *исключает* такие средства: то есть в том, что мы за *норму* берем желательность употребления определенных средств (и притом приятных, рациональных, добродетельных) и лишь после этого решаем, какая *общая цель для нас желательна...*

Основная ошибка тут неизменно в том, что сознательность мы полагаем в качестве мерила, в качестве наиболее ценного состояния жизни, а не в качестве орудия и одной из сторон совокупной жизни: короче говоря, направляем взгляд в ошибочную перспективу a parte ad totum[1]. По этой-то причине все философы инстинктивно и стремятся вообразить какое-то универсальное сознание, сознательную совокупную жизнь и воление всего того,

---

1 От части — к целому [т.е. отождествляем часть с целым] (*лат.*).

что происходит,—«духа», «Бога». Им, однако, надо сказать, что *именно таким образом они существование превращают в чудовище;* и что «Бог» и универсальный сенсорий непременно будут тем самым, ради чего придется *осудить* существование... И как раз *устранив* такое целе- и средстволагающее универсальное сознание, мы получаем *огромное облегчение*—тем самым мы больше не чувствуем, что *вынуждены* быть пессимистами... Самым серьезным *нашим возражением* против существования было *бытие Бога*...

10 [138]
(250) Единственной возможностью сохранить смысл понятия «Бог» было бы <представление о нем> *не* как о движущей силе, а как о *состоянии максимальной полноты*, как об *эпохй*... О точке в развитии *воли к власти*, которая выявляла бы столько же дальнейшее ее развитие, сколько и все прежнее, вплоть до него...

—с точки зрения механистической, энергия общего процесса становления остается неизменною; с точки зрения экономики <его устройства>, энергия в некоем вечном круговращении повышается до своего апогея, а пройдя его, снова снижается; эта «воля к власти» выражается в *истолковании*, в *своего рода расходе силы*—преобразование энергии в жизнь, а жизни—в высшую потенцию выступает тогда целью. Этот же квантум энергии в применении к различным ступеням развития означает разные вещи:

—то, что в жизни является ростом,—это все более бережливая и считающая наперед экономия, достигающая все большего все меньшим расходом силы... В идеале—принцип минимальных затрат...

—единственное, *что уже доказано*,—это что мир *не* клонится к какому-то хроническому состоянию. Следовательно, *надо* додуматься до такого его высшего состояния, которое не было бы состоянием равновесия...

—абсолютная необходимость одного и того же процесса в ходе вещей, как и во всем прочем вовеки,—*не* какой-то детерминизм поверх процесса, а просто-напросто выражение того, что невозможное—не возможно... что определенная сила и не может быть чем-то другим, кроме как именно этою определенной силой; что она сякнет,

натолкнувшись на какой-то квантум сопротивляющейся силы, не иначе, чем это соответствует ее интенсивности,— процесс и необходимый процесс образуют *тавтологию*.

10 [139]

Уж лучше быть последним в Риме, чем первым в провинции: даже и это все же *по-цезаревски*.

10 [140]

Жизнь может быть доведена до совершенства в *мельчайшей из своих форм* в первую очередь: Гёте говорит, к примеру, ... Но быть первыми в самом мелком———

10 [141]

(251) Люблю тех несчастливцев, что *стыдятся себя;* эти не выплескивают свои ночные горшки, полные нуждою, на улицу; у них в душе и на языке осталось еще столько хорошего вкуса, чтобы сказать себе: «Надобно чтить свое несчастье, надобно его скрывать»...

10 [142]

—надобно пережить нечто более скверное, доходящее до больших глубин, нежели нынешние господа пессимисты, эти вялые обезьяны,—с ними и не случается ничего скверного и доходящего до глубин, чтобы можно было питать уважение к их пессимизму.

10 [143]

(252) Ничто не дается нам легче, чем быть мудрыми, терпеливыми, рассудительными, полными снисходительности, терпения и сочувствия; во всяком деле мы нелепым образом нечеловечески справедливы, мы все прощаем. Прощение—это прямо-таки *наша* стихия. Именно поэтому нам бы надо держаться несколько более строго и хотя бы время от времени взращивать в себе какой-нибудь мелкий аффект, какой-нибудь мелкий аффективный порок. Может быть, нам придется туго—но, между нами будь сказано, мы смеемся над видом, который при этом имеем,—да что толку! Никакой другой способ одержать над собою победу нам уже недоступен...

10 [144]
(253) Надо довести жестокость до трагического сострадания, чтобы таким образом *отвергнуть* ее вообще. То же самое надо сделать и с половой любовью в форме amour-passion[1]; с холопским сознанием в виде христианской покорности судьбе; с убогостью в виде смирения; с поражением nervus symphaticus[2] в виде пессимизма, паскализма или карлейлизма и т. д.

10 [145]
(254) Отправные точки *моих* ценностей: <действует> ли <человек> от избытка или от страстного желания <получить>... старается ли и прикладывает <к делу> руки... или пренебрегает им, идет своею дорогой... возбужден, побужден ли <к действию> скопившеюся силой, <действует> ли «спонтанно» или же чисто *реактивно... просто* ли из скудного состава элементов — *или* из торжествующего господства над многими элементами, берущего, когда испытывает в них нужду, их к себе на службу... являет ли он собою *проблему* или ее *решение... безупречен* ли при решении мелкой задачи или *небезупречен*, добиваясь чрезвычайной цели... действует ли *всерьез* или только *лицедействует*, лицедействует ли всерьез или только подражает лицедею, выступает ли «представителем» или самим представляемым делом — являет ли собою «личность» или всего лишь rendez-vous[3] личностей... *болен* ли он от болезни или от *бьющего через край* здоровья... шествует ли впереди в качестве пастыря или «исключения» (третий случай: беглец)... нуждается ли в *достоинстве* — или в бубенцах скомороха? ищет ли сопротивления себе или избегает его? безупречен ли в качестве пришедшего «слишком рано» или «слишком поздно»... говорит ли от всей души «да» или «нет» — или меняет цвета, точно хамелеон? хватает ли у него гордости, чтобы не стыдиться и собственной самовлюбленности? способен ли он еще на угрызения совести (этот вид уже вымирает: прежде совести было много чего угрызать: ну

1 Любовной страсти (*фр.*).
2 Симпатического нерва (*лат.*).
3 Место встречи (*фр.*).

а нынче у нее уж, видно, не хватает на это зубов)? способен ли он еще следовать «долгу»? (—встречаются такие, что стоит им *расстаться* с «долгом», как они лишаются и последних своих радостей... особенно эти женоподобные, прирожденные верноподданные...)

10 [146]
(255) NB. Тут я предоставляю идти дальше умам другого склада, нежели мой собственный. Я не достаточно скудоумен, чтобы сочинить систему—даже *свою собственную* систему...

10 [147]
«*Да будет* логика мышления логикой морали.» «Высший критерий истины какого-либо положения—немыслимость его отрицания» (Герберт Спенсер)—чушь.

«какой-нибудь *духовный* продукт сделать *критерием объективной* истины; абстрактное выражение какого-нибудь догмата веры—доказательством его истинности, его оправданием»

10 [148]
Бывают натуры ранимые и болезненные, так называемые идеалисты, которые не могут выдать ничего большего, чем преступление, cru, vert[1]: оно служит оправданием их мелкой и бесцветной жизни, компенсацией за всю прошлую трусость и лживость, силою хотя бы *на миг:* и как только он минет, они гибнут.

10 [149]
(прежде совести было много чего угрызать: ну а нынче у нее уж, видно, не хватает на это зубов)

10 [150]
Мораль как крайняя степень девальвации

Либо наш мир—творение и выражение (модус) Бога—тогда он должен быть *в высшей степени совершенным* (вывод Лейбница...), а сомнений в том, что такое совершенство,

---

1 Жестокое, грубое (*фр.*).

не было,—тогда зло, лихо могут быть только *мнимыми* (*радикальнее*—у Спинозы, понятия добра и зла), *либо* его следует выводить, исходя из конечной цели Бога (—скажем, как следствие изъявления особенной Божьей благосклонности, дозволяющей выбирать между добром и злом: это привилегия неавтоматического существования; «свобода» ввиду опасности впасть в ошибку и сделать неправильный выбор... как, скажем, у Симпликия в комментарии к Эпиктету)

Либо наш мир несовершенен, зло и вина реальны, детерминированы, целиком присущи его природе; тогда он не может быть *истинным* миром: тогда познание—лишь способ отвергнуть его, тогда он—заблуждение, которое можно в качестве такового познать. Это мнение Шопенгауэра, опирающееся на Кантовы предпосылки. Наивный! Ведь это было бы лишь еще одно miraculum[1]! Еще более отчаянное мнение у Паскаля: он понял, что тогда и познание должно оказаться испорченным, искаженным,—а чтобы понять мир хотя бы только как заслуживающий отрицания, надобно *откровение*...

(256) *В какой мере Шопенгауэров нигилизм—все еще следствие того же самого* **идеала,** *которым создан* **христианский теизм**

Степень уверенности в высочайших идеалах, высочайших ценностях, высочайшем совершенстве была столь велика, что философы a priori *исходили из нее, как из абсолютной достоверности:* «Бог» венчал все дело в качестве уже *данной* истины. «Уподобиться Богу», «раствориться в Боге»—в течение тысячелетий это были наиболее наивные и убедительные идеалы (—но то, что убедительно, еще отнюдь только по этой причине не истинно: оно просто *убеждает.* Примечание для ослов)

Люди уже разучились признавать за установленным таким образом идеалом хотя бы *личную реальность:* они стали атеистичными. Но разве они и вправду отказались от этого идеала? Последние метафизики все еще ищут в нем, в сущности, настоящую «реальность», «вещь саму по себе», то, в сравнении с чем все иное мнимо. Их догма гласит,

---

1 Нечто неправдоподобное (*лат.*).

что поскольку наш мир явлений столь очевидным образом *не* представляет собою выражения того идеала, то он именно потому и не «истинен» — и, в сущности, даже не восходит к тому, метафизическому миру как своей причине. Безусловное, будучи тем, высшим совершенством, не может быть причиною всего обусловленного. Шопенгауэру, с этим не соглашавшемуся, понадобилось мыслить себе эту метафизическую причину в качестве противоположной идеалу, как «злую и слепую волю»: таким образом она в этом случае могла бы оказаться «являющимся», открывающим себя в мире явлений. Но даже и так он не отказался от идеала как абсолюта — тот все равно прокрался... (Канту казалась необходимой гипотеза об «интеллигибельной свободе», дабы можно было снять с этого ens perfectum[1] ответственность за то, что *этот* мир таков, каков он есть, или, короче говоря, дабы объяснить зло и несчастье: для философа такая логика — настоящий скандал...)

10 [151]

(257) *Гипотеза морали*, введенная в целях *оправдания Бога* и очень хорошо изложенная в комментарии Симпликия к Эпиктету, гласит: зло должно быть добровольным (отчего сразу становится возможной вера в то, что и *добро добровольно*), а с другой стороны — во всяком зле и страдании заключена какая-то спасительная цель.

Понятие вины *не* простирается до глубочайших корней существования, а понятие кары — благодеяние воспитательного значения, то есть дело *благого* Бога.

Абсолютное господство морального подхода *над* всеми другими: не было и тени сомнений в том, что Бог не может быть злым, не может творить ничего губительного, иными словами, под совершенством понимали просто совершенство моральное

10 [152]

(258) Надо представить себе, каков *ущерб*, который несут все человеческие установления, если вводится божественная и потусторонняя *высшая сфера* вообще, дающая им

---

1 Совершенного существа (*лат.*).

единственную возможную *санкцию*. Привыкши в таком случае видеть в этой санкции ценность (скажем, в <санкции, осеняющей> брак), люди *сводили на нет*, а иногда и *отвергали* их *естественное достоинство*... Природа завистливо осуждается в той мере, в какой восхваляется противоестественность Бога. «Природа» стала ни больше ни меньше как «презренною», «скверной»...

Роковая вера в *реальность высших моральных качеств*, что воплощены в фигуре **Бога:** тем самым все подлинные ценности оказались отвергнуты и принципиально поняты как ценности *отрицательные*. Так на престол взошла *противоестественность*. Неумолимая логика довела до безусловного требования — *отрицать природу*.

10 [153]
(259) **Пережитки** *обесценивания природы* посредством установления *трансцендентного источника морали:*

ценность самоотвержения, культ альтруизма

вера в *воздаяние* в ходе взаимодействия последствий

вера в «доброту», даже в «гениальность», как будто то и другое — *следствия самоотвержения*

сохранение церковной санкции на гражданскую жизнь

безусловное стремление к превратному пониманию истории (как воспитания в назидательных целях) либо пессимизм при взгляде на нее (— последний — такое же следствие обесценивания природы, как и это *псевдооправдание*, это желание *не* видеть того, что *видит* пессимист...

10 [154]
(260) **Моя цель** — показать, что все происходящее абсолютно однородно и что применение морального критерия *обусловлено исключительно перспективистски;* показать, что все восхваляемое с точки зрения морали по природе тождественно всему неморальному — оно только, как и всякая моральная тенденция, получило возможность продвинуться при помощи неморальных средств, и притом к неморальным целям...; и что, наоборот, все дискредитированное в качестве неморального с точки зрения экономической являет собою нечто более высокое и первоначаль-

ное и, будучи тенденцией к росту полноты жизни, неминуемо вызывает и *прогресс неморальности*... «Истина» — та степень, в какой мы *позволяем себе* догадаться о существовании *этих* фактов...

10 [155]
(261) Нынче даже и среди немузыкантов существует еще и некий пессимизм музыкантов. Кто не испытал его на себе, кто не желал себе провалиться на месте — злосчастному юноше, пыткою извлекающему из своего инструмента вопль отчаянья, собственноручно месящему грязь мрачнейших, серо-бурых гармоний? Тут-то и *обнаруживаешь*, что ты — пессимист. А не обнаруживаешь ли заодно и того, что ты музыкален? Ни за что на свете в это не поверю. Вагнерианец pur sang[1] немузыкален; он подчиняется стихийному в музыке приблизительно так, как женщина подчиняется воле гипнотизера, — а чтобы *сподобиться* этого, ему не нужна никакая недоверчивость, внушенная строгой и разборчивой совестью in rebus musicis et musicantibus[2]. Я сказал «приблизительно как» — но, может статься, речь тут идет о чем-то большем, нежели сравнение. Довольно вспомнить только о том, с каким удовольствием Вагнер пользуется средствами воздействия (— львиную долю коих ему пришлось придумать для себя самому): выбором <вида мелодического> движения, оркестровых тембров, мерзостным отклонением от логики и квадратности ритма, вкрадчивостью, ласковостью, таинственностью, истеричностью своей «бесконечной мелодии»: все это поразительно напоминает те средства, коими пользуются гипнотизеры. А разве состояние, в которое слушателей, а особенно слушательниц, повергает, скажем, увертюра к «Лоэнгрину», чем-нибудь существенным отличается от сомнамбулического экстаза? — я слышал, как одна итальянка, прослушав упомянутую увертюру, сказала с тем безумно восторженным выражением глаз, что так славно удается вагнерианкам: «Come si *dorme* con questa musica!»[3] —

---

1 Чистокровный (*фр.*).

2 В делах, касающихся музыки и музыкантов (*лат.*).

3 Как хорошо *спится* под эту музыку! (*ит.*)

10 [156]

[(262)] «Свободный брак» — какая-то нелепица; упрощение разводов — уже порядочный шаг в этом направлении: а в сущности, оно — всего лишь опасное следствие того, что индивидам предоставлена слишком большая свобода в заключении браков и общество отныне снимает с себя ответственность за полноценность брака.

Брак: дельный, свободный от предрассудков принудительный институт, задуманный с большим bon sens[1] и без всякой сентиментальности, грубо и просто, для применения к тем средним натурам и естественным потребностям, на которые должны быть рассчитаны все важнейшие <общественные> институты. Мне, правда, думается, что нет никаких причин смотреть из-за него на измену с каким-то суеверным ужасом. Напротив: надо сказать спасибо за то, что имеется некий естественный клапан для возможно более длительного сохранения этого института, чтобы он не лопнул. А вдобавок хороший брак допускает небольшие отклонения; это может даже служить его *проверкой* на доброкачественность. Если говорить в самых общих чертах, то из измены и развода первая — — —

Брак — это *элемент природы*, наделяемый обществом высочайшею ценностью: ведь его собственный рост поддерживается институтом, о котором оно заботится и существование которого обеспечивает. В браке нет ничего менее уместного, нежели нелепый идеализм: такого рода идеализм являет собою уже возведенная в принцип «женитьба по любви».

Родным *найдется* больше чего сказать о ней, чем самим пресловутым «двум сердцам».

Из любви никакого института не получится: он получается из полового влечения и иных естественных влечений, удовлетворяемых браком.

Как раз поэтому-то и надо бы держаться подальше от жрецов: природа в браке *обесчещивается*, если присяжным антинатуралистам предоставлять полномочия хоть

---

1 Здравым смыслом (*фр.*).

как-то участвовать в благословении брака, а то даже и *давать* ему благословение вообще.

10 [157]
(263) *Моральное скопчество. Идеал скопцов*

1

Закон, эта насквозь реалистичная формулировка определенных условий сохранения той или иной общины, запрещает известные поступки определенного рода, а особенно тогда, когда они направлены против этой общины: так вот, он запрещает *не* то умонастроение, что порождает эти поступки,—ведь ей нужны эти же самые поступки, только обращенные на другой объект, а именно на *врагов* общины. И вот появляется идеалист от морали, заявляя: «Господь знает сердце твое: поступок сам по себе еще ничего не значит; надобно искоренить то враждебное умонастроение, что его порождает...» В обычных обстоятельствах его поднимут на смех; и лишь в тех исключительных случаях, когда жизнь общины *никоим образом* не связана с необходимостью вести войну за выживание, такие вещи вообще находят себе слушателей. И от умонастроения, о *полезности* которого судить невозможно, попросту отказываются.

Такое имело место, к примеру, когда появился Будда,—в обществе весьма умиротворенном и даже духовно переутомленном.

Такое же имело место и в общине первых христиан (а также и общине иудеев), возникшей в условиях абсолютно *неполитичного* еврейского общества. Христианство могло взрасти лишь на почве еврейства, то есть среди народа, политически уже не существовавшего и жившего в упорядоченном римлянами мире, можно сказать, жизнью паразита. Христианство прошло *еще один* шаг в этом направлении: надо было «оскопить» себя еще больше— и обстоятельства позволяли это сделать.

NB. *природа* изгоняется из морали *вон*, как только раздаются слова «возлюбите врагов ваших»: ведь теперь эта *природа*—«*люби* ближнего, врага *возненавидь*»—потеряла всякий смысл в законе (в инстинкте); теперь даже *люб-*

ви к ближнему приходится заново искать себе обоснования (в виде некоей *любви к Богу*). Всюду суют *Бога*, а *«полезность»* удаляют: всюду отвергают то самое, *откуда*, собственно, берется всякая мораль: от *уважения к природе*, как раз заключенного в *признании естественного* <характера> *морали*, и *камня на камне не остается*...

Откуда же берется эта *соблазнительная притягательность* подобного оскопленного идеала человечности? Почему он не вызывает тошноты, как, скажем, у нас—мысль о кастрате?... А суть дела вот в чем: от голоса-то кастрата нас *не* тошнит, несмотря на порождающее этот голос отвратительное увечье: он ведь становится от этого только слаще... Как раз обрезанием у добродетели «мужских частей» в нее и привносится некое женоподобное звучание, которого прежде там не было.

Представим себе, с другой стороны, ужасающую суровость, опасность и непредсказуемость, какие несет с собою жизнь, подчиненная мужским добродетелям,— еще и сегодня такою жизнью живут корсиканцы или арабы-язычники (чья жизнь вплоть до мелочей тождественна жизни корсиканцев: а их песни, возможно, были сочинены корсиканцами)—и станет понятно, почему именно самых отборных людей так зачаровывает и потрясает эта похотливая песенка о «доброте», о «чистоте»... Пастушья песенка... идиллия... «добрый человек»: нечто подобное сильнее всего воздействует в те эпохи, когда страх наводит ему противоположное (—идиллический жанр пастушьих песен изобрел римлянин: это значит, что он в них *нуждался*)

2

А тем самым мы заодно узнали и то, в какой мере «идеалист» (—скопец от идеала) исходит и от совершенно *определенной* действительности, а не просто фантазирует... Он пришел к познанию именно того, что для его рода реальности такое грубое предписание, как *запрет* определенных поступков, выполненное в грубой популярной манере закона, лишено смысла (потому что <у него> *захирел* инстинкт как раз на такие поступки—захирел из-за длительной нехватки в упражнении, в принуждении

к упражнению). Скопец формулирует сумму новых условий самосохранения для людей совершенно определенной породы: тут он — реалист. Он пользуется в своем законодательстве все теми же *методами*, что и прежние законодатели: апелляция ко всякого рода авторитету, к «Богу», использование понятия «вины и кары», иными словами, он извлекает пользу из всего инвентаря прежнего идеала: но только в некоей новой интерпретации — скажем, кара делается тут более душевной (к примеру, угрызением совести).

In praxi эта порода *гибнет*, как только исчезают те исключительные условия, которые только и обеспечивают ее существование, — <а именно> своего рода Таити и блаженство жизни на острове, какой была жизнь малого народа — евреев в их провинции. Единственный их *природный* враг — почва, из которой они произросли: с нею им приходилось сражаться, из-за нее они были вынуждены вновь дать нарасти у себя *аффектам обороны* и нападения: их противники — это приверженцы старого идеала (— этот вид вражды в грандиозной степени представлен Павлом, обращавшим ее на иудеев, Лютером, обращавшим ее на жречески-аскетический идеал). Буддизм — наиболее мягкая из всех возможных форма морального скопчества потому, что для него не существует врагов и, стало быть, всю свою силу он может направить на искоренение враждебных эмоций <в себе самом>. Чуть ли не важнейшей задачею буддистов выступает борьба с ressentiment'ом: лишь в ней заключены гарантии душевного *покоя*. Отрешиться, но не помня зла: это, конечно, предусловие какого-то удивительно кроткого и слащавого вида человечности — святости...

3

Хитрость морального скопчества. Каким образом ведется война против мужественных аффектов и предпочтений? Тут физического насилия не применяют, тут войну можно вести только коварством, чарами, ложью — короче говоря, «умом».

Рецепт первый: в качестве идеала выбирать для себя добродетель вообще, а прежний идеал *отрицать*,

превращая его в *противоположность всякого идеала.* Тут в деле искусство очернительства.

Рецепт второй: устанавливать собственный тип в качестве *мерила ценностей* вообще; проецировать его на вещи, за вещи, за все происходящее — в качестве Бога.

Рецепт третий: квалифицировать противников своего идеала как противников Бога, а себе присвоить *право* на большой пафос, на власть проклинать и благословлять, —

Рецепт четвертый: всякое страдание, все внушающее тревогу, ужас, всю гибельность существования объяснять враждою против *своего* идеала: — всякое страдание, следовательно, — это *кара,* даже применительно к союзникам (— разве только это будет *испытанием* для них и т. д.).

Рецепт пятый: тут дело доходит даже до признания природы, раз она противоречит собственному идеалу, безбожной: великим испытанием терпения, своего рода мученичеством считается долго выдерживать естественное состояние; усваиваются презрительные гримасы и ужимки в отношении всего «естественного».

Рецепт шестой: триумф всего противоестественного, идеализирующего скопчества, триумф мира чистоты, добра, безгрешности, блаженства проецируется в будущее в качестве конца, финала, великой надежды, в качестве «пришествия царства Божия».

— Я надеюсь, сохранилась еще способность *посмеяться* над этим воспарением крошечной породы до чина абсолютного мерила ценностей?...

10 [158]
(264) «Происходит мышление, следовательно, есть и нечто мыслящее»: к этому сводится argumentatio Картезия. Но это значит, что наша вера в понятие субстанции вводится в качестве уже «a priori истинной»; а что если происходит мышление, то должно быть нечто, «что мыслит», — это ведь просто формулировка нашей грамматической привычки, приставляющей к действию деятеля. Короче говоря, тут вводится уже какой-то логико-метафизический постулат — а *не просто констатируется...* По пути Картезия придешь *не* к чему-то абсолютно достоверному, а только к факту некоей весьма крепкой веры.

Если свести этот тезис к виду «происходит мышление, следовательно, существуют мысли», получится одна только тавтология: а как раз то, о чем идет речь,—«*реальность* мышления»—и не затрагивается,—дело в том, что в этой форме «мнимость» мышления отмести невозможно. Но чего *хотел* Картезий, так это чтобы мысль не имела всего лишь *мнимую реальность*, а была бы реальной *сама по себе*.

10 [159]
(265) Рост степени «притворства» по мере повышения места того или иного существа в *иерархии*. В мире анорганическом его, видимо, не существует, а в органическом начинается хитрость: уже растения ею владеют мастерски. Вершины человечества, такие, как Цезарь, Наполеон (высказывание Стендаля о нем), равно как и высшие расы (итальянцы), греки (Одиссей); без лукавства человек *не может* возвыситься... Проблема лицедея. Мой дионисийский идеал... Оптика всех видов органической деятельности, всех сильнейших инстинктов жизни: во всякой жизни <заключена> способность, *желающая* заблуждаться; заблуждение как предусловие и самого мышления. Прежде чем «думать», нужно сперва «выдумать»; *приведение* к тождественным случаям, к *видимости* подобия—первичнее *познания тождественного*.

10 [160]
Призраки-пугала с моральным клекотом в глотках, трагический фарс

10 [161]
истины, *по коим и плясать можно*,—истины для *наших* ног...

10 [162]
Вот они, тучи ненастья: но разве это причина для нас, умов вольных, воздушных, веселых, отказывать себе в весельи?

10 [163]

(266) NB. — они избавились от христианского Бога — и теперь думают, будто должны тем сильнее держаться за христианский моральный идеал? Да это прямо какая-то английская методичность; уж лучше предоставим это бабенкам от морали à la Элиот (— в Англии всякий раз, чтобы хоть немного эмансипироваться от теологии, нужно заново реабилитировать себя на ужасающий манер — в качестве *фанатика морали*...) Там это пеня, которую платят...

Кто отказывается от христианской веры, лишает себя права пользоваться и моральными ценностными суждениями христианства. Но таковые безусловно не очевидны сами по себе: об этом надо нынче громко заявить — назло безвкусной пошлости английских свободомыслящих. Христианство — хорошо продуманная и *цельная* картина. Если вырвать из нее веру в христианского Бога, рухнет вся система ее способов наделять ценностью, а в руках останется пустота! Христианству надо, чтобы человек *не* ведал и ведать *не мог*, что2 для него хорошо, а что2 плохо: он должен верить в Бога, и только Бог это ведает; христианская мораль — приказ, звучащий из потусторонней сферы, а потому он — *по ту сторону* человеческого суждения. Если англичане теперь думают, будто сами знают, что2 хорошо, а что2 плохо, а стало быть, будто не нуждаются больше в христианстве, — то это уже и само *следствие* господства христианских ценностных суждений, вплоть до забвения их истока, их весьма и весьма *условного* права на существование.

10 [164]

(267) NB. Есть такие совсем уж наивные народы и люди, что думают, будто неизменно *хорошая погода* — это нечто желательное: in rebus moralibus[1] они и по сей день думают, что желательное — это один только «добрый человек», и ничего кроме «доброго человека», и что смысл всей истории человечества в том, чтобы в итоге существовал лишь *он* (и лишь на это *надобно* направлять все свои помыслы —). Мысль эта в высшей степени *неэкономична* и, как сказано, представляет собою вершину наивности. <При-

1 В вопросах морали (*лат.*).

влекает> *удобство*, предоставляемое «добрым человеком» (—он не внушает страха, он позволяет отдохнуть, он дает то, что брать разрешено;———

10 [165]

[(268)] Вещи, которые оказались *испорченными* из-за того, что церковь употребила их во зло:

1) *аскеза:* ни у кого не находится мужества показать ее естественную полезность, ее необходимость в деле *воспитания воли.* Наши никчемные воспитатели (руководящая идея которых—«полезный слуга государства») думают, будто «уроков», дрессировки мозгов вполне достаточно; у них нет и понятия о том, что сперва необходимо нечто другое—воспитание *силы воли;* экзаменуют по всем предметам, только не по самому главному: может ли человек *хотеть*, смеет ли он *обещать:* молодой человек *заканчивает* свою подготовку, так ни разу и не задавшись вопросом, не проявив никакого любопытства к этой главной ценностной проблеме своего характера

2) *пост:* в любом смысле слова, в том числе и как способ поддерживать в себе умение наслаждаться всеми хорошими вещами (скажем, время от времени не брать в руки книг; не слушать музыки; не проявлять обходительности; надо выдерживать постные дни и для добродетели)

3) *«монастырская жизнь»*, временная изоляция со строгим воздержанием—скажем, от писем; своего рода возможность опамятоваться до самой глубины, вновь обрести себя,—изоляция, стремящаяся избегать не «искушений», а «обязанностей»: это выход из хоровода социальной среды, освобождение от тиранства губительных мелких привычек и распорядков; борьба с расточением наших сил на простое реагирование; попытка дать нашим силам время накопиться, вновь обрести *спонтанность*. Посмотреть на наших ученых внимательней, так они мыслят сугубо *реактивно*, то есть, чтобы мыслить, им сперва надо что-нибудь прочесть

4) *праздники.* Надо быть очень толстокожим, чтобы не ощущать присутствия христиан и христианских ценностей как *давление*, под которым любое истинно праздничное настроение идет к черту. Празднику свойственны:

гордость, задор, непринужденность; дурачества; издевка над всяческой серьезностью и порядочностью; божественное приятие себя, исходящее от животной полноты и совершенства,— все это состояния, которым христианин не смеет честно сказать *да.*

Праздник — это главным образом *язычество.*

5) *уныние в отношении собственной* **природы:** *переодевание в «моральное» —*

человек не должен нуждаться ни в какой *моральной формуле,* чтобы *одобрять* собственные аффекты

мерило того, насколько человек способен говорить *да* собственной природе,— это объем его потребности в морали...

6) *смерть*

10 [166]

(269) *Образчики моралистического*

искусства очернительства.

Мораль была доселе величайшею очернительницей и отравительницей жизни.

Поразмыслим, до какой степени надо быть испорченным ею, чтобы написать такое предложение:

«Любое сильное страданье, телесное или душевное, говорит о том, чего мы заслуживаем; ведь оно не постигло бы нас, если б мы его не заслужили». Шопенгауэр II, 666

10 [167]

(270) **Эстетическое**

О возникновении *прекрасного* и *безобразного.* Что нам инстинктивно *претит,* эстетически,— то, на основании древнейшего опыта, предстает перед человеком как нечто губительное, опасное, заслуживающее недоверия: внезапно раздающийся голос эстетического инстинкта (скажем, отвращение) содержит в себе *суждение.* В этом отношении *прекрасное* подпадает под общую категорию биологических ценностей полезного, благотворного, жизнеукрепляющего: но так, что множество возбуждений, весьма отдаленно напоминающих о полезном и устанавливающих с ним связь, дают нам ощущение прекрасного, то есть приумножают наше ощущение власти (— не как, ста-

ло быть, просто вещи, но и как сопровождающие такие вещи ощущения, или их символы).

Отсюда понятно, что прекрасное и безобразное — *обусловлены*, и притом наиболее глубокими *ценностями нашего выживания*. Не учитывая этого, устанавливать прекрасное и безобразное бессмысленно. *Само по себе* прекрасное существует так же мало, как и *само по себе* доброе, *само по себе* истинное. В каждом отдельном случае речь идет опять-таки об *условиях сохранения* определенной породы людей: так, *стадный человек* будет связывать *ценностное ощущение прекрасного* с другими вещами, чем человек-*исключение* и сверхчеловек.

Это **оптика переднего плана**, учитывающая лишь *ближайшие последствия*, — она-то и порождает ценность прекрасного (и доброго, и истинного)

Все инстинктивные суждения оказываются *близорукими*, когда перед ними цепочка следствий: они говорят лишь о том, за что надо браться *первым делом*. Рассудок же выступает главным образом как *аппарат торможения* в отношении немедленных реакций на инстинктивные суждения: он сдерживает нас, он размышляет, как быть дальше, он прослеживает цепочку следствий дальше и остается на ней дольше.

Суждения о *прекрасном* и *безобразном близоруки* — и рассудок неизменно против них — и все-таки они *убедительны в высшей степени;* они взывают к нашим инстинктам — там, где те решаются на дело быстрее, чем что другое, и говорят Да и Нет еще *прежде*, чем слово берет рассудок...

Самые обыденные ощущения прекрасного *перехлестываются и подхлестывают друг друга;* если уж заработало эстетическое влечение, вокруг «прекрасного предмета» кристаллизуется целый сонм других, невесть откуда взявшихся совершенств. И уже невозможно сохранять *объективность*, или, что то же, отодвинуть интерпретирующую, восполняющую, добавляющую, способность вымысла (— последняя и есть сопряжение в единую цепь самих этих ощущений прекрасного). Стоит поглядеть на какую-нибудь «красивую женщину»...

Так, стало быть: 1) суждение о прекрасном *близоруко*, оно улавливает лишь ближайшие последствия

2) возбуждающий его предмет оно одевает каким-то *волшебным* покрывалом, возникающим благодаря ассоциированию различных суждений о прекрасном,—но остающимся *глубоко чуждым сущности этого предмета.*

Воспринимать вещь как прекрасную—это значит неминуемо воспринимать ее ложно... (—отчего, кстати говоря, брак по любви—это, с общественной точки зрения, наименее разумный вид брака—)

10 [168]
(271) *Эстетическое*

Признавать ли что-то прекрасным и <если да, то> **в каком случае**—это вопрос *силы* (человека или народа). Ощущение полноты, *скопленной силы* (позволяющей бодро и весело принять душою много такого, от чего слабака *трясет*)—ощущение *власти* признает прекрасными даже те вещи и состояния, которые инстинктивная немощь может оценить лишь как *ненавистные*, как «безобразные». Чутье на это—с чем мы в общем и целом справились бы, если бы встретили во плоти, в виде опасности, проблемы, искушения,—это чутье определяет собою даже наше эстетическое приятие: («это прекрасно»—*приятие*).

Отсюда в общих чертах следует, что если *предпочтение отдается вещам сомнительным и внушающим ужас*, то это симптом *силы:* в то время как вкус к *милому и изящному* свойствен натурам слабым, хрупким. *Наслаждение*, испытываемое от трагедии, присуще *сильным* эпохам и характерам: их non plus ultra—скорее всего, divina commedia[1]. Это умы **героические**, с трагической жестокостью говорящие себе Да: они достаточно суровы <к себе>, чтобы ощущать муку как *наслаждение*... А теперь предположим, что *слабые* ищут в искусстве наслаждения, на них не рассчитанного,—что они станут делать, чтобы найти в трагедии привлекательность? Они станут интерпретировать ее, проецируя в нее *собственные эмоциональные оценки:* скажем, «триумф нравственного миропорядка», или учение о «ничтожности жизни», или побуждение к резиньяции (—а то и полумедицинские, полуморальные разрядки аф-

---

1 Божественная комедия (*ит.*).

фектов à la Аристотель). В итоге — *искусство ужасного*, поскольку оно возбуждает нервы, может вызывать уважение слабых и истощенных как стимулирующее средство: сегодня это, к примеру, основа *высокой оценки* Вагнерова искусства.

Насколько человек отваживается признать за вещами ужасающий, сомнительный характер — признак *ощущения благополучия* и *власти;* и <еще — > *нужны ли* ему вообще «развязки» в конце <трагедии>, —

— этот род *художнического пессимизма* — точная *противоположность пессимизма морально-религиозного*, страдающего от человеческой «испорченности», от принципиальной таинственности существования. Который во что бы то ни стало хочет развязки или хотя бы надежды на развязку... Страждущим, отчаявшимся, утратившим веру в себя, одним словом, больным во все эпохи нужны были, чтобы как-то продержаться, восхитительные *видения* (отсюда — понятие «блаженства»)

— родственный случай: художники-декаденты, относящиеся к жизни, в сущности, *нигилистически*, *спасаются бегством в мир красоты форм*... в мир избранных вещей, где природа становится совершенною, где она безразлична, *велика* и *прекрасна*...

— «любовь к прекрасному», стало быть, может быть чем-то иным, нежели *способность* прекрасное *видеть*, *творить* красоту: она может оказаться как раз признаком *неспособности* к этому.

— подавляющее большинство художников, извлекающих из всякого конфликта *консонанс*, — это те, что уступают свою творческую мощь, а в придачу и самоосвобождение, в пользу вещей: они выражают свои глубочайшие душевные переживания в символике всякого произведения искусства, — творя, они благодарят за свою жизнь.

Глубина трагического художника в том, что его эстетический инстинкт обозревает отдаленные следствия, что он не останавливается мельком на том, до чего рукой подать, что он принимает *все хозяйство в целом*, которое оправдывает *ужасающее, злое, сомнительное*, — а не просто... оправдывает.

10 [169]

Существует *великая литература очернительства* (к ней относится Новый Завет; отцы церкви; imitatio[1]; Паскаль; Шопенгауэр), которой помогает еще и искусство очернительства (к последнему относится, к примеру, Вагнеров «Парсифаль»)

10 [170]

(272) NB *Наиболее замаскированные формы культа* **христианского морального идеала**. *Вялое* и *трусливое понятие* «**природы**», пущенное в ход болезненно-мечтательными поклонниками природы (—в обход всех инстинктивных ощущений ужасного, неумолимого и циничного даже в наиболее «прекрасных» ее аспектах), своего рода попытка *вычитать* из природы эту самую морально-христианскую «человечность»,—понятие природы Руссо, как будто «природа»—это свобода, доброта, невинность, справедливость, праведность, *идиллия*... а в сущности, неизменно—*культ христианской морали*...

—подобрать места, <говорящие о том,> *что*, собственно, ценили поэты, скажем, в высокогорье и т. д. Чего ожидал от нее Гёте,—почему он ценил Спинозу Совершенное *неведение* предпосылок этого *культа*...

—*вялое* и *трусливое понятие* «**человека**» à la Конт, а по Стюарту Миллю,—чего доброго, даже предмет культа... Это неизменно культ христианской морали всякий раз под каким-нибудь новым именем... свободомыслящие, к примеру Гюйо

—*вялое* и *трусливое понятие* «**искусства**» как сочувствия всему страждущему, обойденному жизнью (даже в *истории*, к примеру у Тьерри): это неизменно культ христианского морального идеала

—а теперь даже и весь **социалистический** *идеал:* это не что иное, как неуклюже-превратное понимание все того же христианского морального идеала

---

1 <Christi> — «Подражание Христу», соч. Фомы Кемпийского.

10 [171]

Что число *заблуждений* сократилось — это наивная вера свободомыслящих

прогресс как *ощутимая* перемена жизни к лучшему

как *триумф логики*

как триумф *любви* (Гюйо) Фуйе

<прогресс> в совершенном знании о себе и вещах, а отсюда — в большей *последовательности* мышления *сообразно с собою*

я вижу, что абсолютная монархия, Божья воля, каста, рабство трактуются как *грубые заблуждения*

10 [172]

Книги: imitatio, христианская мораль

10 [173]

Об авторах упанишад Шопенгауэр говорит: «Немыслимо, чтобы это были люди»

10 [174]

Страсть *преувеличивает* свой предмет; а страсть несбывшаяся только растет: *величайшие идеи* — те, что порождены наиболее сильной и длительной страстью. Мы *тем больше ценим* вещи, чем сильней растет наше стремление ими обладать: и если «моральные ценности» стали **высшими ценностями**, то это говорит о том, что *моральный* идеал был **самым несбыточным**. В этом смысле его считали *не затронутым никаким страданием*, средством достичь блаженства. Человечество со все возрастающим жаром сжимало в объятьях *облака:* в конце концов оно дало имя «Бога» своему отчаянному положению, своей несостоятельности...

10 [175]

Ненависть к посредственности недостойна философа: она чуть ли не ставит под сомнение его *право* заниматься «философией». Именно потому, что он — исключение, он должен брать правило под свою защиту, должен поддерживать у всего посредственного довольство собою.

10 [176]
(273) В обществе нынче в огромных масштабах распространены взаимное уважение, тактичность и бережность, добровольное самоограничение в виду чужих прав, даже чужих притязаний; все больше прав получает какое-то инстинктивное благожелательное признание ценности человеческой жизни вообще, проявляющееся в доверии и кредите любого рода; *уважение* к человеку, и притом отнюдь не только к человеку добродетельному,—вероятно, та стихия, что отделяет нас от христианского ценностного подхода более всего. Заслышав речи о морали, мы относимся к ним с доброй долею иронии; кто берется проповедовать мораль, тот в наших глазах унижает себя, становится смешон.

Этот *нравственный либерализм* принадлежит к наиболее характерным признакам нашей эпохи. И если где-то он напрочь отсутствует, нам это кажется чуть ли не болезненным (случай Карлейля в Англии, случай Ибсена в Норвегии, случай Шопенгауэрова пессимизма в Европе вообще). Если что-то и мирит нас с нашей эпохою, то это—та большая доля *имморальности*, которую она себе позволяет, не падая в собственных глазах. Напротив! А что же составляет превосходство культуры над варварством? Скажем, Возрождения—над средними веками?—Это неизменно лишь одно: большая доля *признаваемой* имморальности. Отсюда неизбежно следует то, какими должны представать в глазах фанатиков морали все *вершины* человеческого развития: для них это будут non plus ultra[1] разложения (—вспомним суждение Платона о Перикловых Афинах, суждение Савонаролы—о Флоренции, суждение Лютера—о Риме, суждение Руссо—об обществе времен Вольтера, вердикт немцев *contra*[2] Гёте).

10 [177]
(274) Надо подвести итог всему, *что* накопилось как следствие *высочайшего порядка идеальности моральных* <представлений>: и <показать,> как вокруг этого идеала кристаллизовывались почти все *остальные ценности*

---

1 Высшие точки (*лат.*).

2 *Здесь*: осуждающий (*лат.*).

это доказывает, что *жажда* по нему была *невероятно длительной и сильною*,—<и> что достигнут он не был: ведь иначе он принес бы только *разочарование* (и соответственно повлек бы за собою гораздо более умеренное ценностное отношение)

<этот идеал пользовался> среди людей высочайшими почестями и властью, даже среди наиболее могущественных <из них>.

<он —> единственно подлинный вид блаженства

<он дает> преимущественное право на Бога, на бессмертие, а подчас и на unio

<он дарует> власть над природой—<фигура> «чудотворца» (Парсифаль)

<он дает> власть над Богом, над блаженством и гибелью души и т. д.

святой как самый **могущественный вид** людей—именно *эта* идея и вознесла столь высоко ценность морального совершенства.

Надо представить себе все человеческое познание домогающимся доказать, будто *самый нравственный* человек—это и есть человек *самый могущественный, самый богоподобный*

—триумф над чувственностью, над страстями—все это вызывало *страх* ... противоестественное выступало в виде *сверхъестественного, потустороннего*...

10 [178]
(275) *«христианский идеал»:* инсценирован с еврейскою расчетливостью.

<его> *исходные психологические мотивы*, его «природа»:

: мятеж против господствующей духовной власти

: попытка превратить те добродетели, что делают возможным *успех униженных из униженных*, в идеал-судью над всеми ценностями—назвать его *Богом:* это инстинкт самосохранения самых нежизнеспособных слоев

: оправдание—исходя из этого идеала—абсолютного *отказа* от войны и сопротивления, а равно и покорности

: любовь к своим как следствие любви к Богу

Прием: отвергнуть все **естественные** *mobilia*[1] и обратить их в духовно-потустороннее.... *добродетелью* же и ее *почитанием* пользоваться исключительно для себя, постепенно *отказывая* в ней всему нехристианскому.

10 [179]
(276) *Типичная проповедь ressentiment'а*
Образчики благочестивого бесстыдства
Павла I Кор. 1, 20
Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?
21 Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога
в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих.
26 <Посмотрите, братия, кто вы, призванные:> не много
из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных;
27 но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых,
и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное;
28 и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее;
29 для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом.
Павла I Кор. 3, 16
Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?
17 Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм — вы.

I Кор. 6, 2 Разве не знаете, что святые будут судить мир? Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела?

<*3*> Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские?

* * *

Человечеству дорого пришлось заплатить за *самообожествление этой мелкоты:* это — *иудаизм вдвойне*

«избранный народ»; мир, грех — *против* них; Бог святый как «идея-фикс»; грех как единственный источник страдания; все *безгрешное* страдает только по видимости.

---

1 Преходящее (*лат.*).

Против греха есть одно всегда готовое и легкодоступное средство...

10 [180]
(277) Не свойственна ли вся эта нагло-благочестивая манера интерпретации *истории* (то есть абсолютный подлог с целью доказать законную силу жреческого кодекса) и иудео-христианским интерпретаторам и рассказчикам *истории Иисуса?*—

Павел *искусно задрапировал* a) смерть *за* наши грехи b) смысл воскресения

10 [181]
(278) Реальною почвой, но которой могло встать здание христианства, была маленькая *еврейская семья* в условиях диаспоры, со всею ее теплотой и нежностью, с ее неслыханной и, наверное, непонятной всем остальным обитателям Римской империи готовностью помочь, взаимной поддержкой, с ее упрятанной и одетой в одежды смирения гордостью «избранников», с ее лишенным зависти, искренним отрицанием всего, что наверху, что пользуется блеском и властью. *Распознать все это как власть*, распознать, что это *душевное* состояние передается, что оно соблазнительно, заразительно и для язычников,—в этом состояла *гениальность* Павла; а использовать кладезь латентной энергии, хитрой удачливости для «еврейской церкви более свободного вероисповедания», как и всю еврейскую опытность и мастерство в деле *самосохранения общины* под чужеземным господством, в том числе еврейскую пропаганду,—это он понял как свою задачу. То, с чем ему пришлось иметь дело, была как раз та самая абсолютно неполитичная и держащаяся в сторонке *порода маленьких людей* и их искусство стоять за себя и преуспевать, взращенное некоторым числом добродетелей, которые имели единственный смысл, присущий добродетели («средство сохранения и усиления определенной породы людей»).

От этой-то малой еврейской общины и берет свое начало принцип *любви:* тут под пеплом смирения и ничтожества пылает душа *более страстная:* это было ни по-эл-

лински, ни по-индусски, ни по-германски. В гимне в честь любви, сочиненном Павлом, нет ни капли христианства — это еврейская вспышка вечного пламени семитского происхождения. Если христианство и добилось чего-то важного в психологическом отношении, так это *повышение душевной температуры* у тех более хладнокровных и благородных рас, что в ту пору правили миром; это было открытие того, что благодаря повышению температуры жизнь в самой ужасной нужде может стать богатою и бесценной...

Само собою понятно, что такого рода заражение *не* могло переброситься на господствующие сословия: скверные манеры компрометировали евреев и христиан — а то, что при скверных манерах составляет силу и страсть души, действует отталкивающе и чуть ли не вызывает отвращение. (— Эти скверные манеры я *вижу*, читая Новый Завет) Чтобы ощутить симпатию, надо сродниться с проявившим тут себя типом простонародья, испытав унижения и нужду... Присуще ли человеку что-то от *классического вкуса*, будет видно по тому, как он относится к Новому Завету (сравн. Тацита): кто не восстает на него, кто не чует тут за версту дух *foeda* superstitio[1], такое, от чего отдергиваешь руку, как бы боясь замараться, — тот не знает, что такое классическое. Надо относиться к «кресту», как Гёте —

10 [182]

«Спасение от иудеев», — сказал основатель христианства (Ин. 4, 22). И ему в этом *поверили*!!!

10 [183]

(279) Кто вспомнит, каково было на самом деле его первое впечатление от Нового Завета, — какая-то мерзкая и отвратительная безвкусица, ханжеская сентиментальность, в глаза лезут одни только мерзкие символы; и еще — испорченный воздух подвального сборища, — тот *не* почувствует никакой симпатии к нему. Пилат, фарисеи —

1 *Мерзостного* суеверия (*лат.*).

10 [184]
(280) Что дело не в том, *истинно ли что-то*, а в том, какое *впечатление производит*,—абсолютное *отсутствие интеллектуальной порядочности*. Все хорошо: ложь, очернительство, бесстыднейшее приукрашивание,—если оно годится для того, чтобы разогревать человека до тех пор, пока тот не «уверует» —

Вот настоящая школа *способов совращения* к вере: принципиальное *пренебрежение* теми сферами, что чреваты противоречием (—разума, философии и мудрости, скепсиса, осторожности); бесстыжее восхваление и возвеличивание учения при непрестанных ссылках на то, что источник его—Бог, что сам апостол не значит ровным счетом ничего,—что критиковать тут нечего, а надо только верить, принимать душою; что воспринять подобное учение о спасении можно лишь благодаря экстраординарной милости и благорасположению <Бога>; и что состояние души, в котором надлежит его восприять,—это глубочайшая благодарность и смирение...

Предмет постоянных спекуляций—ressentiment, каковой эти униженные испытывают ко всему, что чтимо: и как раз то, что это учение преподносится им как противоположное мирской мудрости, власти мира сего, к нему и соблазняет. Оно убедительно для всякого рода отверженных, для обойденных жизнью, и всему, что тише воды, ниже травы, оно сулит блаженство, избранность, привилегированность; оно внушает жалким, незначительным, бредовым умам иллюзии нелепого самомнения—будто они и есть смысл и соль земли—

Всему этому, еще раз будь сказано, следует отдать дань должного презрения: от *критики доктрины* мы воздержимся; довольно лишь взглянуть на способы, коими она пользуется,—и сразу станет ясно, что перед нами. Нет во всей истории мышления лжи более наглой и законченной, нет подлости лучше продуманной, нежели христианство,—однако—оно вступило в альянс с *добродетелью*, оно бесстыдно заявило свои исключительные права на всю *способность добродетели завораживать*... оно вступило в альянс с мощью парадоксов, с потребностью древних цивилизаций в стимуляции и в абсурде; оно ошелом-

ляло, оно поднимало на бунт, оно вдохновляло <принимать> гонения и истязания,—

Точно та же *хорошо продуманная подлость*—то, посредством чего установило свою власть еврейское жречество и была создана еврейская церковь...

Следует различать: 1) эту самую теплоту страсти, «любовь» (зиждущуюся на какой-то подпочвенной воспаленной чувственности), 2) абсолютно *плебейское* начало христианства

—беспрестанные преувеличения, болтливость

—отсутствие хладнокровного ума и иронии (—нет ни одного образчика злой иронии, а стало быть, и доброй)

—ни капли воинского ни в одном инстинкте

—жреческая предубежденность против мужской гордости, чувственности, наук и искусств.

10 [185]

(281) В этой книге нет абсолютно ничего духовного: даже само слово «дух» встречается в ней лишь по недоразумению.

Очень важна эта противоположность: «дух и плоть». Тут «дух» истолкован в каком-то жреческом смысле.

Дух животворит; плоть не пользует нимало—от Иоанна 6, 63

10 [186]

Христиане сделали то же самое, что евреи,—вложили в уста своему учителю то, что восприняли как условие своего существования и обновления, а уж вокруг этого инкрустировали его жизнь. Равным образом они отдали ему всю афористическую премудрость: короче говоря, изобразили свою наличную жизнь и деятельность как некую *покорность*, тем самым освятив ее в целях пропаганды.

В чем тут дело, обнаруживается у Павла: этого еще *мало*. Все остальное—это разработка типа святого из всего того, что они почитали за священное.

Вся «доктрина чуда», включая сюда и представление о воскресении,—это следствие самовозвеличивания общины, которая перенесла на своего учителя, только в повышенной степени, все то, к чему она считала способной са-

мое себя (а соответственно и всю свою силу производила *от* него...)

10 [187]

Глубочайшая пошлость этих слов: «Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа [: лучше вступить в брак, чем разжигаться]». I Кор. 7, 2

10 [188]

(282) *Почему даже «господа» смогли сделаться христианами* –

Инстинкту сообщества (рода, племени, стада, общины) свойственно ощущать как *самоценные* те состояния и страсти, коим они обязаны своим выживанием,—к примеру, покорность, внимание друг к другу, уважительное отношение, умеренность, сострадание,—а стало быть, *подавлять* все то, что им препятствует или противоречит.

Подобным образом инстинкту *властвующих* (будь то личности или сословия) свойственно покровительствовать и поощрять добродетели, вызывающие у подчиненных *усердие* и *преданность* (—эти состояния и аффекты могут оказаться прямо противоположными их собственным)

Инстинкт стада и *инстинкт властвующих* согласны *друг с другом* в восхвалении некоторого числа качеств и состояний: но по разным причинам—первый исходит при этом из прямого эгоизма, а второй—из косвенного.

Подчинение господствующих рас христианству—главным образом следствие того понимания, что христианство—*религия стада*, что оно учит *покорности*: короче говоря, что христианами властвовать легче, чем нехристианами. Еще и сегодня именно на это и намекает папа, рекомендуя китайскому императору допускать у себя христианскую пропаганду.

А к этому добавляется еще и то, что совращающая сила христианского идеала всего сильнее действует на такие натуры, что любят опасность, авантюру и все в корне противоположное себе, что любят все те положения, *в которых они рискуют головою*, но в которых можно достичь некоего non plus ultra[1] ощущения *власти*. Вспомним свя-

---

1 Вершины (*лат.*).

тую Терезу в окружении героических инстинктов своих братьев: христианство являет тут себя некоей формой необузданного расточения воли, силы воли, каким-то геройским донкихотством...

10 [189]
(283) *Павел:* необузданное и даже бредовое честолюбие агитатора; <наделен> какой-то рафинированной смышленостью, отнюдь не дающей себе отчета в том, чего добивается на самом деле, и инстинктивно орудующей самоодурачиванием как методом гипнотизирования. Посыпает голову прахом, а под полой подливает совратительного яду избранности...

10 [190]
(284) В буддизме преобладает такая мысль: «Все страсти, все то, что вызывает аффект, что горячит кровь, влечет к совершению поступков» — и лишь в этом смысле он *предостерегает* от зла. Ведь совершать поступки — в этом нет никакого толку, ибо поступки не дают избавиться от существования, а уж существование лишено всякого смысла. В зле они <буддисты> усматривают подстрекательство к бессмыслице: то есть к утверждению средств, ориентированных на цель, которая отвергается. Они ищут пути к небытию и *потому* с отвращением отворачиваются от *всех* подстрекательств со стороны аффектов. К примеру: только никакой мести! только никакой вражды! — высочайшее мерило ценностей тут задается гедонизмом утомленных. Нет ничего более чуждого буддистам, чем еврейский фанатизм какого-нибудь Павла: и ничто не шло бы вразрез с их инстинктом больше, чем эти стиснутые кулаки, горящие глаза, душевная тревога верующего, но всего прежде — та форма чувственности, которую христианство освятило под именем «любви». А к тому же в буддизме сбываются ожидания сословий образованных и даже с переразвитою духовностью: расы, размягченной и утомленной многовековою борьбой между философами, но отнюдь не стоявшей *ниже всякой культуры*, подобно слоям, в которых зароди-

лось христианство... В буддийском идеале существенно избавление и от добра со злом: он грезит о некоей утонченной сфере по ту сторону морали, равнозначной самому совершенству,—если только, конечно, считать, что и добрые поступки нужны лишь временно, просто как средство, а именно средство избавления от всех поступков вообще.

10 [191]
(285) Христианство я считаю наиболее роковой по последствиям совратительной ложью, какая только была на свете, великою *богомерзкой ложью:* я извлекаю на свет поросли, отпрыски его идеала даже из-под всех остальных, какие ни на есть, масок, я отвергаю все позиции, повернутые к нему вполоборота и на три четверти,—я заставляю вступить с ним в войну.

Нравственность маленьких людей как мерило вещей: это самая мерзостная дегенерация, какую доселе являла культура. Разве можно, чтобы *такого рода идеал* в виде «Бога» нависал над головою человечества!!

10 [192]
(286) *К плану*

Радикальный нигилизм—это убежденность в абсолютной несостоятельности существования, если речь идет о высших ценностях, находящих признание, включая сюда *понимание того,* что у нас нет ни малейшего права постулировать нечто по ту сторону вещей или сущность вещей саму по себе, которая была бы «божественною», которая была бы моралью во плоти.

Это понимание—следствие выпестованной «правдивости»: а стало быть, прямо-таки следствие веры в мораль.

Вот в чем состоит антиномия: покуда мы верим в мораль, мы *осуждаем* существование.

Логика пессимизма доходит до последней степени **нигилизма:** *но что ею движет?*—представление о *ничтожности, бессмысленности:* в той мере, в какой за всеми иными высокими ценностями скрывается ценностный подход морали.

— Итог: *моральные ценностные суждения суть не что иное, как осуждения, отрицания, а мораль – отвращение от приятия существования...*

Проблема: *но что такое* **мораль?**

10 [193]

(287) **Языческое — христианское**

Языческое — это приятие естественного, ощущение невинности естественного, «естественность»

Христианское — это отрицание всего естественного, ощущение унизительности естественного, противоестественность

«Невинен», к примеру, Петроний; в сравнении с этим счастливцем христианин раз и навсегда утратил невинность.

Но раз уж, в конце концов, даже и *статус христианина* должен быть просто-напросто состоянием естественным, хотя он и не смеет себе в этом признаться, то *«христианский»* означает некую возведенную в принцип *фальсификацию в психологической интерпретации...*

10 [194]

(288) *«Мораль ради самой морали»* — существенное звено в ее денатурализации: она сама предстает в виде предельной ценности. В этой фазе она пронизывает собою религию — скажем, в иудаизме. Но существует и такая фаза, когда она вновь *отделяет религию от себя* и когда никакой Бог не кажется ей достаточно «моральным»: тогда она предпочитает идеал безличный... Так обстоит дело нынче.

«Искусство ради самого искусства» — принцип в равной степени опасный: благодаря ему в вещи привносится ложная противоположность,— и все дело сводится к очернению реальности («идеализации» в сторону *безобразного*). Когда идеал отрывается от реальности, реальность оттесняется вниз, обедняется, очерняется. *«Прекрасное ради самого прекрасного», «истина ради самой истины», «добро ради самого добра»* — это три способа *сглазить* действительность.

— *искусство, познание, мораль* суть **средства**: и вместо того, чтобы понять их цель как приумножение жизни, их связали с *противоположностью жизни*, с «Богом»,— словно

они суть откровения какого-то высшего мира, там и сям проглядывающего сквозь них...

— «*прекрасное* и *безобразное*», «*истинное* и *ложное*», «*доброе* и *злое*» — эти *различения* и *антагонизмы* говорят об условиях существования и приумножения, не о человеке вообще, а о каких-то устойчивых и постоянных комплексах, отмежевывающихся от своих противников. Самое важное тут — начинающаяся благодаря этому *война:* она и есть средство такого *отмежевания*, *усиливающего* изоляцию...

10 [195]

(289) **Неуклонность борьбы:** ее участник пытается превратить противника в свою *противоположность* — мысленно, разумеется

— он старается поверить в себя, пока не почувствует, что борется за «правое дело» (как будто сам-то он — *правое дело*): словно противник его атакует разум, вкус, добродетель...

— вера, в которой он нуждается как в сильнейшем способе обороны и атаки, — это *вера в себя:* но как же хорошо она умеет дурачить себя, думая, будто она — вера в Бога

— никогда не думает о преимуществах и выгодах победы, а только о победе ради самой победы как о «торжестве Бога» —

— любое находящееся в состоянии борьбы сообщество (и даже отдельные личности) старается убедить себя: «*Мы, и* **только** *мы, — носители хорошего вкуса, верного суждения и добродетели*»... Борьба вынуждает их так *сильно раздувать самооценку*...

10 [196]

(290) Это *введение для пессимистов* — и в то же время *против* пессимистов... Тем, кто нынче *не* страдает от сомнительности нашего существования, мне сказать нечего: пусть их читают газеты да предаются размышлениям об этих скверных евреях. Одно только слово об абсолютном одиночестве: тот, кто не откликнется на мои слова с хотя бы малой толикою страсти и любви, тот меня не услышит... А я до сей поры кое-как перебивался...

10 [197]
(291) «Будьте просты» — такое требование к нам, сложным и непостижимым знатокам человеческой природы,— это простая глупость... Будьте естественны! — куда уж им, коли они как раз *уже* «неестественны»...

10 [198]
(292) «Пока не станете, как дети»: как же нам чужда такая наивность в психологии!

10 [199]
(293) **Психологическая предпосылка:** *отсталость* и *бескультурье*, невежество, потерявшее всякий стыд: вспомним об этих бесстыжих святых, разгуливавших по Афинам

: еврейский *«инстинкт избранничества»:* они, недолго думая, присваивают себе *все добродетели*, а весь остальной мир считают своей противоположностью: это глубоко выжженное клеймо *душевной пошлости*

: *полное отсутствие настоящих целей*, настоящих *задач*, для которых требуются иные добродетели, нежели у святоши,— *эту работу делало за них государство:* а этот бесстыжий народ делал вид, будто оно ему и не нужно.

Лживые противоположности

«Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух» — от Иоанна 3, 6

«земное» — «небесное»

Истина, свет, тьма, суд: ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его <...> а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его ... Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет.

Отвратительные злоупотребления **будущим:**

суд — идея христианская, *не* иудейская: ressentiment — это главная идея всех повстанцев.

глубочайшая порочность, приписываемая всей жизни, кроме христианской: мало им воображать низость своих настоящих врагов,— они занимаются ни более ни менее как огульным очернением всего того, что не *они сами*...

С высокомерием святош прекрасно уживается душа подлая и лукавая: вот признак первых христиан.

Будущее: за него они *берут порядочно*... Это *самый нечистоплотный склад ума*, какой только бывает:

Вся жизнь Христа изображается так, что все его *пророчества* оказываются им на руку: он ведет себя так, *чтобы* выиграли они...

10 [200]

(294) От Матфея 5, 46: Ибо если вы будете любить любящих вас, *какая вам награда?* Не то же ли делают и мытари?

И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?

Два мотива: награда и отмежевание

Вся 6-я глава Матфея орудует этою замечательной моралью: берегитесь, если вы умны, обнаруживать явно ваши добродетельные поступки. Ибо иначе не будет вам награды у моего отца на небесах. «—Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно»

6, 14: Ибо если вы не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших.

Здесь в каждом слове сквозит глубокая **враждебность** *к религиозной практике господствующих сословий.*

Все это сведение к лицемерию, к скупости (6, 19 «Не собирайте себе сокровищ на земле и т. д. <...> Не можете служить Богу и маммоне» 6, 24)

«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» <Мф. 6, 33> (а именно питание, одежда, вообще все жизненно необходимое, все, чем должна быть обеспечена жизнь): да это просто *нелепица.* «Жить сегодняшним днем»—тут прямо-таки напрашивается мысль об испытании Божьем, об испытании веры (<Мф. 6,> 30: «если же траву полевую <...> Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры!»)

От Матфея 7, 1: «Не судите, *да* не судимы будете ... каким судом судите, таким будете судимы»

От Луки 6, 35: Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и взаймы давайте, не ожидая ничего; *и будет вам награда великая*, и будете сынами Всевышнего <...>.

Вся эта *мораль бескорыстия* — злобный выпад против фарисеев. Но евреи-то догадывались, что в конечном счете она еще обернется и *выгодой*...

Это Евангелие для нищих, голодных, плачущих, презренных, отверженных, неблагонадежных

— чтобы приободрить учеников: Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах. *Так поступали с пророками отцы их.* <Лк. 6, 23> (какая безбрежная наглость — давать понять этой нищей шайке учеников, будто они могут чувствовать себя на одной ноге с пророками только потому, что делят их участь! —)

А вот и проклятье на богатых, сытых, веселящихся, ученых и почтенных! (Ими тут неизменно оказываются фарисеи: «ибо так поступали с лжепророками отцы их» <Лк. 6, 26>)

Это совершеннейшее мещанство, и ради него не стоит сходить с небес да читать морали — к примеру, говоря мытарям: «ничего не требуйте более определенного вам» или воинам: «не чините насилия и несправедливости»

Эта поповская нетерпимость

От Марка 6, 11: «И если кто не примет вас и не будет слушать вас, то, выходя оттуда, отрясите прах от ног ваших, во свидетельство на них. Истинно говорю вам: отраднее будет Содому и Гоморре в день суда, нежели тому городу».

А теперь представим себе этот нищий *сброд лицемеров, крадущийся по земле* с такими вот *неземными проклятьями* за пазухою

Невозможно читать эту книгу и не вступиться за все то, что в ней подвергается нападкам: к примеру, фарисеев и книжников

А <чего стоят> эти наглые посулы, к примеру, от Марка 9, 1: «И сказал им: истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе».

Новый Завет скомпрометирован этими своими «ибо»...

И всегда-то за пазухою у самопожертвования и самоотверженности — этот благочестивый эгоизм иудея: к примеру, от Марка 8, 34<—35>:

«<...> кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за мною. *Ибо* (—обратим внимание на эти «ибо» в Новом Завете—они содержат в себе его опровержение—) кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее».

Все извращено и испорчено:

смерть как кара; плоть; земное; познание; жизнь вечная как воздаяние

все деяния, совершенные из любви, милосердия и душевной чуткости, <предстают> как хитрость избранных в видах небывало щедрой награды

и сама добродетель лишена своей «невинности»...

–Опровержение евангелических проповедей заключено в их «ибо»

«А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море»,—говорит Иисус (от Марка 9, 42).

И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную, где червь их не умирает и огонь не угасает. От Марка 9, 47<—48>.

—подстрекательство к *оскоплению;* это следует из соответствующего места у Матфея 5, 28<—29>: «<...> *всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем.* Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб *один из членов твоих,* а не все тело твое было ввержено в геенну». (В 5, 31 он все еще обсуждает тему пола, высказывая изощренное понимание прелюбодеяния: развод тут—уже прелюбодеяние...)

Если христианство—это всего лишь хитрое своекорыстие, то еще более хитрым своекорыстием будет убрать его с дороги—

10 [201]

(295) Вот он, самый гибельный род мании величия, какой только был доселе на свете: когда эти несчастные изол-

гавшиеся ханжеские ублюдки принялись вовсю пользоваться такими словами, как «Бог», «страшный суд», «истина», «любовь», «мудрость», «Святой Дух», а тем самым и отгораживаться от «мира», когда эта порода людей принялась *выворачивать ценности наизнанку по себе*, словно они-то и суть смысл, соль, мерило и *самое важное* для всех остальных: вот тогда-то и надо было понастроить для них сумасшедшие дома, да и дело с концом. Развязанные против них *гонения* были огромной античною глупостью: ведь тем самым к ним проявили чересчур серьезное отношение, ведь тем самым они сделались важною проблемой.

Всему этому роковому событию было на руку то, что *на свете уже существовала* родственная мания величия — *иудейская:* после того как уж разверзлась пропасть между иудеями и христиано-иудеями и последние могли получить *право на существование* лишь благодаря первым, этим христиано-иудеям *пришлось* вновь, и притом в какой-то предельно повышенной степени, воспользоваться тою процедурой самосохранения, что была изобретена иудейским инстинктом, — а с другой стороны — то, что греческая философия к этому времени уже сделала все, чтобы распространить и сделать лакомой даже для греков с римлянами своего рода *фанатичную приверженность морали*... Платон, это великое передаточное звено разложения, стремившийся первым делом превратно истолковать природу в пользу морали, <понимавший> мораль как смысл, как цель — — —, который уже греческих богов обесценил своим понятием *блага*, который уже был заражен иудейским ханжеством (— в Египте?)

10 [202]

(296) Эта «вещь сама по себе» нелепа. Если я мысленно отброшу все отношения, все «качества», все «функции» какой-нибудь вещи, то, что останется, *не* будет этою вещью: ведь это только мы сами *довыдумываем* вещность, исходя из потребностей логики и, стало быть, с целью обозначения, взаимопонимания, а *не* — — — (чтобы связать в единое целое всю эту мешанину отношений, качеств, функций)

10 [203]
(297) Современный человек вложил всю свою способность идеализировать *Бога* по большей части во все возрастающее *оморaливание последнего* — а что это значит? Ничего хорошего — <а именно> убывание силы человека —

А ведь, в сущности, было возможно и обратное: есть и симптомы этого. Бог, мыслимый как освобожденность от морали, уминающий в себе всю полноту противоположностей жизни и *спасающий, оправдывающий* ее в божественной муке: Бог как то, что по ту сторону, то, что выше этой жалкой морали для праздношатающихся, гласящей «добро и зло».

Та же порода людей, что жаждет одной только «хорошей погоды», жаждет и одного только «доброго человека» и хороших черт в человеке вообще, — а уж самое меньшее все возрастающей власти добра. Но тот, кто наделен более сильным зрением, жаждет как раз противоположного — все возрастающей *власти зла*, растущего освобождения человека от трусливого натягивания тесных мундиров морали, прироста силы, вооружившись которою человек сумел бы поставить себе на службу могучие природные стихии — аффекты...

10 [204]
(298) Пусть даже у человека весьма скромные притязания на интеллектуальную чистоплотность — это может не помешать ему ощутить что-то вроде неописуемого отвращения, стоит только ему взять в руки Новый Завет: ибо та мерзкая и безудержная наглость, с какою профан из профанов жаждет вставить и свое словцо в обсуждение великих проблем, даже выносить вердикт, уже решительно выходит из всякого ряду вон. Эта бесстыжая беспечность, с какою тут высказываются по самым неприступным проблемам так, словно жизнь, мир, Бог, цель жизни — это вовсе и не проблемы, а просто вещи, *известные* этим ничтожным ханжам

10 [205]
(299) Утверждать в общем виде *существование* вещей, о которых мы в принципе ничего не знаем, как раз по той

причине, что в невозможности знания о них заключено какое-то преимущество,—это было со стороны Канта наивностью, следствием каких-то добавочных потребностей, и главным образом морально-метафизических...

10 [206]

(300) *Нетерпимость, свойственная морали*,—это выражение *слабости* человека: его страшит собственная «неморальность», ему приходится *отрицать* у себя сильнейшие влечения, потому что он еще не научился ими пользоваться... Так вот и плодороднейшие на земле местности дольше всего остаются целиною: нет той силы, что могла бы сделаться тут хозяином...

Примечания

От переводчика

Свод рукописей последних лет сознательной жизни Ф. Ницше впервые издается на русском языке. Их перевод выполнен по 12-му и 13-му томам издания: Nietzsche F. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bde. Hrsg. v. G. Colli u. M. Montinari. München: Deutscher Taschenbuch Verlag / Berlin: W. de Gruyter, 1999 (1-е изд. 1980),— и в основном воспроизводит его структуру, текстологический узус и научный аппарат. Авторские тексты и редакционные примечания из этих томов переведены полностью.

О каких текстах идет речь? Все они представляют собой не беловые рукописи тех книг, что были опубликованы самим Ницше или его близкими, а содержимое рабочих тетрадей философа, то, что принято называть «nachgelassene Fragmente», фрагментами из его наследия. Это черновики, наброски и выписки, как использованные им для публикаций (куда они вошли в переработанном автором виде), так и те, которые не были им использованы потому, что он решил этого не делать или не успел использовать их. Последнее относится к планам и наброскам знаменитой «Воли к власти», как одно время Ницше называл свои исследования второй половины 80-х гг., в которых хотел заложить основу философии будущего. В 1888 г. он выбрал для них другое название — «Переоценка всех ценностей» — и частично изменил план и литературную форму воплощения всего замысла. На основе материалов к четырем томам задуманного труда он написал две — уже самостоятельные — книжки («Антихристианин» и «Сумерки кумиров»), а остальное не успел даже систематизировать. Тем не менее часть фрагментов была опубликована после его смерти (под отвергнутым им заглавием) как «возрожденное» редакторами сочинение. Как теперь известно, текст книги был в какой-то мере сфальсифицирован ее редакторами (П. Гастом, Э. Фёрстер-Ницше и А. и Э. Хорнефферами), а вместе с ним — воля автора и смысл его идей. Плод этой псевдореконструкции

весь мир и считал незавершенным трактатом Фридриха Ницше «Воля к власти» — до тех пор, пока не вышли в свет его произведения, изданные К. Шлехтой (1956), и полное собрание сочинений академического типа под редакцией Д. Колли и М. Монтинари (Nietzsche. Werke. Kritische Gesamtausgabe. Hrsg. v. G. Colli u. M. Montinari. Berlin / New York, 1967 ff.).

Именно оно окончательно разрушило легенду об аутентичности «Воли к власти», потому что в нем (после долгой и кропотливой подготовительной работы) эти материалы воспроизведены полностью и такими, какими их оставил мыслитель, без редактирования — замены отдельных слов, произвольных купюр и перестановок фрагментов, которые в издании Гаста и Фёрстер-Ницше выдавались за законченные афоризмы. Колли и Монтинари восстановили по рукописям первоначальный текст и разместили черновики в хронологической последовательности их создания. Они напечатали все рабочие записи Ницше (исключая его письма, но включая предполагаемые наброски писем, содержащиеся в рабочих тетрадях). Параллельно полному собранию они выпустили в свет собрание его философских сочинений — научное, но многотиражное и рассчитанное на широкого читателя. На его основе и сделан настоящий перевод.

Всем фрагментам публикаторы присвоили номера, *первые цифры* которых означают *номер хронологического раздела (группы)* в их издании (раздел включает в себя материалы из рабочих тетрадей, записных книжек или папок с отдельными листами — сигнатуры, которыми обозначены эти источники, интересны только специалистам и даются нами в примечаниях), а *цифры, заключенные в квадратные скобки*, — *нумерацию фрагментов внутри соответствующей группы.*

В чем особенность этих текстов? Немецкоязычное издание (и вслед за ним, по возможности, наше) воспроизводит рукопись со всем тем, что ей свойственно. Автор писал «для себя», часто это отрывочные заметки, первые наброски, за которыми следовали уточнения, новые формулировки, — отсюда повторы некоторых мест в почти не измененном виде. Множество таких фрагментов представляют собой незаконченные, оборванные формулировки (которые были особенно трудны для перевода). Нередко философ

опускал знаки препинания (или пользовался необычными у нас — они, по возможности, сохранялись в переводе), не обращал внимания на необходимость начинать фразу, строку или рубрику с прописной буквы (это тоже сохранено).

Чтение манускрипта Ницше — вообще трудная задача. Она была такой уже для друзей мыслителя, участвовавших в подготовке его сочинений к печати (своими силами он вряд ли справился бы с этим из-за плохого зрения). К примеру, Петер Гаст сетует в одном из писем в связи со своей работой над «расшифровкой» «Утренней зари», что это «почти не читаемая рукопись почти слепого человека».

По некоторым из примечаний издания Колли и Монтинари читатель может получить первое представление о том, к чему приводили такие особенности черновиков при их расшифровке (не говоря уже о преднамеренно превратном прочтении). В некоторой степени расшифровкой был и перевод, иногда предлагающий свое (виртуальное из-за невозможности заглянуть в рукопись) чтение оригинала. Во многих местах текста перевода введены конъектуры переводчиков (эти конъектуры даются в угловых скобках). Текстологические знаки следует понимать так:

[—] означает одно нечитаемое слово,

[— —] два нечитаемых слова,

[— — —] три или больше нечитаемых слов,

— — — незаконченное предложение (иногда приходится предполагать таковые и там, где этот знак не поставлен Колли и Монтинари),

[+] пропуск в рукописи.

Слова, подчеркнутые Ницше одной чертой, переданы курсивным шрифтом, подчеркнутые двумя или более чем двумя чертами,— полужирным.

Примечания помещены в конце каждого тома. Они состоят из примечаний издания Колли и Монтинари (никак не помечаются) и добавлений переводчика или редактора (с соответствующими пометами в каждом случае). Наши примечания нимало не претендуют на полноту, а призваны только пояснить отдельные трудные места, а также некоторые реалии и имена, которых нет в общедоступных справочниках. Если к одному и тому же фрагменту имеются примечания как немецких издателей, так и переводчика на рус-

ский, то последние отделены от первых квадратными скобками. Переводы иноязычных терминов, выражений и цитат приводятся внизу соответствующих страниц текста и выполнены переводчиком.

Переводчик благодарит вложившего большой труд в это издание С.В. Казачкова, многими советами и предложениями которого он воспользовался.

В.М. Бакусев

Список сокращений, принятых в примечаниях

А – «Антихрист» («Антихристианин»).

бН – книга из библиотеки Ницше.

ВВ – «Воля к власти» (1-е изд. ВВ – GA, XV, 1901; 2-е изд. ВВ – Nietzsche's Werke. Taschen-Ausgabe. Bd. IX, Leipzig: C.G. Naumann Verlag, 1906, а также: XV u. XVI, 1911).

ВН – «Веселая наука».

СК – «Сумерки кумиров».

ГМ – «К генеалогии морали».

ДД – «Дионисовы дифирамбы».

ПСДЗ – «По ту сторону добра и зла».

КиМ – Д. Колли и М. Монтинари.

Н.– Ф. Ницше.

НПВ – «Ницше против Вагнера».

РТ – «Рождение трагедии».

Сентенции – раздел СК «Сентенции и стрелы».

ЕН – «Ecce homo».

ТГЗ – «Так говорил Заратустра».

УЗ – «Утренняя заря».

СВ – «Случай Вагнера» («Казус Вагнер») .

ЧСЧ – «Человеческое, слишком человеческое».

Экскурсы – раздел СК «Экскурсы человека несвоевременного».

GA – Großoktav-Ausgabe (= Nietzsche F. Werke. 19 Bde. u. 1 Register-Band. Hrsg. v. P. Gast, E. Förster-Nietzsche, A. u. E. Horneffern u. a. Leipzig: C.G. Naumann / A. Kröner, 1894–1926).

KSA – Nietzsche F. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bde. Hrsg. v. G. Colli u. M. Montinari. München: Deutscher Taschenbuch Verlag / Berlin: W. de Gruyter, 1999.

Примечания

1. Осень 1885—весна 1886

Из тетради N VII 2b

1 [1] Ср. письма Н. к Ф. Овербеку в октябре 1885 г. из Лейпцига и в декабре того же года из Ниццы.

1 [2] Относится к стихотворению «К мистралю» («Плясовая»).

1 [3] *Зеркало*— заголовок, постоянно встречающийся в рукописях Н. 1885 г.; ср. 1 [109, 121], 3 [11].
[*Gleba.* В сноске. *Кусок земли, надел...*— возможно, Н. имел в виду написать glebae adscriptores, что на средневековой латыни значит «крепостные, холопы» и примерно равнозначно слову «чандала» в его позднейшей терминологии.
Любовь к предрассудку— букв.: воля к предрассудку.
...высших монастырей...— вероятно, воспитательных заведений.— *В. Б.*]

1 [7] Ср. 1 [10]; ПСДЗ, 257; ГМ, I, 2, III, 14.

1 [9] *«Человеческое, слишком человеческое».*— Н. говорит здесь о своем сочинении под этим названием; он замышлял переработать его.

1 [10] Ср. 1 [7].

1 [15] *...издателем...*— речь идет об Эрнсте Шмайцнере.

1 [17] *...«интеллектуального созерцания»...*— понятие послекантовской философии (главным образом Шеллинга), против которого выступал уже Шопенгауэр.

1 [18] *...pia fraus...*— ср.: Овидий. Метаморфозы, IX, 711.

1 [25] Н. почерпнул эти сведения из письма к нему П. Гаста (26 августа 1881 г.), в котором тот прислал немецкий перевод (К. фон Герсдорфа) разговора между сэром С. У. Бейкером и Коморро, вождем племени латука (обитающего близ порогов Нила). Первоисточник — Baker S.W. The Albert Nyanza, great basin of the Nile, and explorations of the Nile sources. London, 1866.

1 [27] Дословный перевод: «малодушный в беду не попадет».— *В. Б.*

1 [28] *...деятель-«ности»...*—так пишет Н. (Tätig-«keiten», нем.), имея в виду, вероятно, абстракции.
... *«ошибки»...*—во всем этом пассаже, читая «ошибка», следует одновременно иметь в виду «заблуждение» (по-немецки то и другое выражается одним словом «Irrtum»).— *В. Б.*

1 [35] Данное заглавие для ВВ встречается уже в тетрадях лета 1885 г. Другие формулировки заглавия см.: 1 [131], 2 [73, 74, 100], 3 [4], 5 [75], 7 [64].

1 [42] *...tout comprendre c'est tout pardonner...*—по Г. Бюхману, это выражение восходит к фразе «tout comprendre rend très indulgent» (все понять—значит проявить большую снисходительность, фр.) из книги Ж. де Сталь «Коринна, или Италия» (1807).

1 [45] *Пролог к философии будущего.*— Подзаголовок, нередко встречающийся в черновиках Н., выбран для ПСДЗ; см. также прим. 1 [94].

1 [65] Видимо, для плана ВВ; см. прим. к 1 [35].

1 [70] Весной 1885 г. Н. читал «Исповедь» Августина; о своих впечатлениях он писал Ф. Овербеку (31 марта 1885 г.): «Читая эту книгу, заглядываешь, кстати, в самое чрево христианства: я делаю это с любопытством радикально мыслящего врача и физиолога».

1 [74] ... *«вещь» сама по себе»...*—перевод знаменитого кантовского понятия, известного русскому читателю по переводу-кальке «вещь в себе» (которой я в дальнейшем пользуюсь, только когда Н. употребляет его в специальном «кантовском» контексте).— *В. Б.*

1 [82] Ср. 1 [95, 121], 2 [26, 27, 38. 42, 47, 53, 54, 70, 73], 3 [9].
[*По ту сторону добра и зла*—jenseits von Gut und Böse (нем.). Другой (и, по мнению переводчика и редактора, предпочтительный) эквивалент немецкого названия—«За пределами добра и зла». Это последнее вызывает представление о реальном, но видимом пока только Н. мире, лежащем «за горизонтом» всего известного доселе, и избегает нежелательных ассоциаций с «потусторонним» миром, которого на деле не существует. К тому же, вероятно, Н. молча

отсылает здесь к названию известного трактата Цицерона «De finibus bonorum et malorum» («О пределах добра и зла»), одного из авторитетнейших античных компендиумов философии морали.– *В. Б.*]

1 [84] Ср. подзаголовок в 1 [82].

1 [94] Титул восходит к 1884 г. О подзаголовке см. прим. к 1 [45].

1 [95] Ср. 1 [82] и прим.

1 [96] Восходит к лету 1883 г.; см. 1 [144] и прим. к KSA, 10, 7 [1].

1 [109] Ср. 1 [3] и прим.

1 [110] Ср. конец 1 [4].

[...*не говорит ... о высшей разумности*...– мироустройства.– *В. Б.*]

1 [113] Две последние фразы фрагмента – варианты одной и той же мысли; вторая фраза не закончена. Продолжение очевидно: «.., до того как зажечься».– *В. Б.*

1 [114] *«Все понять»*...– ср. 1 [42].

1 [115] Материал для 1 [35].

1 [120] Материал для 1 [35].

1 [121] Титул часто встречается в черновиках 1884–1885 гг. О включенных в план названиях глав см. прим. 1 [35], 1 [82], 1 [3]. О подзаголовке см. прим. к 1 [45]. Ср. 2 [73].

1 [126] Ср. 1 [151]. Материал для 1 [35]. Ср. 1 [129].

1 [129] Ср. 1 [126].

1 [131] Ср. 1 [35] и прим.

1 [134] *Непомраченность*...– Н. выражает примерно один и тот же смысл двумя словами – heiter и halkyonisch (первое слово немецкое, второе образовано от греческого слова со значением «зимородок» из греческого метеорологического мифа об Алкионе). Оба термина я перевожу «непомраченность», но на втором плане за ними всегда маячат значения «возвышенно-радостное спокойствие, безоблачность» и «холодная ясность, невозмутимость» (все указанные смысловые оттенки – и в немецком, и в греческом варианте – тесно связаны с характеристикой неба/погоды, а миф об Алкионе сопрягался у греков с представлением о периоде времени, растянувшемся на одну неделю до

и одну неделю после зимнего солнцестояния,— считалось, что в это время, когда выводят птенцов зимородки, стихают бури и стоит ясная, тихая, солнечная погода; ср. 1 [183]). Латинский эквивалент — serenus (прежде всего о небе и погоде). Halkyonisch у Н. прежде не переводили, а калькировали без объяснений: выходило, например, «халкионический». Выбранный перевод видится наиболее подходящим и в связи с ницшевским представлением о «помраченности» современной ему Европы. Насколько важно это выражение у Н. с психологической точки зрения, говорит место из позднего письма к Ж. Бурдо (конец декабря 1888 г.): «...я причисляю непомраченность к *доказательствам* моей философии...».— *В. Б.*

1 [138] Возможно, вариант какого-то заглавия.

1 [143] *...ящерицы счастья...*— Н., видимо, имеет в виду способность ящериц отбрасывать хвост в минуту опасности, а затем вновь отращивать его (ср. ПСДЗ, 276). КиМ придерживаются, кажется, другой версии, приводя отрывок из письма Н. к Ф. Овербеку (8 января 1881 г.): «...когда я почти всякий день после обеда сижу или лежу на моей уединенной скале у моря, греясь на солнышке, словно ящерица, и пускаясь мыслью в приключения духа...».— *В. Б.*

1 [144] Ср. 1 [96], 1 [223].

1 [145] Ср. KSA, 9, 6 [457, 459, 461] и наст. изд. 1 [223].

1 [151] Ср. 1 [126].

1 [153] Ср. 7 [67].

1 [154] Ср. KSA, 11, 35 [76], а также заглавие 9 отдела в ПСДЗ. Ср. 1 [232, 237], 2 [16].

1 [162] Возможно, набросок стихотворного фрагмента. [Ср. стихотворение древнегреческого поэта Ивика: Эрос влажномерцающим взглядом очей своих черных глядит из-под век на меня // И чарами разными в сети Киприды // Крепкие вновь меня ввергает. // Дрожу и боюсь я прихода его... (Пер. В. В. Вересаева).— *В. Б.*]

1 [163] Возможно, заглавия стихов. Ср. 11 [52] и планы сборника стихотворений, составленные осенью 1884 г.; ср. 1 [129].

1 [167] Ср. 1 [102].

1 [172] *безрукий Рафаэль* — выражение из «Эмилии Галотти» Г.Э. Лессинга: «Неужто вы, князь, полагаете, что Рафаэль не стал бы величайшим гением живописи, если б, к несчастью, родился безруким?» (I, 4).

«Как можно меньше государства»... — УЗ, 179.

встретить ... удача — ср. письмо Н., где он пишет о Лу Андреас-Саломе (1861–1937, писательница, знакомая Н): «Я, в сущности, ни разу не встречался с таким самобытным, законченным, не сломленным сознанием эгоизмом, как бы даже животным эгоизмом: потому-то я и говорю о „наивности"» (к М. фон Майзенбуг, начало 1883 г.).

Новая Мелюзина — ср.: Гёте И.В. Годы странствий Вильгельма Мейстера, III, 6.

... «прости им»... — ср. Лк. 23:24, см. также прим. 1 [42].

1 [174] Ср. 1 [204], 2 [12].

1 [178] Ср. 1 [153].

1 [185] Ср. 2 [11].

1 [186] План компоновки фрагментов, написанных за лето, осень и зиму 1885 г., см. также 1 [187, 188, 189].

1 [187] См. прим. к 1 [186].

1 [188] См. прим. к 1 [186].

1 [189] См. прим. к 1 [186].

1 [195] *... «Германия, Германия превыше всего».* — Слова из германского гимна времен империи. — *В. Б.*

1 [196] Выпад против Поля де Лагарда (наст. имя и фамилия Пауль Антон Бёттихер, 1827–1891) — немецкий ориенталист, богослов и публицист.

1 [198] Ср. письмо Н. к сестре, Элизабет Фёрстер-Ницше (1846–1935), и Бернхарду Фёрстеру (о последнем см. в прим. к 23 [9]) после Рождества 1885 г.

[Фрагмент, видимо, является обработкой итальянских слов «буаччо» (дурак, осел) и «бачелло» (болван). — *В. Б.*]

1 [202] *...она паратипична.* — Т. е. ненаследственна, не есть личное достояние.

...взлет и падение слов... — Н. сравнивает литературный труд с игрой в кости. — *В. Б.*

1 [204] Ср. 1 [174], 2 [12].

1 [211] Очевидно, речь идет о чистовой рукописи ПСДЗ, законченной зимой 1885–1986 гг.

1 [219] *Сент-Бёв* – ср. 11 [9], Экскурсы, 3.

1 [220] Источник цитаты неизвестен.

1 [221] К сноске. *С походкой то быстрой, то медленной...* – т. е. порывистой. См.: Саллюстий. О заговоре Катилины, 15, 5. В оригинале, однако, «citus modo, modo tardus incessus» – цитируя по памяти, Н. перефразировал это место синонимами.– *В. Б.*

1 [223] Ср. 1 [144, 145].

1 [226] Видимо, относится к автобиографии Е. Дюринга «Дело, жизнь и враги» (1882; бН). Ср. письмо Н. к П. Гасту от 24 ноября 1887 г.

1 [229] Возможно, план стихотворного сборника. Ср. 1 [163] и прим.

Мы, ящерицы счастья... – ср. 1 [143].

[*otium* – одна из важнейших практических установок римского стоицизма.– *В. Б.*]

1 [230] Возможно, титул к 1 [229]. Ср. 2 [4].

1 [231] Возможно, титул к 1 [229].

1 [232] Ср. 1 [154, 237], 2 [16].

[*...размышления и знаки размышления* – игра слов. В оригинале: Gedanken und Gedankenstriche (размышления и тире, нем.). Gedankenstrich – этимологически: черта размышления, т.е. знак паузы (otium!) на раздумье.– *В. Б.*]

1 [237] Ср. 1 [154, 232], 2 [16].

1 [238] Ср. ЧСЧ, I, Предисловие, 7.

1 [245] *Iti vuttakam* – [Итивуттака, часть палийского буддийского канона, содержащая высказывания Будды по вопросам морали.– *Ред.*] Книга издана Э. Виндишем, другом и коллегой Н.

2. Осень 1885 – осень 1886

Из тетради W I 8

2 [3] Ср. 2 [10].

2 [4] Ср. 1 [230].

[*...книги «Так говорил Заратустра»...* — как известно, созданный Н. миф о втором пришествии Заратуштры излагает учение о суверенной личности (сверхчеловеке) завтрашнего дня, и все же представление о ней связано для мыслителя с древнеиранским пророком. Среди бумаг Н. это имя, совпадающее с именем древнеиранского пророка, впервые встречается в наброске, датированным 26 августа 1881 г. (KSA, 9, 11 [195]). Остается неизвестным, что явилось толчком к работе над данным образом. Сам философ говорит о виде2нии, посетившем его ранее (предположительно в начале августа) в Зильс-Мариа (ВН, «Зильс-Мариа»; ЕН, «Так говорил Заратустра», 1, 4; KSA, 14, 494 f.). Читая в декабре того же года «Опыты» Эмерсона, Н. отчеркнул в книге отрывок, посвященный Заратуштре, и написал на полях: «Это оно!» («Das ist es!» — KSA, 14, 280. Русск. пер. отрывка см.: Эмерсон Р. Эссе / Торо Г. Уолден, или Жизнь в лесу. М., 1986, с. 311 сл.). Как у Н., так и в сегодняшней немецкой литературе (в т. ч. научной и справочной) имя пророка пишется Zarathustra, авестийское же Zarath_schtra используется только в специальных исследованиях. У нас же, напротив, общепринятое написание его имени — Заратуштра — издавна совпадает с передачей авестийского имени в иранистике. Именно так называли великого перса русские энциклопедии и даже гимназические учебники конца XIX в. (хотя в то время встречались и другие варианты написания). Поэтому появившийся в 1899 г. перевод заглавия книги Н. в виде «Так говорил Заратустра» можно назвать не самым удачным. За прошедшее время форма «Заратустра» практически исчезла из нашей исторической, философской и других литератур, и, оставляя ее только в переводах Н., мы невольно внушаем читателю мысль, будто герой его книги связан не с историческим, а с каким-то вымышленным прототипом, подобным образу Зарастро из «Волшебной флейты» Моцарта. Вот почему, несомненно, назрел переход к названию «Так говорил Заратуштра». — *Ред.*]

2 [8] Ср. 3 [6].

2 [9] Набросок предисловия к ЧСЧ.
2 [10] Ср. 2 [3].
2 [11] Ср. 1 [185].
2 [12] Ср. 1 [174, 204].
2 [13] Ср. ПСДЗ, 242, 257.
2 [16] Ср. 1 [154, 232, 237].
Непомраченность ... натуры...—ср. 2 [166, 31, 33].
2 [19] Ср. KSA, 11, 25 [3].
2 [21] *...большой размах...*—der großer Stil (нем.): кроме значения «большой, широкий размах» этот термин выражает у Н. понятие «монументальный стиль», «великий стиль» (в искусстве, поведении людей, даже в социальном строительстве). Ср. 14 [61]; А, 58. Фрагмент 35 [74] в KSA, 11 поясняет: «В чем состоит монументальный стиль—в возобладании над собственным счастьем и бедою...».— *Ред.*
2 [20] Ср. KSA, 11, 25 [4].
2 [23] *... «le génie est un neurose».*—Journal des Goncourt. II, Paris, 1887, 279 (бН). Выражение также встречается у Э. и Ж. Гонкур в «Idées et sensations». Paris, 1887 (бН).
2 [24] Ср. ЧСЧ, 40.
2 [25] Ср. 4 [4].
2 [26] Ср. 1 [82] и прим.
2 [27] Ср. 1 [82] и прим.
2 [30] Ср. 2 [31]; название главы входит в 2 [66, 40], 3 [9]. Ср. 3 [10].
2 [32] Название главы в 2 [40].
2 [38] Ср. 1 [82] и прим.
2 [42] Ср. 1 [82] и прим.
2 [41] Ср. 2 [43, 44, 46] и 2 [51] (название главы).
2 [43] См. прим. к 2 [41].
2 [46] См. прим. к 2 [41].
2 [47] См. 1 [82] и прим.
2 [50] План ПСДЗ. Эпиграф Н. использовал позднее для 5-й книги ВН.
[К сноске: *Тюренн* Анри де Ла Тур д'Овернь (1611–1675) —знаменитый полководец времен Людовика XIV, маршал Франции; «костяк»—собственное маршала тело. Маршал и впрямь пал на поле боя.— *В. Б.*]
2 [51] Ср. подзаголовок в 2 [47, 65].

К естественной ... типа.– Ср. 2 [41, 43, 44, 46].
Что значит быть благороднымъ? – См. 1 [154] и прим.

2 [52] Ср. 2 [47, 65].

2 [53] См. 1 [82] и прим.

2 [59] Чтение последней фразы [следовательно, и ее перевод.– *В. Б.*] ненадежно.

2 [64] Ср. письмо Н. к Г. фон Штайну от 18 сентября 1884 г. и письмо последнего к Н. от 1 декабря того же года.

2 [65] Ср. вариант титула к ЕН в 24 [2].

2 [66] Возможно, план продолжения ПСДЗ. Фрагмент разделен в GA на афоризмы, вошедшие во 2-е изд. ВВ и Bd. XIV.
[*Рашель* – сценический псевдоним французской актрисы Элизы-Рашель Феликс (1821–1858).– *Ред.*]
...я взял ... это бык.– Ср. письмо Н. к П. Гасту от 21 апреля 1886 г., написанное после завершения ПСДЗ.

2 [70] Ср. 1 [82] и прим. Возможно, план продолжения ПСДЗ.

2 [71] План сочинения о Заратустре; ср. 2 [72, 73, 75, 129].
[*Calina*– название горячего ветра в Провансе.– *В. Б.*]

2 [73] *Размышления о древних грекахъ* – ср. 5 [96].
Воля к власти – ср. 1 [35] и прим.
Полдень и вечность – ср. 1 [82] и прим.
Gai saber – ср. 1 [121] и прим., хотя в данном фрагменте выражение служит предполагаемым заглавием сборника стихотворений.
К истории современного помрачения – ср. соответствующее название глав в 2 [122, 125], 3 [12] .

2 [74] Ср. 1 [35] и прим.

2 [75] Ср. 2 [71] и прим.

2 [76] Разработка плана 2 [74]. Здесь и далее цифры в круглых скобках по правому полю отсылают к номерам перечня тем в 5 [50]. В GA данный текст разделен на афоризмы.

2 [77] Разработка плана 2 [74]. В GA текст разделен на афоризмы.
simplex veritas! – Н. обыгрывает эпиграф, использованный А. Шопенгауэром: «simplex sigillum veri» (простота – признак истины (*лат.*).).

2 [78] Темы для ВВ. В GA текст разделен на афоризмы.

2 [80] Для ВВ.

2 [82] План продолжения ПСДЗ, ср. 2 [138] и 6 [2].

2 [84] *...понятие «действия»...*—надо иметь в виду, что немецкий язык одно и то же слово Wirkung понимает и как действие, и как следствие,—это и позволяет Н. без особого труда (легче, чем если бы он мыслил по-русски, к примеру) установить, что между темой каузальности и темой субъекта-действователя имеется психологическая (с его точки зрения—порочная) связь.— *В. Б.*

2 [100] Набросок к ВВ, озаглавленный новым вариантом титула, который до 1888 г. Н. считал окончательным. Этот концептуальный материал в GA раздроблен на части. [*Зильс-Мариа* (Sils-Maria) — немецкая передача названия курорта Segl-Meierei, расположенного в ретороманской Швейцарии.— *Ред.*]

2 [101] *...натурализации в Германии...*— Вагнер одно время жил в эмиграции, поскольку в Германии считался политическим преступником (за участие в Дрезденском восстании 1849 г.). Позже раскаялся, был прощен и вернулся на родину, приняв покровительство Баварского короля.— *В. Б.*

2 [103] *...под столом...*— здесь: «стол» — реминисценция аргументации Д. Юма на сходную тему: причинной связи между предметами нет, есть только ассоциативная связь между представлениями (британец пользовался примером с шарами, катаемыми по столу,— «стол» у Н. может служить примером как раз «ассоциативной» связи). — *В. Б.*

2 [110] Идеи для «Опыта самокритики» — нового предисловия к РТ; ср. 2 [113].
[*...страдания...*— Unlust. Это слово я перевожу везде — ради единообразия — как «страдание», но стоит учесть, что когда Н. употребляет его в применении к своей (эстетической) позиции, в нем сильнее звучит оттенок «отвращение».— *В. Б.*]

2 [113] См. пред. прим.
[*... «произведение искусства будущего»...*— имеется в виду одноименное эстетическое сочинение Р. Вагнера (1850) и воплощавшие его программу оперы композитора.— *В. Б.*]

2 [114] См. прим. 2 [110].
2 [118] *...при дверях.*— Ср. Мф. 24:33.— *В. Б.*
2 [121] Ср. заглавие главы из 2 [125].
2 [122] Ср. 2 [73, 125], 3 [12].
2 [123] *...Паскалев...*— здесь и далее русские части речи согласуются в роде и числе не с переводом иноязычного слова, а с самим этим словом (как и у Н.). – *В. Б.*
2 [124] Сводный план новых предисловий к прежним работам Н. Ср. 6 [3].

[*Мещанин от образования ... Вагнера...*— темы второго предисловия, соответствуют выпускам серии очерков Н. «Несвоевременные мысли»: «Давид Штраус, исповедник и писатель», «О пользе и вреде истории для жизни», «Шопенгауэр как воспитатель», «Рихард Вагнер в Байрейте».

Разные мысли и изречения— заглавие приложения к 1-му тому ЧСЧ.— *Ред.*]

2 [125] Ср. 2 [73, 122], 3 [12], 2 [121].
2 [126] План 2-й книги, упомянутой в 2 [100]. Текст раздроблен на части в GA.
2 [127] Набросок для 1-й книги из 2 [100].
2 [128] Ср. с компоновкой 2 [100].
2 [129] Набросок, сделанный на суперобложке книги ПСДЗ; ср. 2 [71, 75].
2 [130] *...παῖς παίζων*— выражение из 93 фр. Гераклита.— *В. Б.*
2 [132] Опровержение тезиса А. Шопенгауэра, см. 2 [77] и прим.
2 [137] Ср. 6 [6].
2 [138] Ср. 2 [82], 6 [2].
2 [139] *...вещи сами по себе ... явления...*— т.е. ноумены и феномены кантовской философии.— *В. Б.*
2 [144] *...Паскаль ... считает в высшей степени разумным быть христианином.*— В этом фрагменте Н. имеет в виду рассуждение Б. Паскаля, известное под названием «пари». Что выгоднее человеку,— спрашивает Паскаль,— верить в Бога или нет? Есть четыре возможности: 1. Человек не верит в Бога, и Бога нет. Тогда человек ничего не теряет и не выигрывает. 2. То же, но Бог есть. Человек теряет вечное блаженство и осуждается на вечные муки. 3. Человек верит в Бога,

но Бога нет. Человек ничего не теряет. 4. То же, но Бог есть. Человек выигрывает вечное блаженство. Следовательно, заключает Паскаль, верить в Бога человеку выгодней, чем не верить.– *В. Б.*

2 [155] Ср. 2 [162].

2 [161] ...*скептико-эпохистская*...– от греческого слова «эпохе2» – у античных скептиков позиция «удержания суждения».– *В. Б.*

2 [162] ...*четырехугольных*...– «четырехугольный» (в значении «хороший, или добрый») человек из сколия Симонида Кеосского, разбираемого Сократом в платоновском «Протагоре» (339b–346c).

2 [164] Для предисловия к УЗ, ср. 2 [165].

2 [165] Ср. 2 [161, 164].

2 [166] Отвергнутый Н. набросок предисловия. Ср. 2 [16, 31, 33].

2 [173] ...*Doudan pensées*...– Doudan X. Pensées et fragments suivis des révolutions du goût. Paris, 1881.

...*Шерер*...– имеется в виду кн.: Scherer E. Etudes sur la littérature contemporaine. VIII. Paris, 1885. Шерер Эдмон Анри Адольф (1815–1889) – французский богослов и литературовед.

К сноске: *Дудан* Ксименс (1800–1872) – французский политик и писатель.

2 [179] Возможно, предисловие к ВВ, во всяком случае – не к ПСДЗ, как говорится в GA.

2 [180] Возможно, для УЗ; ср. 2 [183, 161, 165, 164].

2 [183] Ср. 2 [181].

[...*философ*...– т.е. влюбленный в мудрость.– *В. Б.*]

2 [185] Ср. 1 [168].

2 [187] Лукреций. О природе вещей, I, 9.

[Ср. пояснение термина «непомраченность» в прим. к 1 [134]. Placatum можно перевести и «непомраченно»: я написал «безбурно», чтобы не нарушить строки гексаметра.– *В. Б.*]

2 [194] Ср. 7 [7].

2 [203] Ср. УЗ, Предисловие, 3.

2 [204] План продолжения 5-й книги ВН.

Превратное ... непомраченности.– Ср. 2 [166, 33].

2 [207] Ср. ВН, 377.

3. Начало 1886 – весна 1886

Из тетрадей W I 7b, W I 3b, из папок Mp XVI 2b, Mp XVI 1b

3 [1] Ср. 3 [2] и заглавие в 3 [11].
3 [4] Ср. 1 [35] и прим.
3 [6] Ср. 2 [8].
3 [8] Ср. одноименное стихотворение в ВН.
3 [9] Ср. 1 [82] и прим.
3 [10] Ср. 3 [9], 2 [30, 31, 40].
3 [11] *...«в зеркале»...*—ср. 1 [3] и прим.
3 [12] *О помрачении Европы.*—См. 2 [73] и прим.
3 [18] Ср. ПСДЗ, 27.

4. Начало 1886—весна 1886

Из беловой рукописи ПСДЗ и папок Mp XV 2c, Mp XVII 3a, Mp XVI 1b

4 [1] *...«филасофами»...*—игра греческим словом, основанная на добавлении отрицательной частицы «а»: «филасофос» (гласный «о» выталкивается перед гласным «а»), т.е. «любящий немудрых».— *В. Б.*
4 [4] Ср. 2 [25].
4 [5] *...выражениями «intempestiva nocte» и «̓ν ἀωρονυκτί»...*—интерполяция Н. Таких выражений у античных авторов не было. В латыни употреблялись выражения «nox intempesta, intempesta nocte» (глубокая ночь, когда замирает всякая деятельность); *intempestiva* же *nocte* значит «некстати наставшей ночью». Возможно, это описка Н. или ошибка расшифровщика. Греческое выражение образовано так, будто ἀωρόνυκτος — существительное. Единственный же в греческой литературе случай употребления слова ἀωρόνυκτος — «полночный» — у Эсхила в «Хоэфорах» (34). (Н. читал лекции об этой трагедии с 1869 до 1878 г., с перерывами). Н., вероятно, видел в этом слове аналог латинского *intempestus.*— *В. Б.*

4 [7] *...последним словом мудрости...*— Гёте И.В. Фауст. II, 5, «Большой двор перед дворцом».
... «во человецех миф» ... «благоволения»...— ср. Лк. 2:14.

5. Лето 1886—осень 1886

Из тетради N VII 3

5 [5] *... «Моральные чувства»...*— речь идет о кн.: Rée P. Der Ursprung der moralischen Empfindungen. Chemnitz, 1877 (бН). Н. цитирует ее в ЧСЧ, 37. Ср. ГМ, Предисловие, 4–7.
Ре Пауль (1849–1901) — философ и врач, друг Н.

5 [15] *...разрешитъ...*— нем. «auflösen». Для Ницше-музыканта это слово обладало особыми семантическими обертонами: «разрешить диссонанс».— *В. Б.*

5 [20] Возможно, строки для какого-то стихотворения.
Пламень ... высоты— ср. ДД, «Огненный знак».

5 [27] Ср. 2-ю группу предисловий в W I 8.

5 [36] Ср. 6 [8].

5 [38] Этот фрагмент был выдан впоследствии за письмо к Э. Фёрстер-Ницше.

5 [40] Ср. 5 [74].

5 [41] Этот фрагмент, как и 5 [38], был выдан впоследствии за письмо к Э. Фёрстер-Ницше.
[... *«Парсифаля»...*— Н. впервые услышал его незадолго до этого в Монте-Карло.
Рейе Луи Этьен Эрнест (1823–1909) — французский композитор, в 1884 г. написавший оперу «Сигурд» на тот же сюжет, что и «Зигфрид» Вагнера.— *В. Б.*]

5 [42] *...факирство.*— Н. имеет в виду, очевидно, йогу. Ср. 6 [7].— *В. Б.*

5 [43] Ср. письмо Н. к Ф. Овербеку от 23 февраля 1887 г.

5 [45] Ср. 7 [67] и прим.

5 [46] Ср. А, 1. Эпиграф из X пифийской песни Пиндара.

5 [48] Ср. 5 [7], 11 [40].

5 [50] Список тем, остававшихся еще неиспользованными после окончания ПСДЗ, предисловий 1886–1887 гг. и 5-й книги ВН. Ошибка в нумерации (дважды № 10) сделана автором.

[*...в книге с обложкой под красный мрамор...* — речь идет о рабочей тетради.— *В. Б.*]

5 [52] Ср. 7 [67] и прим.

5 [71] Во 2-м изд. ВВ этот концептуальный фрагмент разделен на аф. 4, 5, 114, 55. В 1-м изд. опубликован без даты, но целиком.

[*Ленцер-Хайде* — курорт на озере Хайд (южнее г. Кур, Швейцария), где Н. остановился по дороге в Зильс-Мариа.— *Ред.*

...ее телеологию... — здесь: ее смысл и цели — и в объективном, и в субъективном отношении.— *В. Б.*]

5 [73] Ср. 2 [82, 138], 6 [2].

5 [74] Ср. 5 [40].

5 [75] Ср. 1 [35] и прим.

5 [77] Титул использован позднее в качестве названия главы в СК.

[*...г-ном Э. Ф. В.* — Один из псевдонимов, под которыми Н. думал публиковаться в ранние годы.— *В. Б.*]

5 [78] Вариант предыдущего фрагмента.

5 [79] *Роде* Эрвин (1845–1898) — немецкий филолог-классик, близкий друг Н.— *Ред.*

5 [85] Вероятно, в отношении замысла ВВ.

5 [88] Очевидно, заметки, сделанные при чтении исследования Ю. Вельхаузена, см. прим. к 11 [377].

[*Брос* Шарль де (1709–1777), французский историк и географ.— *В. Б.*]

5 [96] Ср. 2 [73].

5 [98] Возможно, материал к замыслу 5 [96].

5 [101] Имеется в виду Е. Дюринг, ср. ГМ, III, 26.

5 [104] Фраза, возможно, слышанная Н. в Ницце.

6. Лето 1886 — весна 1887

Из папок Mp XIV 1 (сс. 416–420), Mp XVII 3a, Mp XV 2d и тетради P II 17b (с. 37)

6 [1] Ср. 3 [3].

6 [2] Ср. 5 [73] и прим.

6 [3] Ср. 2 [124]. *Это мой дом ... сам.* — Эпиграф ко 2-му изд. ВН.

6 [4] Предисловие к задуманному продолжению ПСДЗ, позднее использованное Н. для предисловия ко 2-му тому ЧСЧ.

[*...vestigia terrent...*— Гораций. Послания. I, 1, 69–75: Н. не просто цитирует «крылатое слово», а отсылает читателя к указанным строкам и обыгрывает их. Вот это место в переводе Н. Гинцбурга: «Если бы римский народ спросил, почему не держусь я // Тех же суждений, что он ... // Я бы ответил ему, как когда-то лиса осторожно // Молвила хворому льву: “Следы вот меня устрашают: // Все они смотрят к тебе, ни один не повернут обратно”» (по басне Эзопа, где лев притворяется больным, лежа в своей пещере).— *В. Б.*]

6 [5] *Майер* Вильгельм (1845–1917) — немецкий филолог-классик.

Барбе д'Орвий (Барбе д'Оревильи) — речь идет о кн.: Barbey d'Aurevilly J. Les œuvres et les hommes. 8: Sensations dhistoire. Paris, 1886. По этому поводу Н. писал Ф. Овербеку: «В тот же день я прочел одного недовольного француза, независимого (ибо сейчас его католицизм предполагает больше независимости, чем свободомыслия) ... Прочти его, ручаюсь, что не пожалеешь... (В качестве романиста он для меня невыносим)...» (4 мая 1887 г.).

6 [6] Ср. 2 [137].

6 [8] Ср. 5 [36].

6 [20] *...стрекозлами*— Tierochs. Смешной неологизм, составленный из значащих существительных («животное» и «вол»), которые в то же время являются в немецком языке словообразовательными элементами с оценочным (и притом отрицательным) значением.— *В. Б.*

6 [22] *...и сам же перемахнул...*— Н., конечно, имеет в виду себя: см. 5 [39].— *В. Б.*

7. Конец 1886—весна 1887

Из папки Mp XVII 3b

Перед данным разделом помещен фрагмент 18 [7] — последний план ВВ. По названиям глав этого пла-

на Н. рубрицировал часть фрагментов 7-й и 8-й групп. [К заглавию. ***[Книга первая:** «что есть истина?»]* – Здесь и далее в квадратные скобки заключены конъектуры КиМ.– *Ред.*]

7 [1] *...дисдемонистической...*– т.е. злополучной, в противоположность эвдемонистической.– *В. Б.*

7 [2] Здесь и далее цифры в круглых скобках по правому полю отсылают к номерам перечня тем в 5 [50].

7 [3] *...по-ангелийски.*– Каламбур: т.е. и «по-ангельски», и «по-английски», как того требует немецкое слово (englisch) и контекст.– *В. Б.*

...сублимизирует...– sublimisirt (нем.): выявляет в их более тонкой, т.е. обработанной форме.– *В. Б.*

7 [4] Выписки из Спинозы, Лейбница, Юма, Канта Н., скорее всего, сделал в библиотеке Кура (Швейцария), где жил в середине мая – начале июня 1887 г.

Французскую революцию Кант называет...– ср. его «Спор факультетов». 2, «Спор философского факультета с юридическим».

Ученые-изобретатели ... ступенями.» – Резюме § 47 кантовской «Критики способности суждения».

музыке свойствен ...ощущений» – там же, § 53, 51.

Вопрос о том ... политик.» – См.: Кант И. Спор факультетов. 2, § 5–7.

Если человечество ...абдеритским складом ума.– Там же, § 3.

[*...абдеритским...*– т. е. глупым – таково значение этого слова (образованного от названия города Абдеры) в греческом языке, и это значение никак не связано с знаменитым философом (хотя он и был родом из Абдеры). Кант (и Н.) имеют в виду не только традицию, но и сатиру поновее – «Историю абдеритов» (1774–1781) К. М. Виланда, направленную против мещанской глупости мелкой буржуазии.– *В. Б.*]

«Совестливый инквизитор ... aljecto» – ницшевское резюме рассуждения Канта из «Религии в пределах только разума» (IV, 2, § 4).

не возрождаясь все вновь ... в корне.– Кант. Указ. соч. II, Введение, Общее замечание.

Две вещи ...разумного» – Кант И. Критика практического разума. II, Заключение.

Возможность мыслить свободу ... самостоятельно.» — Там же. I, 1, «Критическое освещение аналитики чистого практического разума».

7 [6] ... *«Какое мне дело до вас?»*... — ср. Ин. 2:4. Н. обыгрывает Лютеров перевод; я не даю соответствующий текст русского перевода, звучащий далеко от явного смысла этой цитаты, дабы не запутывать читателя.— *В. Б.*
... *инструментальность)* — т. е. готовность служить инструментом для других.— *В. Б.*]
... *«одно только нужно ... вам»*... — ср. Лк. 10:42, 12:31.
... *суждение Достоевского*... — ср. также Экскурсы, 45. Н. открыл для себя мир этого писателя в начале 1887 г. (см. KSA, 15, 163).

7 [7] *Вагнер стал для меня нестерпим ... плясать?* — Ср. CB, 1.
... *Стендаль, говорящий о себе*... — см. 2 [194].

7 [9] *Внешняя феноменология*... — т.е. совокупность внешних феноменов, а отнюдь не наука или метод.
... *плазма*... — т. е. протоплазма.

7 [10] ... *tout ... pardonner.* — См. прим. 1 [42].
Они называют это — Н. имеет в виду главным образом французских декадентов (Т. Готье, Ш. Бодлера и др.).

7 [16] *ЧСЧ 2, 182* — ср. сочинение Н. «Странник и его тень», 350.

7 [20] ... *они-то*... — т.е. софисты с сократовцами (Платон и др.).— *В. Б.*

7 [26] Ср. 5 [50], № 17.

7 [33] *Теория среды* восходит к И. Тэну.

7 [37] Латинская строка из Луцилия. См. его «Сатиры», 1340 (ex Varrone, De lingua latina, 5, 63). Греческая строка — по-видимому, из одностиший Менандра. Оба стиха были впервые сопоставлены Скалигером.

7 [39] ... *вечной любовью».* — «Божественная комедия», Ад, III, 6 (в точном переводе М. Лозинского: «...я высшей силой, полнотой всезнанья // И *первою* любовью (e'l primo amore) сотворен»).— *В.Б.*

7 [43] План ВВ.

7 [45] План ВВ.

7 [46] Ср. 7 [66].

7 [61] К ВВ.

7 [64] Этот план был неправомерно положен в основу обеих первых компиляций ВВ деятелями прежнего Ар-

хива Ницше. Опираясь на 2 [100], лакуну в первой строке можно с уверенностью заполнить так: «Воля к власти. Опыт переоценки».

7 [66] Ср. 7 [46].

7 [67] *Фрич* Теодор (1852–1933) – писатель антисемитского толка и издатель «Антисемитской почты», автор некоего «Руководства по еврейскому вопросу» (1887; 29-е изд. 1923), в 1924 г. депутат рейхстага от национал-социалистической фракции; поддерживал отношения с Б. Фёрстером. Н. написал ему два письма с отказом от предложенного сотрудничества, в которых весьма откровенно выразил свой анти-антисемитизм (23 и 29 марта [1887 г.]). В ответ Фрич подверг его публичным нападкам.

8. Лето 1887

Из папки Mp XVII 3c

8 [2] *Порок этих заключений...* – Н. критикует очень древний ход мысли, известный, например, по онтологическому доказательству Ансельма Кентерберийского (суть аргументации которого выражена в заключенном в кавычки вопросе). – *В. Б.*

8 [3] *...отречения и конкуренции...* – по смыслу, конечно, «отречения от конкуренции». Вероятно, описка Н. В противном случае надо было бы предположить закрывающую скобку (не поставленную Н.) после слова «отречения», что дало бы только бессмыслицу («Критика бедности ... и конкуренции...»).

...очаг болтовни. – В оригинале немецкое Schwatznester (от schwatzen: болтать, нем.), созвучное слову Wanznester (клоповники).

...власть чуда – нем. Wunder-Macht (так в KSA). Но, судя по двум нижеследующим выражениям (Wider-Vernunft, Wider-Geschlechtlichkeit), можно предположить, что написано было Wider-Macht: противо-власть (серия аналогичных выражений начинается в предыдущем абзаце со слова «противоестественный», повторенного четырежды). – *В. Б.*

8 [4] *...«торжества Божьей справедливости»* — читаю вместо über — der.— *В. Б.*

8 [5] *...нечто неумышленное...*— Платон говорит о разнице между действиями (в том числе преступными) умышленными и непредумышленными. О последних см., например, «Законы», 866e—869e.— *В. Б.*

9. Осень 1887

Из тетради W II 1

9 [4] Зачеркнуто рукою Н. Ср. 11 [21].
[*...«того, кто наставлял меня не раз» // come l'uom s'eterna...*— Н. имел в виду строки «Божественной комедии» Данте: «Того, кто наставлял меня не раз, // Как человек восходит к жизни вечной» (пер. М. Лозинского). «Тот» — это Брунетто Латини, с которым Данте, питавший к нему чувства ученика, говорит в аду. У Н. первая строчка приведена по-немецки, предположительно в его собственном переводе.— *В. Б.*]

9 [10] План продолжения ГМ.

9 [13] Заглавие добавлено позднее.

9 [16] *...«Не судите, да не судимы будете»* — Мф. 7:1.
...возлюбить врагов своих...— в оригинале цитата из Мф. 5:44.

9 [18] *...знатоку человеческих душ...*— Nierenprгьfer. Выражение, вошедшее в немецкий язык из Библии, в синодальном переводе: испытующий утробы (Пс. 7:10). Ср. ТГЗ, 2, «О стране культуры», также 9 [120].— *Ред.*

9 [20] Ср. СК, «Проблема Сократа», а также 9 [29].

9 [22] Во 2-м изд. ВВ фрагмент произвольно разделен на аф. 150 и 381.

9 [24] Вычеркнуто рукою Н.; ср. Экскурсы, 4.
[*imitatio...*— «Imitatio Christi», сочинение Фомы Кемпийского.— *В. Б.*]

9 [27] Во 2-м изд. ВВ фрагмент произвольно разделен на аф. 880 и 946.

9 [29] Ср. 9 [20].

9 [32] Контекст фразы см. в 9 [65].

9 [35] Во 2-м изд. ВВ фрагмент произвольно разделен на аф. 23, 2, 22, 13.

9 [42] *...дилеммы...*—Zweiheit (нем.). Во 2-м изд. ВВ (аф. 1005) ошибочно: «свободы» (Freiheit).

9 [43] Во 2-м изд. ВВ произвольно разделено на аф. 20 и 1069; аф. 1069 назван Отто Вайссом «сомнительным» по той только причине, что компиляторы П. Гаст и Э. Фёрстер-Ницше не включили его во 2-е изд. ВВ, 1906 г. (в эту компиляцию входило 1067 афоризмов). В 1-м изд. текст более точен (аф. 3).

9 [44] О заглавии см. 9 [10]. Этот текст также был произвольно расчленен во 2-м изд. ВВ на аф. 901 и 27.

9 [45] Ср. Экскурсы, 33.

9 [46] *Декартов вердикт ученым*—см. часть первую его «Рассуждения о методе».— *В. Б.*

9 [51] Ср.: Mill J.S. Auguste Comte und der Positivismus // Gesammelte Werke. IX. Leipzig, 1869 (бН).

9 [52] Ср. Сентенции, 2; 9 [123].

9 [54] Ср. 20 [154].

9 [55] Переработано летом 1888 г.
...«В ранние свои годы ... лот».—Mill. Op. cit.

9 [56] Ср. 20 [130, 90].

9 [59] По рубрикации в 12 [1] речь идет о «подходящих оборотах» (ср. 20 [92, 93, 140, 138, 139, 95, 137 соответственно]). Н. собрал их из своих ранних подготовительных материалов к ТГЗ. (Ср. KSA, 10, 1883–84.) [*...болотом...*— возможно чтение «мхом» (Moos вместо Moor).— *В. Б.*]

9 [62] Всюду в тексте номера в квадратных скобках—конъектуры КиМ, опирающиеся на 12 [1].

9 [64] Ср. Экскурсы, 7.

9 [65] Этот фрагмент Э. Фёрстер-Ницше использовала для составления фиктивного письма к ней, якобы написанного Н. 3 мая 1888 г. См.: Nietzsche F. Gesammelte Briefe. 5 Bde. Leipzig u. Berlin, 1900 ff., bzw. Leipzig, 1907 ff., Bd. V.

9 [68] Выдержки из кн.: Joly H. Psychologie des grandes hommes. Paris, 1883, 79, 66–67, 64, 245–246 (бН).

9 [69] *«Le genie ... patience».*—Op. cit., 240 (П. Флуранс о Ж. Бюффоне).

9 [70] Op. cit., 260. Добавлено позже (летом 1888 г.).
9 [72] Переработано летом 1888 г. Ср. А, 48.
9 [75] *...нагой природы...*— ничем не приукрашенной.— *В. Б.*
9 [76] Ср. Сентенции, 15.
9 [80] Строки из Шекспира (Ричард III. I, 1) и Гёте (Фауст. II, 2, «Тесная комната с высокими сводами, в готическом стиле»; I, сц.16).
[Искажения, которым строки Гёте подверглись у Н., несущественны.— *В. Б.*]
9 [81] Чтение «Оффенбах» ненадежно.
9 [82] Во 2-м изд. ВВ ошибочно «индийской» (основано на неверном чтении одной буквы: i*r*dischen — i*n*dischen).
9 [84] *Шопенгауэр II 440 сл.*— Н. цитирует здесь «Максимы и изречения» в издании Ю. Фрауэнштедта. (Leipzig, 1873–1874; бН).
9 [88] Ср. А, 46. Во 2-м изд. ВВ два последних абзаца произвольно опущены; ср. Ин. 18:37–38, 19:22.
9 [90] Для продолжения ГМ.
9 [91] Во 2-м изд. ВВ произвольно разделено на аф. 552 и 533.
9 [92] Ср.: Liebmann O. Gedanken und Tatsachen. Straßburg, 1882 (бН).
9 [97] Переработано летом 1888 г.
9 [99] Ср. 9 [101], Экскурсы, 15.
9 [101] Ср. 9 [99].
9 [103] Вычеркнуто рукою Н.; ср. письмо Н. к Р. фон Зайдлицу (май 1888 г.).
9 [107] Во 2-м изд. ВВ произвольно разделено на аф. 37, 35, 26.
...«откуда эти слезы?..»...— слова из песни Й. Шульца (текст К. А. Овербека).
«un monstre ...ennuyeux».— Сентенция Вольтера, цит. по: Galiani F. Lettres a Madame d'Epinay, Voltaire, Diderot, Grimm etc. Paris, 1882 (бН).
9 [110] Ср. 9 [64], Экскурсы, 7.
[*...описательная музыка...*— Н. имеет в виду «программную музыку».— *В. Б.*]
9 [112] *...противоположностью классического и романтического...*— см. Гёте: «Классическое — это здоровое, романтическое — больное» («Максимы и рефлексии», разд. «О литературе и жизни»).— *В. Б.*

9 [116] Ср. Экскурсы, 48.

9 [119] Летом 1888 г. переработано в текст, составивший 24-й экскурс СК; здесь приводится по варианту, написанному осенью 1887 г.

9 [120] Ср. Экскурсы, 45.

9 [121] *«Глотка кронпринца»...*— будущий император Фридрих III страдал раком гортани.

9 [123] Ср. Сентенции, 2, 9 [52].

9 [126] Во 2-м изд. ВВ произвольно разделено на аф. 82, 10.

9 [127] План ВВ; ср. 9 [164].

[*Нигилизм надвигается.*— Die Heraufkunft des Nihilismus. В наст. изд. важное для Н. представление «die Heraufkunft» передано также словами «пришествие» (9 [8]; 11 [294, 379]; 14[182]; 15 [8]; 16 [77]) и «появление» (11 [129, 150, 411]).— *Ред.*]

9 [131] *...гармонией...*— sc. в музыке.— *В. Б.*

9 [133] Цит. по: Albert P. La littétature française au XIX siècle. Paris, 1876, 11 (бН).

9 [134] См.: Op. cit., 17 f. (бН).

Рено де Монлозье Франсуа Доминик (1755–1838) — французский писатель и политический деятель.

9 [136] *...знал уже Гераклит...*— ср. 114-й фр. Гераклита.

9 [137] Во 2-м изд. ВВ ошибочно вместо «появление» — «разрядка».

9 [139] Вычеркнуто рукою Н.

9 [140] *...p. 123* — книга, к которой отсылает номер страницы, неизвестна, во 2-м изд. ВВ (аф. 727) ссылка опущена.

9 [144] *...тип...*— Н. имеет в виду платоновские идеи.— *В. Б.*

9 [145] *...этих веществ...*— т.е. вещества протоплазмы и того, что захвачено ею извне.— *В. Б.*

9 [151] Ср.: Herrmann E. Cultur und Natur. Berlin, 1887, 81–87 (бН).

9 [158] *...похвальность своих потребностей...*— Э. Фёрстер-Ницше добавляет: «в образованности» (аф. 894 во 2-м изд. ВВ).

9 [160] Переработано летом 1888 г.

9 [163] Этот фрагмент тоже не вошел в «каноническую компиляцию» (т. е. во 2-е изд. ВВ).

9 [166] *...если он и впрямь — лорд Бэкон...*— в 1769 г. английский врач и литератор Г. Лоренс предположил, что шек-

спировские драмы написал Ф. Бэкон. Вопрос об их авторстве до сего дня остается спорным.— *Ред.*

9 [176] ...*Гёте сказал*...— в письме к К.Л. Кнебелю, 11 ноября 1784 г.

9 [178] Переработано летом 1888 г.

...*Гёте сказал*...— см. прим. к 9 [176].

9 [179] Переработано летом 1888 г.; ср. Экскурсы, 49, 50.

9 [187] Добавлено летом 1888 г.

[*Бейль* Анри — настоящее имя Стендаля.— *В. Б.*]

9 [188] Наброски какого-то предисловия, частично переработанные летом 1888 г.

...*доходил бы до них туго*...— включено в GA. Об этом месте П. Гаст писал Э. Хольцеру 26 января 1910 г.: «Когда в 1904 году мы печатали 2-й том биографии <Ницше>, дошло дело до письма Ницше, в котором он хвалит нашего 29-летнего императора за его неприязненные высказывания об антисемитах и крестовой газете. Вам-то отлично известно, с каким пылом г-жа Фёрстер старалась вызвать у императора интерес к Ницше и подвигнуть его хоть на какое-нибудь согласие с линией Ницше. Так что же она делает, чтобы помочь делу? <...> Она вставляет туда фразу, которой в упомянутом письме Ницше, написанном в конце (а не в начале) октября 1888 года, *вообще нет*: она вписывает <...> фразу “Уж *ему-то* (т.е. императору.— *П. Г.*) принцип воли к власти был бы понятен!” Вспомните, откуда эта фраза: она из наброска предисловия “Воли к власти”... Это место рукописи <...> представляет собою одну из труднейших задач расшифровки Ницше. До меня над ним уже бились Хорнефферы [братья Эрнст и Август, привлеченные Э. Фёрстер-Ницше к работе над рукописями Н.— *В. Б.*]; но в их расшифровке было больше лакун, чем слов. И только эту фразу они выписали полностью. Для продолжателя такая подготовительная работа частенько становится скорее препятствием, чем помощью. В общем, от меня, расшифровщика-завершителя, тогда ускользнуло, что хорнефферовская расшифровка “Уж им-то (т. е. немцам.— *П. Г.*) принцип воли к власти будет понятен” в контексте

этого наброска предисловия никоим образом не может быть верной. И когда я в апреле прошлого года вновь получаю в свои руки тетрадь W IX <с соответствующим манускриптом Ницше>, *подтверждается* мое подозрение, что читать надо, вне всяких сомнений, не “schon verständlich” <уж (будет) понятен>, а “*schwer* verständlich” <доходил бы *туго*>! — Какова, однако, шутка: если уж г-же Фёрстер угодна точность, теперь ей пришлось бы напечатать следующее: “Принцип воли к власти дошел бы до него (т. е. императора.— *П. Г.*) туго”!» Все это мнимое письмо Н. к сестре конца октября 1888 г.— безусловно, грубая подделка.

10. Осень 1887

Из тетради W II 2

10 [1] КиМ предполагают, что речь идет о каком-то сборнике стихотворений.
Halkyonia.— Непомраченные (sc. сочинения, мысли и т. п.). См. прим. к 1 [134].— *В. Б.*

10 [7] Переработано летом 1888 г.

10 [9] Переработано летом 1888 г.; 1-я редакция: «Любой идеал — школа любви и ненависти, а также почтения и презрения. Ненависть и презрение тут — либо primum mobile (как во всех идеалах ressentiment’a) реактивного идеала, либо отблеск собственного ощущения любви и ненависти по отношению к себе и своему типу «активного идеализма». Первый случай обильно чреват ханжеством — к примеру, ненавистью ко греху (а не к нагрешившему...)».

10 [10] Переработано летом 1888 г.; 1-я редакция второго абзаца: «Существенно тут то, что мучительные ощущения, с коими сопряжены эти труды (преодоление сопротивления, лежащее в основе всякого труда), навязывается цензурою в качестве не просто необходимых, но и прямо-таки ценных (а значит, в каком-то высшем смысле дающих наслаждение): проблема

гласит: «Как можно превратить нечто неприятное во что-то хорошее? Мыслить его в качестве доказательства нашей силы, власти, превосходства. В качестве доказательства нашей покорности закону. В качестве доказательства нашей солидарности, сочувствия ближнему, семейственности, нашей "гуманизации", "альтруизма", "героизма"».

10 [11] Ср. Экскурсы, 29.

10 [13] Ср. Herrmann. Op. cit., 83. Ср 9 [151].

10 [14] Ср. 11 [54].

10 [15] Ср. Herrmann. Op. cit., 74–75, 85.

10 [16] Op. cit., 86.

10 [18] Переработано летом 1888 г.

10 [19] *...степень сущего...*— иными словами, становление.— *В. Б.*

10 [20] Переработано летом 1888 г.

10 [21] Переработано летом 1888 г.

[Обширная 1-я редакция, опубликованная здесь КиМ, в существенных чертах ничем не отличается от окончательного варианта — стоит, пожалуй, привести лишь опущенное в нем сравнение, приложенное к словам «остроумная и удачливая наглость» и гласящее «как у Петрония».— *В. Б.*]

10 [22] Переработано летом 1888 г.

10 [31] Переработано летом 1888 г.

...ограниченность.— Во 2-м изд. ВВ (аф. 877) ошибочно — «извинение» («... это его извиняет», т.е. служит ему оправданием).

10 [32] В связи с 11 [54].

10 [33] Вычеркнуто рукою Н.

[*(<Пример> ... неловко* — в качестве подлежащего последней части предложения издание КиМ предлагает ein G<oethe>, т.е. «некий Гёте», что звучит невразумительно. Логичней предположить ein G<enius> — тогда получится: «гений почувствовал себя (в данном случае — случае Гёте — и в его лице) неловко».— *В. Б.*]

10 [34] Ср. стихотворение «О бедности самого богатого» (из ДД).

[*...меж двух ничто...*— вариант: «ничтожеств» (нем. слово Nichts в абстрактном значении не употребляется во множественном числе; «зияние» (hiatus) — «пустое

место, промежуток»; отсюда смысл может быть таким: «меж двух ничтожеств, да еще пустое место»).– *В. Б.*]

10 [35] Вычеркнуто рукою Н.

10 [36] Ср. СВ, 2.

10 [40] Переработано летом 1888 г.
...покушение...– ср. Сентенции, 16.
...vers ... écrivassiure...– см. 9 [68].

10 [41] Источник цитаты неизвестен.

10 [42] *...тех ценностей...*– т. е. прежних.– *В. Б.*

10 [49] *«Верою» или «делами»?*– Имеется в виду одно из главных положений богословия Лютера – принцип «sola fide» (спасение одной только верой и милостью Божией, а не делами).– *В. Б.*

10 [50] Ср. Экскурсы, 45. Фрагмент переработан летом 1888 г.
...и первое ... его).– Добавлено летом 1888 г.
...должны отсутствовать у мужчины.– После этого следует вычеркнутое продолжение: «если, конечно, не прилагать к мужественности трусливое и бабье мерило иных идеологов (желанное качество)».

10 [51] [*Франческо Паольский* – основатель ордена минимитов, жил в 1416–1507 гг.– *Ред.*] В конце фрагмента вычеркнуто: «при случае даже с erectio и ejaculatio».

10 [53] *...не зиждилось бы на власти...*– это один из тех случаев, когда Macht, базовый термин Н., предстает как семантическое двуединство значений «власть» и «сила», не имеющее аналогов в русском языке, где эти значения лексически разъединены. Чтобы читателю, не знающему немецкого языка, прочувствовать это двуединство (в котором, в зависимости от контекста, острее ощущается то одна его сторона, то другая), достаточно вспомнить о том, что по-русски могут быть тождественны выражения «это в моей власти» и «это в моих силах».– *В. Б.*

10 [54] Последние три абзаца во 2-м изд. ВВ опущены.
...придворных проповедников...– намек на А. Штёккера, проповедника и антисемита (о нем см. прим. к 14 [45]).

10 [55] Ср. Экскурсы, 46.

10 [56] Ср. СК, «Чего недостает немцам», 2.

10 [57] *...Tractatus politicus...*– см. 10 [14].– *В. Б.*

10 [58] *...идеальных...* – здесь: связанных с идеалами.– *В. Б.*

10 [59] [*...заносятся в него, точно заразой.*– Т.е. не найдены им самостоятельно, а получены извне (и именно благодаря этой «впечатлительности», или восприимчивости к чужим влияниям).

...одиночка...– здесь у Н. биологический термин (solitär).– *В. Б.*]

...все шире...– далее вычеркнуто: «Образ мыслей низменный, приземленно-неповоротливый, убогий – для стада это вырождение; а злой, необузданный, хищнический инстинкт – вырождение для одиночек».

10 [66] К письмам Г. Брандеса от 11 января и 7 марта 1888 г. [Таково указание в KSA, но этот же фрагмент датируется в нем осенью 1887 г.– *В. Б.*]

10 [68] *...вздымающейся груди...* – см. 9 [115] и прим.– *В. Б.*

10 [69] Ср. А, 46. Последний абзац фрагмента во 2-м изд. ВВ (аф. 250) опущен.

10 [72] Ср. А, 44.

10 [77] Ср. 10 [66].

10 [80] *...придворным проповедникам...* – см. 10 [54].

10 [82] Переработано летом 1888 г.

...к свободе стремятся... – ср. 10 [66].

10 [84] Переработано летом 1888 г.

10 [86] Последний абзац фрагмента во 2-м изд. ВВ (аф. 205) опущен.

10 [87] *...что нас не губит...* – ср. Сентенции, 8.

10 [88] *Но ведь ... брак»* – добавлено летом 1888 г.

10 [90] *D. O.*– Вероятно, Deus Omnipotens = Бог всемогущий (*лат.*).– *В. Б.*

10 [92] Переработано летом 1888 г.; ср. 10 [81].

10 [93] Ср. 10 [69].

10 [94] Переработано летом 1888 г.; зачеркнуто рукою Н. [Согласно КиМ, существует 1-я редакция, в которой последние слова сформулированы как вопрос: «...являемся ли мы нынче крайними?».– *В. Б.*]

10 [97] Во 2-м изд. ВВ (аф. 321) текст перекомпонован произвольным образом.

10 [98] *...«infimarum ... nullus».*– Цит. по: Шопенгауэр А. Мир как воля и представление, II, 31.

10 [99] Там же, I, 36 и II, 31.

10 [100] Пропущено в обоих изд. ВВ.
10 [101] Шопенгауэр А. Parerga, 2, 323.
10 [103] Переработано летом 1888 г.
10 [104] Переработано летом 1888 г.
...перед заурядностью...— во 2-м изд. ВВ (аф. 746) ошибочно «перед многими людьми».
10 [105] Переработано летом 1888 г.
10 [107] Вычеркнуто рукою Н.; ср. Сентенции, 36.
10 [109] Переработано летом 1888 г.
К примеру ... другого.— Ср. Сентенции, 36.
10 [111] Переработано летом 1888 г.
10 [113] Переработано летом 1888 г. В конце зачеркнуто: «(если говорить по-немецки и к тому же по-христиански!)».
10 [116] Во 2-м изд. ВВ (аф. 837) текст перекомпонован произвольным образом.
10 [117] Переработано летом 1888 г.
10 [118] Переработано летом 1888 г.
[*...о корне зла...*— вероятно, Н. имеет в виду афоризм Гёте из «Максим и рефлексий» (отд. «О литературе и жизни»), гласящий «Корень зла: когда каждый видит себя тем, чем мечтал бы стать, а всех прочих — ничтожествами, даже нулями».— *В. Б.*]
10 [119] Переработано летом 1888 г.
10 [121] Переработано летом 1888 г.
[*Амъель* Анри Фредерик (1821–1881) — швейцарский писатель, профессор философии.— *В. Б.*]
10 [124] Переработано летом 1888 г. Часть фрагмента (со слов «Совместимо ли...» и до конца) вычеркнута Н. карандашом.
10 [125] Переработано летом 1888 г.
...ненависти ... «паскализма».— Н. подразумевает часто цитируемые им слова Паскаля: «le moi est toujours haïssable» (собственное «я» неизменно вызывает отвращение, фр.).
10 [126] Опубликовано в GA (XVI, 411, 1079) и, стало быть, не вошло в «каноническое» 2-е изд. ВВ — хотя 1-е изд. этот фрагмент, нумерованный и рубрицированный Н., дает как аф. 344.
10 [127] Переработано летом 1888 г.

10 [128] Переработано летом 1888 г.
...*«не позволять себе любить»*...— цит. по: Pascal B. Gedanken, Fragmente und Briefe. Leipzig, 1865 (бН).

10 [130] Цит. по: Wellhausen J. Skizzen und Vorarbeiten. Berlin, 1887. III, 114 (бН).

10 [131] Op. cit., 113 сл., 111.

10 [132] К чему относится данный тезис — неизвестно. Об общем его контексте см. 9 [164].

10 [133] Переработано летом 1888 г.

10 [135] Переработано летом 1888 г. 2-е изд. ВВ дает — весьма неточно воспроизведенную — 1-ю редакцию, которая в рукописи гласит: «Христианский образ мыслей имеет смысл в обществе, построенном на самых узких, абстрактных и неполитичных принципах,— на тайном сектантском сборище. Христианское государство, христианская политика — это бесстыдство, это ложь, как и христианское командование войсками, в конце концов рассматривающее “Господа воинств” в качестве начальника генерального штаба. Даже папство никогда не было в состоянии вести христианскую политику... и когда политикою занимаются реформаторы наподобие Лютера, то да будет известно, что они — такие же последователи Макиавелли, как и какие-нибудь имморалисты или тираны».

10 [136] Переработано летом 1888 г.

10 [137] Переработано летом 1888 г.

10 [138] ...*об эпохе2*...— здесь: о пределе (от основного значения греческого слова).— *В. Б.*

10 [143] Ср. Экскурсы, 28.

10 [144] Переработано летом 1888 г.

10 [145] Ср. Экскурсы, 29, 37, 38, 40.

10 [146] Ср. 9 [188]; Сентенции, 26.

10 [148] Переработано летом 1888 г.

10 [149] Ср. 10 [145].

10 [150] *Это мнение ... откровение*...— 1-я редакция: «(— Шопенгауэр проложил себе путь к этой отважной гипотезе, принудив интеллекту *изменить* своему назначению... — а на самом деле Шопенгауэр, видимо, счел пределом своих желаний попросту небытие.—

Можно дать небытию позитивное выражение...)».
Наивный! ... miraculum! — Эта фраза опущена во 2-м изд. ВВ.

10 [151] Переработано летом 1888 г.

10 [152] Переработано летом 1888 г.

10 [154] Переработано летом 1888 г.

10 [155] Переработано, а затем вычеркнуто Н. (осень 1887 г.).
[... *«бесконечной мелодии»...* — прием и понятие, введенные самим Вагнером. — *В. Б.*]

10 [156] Ср. Экскурсы, 39.

10 [157] Переработано летом 1888 г. Во 2-м изд. ВВ (аф. 204) дано как смесь обеих редакций.
[...*изобрел римлянин...* — Вергилий ввел жанр пастушьих песен в латинскую литературу («Буколики», ок. 40 г. до н. э.). — *В. Б.*]
К § 2. *Скопец формулирует...* — в 1-й редакции: идеалист.
...*это, конечно, ... святости...* — в 1-й редакции: «...это, конечно, предполагает какое-то удивительно укрощенное и стихшее море, волны которого уже не "хлещут", — святого ... непомраченно-возвышенную тишину моря».

10 [159] ...*высказывание Стендаля...* — ср. 4 [2], 11 [33].

10 [160] Ср. 20 [152].

10 [161] Ср. 20 [151].

10 [162] Ср. 20 [153].

10 [163] Ср. Экскурсы, 5.
Христианству ... суждения. — В 1-й редакции: «Христианский Бог — это Бог, который приказывает; христианская мораль — это приказ: если бы человек мог познать добро и зло без Бога, то ему и не нужен был бы никакой Бог».

10 [164] Переработано летом 1888 г.

10 [165] Переработано летом 1888 г.; во 2-м изд. ВВ (аф. 916) воспроизводится весьма неточно и произвольно.

10 [166] Ср. СК, «Четыре великих заблуждения», 6.

10 [167] Переработано летом 1888 г.

10 [168] Переработано летом 1888 г.

10 [169] Переработано летом 1888 г.

10 [170] Переработано летом 1888 г.

10 [172] *...imitatio, христианская мораль*—идет ли речь о «Imitatio Christi» или о какой-то другой книге, неясно.— *В. Б.*

10 [174] Переработано летом 1888 г.
...самым несбыточным.— Вычеркнуто продолжение фразы: «а *с другой стороны, самым желанным*: с чем связано это последнее?»

10 [176] Переработано летом 1888 г.

10 [177] *...unio*—т. е. unio mystica (лат.), мистическое соединение с Богом.— *В. Б.*

10 [178] Переработано летом 1888 г.
[*...естественные mobilia...*— возможно чтение moralia = нравственные установления (*лат.*). Тогда можно понимать это место таким образом: «...отвергнуть все нравственные установления в качестве **естественных**...».— *В. Б.*]

10 [179] Ср. А, 45.

10 [181] Переработано летом 1888 г.
[*...foeda superstitio...*— в античной латыни термин относится к неримским религиозным культам.— *В. Б.*]

10 [183] Фрагмент опущен в обоих изд. ВВ.

10 [184] Воспроизведено с купюрами во 2-м изд. ВВ (аф. 172).

10 [187] Текст, заключенный в квадратные скобки, взят из I Кор. 7:9.— *В. Б.*

10 [188] Переработано летом 1888 г.

10 [189] Переработано летом 1888 г.

10 [190] Переработано летом 1888 г.

10 [191] Переработано летом 1888 г.

10 [192] Во 2-м изд. ВВ фрагмент произвольно расчленен на аф. 3, 6, 11, а последняя фраза опущена.

10 [194] *...три способа сглазить...*— букв.: три формы дурного глаза (des bösen Blicks, нем.) для действительности.— *В. Б.*

10 [199] Переработано летом 1888 г.
Истина, свет ... свет.—Ср. Ин. 3:20–21, 19.

10 [200] Переработано летом 1888 г.
[В библейских цитатах курсив Н.
...язычники?—У Н. не «язычники», а опять-таки «мытари».
6, 14 ... согрешений ваших.— Н. цитирует 15 стих.

«Жить сегодняшним днем»... — ср. Мф. 6:34.

...«не чините ... несправедливости» — Лк. 3:14; синодальный перевод («никого не обижайте, не клевещите...») отклоняется от Лютерова, поэтому я следовал немецкому евангельскому тексту.

10 [201] Переработано летом 1888 г.

...последние ... первым... — эта часть фразы опущена во 2-м изд. ВВ (аф. 202).

10 [202] Переработано летом 1888 г.

10 [203] Переработано летом 1888 г.; ср. 10 [164].

10 [204] Переработано летом 1888 г.

10 [205] Переработано летом 1888 г.

10 [206] Переработано летом 1888 г.

Фридрих Ницше
Полное собрание сочинений
Том 12

Научный редактор
С.В. Казачков
Заведующий редакцией
И.А. Эбаноидзе
Оформление и верстка
И.Э. Бернштейн
Корректор
Е.В. Рудницкая

Подписано в печать 18.07.2005.
Формат 84×108/32. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура NewBaskervilleC. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 29,4. Тираж 1500 экз. Заказ № 4057.

Издательство «Культурная Революция»
Адрес: Москва, ул. Мясницкая, д. 9/4, стр. 1
Телефон/факс (095)9218471
E-mail frederih@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
в ОАО «Дом печати – ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.